АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

Ш. К. А Р И С Т А В А

ПРОБЛЕМА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Второе издание

Сухум
2011

4с (Абх)
81.2 Аб
894.611.3-56
А 812

Книга посвящена проблеме главных членов предложения в абхазском языке. Используя описательный и экспериментальный, а в необходимых случаях – сравнительно-генетический и сравнительно-исторический методы, автор определяет структурно-предикативное ядро простого предложения, дает синтаксическую характеристику ядра и его компонентов, устанавливает виды, способы и характер синтаксической связи между компонентами структурного ядра и т. д.

Книга предназначена для преподавателей и студентов.

Ш. К. АРИСТАВА. Проблема простого предложения в абхазском языке. Сухум. 2011 г. 304 стр.

Редактор: Л. П. Чкадуа,
Рецензенты: В. Х. Конджария

ПРЕДИСЛОВИЕ

Своеобразие фонетической системы и грамматической структуры абхазско-адыгских языков издавна привлекало и привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Интерес к абхазско-адыгским языкам еще более возрастает в связи с наметившимися перспективами лингвистической типологии.

Исследование синтаксиса абхазского языка, которое, находится еще в начальной стадии, представляет несомненный интерес для проникновения в историю развития близкородственных абхазо-адыгских языков. При отсутствии письменных памятников мы можем проникнуть в историю синтаксиса вышеназванных языков, отправляясь от современного их состояния, что может оказаться наиболее эффективным.

Учитывая чрезвычайную сложность проблемы простого предложения вообще, и в абхазском языке в частности, мы не ставим себе целью окончательного ее решения. Настоящая работа представляет собою лишь одно из возможных решений этой проблемы. Основной упор в ней делается на раскрытие специфических особенностей предикативного ядра простого предложения абхазкого языка. В работе затрагиваются и основные вопросы распространения простого предложения.

Здесь следует указать на то, что терминами «подлежащее», «сказуемое» «дополнение» и т. д., как это принято в кавказоведческой лингвистической литературе, мы не пользуемся, что вызвано следующими обстоятельствами.

Во-первых, вышеприведенные термины не имеют однозначного употребления в лингвистической литературе.

Во-вторых, основной принцип определения подлежащего, сказуемого, дополнении и т. д. – от подчиняющего к подчи-

няемому – не находит своего соответствия в абхазском языке, как и в других иберийско-кавказских языках. Компоненты структурного ядра предложения абхазского языка находятся в синтаксической взаимозависимости.

В-третьих, подлежащее предполагает именительный (независимый) падеж, прямое дополнение винительный (зависимый), косвенное дополнение – другие косвенные (зависимые) падежи. В абхазском же языке отсутствует категория склонения и, следовательно, субъектно-объектные компоненты не могут различаться по падежным формам.

Для обозначения компонентов структурной основы предложения в абхазском языке мы пользуемся терминами «субъект», «предикат» и «объект» (ближайший и косвенный) условно, как это принято в кавказоведении. Причем этими терминами мы обозначаем лишь синтаксические компоненты структурной основы предложения, с которыми не увязываем компоненты логической фразы (или логического предложения) – субъект и предикат. Их мы не увязываем также с элементами смыслового членения предложения – темой и ремой. Синтаксический субъект не находит тождества и с процессуальным субъектом (или субъектом действия), а синтаксический объект – с объектом действия.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

Первые сведения о синтаксической структуре абхазской фразы мы находим у основоположника кавказоведения П. К. Услара. В своей работе «Абхазский язык», посвященной изучению фонетической и морфологической структуры абхазского языка, он затрагивает и некоторые вопросы синтаксиса. Это касается прежде всего функционирования имени и внутриглагольных субъектно-объектных классно-личных аффиксов в различных синтаксических конструкциях. П. К. Услар высказывает мнение, согласно которому «различные отношения между существительными определяются самим смыслом, придаточными местоименными характеристиками, расположением слов, прилогами (postpositions) и, наконец, надежными флексиями. Таковые несомненно существуют в абхазском языке; быть может, даже числом падежей не уступает он языку тушскому»[1].

Положение П. К. Услара о наличии в абхазском языке системы склонения, как известно, не соответствует действительности[2], однако указывает на одну существенную особенность – отсутствие винительного падежа в абхазском языке. Вот что он пишет по этому поводу: «Из приведенных примеров можно заключить, что винительного (разрядка автора) падежа нет в абхазском языке: свойство, общее всем туземным кавказским языкам, о которых мы только имеем какие-либо сведения»[3].

В глаголе П. К. Услар наряду с другими вопросами рассматривает и порядок расположения субъектно-объектных классно-личных аффиксов по отношению к основе глагола, с одной стороны, и по отношению к позиции связанных с ними членов фразы, – с другой.

«Если предмет, на который обращено действие глагола, – читаем мы у него, – выражен местоимением личным, то характеристика последнего вставляется в самую глагольную форму; таким образом здесь сходятся две характеристики; одна – лица действующего, а другая – лица, на которое обращено действие. Для избе-

[1]П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887 г. стр. 81.

[2]См. по этому поводу статью К. В. Ломтатидзе. Проблема склонения в абхазском языке. Изв. ИЯИМК. т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 196 и сл.

[3]П. К. Услар. Указ. работа, стр. 81.

жания недоумения, обыкновенно перед глаголом ставятся полные формы местоимений личных; первая из них обозначает, какое лицо действует, вторая – на какое лицо обращено действие. В глагольной форме характеристики располагаются наоборот, т. е. первая из них показывает, на какое лицо обращено действие, а вторая – какое лицо действует. Это правило расположения характеристик не подлежит никаким изменениям в глаголах действительных; в глаголах интранзитивных встречаются отступления, которые мы увидим ниже».[1]

Положения Услара, касающиеся позиции субъектно-объектных классно-личных аффиксов в глаголе и расположения связанных с ними слов во фразе, в целом соответствуют действительности.

Некоторые существенные черты строя абхазского предложения подмечены Г. Деетерсом. Так, он отмечает, что в каждом законченном предложении абхазского языка наличен один предикат финитной формы, остальные же предикаты (если они имеются в предложении) имеют инфинитную форму и выполняют функцию отсутствующих в языке придаточных предложений. Деетерс отмечает также, что организующим центром предложения является предикат финитной формы (как глагольный, так и именной), именные же компоненты не участвуют в синтаксической организации предложения. Он говорит также о дистрибуции личных субъектно-объектных префиксов в предикате[2].

Вопросам синтаксиса посвящены 12 страниц работы А. Н. Генко «Абазинский язык»[3]. Тут автор вкратце излагает свои соображения по вопросам словосочетания, предложения, членов предложения, порядка слов, обособления и т. д.

А. Н. Генко выделяет две основные синтаксические единицы: словосочетание и фразу, которые он делит на собственно фразу и предложение. «Любые два, три и более слов, следующих одно за другим в связной речи, составляют словосочетание»[4]. Словосочетание, не имеет «значения законченного сообщения». «Амара йаблыз ачвагъарта «пашня, согретая (сожженная) солнцем»[5].

---

[1]Там же, стр. 55 – 56.

[2]Deeters G. Der abchasiche Sprachbau, Nachrichten von der Gesellchaft der Wissenschaften zu Gottingen. Philologisch-historische Klasse, Gottingen, 1931.

[3]А. Н. Генко. Абазинский язык. Москва, 1955, стр. 184 – 196.

[4]Там же, стр. 184.

[5]Там же, стр. 186.

«Высшей и основной единицей речи служит фраза. Под этим термином разумеется всякое отдельное слово или словосочетание, произнесенное с особой интонацией, называемой фразовой и показывающей, что говорящий закончил свое сообщение». Конституативно обусловленная фраза может состоять и «из одного слова». Конституативно необусловленная фраза «для того, чтобы быть понятной... должна заключать в себе словесное указание минимально на два представления: представление предмета или лица и представление относящегося к нему признака или совокупности признаков, которые сочетаются в уме говорящего и предикативное сочетание, под каковым разумеется такое сочетание двух представлений, когда одно мыслится как зависящее в самом существовании от другого».

Лара дгылап «она стоит». Аколхоз чвагъвахьад «колхозники уже пахали»[1].

«Фраза, содержащая в себе одно законченное, самостоятельное выражение предикативной связи и двух представлений, называется предложением»[2].

Автор не дает четкого и последовательного разграничения между собственно фразой и предложением, однако как необходимые признаки предложения он приводит конституативную необусловленность, интонацию, двусоставность и «наличие в нем глагола в форме повелительного, желательного, изъявительного или вопросительного наклонения или причастия в сочетании с вопросительным или вопросительно-относительным местоимением»[3].

Далее А. Н. Генко касается проблемы членения предложения, при решении которой он основывается на известные положения А. А. Шахматова. «В состав предложения входят минимально два члена: тот, который выражает собою представление предмета или лица и именуется подлежащим (субъектом) предложения, и тот, который выражает собою представление признака (или совокупности признаков), связываемого с подлежащим, именуется сказуемым и имеет, как мы только что видели, обязательную глагольную форму наклонения, выраженную как таковую (за редкими исключениями) словесно»[4].

---

[1]А. Н. Генко. Указ. работа, стр. 188.

[2]Там же, стр. 188 – 189.

[3]Там же.

[4]Там же, стр. 190.

Другие члены предложения не получают у автора подробного обоснования.

В основу традиционного деления предложения по цели высказывания А. Н. Генко кладет форму сказуемого. «За основание для распределения в абазинском языке видов предложений по группам естественно взять различия в сказуемом, как слове, которое составляет самое существо предложения как такового. В зависимости от того, – какова форма наклонения сказуемого предложения – предложения можно разделить на повелительные, желательные, изъявительные и вопросительные»[1].

Далее автор рассматривает порядок слов в предложениях с переходными и непереходными глаголами. «В предложениях с непереходным глаголом на первом месте стоит слово, выражающее субъект действия (состояния), и на втором – сказуемое: сара сагьцарым «я не пойду», нына дхыхыйд «мать прядет»...

«В предложении с переходным глаголом на первом месте стоит название логического субъекта действия, на втором – грамматического субъекта (логического объекта) действия и на третьем – глагол. Например: ауаҭ ҳара ҳархьчыйд «они нас охраняют»[2].

Заслуживает внимания положение автора, касающееся обособленных членов предложения, «... Деепричастия играют особую роль так называемых обособленных членов предложения, под каковыми разумеются слова, по ритму и интонации уподобляющиеся целому) предложению, не составляя его, однако, по своим формально-грамматическим признакам. Деепричастия (вместе с причастиями) заменяют собою в абхазском языке почти все виды придаточных предложений русского языка...»[3].

В кратких замечаниях автора подмечены некоторые своеобразия синтаксической структуры абазинского языка, хотя, к сожалению, они не получили достаточного развития и аргументации.

Многие вопросы синтаксиса получили свое обоснование и решение в многочисленных работах К. В. Ломтатидзе, посвященных анализу морфологической структуры имени и глагола, поскольку особенности синтаксиса, предложения абхазского языка главным образом связаны с этими частями речи.

---

[1]Там же, стр. 191.

[2]А. Н. Генко. Указ. работа, стр. 192.

[3]Там же, стр. 193 – 194.

В работе «Проблема склонения в абхазском языке»[1] впервые с научной достоверностью решается вопрос склонения имени в абхазском языке. До настоящей статьи этот вопрос специально не ставился и не решался. Однако имелись отдельные высказывания по этому поводу, сводившиеся к двум противоположным мнениям. Одни исследователи утверждали наличие системы склонения в абхазском языке (П. К. Услар, Шифнер, Дирр, П. Яковлев), другие отрицали ее (С. Джанашия, Арн. Чикобава). Особняком стояло мнение Н. Я. Марра, считавшего, что абхазский язык, некогда имевший богатую систему склонения, потерял ее в связи с потерей им суффиксации вообще, что, как известно, не соответствует фактам абхазского языка ни в историческом, ни в современном его состоянии.

Аналогичное мнение высказал А. Н. Генко по отношению к абазинскому языку. Выделив шесть падежных форм имени (падеж неопределенный: ҽы, напы; падеж определенный: а-на-пы; падеж единичности: ҽы-к, напы-к; падеж орудивный: напыла, ҽыла; падеж наречный: напы-ҭа; падеж лишения: напы-да), А. Генко указал на следы четырех, якобы утраченных падежей (Абазинский язык, стр. 118 – 121).

Проведенный К. В. Ломтатидзе историко-сравнительный анализ материала в указанной статье показал, что для абхазского языка не характерна система склонения ни исторически, ни в его современном состоянии. В нем можно проследить лишь зачатки формирования этой категории. В статье выявлена стройная морфологическая система в структуре глагола, выполняющая функцию падежей.

Следующей значительной работой К. В. Ломтатидзе, связанной также с вопросами синтаксиса, является «Категория переходности в абхазском глаголе»[2]. В ней дается критический анализ предшествующей литературы по вопросу переходности и непереходности глагола. Большинство исследователей, касавшихся этого вопроса, утверждало пассивный характер основы переходного глагола, исходя, из того, что «субъектный аффикс непереходного глагола (например, д-цоит «он (чел.) идет») совпадает с аффиксом прямого объекта переходных глаголов (д-сшьуеит «я его (чел.) убиваю»). Если этим аффиксом в непереходных глаголах передается субъект,

[1]См.: Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 196 и сл.

[2]См.: Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 1 – 29.

то тот же аффикс должен передавать субъект и в переходных глаголах. Поэтому, как заключают они, абхазский переходный глагол – пассивной конструкции, ибо д-с-шьуеит не означает «я убиваю его», а «он (чел.) убивается мною»[1].

Противоположное мнение высказал Арн. Чикобава, признавший нейтральный характер основы переходного глагола в иберийско-кавказских языках.

Исследование К. В. Ломтатидзе показало, что «категория переходности и непереходности свойственна и абхазским глаголам»[2]. Однако критерии определения переходности и непереходности глагола и формально-грамматические способы выражения этой категории в абхазском языке оказались сугубо специфическими. Это исследование показало также, что семантический критерий не может быть использован в абхазском языке ввиду того, что «не всякий глагол, действие которого распространяется на другой предмет, может быть переходным».

Автор выявила ряд чисто грамматических признаков, по которым различаются переходные и непереходные глаголы. Причем эти признаки выражены не в падежной форме имени, связанном с глаголом, как обычно бывает, а в морфологической структуре самого глагола. Основным из этих признаков является наличие двух рядов личных аффиксов и строго фиксированные их позиции в переходных основах.

Впервые в этой работе было раскрыто наличие морфологически четко выраженной эргативной конструкции в абхазском языке.

Основной вывод автора сводится к тому, что «основа переходного глагола является нейтральной, в связи с чем нет в абхазском языке морфологически четко выраженных залоговых противопоставлений».

С категорией переходности тесно связана и категория побудительности, исследованная так же впервые в статье К. В. Ломтатидзе «Категория каузатива в абхазском языке»[3]. В статье показано, что каузативный аффикс **р** прибавляется к переходным и непереходным основам глагола. Причем появление его в глаголе вызывает увеличение количества лиц (одноличный глагол становится, двухличным, двухличный – трехличным) и непереходные основы принимают строй переходного глагола, становятся переходны-

[1]Там же, стр. 29.

[2]Там же, стр. 27.

[3]См.: Сообщение АН ГССР, т. VI, 1. Тбилиси, 1945, стр. 95-96.

ми. Переходные же основы остаются по-прежнему переходными (дтәоит – дсыртәоит, дацхьоит – дасырцхьоит, илжәуеит илсыржәуеит).

Вопросы синтаксиса затронуты и в ряде других работ К. В. Ломтатидзе, например: «Категория потенциалиса (возможности) и непроизвольности в абхазско-абазинском глаголе». (Сообщение АН ГССР, т. XVI, 3. Тбилиси, 1955, стр. 249); «К вопросу о категории залога (в абхазском языке)» (ИКЯ, т. VIII. Тбилиси, 1956, ст. 212); «К структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке» (ИКЯ, т. IV. Тбилиси, 1953, стр. 125); «Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка» (Сообщение АН ГССР, т. III, 4. Тбилиси, 1942, стр. 389); «Система основных времен и наклонений в абхазском языке» (ИКЯ. т. VII. Тбилиси, 1955, стр. 227); «Статические и динамические глаголы в абхазском языке» (ИКЯ, т. VI. Тбилиси, 1954, стр. 271).

Некоторые вопросы синтаксиса затронуты и в работе «Языки народов СССР» (т. IV. Москва, 1967, стр. 119 – 120).

Акад. И. И. Мещанинов не раз обращался к иберийско-кавказским языкам, в том числе и к абхазскому, в связи с эргативной конструкцией предложения в языках различных типов. Основные его положения по отношению к абхазскому языку сводятся к следующему: «Синтаксические отношения между членами предложения устанавливаются... и при отсутствии изменения имен по падежам. Связь между именами и глаголами выступает в размещении членов предложения и их показателей в сказуемом. Если подходить к строю предложения со стороны и именных членов, то можно прийти к выводу, что они согласуют собой глагольные префиксы. Если же смотреть со стороны сказуемого, то придется признать, что семантика действия своим оформлением, управляет местоположением связанных с ним имен. Переходная форма глагола требует постановки перед собою прямого дополнения. Последнее в свою очередь требует включения в глагол показателя того класса имен, к которому принадлежит предмет направленности действия. Выступает взаимная связь между именами и глаголом. Схема эргативной конструкции оказалась выдержанною и при отсутствии парадигмы именного склонения».

«В абхазском языке глагол в сказуемом связывает своими показателями остальные члены предложения, в которых имена ли-

шены падежных окончаний. Центр выражения синтаксических отношений эргативного строя предложения сосредоточивается в глаголе»[1].

Специфические особенности структуры, абхазского предложения в связи с эргативной конструкцией рассматриваются в работах И. О. Гецадзе «К вопросу об эргативной конструкции в абхазском языке» (Ленинград, 1962. Автореф. канд. диссертации) и «К типологии членов предложения в абхазско-адыгских языках» (Члены предложения в языках различных типов. Ленинград, 1972, стр. 97 – 108).

В первой работе автор прослеживает в диахроническом плане с привлечением данных родственных языков процесс формирования субъектно-объектного спряжения глагола и зачатков морфологически выраженной эргативной конструкции и в связи с этим и изменения, происшедшие в порядке расположения субъекта и объекта по отношению к глаголу-сказуемому.

На страницах работы, посвященных выводам, читаем: «Суммируя все сказанное в предыдущих разделах работы о личных и классно-личных показателях и о порядке слов (субъекта и объекта в предложении), приходим к выводу, что в абхазском языке существует два основных грамматических способа передачи субъектно-объектных отношений: морфологический (личные и классные показатели и их расположения) и синтаксический (порядок постановки субъекта и объекта в предложениях с переходными и непереходными глаголами)» (стр. 18). И далее: «Вполне возможно, что именно после появления субъектного показателя в переходном глаголе начинается процесс расшатывания, дошедший в некоторых случаях до полного отсутствия позиции субъекта в составе индефинитной конструкции предложения...» (стр. 22).

Вторая статья И. О. Гецадзе – «К типологии членов предложения в абхазско-адыгских языках» – посвящена сравнительно-типологическом) изучению членов предложения, в первую очередь глагола-сказуемого, в абхазско-адыгских языках, в связи с эргативной конструкцией.

На основе сравнительно-типологического изучения материалов близкородственных абхазско-адыгских языков автор приходит к подтверждению известного положения, согласно которому инде-

[1]И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов. Ленинград, 1967, стр. 66.

финитная конструкция предложения предшествовала эргативной конструкции. Эта линия четко вырисовывается в переходных случаях от классного спряжения к классно-личному, а затем и к личному. Она проявляется и в соответствующих изменениях структуры имени, связанных главным образом с формированием системы склонения.

Некоторые синтаксические явления, связанные с каузативом, рассмотрены в работе И. О. Гецадзе и И. П. Недялкова «Морфологический каузатив в абхазском языке»[1].

В 1970 году вышла монография Л. П. Чкадуа «Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах»[2]. Один из разделов этой работы посвящен выявлению роли различных глагольных образований в формировании предложений (стр. 248).

Характеризуя предложение с семантики грамматической стороны, автор исходит из положения, согласно которому предикативность является основным признаком всякого предложения, но не всякого высказывания. Она характерна для всего предложения в целом, а не для одного лишь сказуемого. В зависимости от эмфазиса предикативностью может обладать любой член предложения. Свойством сказуемого предикативность становится лишь при том условии, когда грамматическое членение совпадает с актуальным. Сказуемое в предложении, таким образом, может и не обладать свойством предикативности (стр. 248).

Тут автор, как видно, не разграничивает логическую и грамматическую предикативность. В самом деле, логическая предикативность не закреплена за каким-либо членом предложения, в то время как грамматическая предикативность, с нашей точки зрения, не может формироваться вне сказуемого в тех предложениях, в которых наличествует сказуемое.

Характеризуя глагол с синтаксической точки зрения, автор заключает, что «все формы наклонений и инфинитивов могут выступить в роли сказуемого» (стр. 248).

Средствами выражения предикации Л. П. Чкадуа считает темпоральность, модальность и интонацию (стр. 250). «Обязательным

---

[1]В сб.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Изд. «Наука». Ленинград, 1969, стр. 61.

[2]Л. П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970.

условием образования предикации является не всякая темпоральность, а темпоральность, указывающая на абсолютный временной план. Высказывание, временной план которого относительный, не может иметь признака предикативности» (стр. 251).

Разграничение абсолютного и относительного временных планов следует считать одним из положений автора, соответствующих действительному положению вещей. Оно способствует правильному решению вопроса грамматической квалификации инфинитных конструкций.

К глагольным образованиям, для которых не характерен признак предикативности, автор относит инфинитные образования, выступающие с изъявительной, сослагательной и призрачной семантикой. Все они в предложении образуют инфинитные конструкции (стр. 262).

Л. П. Чкадуа принадлежат еще две статьи, посвященные вопросам синтаксиса: 1) Связь слов в предложении; и 2) Об одной структурной разновидности предложения (Сборник материалов по абхазскому языку. «Мецниереба». Тбилиси, 1970, стр. 69 – 77).

В первой из этих статей автор выделяет подчинительный и сочинительный виды связи слов. К подчинительному виду связи относятся согласование, отражение, композитная связь, примыкание и управление.

Выделено десять случаев согласования:

1. согласование между субъектом-подлежащим и глаголом-сказуемым (сара сцеит, уара уцеит);

2. согласование между лично-относительным объектом и глаголом-сказуемым (иара уара и-у-и-тҽеит ашәқу);

3. согласование между деепричастной формой глагола и глаголом как финитным, так и инфинитным (д-ыҩуа дааусит, ҳ-аҩуа ҳааусит, иҩуа иаауаз);

4. согласование в числе между указательным местоимением и определяемым им существительным (Ари ашәқу);

5. согласование между определительным местоимением и определяемым существительным (лара лхаҭа);

6. согласование в числе между местоимением «все» и определяемым им существительным (Снацәкьаракуа зегьы);

7. согласование в числе и в классе между определяющим числительным словом (Аҧкунцәа ажәаҩыкгьы);

8. согласование между существительным и количественным числительным (Аҵлақуа ҩба);

9. согласование в синтагмах: дыбзиахуза д-ааит;

10. согласование между компонентами составного сказуемого (Снықуартә сықоуп, днеирц дықоуп, исшәарц сықоуп).

Отражением называет автор посессивную связь в словосочетаниях типа: аб ихылпа, аҟуардә ашьапы.

Композитной называет связь между компонентами атрибутной синтагмы в случаях, когда роль определения выполняют:

а) качественные прилагательные (амш каххааи атҳ лашәи);

б) относительные прилагательные (ахьтәы иатҷәа);

в) существительное (ажә ахш, аҷсыз ашша);

г) притяжательные местоимения (ахатә бжьы).

Выделены следующие случаи связи примыкания между:

1. наречием и глаголом (ибзианы даҷхьоит);

2. наречиями (даара ибзиан);

3. масдаром и глаголом (шәарыцара дцеит);

4. количественным числительным и определяемым словом (хышә ҵла);

5. порядковым числительным и определяемым словом (ахубатәи акласс);

6. разделительным числительным и определяемым словом (хҷа-хҷа шәкы);

7. приблизительным числительным и определяемым словом (бжьбаҟа-аабаҟа уардын);

8. относительным прилагательным и определяемым словом (ҭагалантәи абаҳча);

9. кратным числительным и глаголом (ҩынтә дкуашеит);

10. масдаром и вспомогательным глаголом (аныҟуара далагеит);

11. условной формой и вспомогательным глаголом (иҿжәазар акуын);

12. условно-целевой формой и вспомогательным глаголом (ҳаарцы акун).

Управление выделено, между:

а) глаголом и превратительной формой имени (ҭарцьманс ҁкарцеит);

б) глаголом и послесложными формами имени (Аҟуантә сааусит);

в) инфинитной формой одноличного глагола и определяемым словом (ашьа ицаша).

Сочинительная связь осуществляется интонацией и союзами (абаҳча гылоуп еишәхышьшьыла, ал, ахурма, нас амжәа; ацагьы ахьшәашәагьы; ма зегьы ҳаиқулырхауеит, ма зегьы ҳақулхуеит).

В статье «Об одной структурной разновидности предложения» отмечаются факты структурного изменения предложения в связи с перестроением логической структуры. В этом случае, «предикативное оформление получает тот член предложения, на который переносится логический предикат суждения. Сара иахьа ашкол ахь сыҟан. А ш к о л аҽ о у п сара иахьа сахьыҟаз. С а р а с о у п иахьа ашкол аҽы иҟаз и т. д.

В вышеуказанном сборнике помещены и другие статьи по вопросам синтаксиса абхазского языка. Это: 1) «Виды предложения по цели высказывания» Е. П. Шакрыл, 2) «Подлежащее», 3) «Сказуемое» Ш. К. Аристава, 4) «К вопросу о словосочетании в абхазском языке». М. М. Циколия (на грузинском языке), 5) «Сложносочиненные предложения» К. С. Шакрыл, 6) Однородные члены предложения» В. Х. Конджариа.

В статье Е. П. Шакрыл «Виды предложений по цели высказывания» автор выделяет повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные предложения. Дается краткая характеристика семантико-структурных особенностей этих видов предложений.

В статьях «Подлежащее» и «Сказуемое», сделана попытка определить роль подлежащего и сказуемого в синтаксической организации предложения. Даются также способы и средства связи между этими членами предложения.

Отмечается, что между подлежащим и сказуемым бывает согласование четырех видов: полное, неполное, частичное и смысловое.

В статье «К вопросу о словосочетании в абхазском языке» автор рассматривает соотношение словосочетания и предложения. Он придерживается мнения, согласно которому словосочетание не следует противопоставлять предложению.

Далее автор выделяет следующие способы связи слов в словосочетании: согласование, управление и примыкание.

Имя согласуется с именем в числе: ацацәа еиҳабацәа, ауаа баацсқуа.

Имя управляет глаголом в лице: ауаҩы д-цоит, уара уцоит, сара с-цоит.

Имя управляет глаголом в классе: а ҭ а ҩ ы д-ц о и т ашколахь, аҭыс цыруеит....

Имя согласуется с глаголом в числе: ауаҩы д-цоит, уара у-цоит...

Имя согласуется с послелогом в числе: иара и-ҿы, Базрыкуараа рҿы.

Далее автор отмечает, что примыкание в словосочетании абхазского языка занимает большое место.

Глагол примыкает имя: напыла иааицхьишьшьааит.

Глагол примыкает неизменяемое слово: ецы дааит.

Имя примыкает неизменяемое слово: зынза ихуҵу.

Затем автор выделяет также типы словосочетания: имя + имя, имя + глагол, собственное имя + нарицательное имя, собственное имя + масдар, местоимение + масдар, имя с послелогом – глаголом, наречие + глагол, статический глагол + глагол инфинитной формы и т. д.

В статье «Сложносочиненные предложения в абхазском языке» дается классификация сложносочиненных предложений по союзам, посредством которых они соединяются. Так, выделены: 1) сложносочиненные предложения с соединительным союзным суффиксом **гьы;** 2) сложносочиненные предложения с разделительными союзами и союзным аффиксом и др.

В статье указаны разнообразные отношения, которые устанавливаются между выделенными типами сложносочиненных предложений.

В статье В. Х. Конджария «Однородные члены предложения» рассмотрены однородные подлежащие, однородные сказуемые, однородные дополнения, однородные определения и однородные обстоятельства.

Между однородными членами устанавливается соединительная связь, которая выражена союзами, союзными словами, союзными частицами и соединительной паузой.

В 1973 году вышла докторская диссертация М. М. Циколия «Порядок слов в абхазском языке» (на грузинском языке, резюме на русском)[1], в которой автор наряду с порядком слов затрагивает

[1] V& Wbtjkbf& CbN.dfsf hbub fa[ph tyib tfvjvw @vtwybthtv f@ svbkbCb^ 1973&

вопросы структурной организации простого предложения. Если в вышеприведенной статье «К вопросу о словосочетании в абхазском языке» М. М. Циколия утверждает, что «в абхазском языке представлены все три вида подчинительных отношений между словами: согласование, управление и примыкание», то в настоящей монографии мы читаем: «Видами синтаксических отношений между словами в абхазском языке являются согласование, примыкание и порядок слов. Здесь нет управления и, тем более, координации»[1]. Автор не делает ссылки на предшествующую статью и не объясняет причины, вызвавшей изменить свое первоначальное представление об у п р а в л е н и и в абхазском языке. Однако можно полагать, что автор придерживается второго своего мнения, поскольку оно высказано гораздо позже.

М. М. Циколия изменил частично свой взгляд и на согласование. В статье он отмечал согласование в лице, числе и классе между именем и глаголом, а в монографии он приводит случаи согласования лишь в классе, и числе. И тут автор не упоминает о своей первой работе.

Предложение М. М. Циколия рассматривает как разновидность словосочетания, выделяя два основных строя предложения в абхазском языке: 1) предложения финитного строя и 2) предложения инфинитного строя. Предложения финитного строя состоят из одного основного предикативного центра, а предложения инфинитного строя состоят из основного и вспомогательного предикативных центров. Предложения обоих строев являются простыми, поскольку вспомогательный центр выполняет роль какого-либо члена предложения и соотносится с предложением как самостоятельный член предложения (стр. 10 и сл.)

В качестве обоснования деления предикативных словосочетаний на предложения финитного и инфинитного строя автор приводит деление глаголов, образующих предикативные центры, на финитную и инфинитную формы.

Порядок слов М. М. Циколия рассматривает в связи с синтаксическими и стилистическими функциями, оставляя в стороне смысловую функцию, поскольку последняя, по заявлению автора, не связана со спецификой конкретного языка, а носит нечеловеческий характер.

[1]М. М. Циколия. Порядок слов в абхазском языке, стр. 33.

Порядок слов рассматривается в словосочетании и предложении финитного и инфинитного строя.

В 1959 году вышла работа К. Пари «Внутриглагольные личные показатели и синтаксис минимальной фразы в языках Северо-Западного Кавказа»[1], целью которой являлось «установить, с одной стороны, правила синтаксического функционирования глагольных показателей, и, с другой стороны, связи между этим функционированием и синтаксической структурой»[2] в абхазском, черкесском и убыхском языках.

В работе дается сравнительный структурный анализ парадигматического и синтагматического функционирования классно-личных субъектно-объектных показателей в глагольных основах вышеназванных языков. Дается также соотношение классно-личных субъектно-объектных показателей с соответствующими членами минимальной фразы – субъектом и объектом.

С помощью парадигматического анализа установлены позиции классно-личных субъектно-объектных показателей в одно- и многоличных переходных и непереходных глаголах.

Отмечается, что «глагольные системы трех основных языков Северо-Западного Кавказа типологически очень похожи с точки зрения личных показателей»[3].

Синтаксический анализ функционирования личных показателей показывает, что они... представляют собой способ отображения отношений, выраженных вне глагольной формы с а м о с т о я т е л ь н ы м и с л о в а м и (разрядка автора) в функции п о д л е ж а щ е г о и л и д о п о л н е н и я. Каждому личному показателю глагола может соответствовать на уровне синтаксиса фразы имя, имеющее, в зависимости от возможностей языков, либо формальный признак падежа (черкесский, убыхский), либо другое средство идентификации его функции (абхазский)[4].

Основные выводы работы сводятся к тому, что 1) «Глагольная форма может функционировать сама по себе как минимальная фраза, потому что все участники которые требуются глагольным корням, обязательно представлены в ней; 2) глагольная форма обя-

[1]C. Paris. Indires personels intraverbaux et syntaxe de la phrase minimale dans les languers du Caucase du Nord-ou-est. B. S. L., t. 64, facs.1. Paris, 1969, p. 104 – 183.

[2]Там же, стр. 105.

[3]Там же. стр 105.

[4]Там же. стр 105.

зательна, тогда как свободные члены предложения в известной степени факультативны (отправная точка настоящего исследования); 3) так как потенциально все свободные члены выражены в обязательной глагольной форме, нет иерархически приоритетных элементов среди имен, которые им соответствуют во фразе и которые должны рассматриваться как члены равного значения»[1].

Нам кажется, что автору не удалось выявить синтаксические функции субъектного и объектного компонентов минимальной фразы, в результате чего он объявляет их факультативными.

Следует отметить и тот факт, что парадигматические и синтагматические функционирования классно-личных субъектно-объектных показателей в иберийско-кавказских языках, в том, числе абхазско-адыгских, изучены достаточно подробно. И работа К. Пари оказалась в этом отношении повторением известных уже в специальной литературе положений, с которыми автор, по всей вероятности, не был знаком.

Как показывает краткий анализ специальной литературы, синтаксис абхазского языка еще не подвергался систематическому научному анализу. Отдельные работы, касающиеся различных вопросов синтаксиса, не дают сколько-нибудь цельного представления о синтаксической структуре абхазского языка.

[1]Там же, стр. 177.

ВВЕДЕНИЕ

Всякий, кто занимается изучением структуры предложения того или иного конкретного языка, непременно сталкивается с неопределенностью значения самого термина «предложение». Неопределенность вызвана тем, что «среди лингвистов до сих пор нет полной договоренности о содержании самого термина, «предложение» и остается неясным, например, не только объем подлежащих здесь рассмотрению фактов, но и то, как, под каким углом зрения эти факты должны рассматриваться и освещаться»[1].

В сложившейся ситуации есть два кажущихся выхода: 1) Раскрыть сначала структурно-семантические и коммуникативные особенности предложения, а затем, исходя из этих особенностей, дать определение предложения. 2) Начать исследование с установления объема и границ объекта исследования – предложения. Однако оба выхода составляют задачу с двумя неизвестными. Дело в том, что, с одной стороны, без ясного представления объема и границ объекта исследования невозможно вести никакого исследования, с другой стороны, установление объема и границ объекта исследования необходимо предполагает наличие предварительной всесторонней квалификации самого объекта, исследования.

Нам представляется, что совершенно прав А. И. Мухин, который, имея в виду настоящую ситуацию, пишет: «В этих условиях исследователь, дерзающий внести свою лепту в разработку теории предложения, на материале того или иного языка, может поступить следующим образом: он может сначала сосредоточить свое внимание на тех объектах (отрезках речи), относительно принадлежности которых к числу предложений среди лингвистов достигнуто наибольшее согласие, и затем уже, используя накопленный опыт в изучении структуры «подлинных» предложений, попытаться рассмотреть и иные объекты, принадлежность которых к предложениям вызывает сомнение у части лингвистов...»[2]. Мы в своей работе будем следовать этому принципу.

[1]См.: И. П. Роспопов. Строение простого предложения в современном русском языке. Изд. «Просвещение». Москва, 1970, стр. 4.

[2]См.: А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Изд. «Наука» (ленинградское отделение). Ленинград, 1968, стр. 24.

Следующая проблема связана с определением метода исследования. Метод исследования во многом определяется целью исследования.

В условиях абсолютной неизученности проблемы простого (а значит и сложного) предложения абхазского языка мы можем поставить перед собой единственную цель, заключающуюся в следующем:

а) установить механизм и строение структурной основы простого предложения;

б) установить иерархию компонентов структурной основы, исходя из роли, которую они играют в ее (структурной основы) синтаксической организации;

в) установить виды, способы и средства связи компонентов структурной основы простого предложения; установить модели структурной основы по своему строению;

г) изучить средства и способы распространения структурной основы простого предложения;

д) дать классификацию видов простого предложения по структуре и целеустановке;

е) дать характеристику средств выражения грамматической семантики структурной основы простого предложения.

Поскольку настоящая работа посвящена синхронному анализу структуры простого предложения, мы будем пользоваться описательным методом, методом эксперимента и моделирования. Методы эти являются не противоречащими, а дополняющими друг друга.

Третья, не менее важная, проблема – это проблема методики анализа языкового материала. Методика определяется в основном характером исследуемого материала.

Ключ к проникновению в сложную структуру предложения абхазского языка можно найти лишь в специфической морфологической структуре глагола (в частности, и имени). При этом надо иметь в виду необходимость строгого разграничения морфологических и синтаксических категорий, учитывая в то же время их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Проникновение в синтаксис предложения через морфологическую структуру глагола имеет свою большую и поучительную историю.

Так как исследование предложения в терминах и понятиях таких наук, как логика и психология не привело к раскрытию его истинной структуры, появилась необходимость попытаться охарактеризовать предложение и его члены по признакам собственно языковым, к чему и прибегли представители т. н. формально-грамматического направления в языкознании. Эта попытка привела их в свою очередь к необходимости обратиться к морфологии, к частям речи, к интонации, паузе и др. Особый упор делался при этом на глагол, на личную форму глагола.

Так, А. А. Потебня писал по этому поводу: «Определивши такой глагол, тем самым определим minimum того, что должно заключаться в предложении этих языков»[1].

И А. М. Пешковский в основном сводит к глаголу сказуемость, которую он считал «важнейшей из категорий». Вот что он по этому поводу пишет: Сказуемость – это грамматическая категория, и притом важнейшая (разрядка автора) из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью. Как всякая категория, она может выражаться разными звуковыми способами. Всматриваясь в те слова, в которых мы выше заметили оттенок сказуемости, находим среди них:

1) глаголы во всех временах и наклонениях;

2) слова, которые запечатлены тем, что, не будучи наречиями, т. е. не обозначая признака, употребляются тем не менее только при глаголах, и притом не при всяком глаголе, а почти исключительно при глаголе быть...» И далее: «Можно сказать, что глагольность... лежит в основе сказуемости»[2].

Ф. И. Буслаев, придерживавшийся в подходе к фактам языка в основном логико-грамматической концепции, писал: «Вся сила суждения содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения»[3]. И далее: «В языке подлежащему соответствует имя существительное в именительном падеже, а сказуемому – глагол...»[4].

---

[1]Д. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I – II. М., 1958, стр. 84.

[2]А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 156, 166, 167.

[3]Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 285.

[4]Там же, стр. 259.

Известно, что личная форма глагола как признак предложения до сих пор приковывает к себе пристальное внимание лингвистов. Так, например, академик Арн. Чикобава пишет: «Структура и механизм простого предложения в древнегрузинском языке определяются глаголом»[1]. «Курилович указывает на личный глагол-сказуемое как единственный конституирующий член предложения...»[2]. «М. Ивич объединяет под термином «предложение» только такие конструкции, в которых сказуемое выражено формой личного глагола...»[3]. «В. Винтер определяет «разделы предложения... в немецком языке последних двух столетий по числу личных форм глагола...»[4]. «А. Шэннон выделяет предложения... в древнеанглийском языке, исходя из наличия в них личных глаголов»[5]. Особый упор на личную форму глагола как конституирующий признак предложения делают чехословацкие лингвисты Фр. Данеш, М. Докулил, И. Ружичка и др. Причем они разграничивают высказывание и предложение. «Мы считаем, – пишут они по этому поводу, – полезным различать два следующих понятия термина «предложение»:

1) предложение как простейшее языковое проявление, связанное с определенной ситуацией, и

2) предложение как обычная типизированная грамматическая форма этого проявления. Чтобы избежать терминологической путаницы, в первом случае мы будем употреблять термин «высказывание» в соответствии с распространенной у нас традицией..., а специальный термин «предложение» сохраним за типовой синтаксической формой высказывания, характерной для данного языка[6].

Э. Бенвенист так характеризует глагол: «Поэтому для характеристики противопоставления глагола и имени как таковых, независимо от типа языка, мы не вправе использовать ни такие понятия, как объект и процесс, ни такие категории, как время, ни морфологические различия. Тем не менее искомый критерий су-

[1]Арн. Чикобава. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тбилиси, 1958, стр. 240.

[2]А. И. Мухин. Структура предложений и их модели, стр. 50.

[3]Там же.

[4]Там же.

[5]Там же.

[6]И. Вахек. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964, стр. 165.

ществует, и он носит синтаксический характер. Он связан с функцией глагола в высказывании.

«Мы определим глагол как необходимый элемент построения, законченного утвердительного высказывания», – пишет Э. Бенвенист.[1]

По утверждению В. З. Панфилова «в нивхском языке лишь глагол может выступать в функции сказуемого»[2].

Концепция спрягаемой формы глагола как конституирующего признака предложения «уже в силу своей принципиальной ориентации на факты языковой действительности была решительным шагом вперед по сравнению с априорно-логической трактовкой предложения»[3]. Однако она не могла претендовать на универсальность, поскольку оказалась уязвимой во многих отношениях[4].

Упрек сторонникам этой концепции прежде всего был связан с наличием безглагольных предложений во многих языках.

Следует указать на немаловажность и того факта, что глагол обладает неодинаковыми синтаксическими возможностями в языках различных структур. Современному языкознанию хорошо известно, что морфологические категории, без которых казалось, бы немыслим глагол в одних языках, могут отсутствовать или полностью выражаться в глаголе других языков. Классическим примером тому может служить китайский язык. Так, по данным Э. Сепира «в китайском предложении «человек, убить утенок» (все три слова по-китайски односложные), которое можно рассматривать как практически равнозначащее нашему предложению «человек убивает утенка», совершенно отсутствует китайского сознания то ощущение чего-то детского, неполного неоформленного, которое испытываем мы от такого буквального перевода. Каждое из этих трех конкретных понятий (два из них – предметы и одно – действие) по-китайски непосредственно выражено односложным словом, являющимся вместе с тем и корневым элементом; оба релационные понятия, «субъект» и «объект», выражены только позицией конкретных слов впереди и после слова, выражающего

[1]Э. Бенвенист. Общая лингвистика. Изд. «Прогресс». М., 1974, стр. 170.

[2]В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка, ч. II. Изд. «Наука». Москва –Ленинград, 1965, стр. 3.

[3]А. М. Мухин. Структура предложений..., стр. 12 – 11

[4]Там же.

действие. Вот и все. Определенность или неопределенность указания, число, неизбежно выраженная в глаголе категория лица, время, не говоря уже о роде, – все это не получает выражения в китайском предложении, которое, тем не менее, является вполне адекватным сообщением, при условии, конечно, что имеется тот контекст, тот задний план взаимного понимания, который существенно необходим для полного уразумения всякой речи. Но это вовсе не вредит содержанию сообщения, ибо ведь и в английском предложении мы оставляем без выражения многое такое, что-либо принимается как само собою, разумеющееся, либо уже было развито или будет развито в течении разговора»[1].

Известно также, что глагол не различает лиц в корейском[2], нивхском[3], чеченском[4], ингушском[5], аварском[6], андийском[7], ботлихском языках[8], а в лезгинском же языке глагол не различает ни лиц, ни классов, ни чисел[9].

В настоящее время вряд ли найдется такой лингвист, который бы вернулся к т. н. «морфологизации синтаксических явлений», однако вышеприведенные факты говорят о том, что при выборе образца модели предложения конкретного языка надо исходить прежде всего из специфики грамматической (морфологической) структуры этого же языка, а не втискивать его в готовые схемы языков иной структуры.

По справедливому замечанию Матезиуса «едва ли можно найти такой язык, который обладал бы одним единственным образцом построения предложения; но трудно сказать наверняка, какую модель следует принимать в данном языке за образец предложения, какую нельзя»[10].

---

[1]См.: Э. Сепир. Язык. Москва – Ленинград, 1934, стр. 71 – 72.

[2]Э. Бенвенист. Общая лингвистика, стр. 260.

[3]В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка, часть 2, стр. 40.

[4] Ю. Д. Дешериев. Чеченский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 200.

[5]Р. И. Долачева. Ингушский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 219.

[6]Г. И. Мадиева. Аварский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 264.

[7]И. И. Церцвадзе. Андийский язык. Языки народов СССР, т. IV, пр. 286.

[8]Т. Е. Гудава. Ботлихский язык. Языки народов СССР, т. IV. стр. 302.

[9]У. А. Мейланова. Лезгинский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 535.

[10]Цитируется по работе А. М. Мухина «Структура предложений...», стр. 52 - 53.

Принимая глагол за конституирующий признак предложения абхазского языка, мы исходим из следующего.

1. Глагол абхазского языка по своей морфологической структуре максимально приспособлен к синтаксической функции организующего центра предложения.

Приспособленность эта заключается в том, что глагол обладает:

а) сложной системой субъектно-объектного классно-личного спряжения;

б) сложной системой времен и наклонений;

в) системой морфологически выраженной оппозиции переходности – непереходности, финитности – инфинитности;

г) сложной системой словообразования и т. д.

1. Субъектно-объектное спряжение глагола связано с его многоличностью. В глагол могут включаться одновременно до четырех лиц, из которых одно – субъектное, другие – объектные. Наибольшее употребление имеют двух- и трехличные глаголы. Синтаксическая связь глагола с субъектом и объектом (объектами) осуществляется посредством личных субъектно-объектных аффиксов. Например, в предложении Сара саҳәшьа и-л-ы-с-ҭеит ашәкӀу «Я сестре (своей) отдал книгу» – один субъект и два объекта, соответственно в глаголе мы имеем один субъектный аффикс (с) и два объектных аффикса (и, л). Посредством субъектного аффикса *с* глагол синтаксически связан с субъектом, посредством же объектных аффиксов и, л он связан с объектами соответственно ашәкӀу, саҳәшьа.

Таким образом, посредством категории лица (числа и класса) глагол осуществляет синтаксическую связь не только с субъектом, но и с объектом (объектами). Следовательно, субъектно-объектные отношения в предложении выражаются в глаголе посредством классно-личных аффиксов.

II. Глагол морфологически различает восемь временных форм, которые сочетают временное значение с выражением характера протекания действия (глагол не имеет морфологически выраженных видовых оппозиций). Синтаксическое время в предложении всегда получает свое морфологическое выражение в глаголе-предикате (о редких исключениях см. в специальном разделе).

1. Аҵаҩы ашколахь дҵеит «ученик пошел в школу» (синтаксическое прошедшее время выражено формой аориста);

2. Аҵаҩы ашколахь дҵоит «ученик идет в школу» (синтаксическое настоящее время выражено формой настоящего времени глагола);

3. Аҵаҩы ашколахь дҵон «ученик шел в школу» (синтаксическое прошедшее время выражено формой прошедшего несовершенного времени глагола);

4. Аҵаҩы ашколахь дцахьеит «ученик уже ушел в школу» (синтаксическое прошедшее время выражено формой давнопрошедшего времени глагола);

5. Аҵаҩы ашколахь дцахьан «ученик уже был ушедшим в школу» (синтаксическое прошедшее время выражено формой давнопрошедшего упреждающего времени глагола);

6. Аҵаҩы ашколахь дцап «ученик пойдет в школу» (синтаксическое будущее время выражено формой будущего I времени глагола);

7. Аҵаҩы ашколахь дцашт «ученик пойдет в школу» (синтаксическое будущее время выражено формой будущего II времени глагола);

8. Аҵаҩы ашколаҿы дыҟан «ученик был в школе» (синтаксическое прошедшее время выражено формой прошедшего неопределенного времени глагола).

III. В глаголе абхазского языка выделяют четыре наклонения и три глагольных формы, которые выступают в предложении в функции предиката. Это – изъявительное, повелительное, условное, желательное наклонения, конъюнктив, заглазная и сослагательная формы глагола.

Синтаксическое наклонение предложения всегда получает свое морфологическое выражение в формах вышеприведенных наклонений и форм глагола.

Следует добавить и тот факт, что в вопросительных предложениях значение вопроса получает свое морфологическое выражение в многочисленных вопросительных формах глагола.

1. Миха дшәаҳәоит «Миха поет» (синтаксический индикатив выражен формой изъявительного наклонения глагола);

2. Миха ушәаҳәа! «Миха спой!» (синтаксическое побудительное наклонение выражено формой повелительного наклонения глагола);

3. Миха дшәаҳәанда! «Миха спел бы» (синтаксическое сослагательное наклонение выражено формой желательного наклонения глагола);

4. Миха дшәаҳәарын «Миха бы спел» (синтаксическое сослагательное наклонение выражено сослагательной формой глагола);

5. Миха дшәаҳәазаап «Миха оказывается поет» (синтаксический индикатив выражен заглазной формой глагола);

6. Миха ашәқу дацхьааит! «Миха пусть прочтет книгу» (синтаксическое побудительное наклонение выражено формой конъюнктива);

7. Миха ашәқу дацхьама? «Миха прочел книгу?» (значение вопроса выражено вопросительной формой глагола) и т. д.

IV. Номинативная, эргативная, инверсивная конструкции предложения в абхазском языке различаются по морфологической структуре глагола, выступающего в функции предиката. Соответственно глагол-предикат различает номинативную (непереходную), эргативную (переходную) и инверсивную конструкции.

Структурное различное глаголов этих трех конструкций выражается в аранжировке и функциях личных субъектно-объектных аффиксов в глаголе.

V. Оппозиция реальных и ирреальных синтаксических наклонений получает свое морфологическое выражение в соответствующих оппозициях форм наклонений глагола.

С и н т а к с и ч е с к и й и н д и к а т и в (временные формы изъявительного наклонения глагола)

наст. время: Ацыс шәаҳәоит «птичка поет».

прош. время: 1. Ацыс шәаҳәеит «птичка спела».
2. Ацыс шәаҳәон «птичка пела».
3. Ацыс шәаҳәон... «птичка спела...».
4. Ацыс шәаҳәахьеит «птичка уже спела».
5. Ацыс шәаҳәахьан «птичка уже спела».

будущее, время I: 6. Ацыс шәаҳәап «птичка споет».
II:7. Ацыс шәаҳәашт «птичка споет».

будущ. кат. 8. Ацыс шәаҳәароуп «птичка должна спеть».

настоящее, 9.Ацыс шәаҳәазаап «птичка, оказывается, спела».

прошедшее 10. Ацыс шәаҳәозаап «птичка, оказывается, поет».
11. Ацыс шәаҳәозаарын «птичка, оказывается, пела».

12. Ацыс шәаҳәахьазаап «птичка... уже спела».
13. Ацыс шәаҳәахьазаарын «птичка... уже спела».

будущее время I: 14. Ацыс шәаҳәашазаап «птичка ... споет».
II: 15. Шәаҳәашазаарын «птичка ... споет».

В о п р о с и т е л ь н ы е ф о р м ы

настоящее время: 1. Ацыс шәаҳәома? «поет ли птичка?».

прошедшее время: 2. Ацыс шәаҳәама? «спела ли птичка?».
3. Ацыс шәаҳәозма? «спела ли птичка?».
4. Ацыс шәаҳәазма? «спела ли птичка?».
5. Ацыс шәаҳәахьоума? «птичка уже спела?»

будущ. время: 6. Ацыс шәаҳәахьазма? «птичка уже спела?».
7. Ацыс шәаҳәарыма? «споет ли птичка?».
8. Ацыс шәаҳәашама? «споет ли птичка?».
9. Ацыс шәаҳәару? «споет ли птичка?».
10. Ацыс шәаҳәашазу? «спела бы птичка?».
11. Ацыс шәаҳәашазма? «спела бы птичка?».
12. Ацыс шәаҳәарызу? «спела бы птичка?».

(Синтаксические ирреальные наклонения, желательное наклонение (желательные наклонения глагола)

будущее: 1. Ацыс шәаҳәанда «птичка бы (с)пела».

настоящее время: 2. Ацыс шәаҳәонда «птичка бы пела»,

давнопрошедшее время: 3. Ацыс шәаҳәахьанда «птичка уже бы спела.

будущее время: 4. Ацыс шәаҳәашанда «птичка бы спела».

П о б у д и т е л ь н о е н а к л о н е н и е (повелительное наклонение глагола, конъюнктив...)

1. Ацыс ушәаҳәа «птичка спой!».
2. Ацыс шәаҳәааит «пусть споет птичка».

С о с л а г а т е л ь н о е н а к л о н е н и е

1. Ацыс шәаҳәарын «спела бы птичка».
2. Ацыс шәаҳәашан «спела бы птичка».

VI. Любая именная основа, выступая в позиции предиката, получает предикативное оформление, т. е. синтаксические категории лица, времени и наклонения получают в ней свое морфологическое выражение.

Пушкин поэт «Пушкин дпоетуп».
Брат учитель «сашьа дырцаѳуп».
Девочка умна «азҕаб хуҷы дќуҕоуп».
Отец дома «аб аѳны дыќоуп».
Цель близка «ахыҷукы ааигуоуп».
Работа под силу «аус ҳамч аҷухоит».
Обед как обед «шьыбжьхьа шьыбжьхьацас иќоуп».
«шьыбжьхьа шьыбжьхьоуп».

VII. Для абхазского общенародного языка не характерны т. н. номинативные предложения. В литературном языке под влиянием русского языка встречаются некоторые образцы номинативных предложений. Однако они носят еще искусственный характер и по степени распространения незначительны.

Азын. Ашьыжь. Арбаҕь ҿыртуеит. (Б. Ш.). «Зима. Утро. Поют петухи». Ақыҵа Уарча. Аҕутәы ѳны. Амшын ду. Ҷкуна хуҷык диит аҵсуак иҵаацәараҿы. (Д. Г.). «Село Уарча. Деревянный дом. Большое море. Родился ребенок (какой-то) в семье абхазца (какого-то)».

Аналогичные предложения в абхазском языке также получают, как правило, предикативное оформление.

Зима. «Зынроун». (Зима есть). Холодно «Хьҵоуп». («Холодно есть»). Весна «Аацынроуп. («Весна есть»).

VIII. При определении предложения мы исходим из положения, согласно которому следует различать высказывание и предложение.

К высказываниям мы относим такие словосочетания или выражения, которые не имеют своей структурной основы, обладающей воспроизводимостью; в конситуативно необусловленной позиции не выражают предикативности и не выполняют коммуникативной функции.

– Уаж ә дабаќоу? «Где он (она) сейчас?».
– С а б д а х ь ы ќ о у. «Где мой отец» («там, где мой отец»)
– Уаб дабаќоу? «А где твой отец?».

– С а с а х ь ц о. «Куда я иду» (там, куда я иду).

– Уа уабацо? «А ты куда идешь?».

– Уажәыцәкьа сара азлагарахь сцароуп («Алашара»). «Сейчас я на мельницу должен идти».

В приведенном диалоге все ответы (кроме последнего) на вопросительные предложения мы относим к высказываниям (они выделены).

IX. Признание нами глагола как конституирующего признака предложения вовсе не означает отождествления глагола и предиката (сказуемого). Мы в своей работе следуем известному положению, что между морфологическими и синтаксическими категориями нет прямого тождества, что «в результате деления предложения на части не получаются элементы морфологического порядка (т. е. слова и морфемы) и наоборот, сложение элементов морфологического плана не приводит к единице синтаксического плана — предложению, так как предложение (например. Отец лежит больной) представляет собой нечто большее, чем простую совокупность изолированных слов, так же, как здание больше, чем Сумма кирпичей...». И далее: «Слова и формы слов, выражающие морфологические оппозиции, представляют лишь средства, которыми пользуется предложение как знаменательная единица высшего порядка. В этой связи основной задачей синтаксиса следует признать, с одной стороны, определение синтаксических отношений и морфологических средств их выражения, а, с другой стороны, выявление комбинаций этих отношений (сложное предложение и синтаксические отношения в сложном предложении)»[1].

Морфологические категории и их семантика выявляются в парадигматических оппозициях составляющих их форм, синтаксические же категории и их значения выявляются в синтагматическом ряду.

Глагол в предложении абхазского языка, как мы увидим ниже, выступает не только в функции предиката, но может выполнять и другие синтаксические функции.

В частности, глагол в категории инфинитности выступает организующим центром многочисленных инфинитных конструкций, заменяющих придаточные предложения в абхазском языке.

---

[1]См.: Б. Трнка и др. К дискуссии по вопросам структурализма. ВЯ, 1957, 3, стр. 44.

К сказанному следует добавить, что мнение об организующей роли глагола в структуре предложения абхазского языка высказано в специальной литературе и другими специалистами.

Так, у проф. К. В. Ломтатидзе читаем: «Основным стержнем предложения в абхазском языке является глагол»[1].

«В абхазском языке, – пишет И. И. Мещанинов, – глагол в сказуемом связывает своими показателями остальные члены предложения, в которых имена лишены падежных окончаний»[2].

[1]См.: К. В. Ломтатидзе. Абхазский язык, в кн. «Языки народов СССР, т. IV, стр. 120.

[2]И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов, изд. «Наука» (ленинградское отделение). Ленинград, 1967, стр. 66.

Г Л А В А I

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА СВЯЗИ КОНСТИТУИРУЮЩИХ КОМПОНЕНТОВ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Структурная основа предложения в абхазском языке, строится главным образом на именных и глагольных компонентах. Поэтому естественно рассмотреть имя и глагол с точки зрения тех форм, в которых вступают они между собой в синтаксическую связь.

Известно, что имя и глагол в абхазском языке, как и в других родственных языках, по своей морфологической структуре резко противопоставляются: имя характеризуется бедностью формоизменения, глагол же – богатством формоизменения и полисинтетическим строем. В силу этого представляет определенный интерес исследование связи, которая устанавливается между ними (именем и глаголом) в структуре предикативного словосочетания, поскольку своеобразие связи слов во многом обуславливается спецификой категориальных свойств сочетающихся компонентов.

Исключается использование падежных форм имени при связи его с глаголом, поскольку имя в абхазском языке, как известно, не обладает системой склонения. Иначе обстоит дело с категориями лица, числа и класса в имени. В специальной литературе утвердилось мнение, согласно которому между именем и глаголом в предикативном словосочетании устанавливается связь в лице, числе и классе. Связь эта квалифицируется как согласование, предопределенное категориальными формами лица, числа и имени. В качестве примеров приводятся: сара сцеит – «Я ушел»; уара уцеит – «Ты (м.) ушел»; бара бцеит – «Ты (ж.) ушла»; ҳара ҳцеит – «Мы ушли...»[1]; ахуҷы дцеит – «Мальчик ушел»[2]; уаргьы ԥынтә ухысит, саргьы ԥынтә схысуеит – «И ты два раза выстрелил, и я два раза выстрелю»[3].

[1]Л. П. Чкадуа. Связь слов в предложении, в кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 77.

[2]М. М. Циколия. Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси, 1973, стр. 33 – 34 (на грузинском языке).

[3]Ш. К. Аристава. Подлежащее, в кн.; «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 16; Сказуемое, там же, стр. 39.

Однако более подробное рассмотрение этого вопроса показало связь между именным и глагольным компонентами предикативного словосочетания не всегда преопределяется морфологическими формами именного компонента. Прежде всего, о категории лица. Бесспорно, что имя существительное в абхазском языке (да и в других языках) не обладает морфологической формой лица. Следовательно, исключается обусловленность связи (и имени с глаголом в лице категориальной формой лица имени).

Аналогичное положение мы имеем и в местоимениях. По данным специальной литературы местоимения (например, личные) обладают морфологической категорией лица. В качестве формантов лица выделяются с-ара – «я» у-ара – «ты» (м.), б-ара – «ты» (ж.), л-ара – «она», ҳара – «мы» и т. д. Однако нам предъявляется возможным высказать иное мнение по этому поводу. Дело в следующем. Личные местоимения состоят из двух расщепляющихся компонентов: са-ра, уа-ра, ба-ра, иа-ра, ла-ра, ҳа-ра, шәа-ра, да-ра. В первом компоненте звук «а» повторяется во всех местоимениях. Следовательно, он не образует семантической корреляции и не может без предшествующего согласного составить основу. Функция семантического различия падает главным образом на первые звуки. Поэтому удаление согласных звуков первого компонента вызывает полное разрушение этих лексических единиц. Следовательно, без первых звуков эти слова не могут существовать как лексические единицы. Это значит, что отделение этих первых звуков от основы и квалификация их как морфологических компонентов не представляются возможными. Не составляет основы, и второй компонент, поскольку он повторяется во всех местоимениях и является, как известно, суффиксальным элементом.

Как видно, можно допустить, что основу личных местоимений составляют первые компоненты с гласной огласовкой (а). Если это так, то значение лица (числа и класса) в местоимениях является не грамматической, а лексической их семантикой и имеет соответственно лексическое выражение.

В таком случае снимается возможность предопределения связи в лице между местоимением и глаголом морфологической формы лица местоимения. В данном случае можно говорить лишь о морфологическом обозначении в глаголе семантического значения лица (числа и класса) местоименного компонента словосочетания.

Однако следует отметить, что встречаются немногочисленные имена типа: ҳ-ԥыцьгьы «мы – двое», шә-ԥыцьагьы «вы – двое», р-ԥыцьагьы «они – двое», ҳ-азагьы «мы – все», шә-ызагьы «вы – все», р-ызагьы «они – все», у которых можно допустить наличие морфологической формы лица. К основам аналогичных имен прибавляются (префиксально) притяжательные личные аффиксы ряда л мн. числа. При связи с глаголом эти имена своей формой лица и числа предопределяют лицо и число глагола: ҳ-ахԥыкгьы ҳцеит «мы – трое ушли»; шә-ыхԥыкгьы шәцеит «вы – трое ушли»; р-ыхԥыкгьы (и) цеит «они – трое ушли»; ҳазагь ҳцеит «мы – все ушли»; шә-ызагь шәцеит «вы – все ушли»; р-ызагь (и)цеит «они – все ушли» и т. д.

Следует оговорить также категорию класса в имени. Общепринято, что имя в абхазском языке обладает формой категории класса. В качестве формантов класса выделяют суффиксы мн. числа -қуа, -цәа и собирательности -аа. Однако нельзя не заметить слабость морфологической позиции – категории класса; в именах.

Дело в том, что суффиксы числа не имеют четко разграниченного употребления, в именах, семантически различающихся, по классам. Так, суффикс, множ. числа -қуа употребляется в большинстве случаев в именах, семантически относящихся к классу вещей. Однако употребление его и в именах класса человека не является исключением: аҳәсақуа «женщины», аурысқуа «русские», ақыртқуа «грузины», аерманқуа «армяне» и т. д. Это явление еще больше, распространено в абазинских диалектах. «Можно сказать, что суффикс -қуа в тапантском диалекте господствует одинаково в форме мн. числа имен обоих классов»[1]. В словах же с семантикой качественной характеристики суффикс числа -қуа вообще не имеет значения класса. Например, ашәқу бзиақуа – «хорошие книги», ачкунцәа бзиақуа «хорошие ребята».

Не характеризуется системностью употребления и суффикс числа -цәа. Он наиболее характерен для имени класса человека, однако не исключается возможность его употребления в определенных случаях и при именах класса вещей. Например, аҳәа ацацәа аманы инеиуеит – «Идет свинья со своими поросятами»; ацгәы ацацәа аманы ицеит – «Кошка со своими котятами ушла».

Нередки случаи употребления суффикса -цәа в сочетании с -куа: ахацәақуа – «мужчины»; чкунцәақуак – «какие-то парни»;

[1]К. В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944, стр. 77 (на грузинском языке).

зҕабцәақуак – «какие-то девушки»; сасцәақуак – «какие-то гости».

Интересно отметить, что суффикс -цәа нередко сочетает в себе значение числа со словообразовательной функцией: ашәаҳәаԝцәа – «певец», но: ашәаҳәацәа – «певцы»; ацсшьаԝы – «отдыхающий», но: ацсшьацәа – «отдыхающие»; анхаԝы – «крестьянин», но: анхацәа – «крестьяне»...

Аналогичное употребление имеет и суффикс собирательности –аа: уаҭҳараа – «отхарцы», гудоуҭаа – «гудаутцы». (Срв.: уаҭҳаратәи – «отхарский», но уаҭҳаратәқуа – «отхарские»). С категорией класса в именах увязывают и деривационный суффикс -ԝы. Однако следует сказать, что суффикс -ԝы больше увязывается с семантикой личности, чем с понятием грамматического класса в именах существительных. Он образует имена, обозначающие лицо определенной профессии или рода занятий: акуашаԝ – «танцор», ашәҳәаԝ – «певец», анхаԝы – «крестьянин», ашәарыцаԝ – «охотник» и т. д. Однако он может образовать и слова семантики класса вещей: аеы марҕъ раҳаԝуп – «косоглазый конь пуглив» (пословица), адаҕъ ныkуаԝы – «лягушка-путешественница», ала шәарыцаԝ – «охотничья собака», ахьшь чакԝы – «ястреб-перепелятник» и т. д.

Что касается един, числа имени, то здесь имя морфологически не различает ни класса, ни числа.

Коррелятивный признак сохраняется между классом человека и вещи в некоторых разрядах имен числительных (например, количественных). Класс человека в данном случае выражается с суффиксом -ԝы, в классе же вещи используется суффикс -ба. Например:

класс человека		класс вещи
х-ԝы	х-ц (-ба)	«три»
цшь-ԝы	цшь-ба	«четыре»
ху-ԝы	ху-ба	«пять»
ф-ԝы	ф-ба	«шесть»
бжь-ԝы	бжь-ба	«семь»
аа-ԝы	аа-ба	«восемь»
жә-ԝы	жәа-ба	«девять»
жәа-ԝы	жә-ба	«десять»

Однако при связи аналогичных числительных с глаголом категория класса не реализуется ввиду того, что глагол сочетается числительным в форме мн. числа, в котором он (глагол) не различает классов.

Перечисленные факты приводят нас к выводу, что для выделения морфологической формы класса в именах (за некоторыми включениями, см. выше) нет достаточных оснований. Явление это можно объяснить двояко:

1. Процесс формирования суффиксального способа выражения класса в именах, являющийся, как известно, вторичным, не завершился.

2. Отсутствие четко выраженной корреляции по классам в именах связано с процессом утери семантики грамматических классов суффиксами мн. числа.

В таком случае предопределенность связи имени с глаголом формой класса именного компонента исключается. Здесь можно говорить лишь о морфологическом обозначении семантического различия имен по классам в глагольном компоненте.

Здесь же уместно отметить и тот факт, что класс не проходит через всю систему связи имени с глаголом. Он включается в связь лишь во втором и третьем лице един. числа. В первом же лице един. числа и во всех лицах мн. числа класс из связи имени с глаголом исключается. Кроме того, класс не относится к числу предикативных категорий. Функция его сводится лишь к дифференциации имен (субъекта и объекта) с точки зрения принадлежности их к одному из двух основных грамматических классов: к классу человека и классу вещи.

Иначе обстоит дело с категорией числа в имени. Морфологическая форма числа имени не вызывает сомнений. В един. числе категория числа выражается нулевым формантом, во мн.

ашәқуы – книга,	ашәқуқуа – книги,
алаба – палка,	алабақуа – палки,
ацаҩы– ученик	ацаҩцәа – ученики,
арцыс – парень,	арца-р-цәа – парни,
ауаҩы – человек,	ау-аа – люди,
асыс – ягненок,	аса-ра (қуа) – ягнята,
Аиба – Айба,	Аиы-раа – айбовцы.

Здесь следует отметить ту лишь особенность, что имена в форме собирательности обозначаются в глаголе в форме множ. числа: аҫар сизеит – «Собралась (собрались) молодежь».

же числе – суффиксами:

Следовательно, связь имени с глаголом в числе может предопределяться морфологической формой числа именного компонента.

Другим важным вопросом связи является определение ее направления. Современное языкознание вышло из того состояния, когда оно определяло направление связи в строгом соответствии с реальным соотношением деятеля, действия и объекта действия. Традиционное определение подчинительной связи как связи, направленной от господствующего к зависимому, от управляющего к управляемому[1], с которым связана квалификация подлежащего как доминирующего члена предложения поддерживалось не только характером семантики, реальной последовательностью процесса от активного деятеля к действию, а затем к объекту действия, но во многих случаях и самим грамматическим соотношением форм соответствующих компонентой предложения во многих языках. Однако дальнейшее изучение все большего числа языков различных структур показало, что реальная, односторонне направленная последовательность соотношения деятеля действия и объекта действия не всегда полусоответствующее грамматическое выражение в языке. Так, например, в иберийско-кавказских и в других языках, где налична эргативная конструкция «доминанта», – подлежащее оказалось под подчинением транзитивного глагола – эргативный падеж, а объект – дополнение (ближайший объект), вопреки логике, вышло на доминирующую позицию подлежащего – именительный падеж.

Долго в лингвистической литературе обсуждался этот факт. Появились различные теории: 1) активности, 2) пассивности и 3) нейтральности эргативной конструкции. Давали этому факту даже мифологическую интерпретацию[2]. Однако в конечном счете пришлось мириться с реальным языковым грамматическим фактом.

---

[1]Ср. положение А. А. Шахматова: «...Отсюда следует, что при сочетании представления о предмете с представлением о признаке, первое из них, как господствующее в отношении признака по самой своей природа будет всегда субъектом, а второе – предикатом». А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Ленинград, 1941, стр. 23.

[2]См.: Арн. Чикобава. Проблема эргативной конструкции и иберийско-кавказских языках, II. Теория сущности эргативной конструкции. Тбилиси, 1961, стр. 163 (на грузинском языке).

Исследования А. С. Чикобава показали, что «эргативная конструкция порождена собственно грамматическими причинами (разрядка, автора): особенности эргативной конструкции упираются в своеобразие переходного глагола, не-различающего залогов, индифферентного в отношении залогов (разрядка автора); а это последнее в конечном счете обусловлено своеобразным характером отношения глагольной основы к именной...» (разрядка автора)[1].

В последнее время мысль о соподчинительном взаимозависимом характере связи между подлежащим и сказуемым получает все большее признание в индоевропеистике.

«В отличие от других видов синтаксических отношений, – пишет Е. В. Кротевич, – предикативные отношения характеризуются двусторонней зависимостью, которая устанавливается только между одними и теми же, всегда соотносительными членами двусоставного предложения – сказуемым и подлежащим»[2].

«Характерной особенностью этой (координации – Ш. А.) связи в отличие от субординации, является не одностороннее, а взаимонаправленное подчинение соответствующих словоформ», – читаем у И. П. Распопова[3].

«По-видимому, ближе к сущности данного языкового явления находятся наблюдения, – пишет Г. А. Болотова, – говорящие о взаимозависимости главных членов предложения, о двусторонних связях...»[4]. Говоря о различиях между согласованием и грамматической координацией форм подлежащего и сказуемого, Н. Ю. Шведова пишет: «Черты различия здесь следующие: 1. При согласовании осуществляется подчинение формы зависимого слова форме слова господствующего, при соединении главных членов — взаимное уподобление форм слов, которые занимают места компонентов структурной основы предложения, причем ни одна из них не является ни главенствующей, ни зависимой. 2. При согласовании

[1]Арн. Чикобава. Указ. работа, стр. 168.

[2]Е. В. Кротевич. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения. «Вопросы русского языкознания», кн. 2. Львов, 1956, стр. 12.

[3]И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970, стр. 36.

[4]Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 59.

осуществляется связь слова во всей системе его форм с формами другого слова (новый дом, нового дома...), при формальном уподоблении подлежащего и сказуемого всегда – связь двух определенных словоформ. 3. Словосочетание, образующееся на основе связи согласования, имеет систему форм, предопределенную системой форм главенствующего слова; структурная схема предложения, в пределах которой осуществляется уподобление двух организующих ее словоформ, имеет свою систему форм, предопределенную категориями уровня предложения. 4. При согласовании возникают собственно характеризующие отношения, не связанные ни с каким объективно-модальным планом; при уподоблении главных членов возникает такая связь, которая обязательно относит признак и его носителя в определенный объективно-модальный план»[1].

Связь слов в предложении абхазского языка слабо изучена. Ей посвящена лишь одна статья[2]. Затрагивали этот вопрос попутно и некоторые другие авторы (см. выше). Мнения всех авторов, касавшихся этого вопроса, сходятся в том, что между компонентами структурной основы предложения устанавливается односторонняя связь – согласование, направленное от именных (субъекта и объекта) компонентов к глагольному (предикату).

Существует и другое общепризнанное мнение, согласно которому «об эргативной конструкции может ставиться вопрос в абхазском языке, который не различает падежей (эргат..., родит.), но в спряжении переходных глаголов обнаруживает черты, характерные для других иберийско-кавказских языков с эргативной конструкцией»[3]. Общепризнано также, что «в отличие от некоторых иберийско-кавказских языков, в которых эргативная конструкция является конструкцией предложения с переходными глаголами, т. е. синтаксической конструкцией (груз. vjyflbhtv vjrkf bhtvb) – «охотник убил оленя»), в абхазском она не выходит за рамки морфологии; язык выражает эргативную конструкцию средствами морфологии (инкорпорацией аффиксов в глагольную форму)»[4].

Как это легко заметить, трудно согласовать одностороннюю связь, направленную от именных компонентов к глагольному в пре-

[1]Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 548.

[2]Л. П. Чкадуа. Указ. работа, стр. 77.

[3]Арн. Чикобава. Указ. работа, стр. 130.

[4]М. М. Циколиа. Указ. работа, стр. 357.

дикативном словосочетании, с наличием эргативной конструкции предложения, так как эргативная конструкция – порождение прежде всего двусторонней подчинительной связи между именными и глагольными компонентами. При наличии в предикативном словосочетании лишь односторонней подчинительной связи вопрос об эргативной конструкции автоматически снимается. Не внушает доверия и положение о том, что эргативная конструкция в абхазском языке «не выходит за рамки морфологии» (см. выше). Стоит ли говорить о том, что в «рамках» морфологии не может быть и речи вообще о какой-либо синтаксической конструкции.

Нам кажется, что причина всех этих противоречий в недостаточной изученности связи конституирующих компонентов предикативного словосочетания. Обратимся к фактам.

Как мы уже отмечали выше, исследователи всю связь именных и глагольных компонентов предикативного словосочетания в абхазском языке сводят к согласованию в лице, числе и классе. После проведенного выше краткого описания имени с точки зрения наличия или отсутствия в нем морфологических форм лица, класса и числа, легко заметить, что категория лица в связи компонентов, структурной основы предложения не может быть предопределена соответствующей морфологической формой имени по той простой причине, что оно (имя) не обладает морфологически этой категорией (исключения см. выше). Форма лица не может быть предопределена также и глагольным компонентом, поскольку он (глагол) обладает способностью изменяться по всем трем лицам и ему безразлично, какая из его трех личных форм будет использована в связи. Возможно, лицо продиктовано семантикой именного компонента? Это явление в действительности имеет место в тех случаях, когда позицию субъектно-объектных компонентов занимают личные местоимения. В таком случае лицо в связи предопределяется лексической семантикой субъектного (и объектного) компонента. Личному местоимению – субъекту определенного лица (и объекту) должна соответствовать форма того же лица глагола-предиката, в котором она (категория лица) получает свое морфологическое выражение в личных префиксах: сара сцәажәоит – «Я разговариваю»; уара (м) у-цәажәоит – «Ты (м.) разговариваешь»; бара б-цәажәоит – «Ты (ж.) разговариваешь».

Другие же имена не имеют значения лица и в своей лексической семантике. Это видно хотя бы из того, что имена в предикативной

синтагме в позиции субъекта (и объекта) могут быть использованы со значением различных лиц. При наличии же в лексической семантике имени значения определенного лица (как это имеет место в личных местоимениях) возможность использования его в значении различных лиц исключалась бы.

Однако надо учитывать одно внеязыковое обстоятельство в данном случае. Дело в том, что по объективному внеязыковому положению имена класса вещей не могут быть ни говорящими, ни адресатами; в предложении может идти лишь речь о них (за исключением случаев персонификации) и, соответственно, как правило, в информации они выступают со значением третьего лица. Например: аҽы аштаҽы и-гылоуп – «Конь стоит во дворе»; и-ртиуеит ашәкуы – «Книга продается».

Имена же класса человека в зависимости от того, кого они обозначают в речи – говорящего, адресата или не участвующего в речи, могут выступать со значением всех трех лиц:

ахуҵқуа ҳ-цеит	«Дети (мы) пошли»,
ахуҵқуа шә-цеит	«Дети (вы) пошли»,
ахуҵқуа (и)-цеит	«Дети (они) пошли»,
зегьы ҳ-цеит	«Все (мы) ушли»,
зегьы шә-цеит	«Все (вы) ушли»,
зегьы (и)-цеит	«Все (они) ушли».

Иасон Соломон-ица ихацәа ҳанықуцшлак... зегьы ҳ-ааиқутәон (М. А., «аацын мш. раан», 19). «Заметив Ясона Соломоновича, все (мы) мгновенно успокаивались»; Ԥнак ахуҵқуа ҳ-аиманы амхырта акны ҳ-аакылсит (М. А., «аацын мш. раан», 19) «Однажды дети (мы) вместе пришли на ниву»; Акоммунистцәеи акомҽареидгыла иалази ҳ-аизеит (М. А. «аацын мш. раан», 156). «Собрались коммунисты и комсомольцы (мы)»; Астудентцәа зегьы ҳ-аизеит атеатр акны (М. А.). «Студенты все (мы) собрались в театре»; Ԥнак ашкол акны – ҳцатәқуа ҳанрылга, ацаԥцәа ҳшәырақуа ҳазқуынца ҳацшәмартақуа рахь ҳ-цон (М. А.). «Однажды после уроков ученики (мы) с сумками на спине шли по своим домам»; А р-ц ы с уажәақуа ууарызхуц (Б. Ш.). «Парень, обдумай свои слова».

Бывают случаи, когда для конкретизации значения лица именного компонента рядом с ним используется личное местоиме-

ние. Однако случаи эти редки в абхазском языке ввиду того, что субъектно-объектные лица достаточно четко фиксируются в предикате соответствующими личными формантами.

Как видно из вышеизложенного, синтаксическое лицо субъектного (и объектного) компонента может предопределяться:

1. Лексической семантикой именного компонента:

сара ашколахь с-цоит «Я иду в школу»,
уара ашколахь у-цоит «Ты (м.) идешь...»,
иара ашколахь д-цоит «Он идет в школу».

2. Морфологической (личной) формой именного компонента:

ҳ-ҩыцьагьы ҳ-цеит ашколахь «Мы двое пошли в школу»,
шә-ҩыцьагьы шә-цеит ашколахь «Вы двое...»,
р-ҩыцьагьы (и)-цеит ашколахь «Они двое...»,
с-хаҵа с-цеит ашколахь «Я сам пошел в школу»,
у-хаҵа у-цеит ашколахь «Ты (м.) сам...»,
и-хаҵа д-цеит ашколахь «Он сам пошел в школу».

3. Позицией именного компонента в акте речи:

а) в позиции говорящего – первое лицо: (Ахуҷқуа) ҳ-цеит ашколахь – «Дети (мы) пошли в школу»;

б) в позиции адресата – второе лицо: (Ахуҷқуа) шә-цеит ашколахь – «Дети (вы) пошли в школу»;

в) в позиции неучаствующего в речи – третье лицо: (Ахуҷқуа (и)-цеит ашколахь – «Дети (они) пошли в школу».

Синтаксическое лицо именных компонентов (субъектного и объектного) предикативного словосочетания получает преимущественно морфологическое выражение в предикате (личной формой глагола). В определенных случаях (при опущении личного форманта в предикате) лицо именного компонента выражается синтаксической оппозицией с другими морфологически выраженными нормами (1-го и 2-го) лица (т. е. само отсутствие личного форманта становится показателем третьего лица):

ахуҷқуа ҳ-тәоуп «Дети (мы) сидим»,
ахуҷқуа шә-тәоуп «Дети (вы) сидите»,
ахуҷқуа (и)-тәоуп «Дети (они) сидят».

Во всех вышеизложенных случаях связь направлена от именных компонентов (субъекта и объекта) к глагольному (предмету).

Возникает вопрос, исчерпали ли мы вышеприведенным описанием всю связь компонентов предикативного словосочетания в абхазском языке? Положительный ответ вызывают следующие два вопроса:

1. Как осуществляется в этом случае различие субъекта и объекта в предикативном словосочетании (ведь вышеописанная связь в лице, числе и классе одинаково характерна и для субъектного и объектного компонентов)?

2. Как объяснить на основе односторонней связи наличие механизма эргативной конструкции в абхазском языке?

Языковые факты убеждают нас в том, что связь компонентов структурной основы предложения в лице, числе и классе с направлением ее от именных компонентов к глагольному представляет собой лишь одну сторону сложных синтаксических взаимоотношений, которые устанавливаются между этими компонентами.

Другая, не менее существенная сторона связи увязывается непосредственное с глагольным компонентом (предикатом). Формальная и функциональная оппозиция субъектно-объектных отношений основывается именно на оппозиции переходности и непереходности глагола-предиката.

Дело в том, что субъектный и объектный компоненты предикативного словосочетания не имеют сами по себе формальных различий ввиду отсутствия склонения в абхазском языке. Различаются же они позиционной и функциональной (в определенных случаях и формальной) оппозицией личных аффиксов двух рядов: ряда *д* и ряда *л,* связанных по линии лица, числа и (в определенных случаях) класса с субъектным и объектным компонентами. А оппозиция двух рядов личных аффиксов коррелируется переходностью и непереходностью глагола-предиката. Так, переходный глагол-предикат требует:

1. обозначения субъекта аффиксами ряда *л* и постановки их на позицию непосредственно перед своей основой (при сложносоставной основе – внутрь основы); обозначения ближайшего объекта аффиксами ряда *д* и постановки их на первую (от начала слова) позицию:

Сара ахучы д-с-аазоит	«Я воспитываю ребенка»
Уара ахучы д-у-аазоит	«Ты (м.) воспитываешь ребенка»

Бара ахуҵы д-б-аазоит «Ты (ж.) воспитываешь ребенка»
Иара ахуҵы д-и-аазоит «Он воспитывает ребенка»
Лара ахуҵы д-л-аазоит «Она воспитывает ребенка»
Ҳара ахуҵы д-ҳ-аазоит «Мы воспитываем ребенка»
Шәара ахуҵы д-шә-аазоит «Вы воспитываете ребенка»
Дара ахуҵы д-р-аазоит «Они воспитывают ребенка»

Непереходный же глагол требует:

1. обозначения субъекта аффиксами ряда *д* и постановки их на первую позицию; 2. обозначения объекта (косвенного) аффиксами ряда *л* и постановки их на вторую позицию: Сара уара с-у-ацәажәоит – «Я с тобою говорю»; Иара лара д-л-ацәажә-оит – «Он с ней говорит».

Следовательно, в предикативном словосочетании противопоставляются субъект предложения переходного (эргативного) строя и субъект предложения непереходного (абсолютного) строя. Субъект предложения переходного строя обозначается аффиксами ряда *л* и занимает вторую позицию, субъект же предложения непереходного строя обозначается аффиксами ряда *д* и занимает первую позицию. Ближайший объект обозначается теми же аффиксами, что и субъект предложения непереходного строя (аффиксами ряда *д)* и занимает ту же позицию (первую), что субъект предложения того же непереходного строя.

Как легко заметить, для обозначения субъекта используются два ряда личных аффиксов с соответствующими им позициями, для обозначения же ближайшего объекта – один ряд (ряд *д),* ряд субъекта предложения непереходного строя.

Таким образом, двум падежам субъекта в языках эргативного строя (абсолютному и эргативному) соответствуют два ряда личных аффиксов с соответствующими им позициями в предложениях переходного и непереходного строя; одному падежу ближайшего объекта и субъекта предложения абсолютного строя – один ряд личных аффиксов (ряд *д).* Перед нами полный механизм эргативного строя предложения. Различие наблюдается лишь в форме выражения.

Далее относительно того мнения, что «эргативная конструкция в абхазском языке не выходит за рамки морфологии»[1]. Данное по-

[1]К. В. Ломтатидзе. Категория переходности в абхазском глаголе. Изв.

ложение, утвердившееся в специальной литературе, порождено неразграничением некоторыми авторами морфологических и синтаксических явлений.

Нельзя отождествлять функцию личных формантов двух рядов в структуре глагола как морфологической единицы с их функцией в структуре предикативного словосочетания как единицы уровня предложения. В морфологии мы еще не касаемся отношений между словами. Тут глагол и его формоизменение рассматриваются в парадигматической оппозиции, а отношения между компонентами словосочетания рассматриваются в синтагматическом ряду. И, естественно, субъектно-объектные форманты в структуре предикативного словосочетания увязываются непосредственно с субъектно-объектными отношениями. Интересно отметить тот факт, что в специальной литературе рядом сосуществуют два противоположных мнения.

Согласно первому, известному уже нам положению, «эргативная конструкция в абхазском языке не выходит за рамки морфологии», согласно же второму – в абхазском языке личные аффиксы двух рядов выполняют функцию падежей[1]. Стоит ли утверждать тот факт, что падежные функции проявляются лишь на уровне синтаксиса и что, выполняя падежные функции, субъектно-объектные аффиксы одновременно вступают уже в область синтаксиса.

Все вышеизложенное неминуемо приводит нас к очень важному выводу о том, что механизм эргативной конструкции предложения в абхазском языке получает свою четкую реализацию именно на уровне синтаксиса в строе предикативного словосочетания.

Совершенно иное дело тот факт, что возможность этой реализации заложена в спряжении переходного глагола, что подмечено Арн. Чикобава (см. выше).

Как видно из всего вышеизложенного относительно связи, между компонентами структурной основы предложения (субъектом-объектом, с одной стороны, и предикатом – другой) в абхазском языке устанавливается двусторонняя соподчинительная связь[2]

ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942. стр. 1 – 29; ее же. Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка. Сообщения АН ГССР, т. III, 4, 1942, стр. 389.

[1]М. М. Циколия. Указ. работа, стр. 357.

[2]Ш. К. Аристава. Подлежащее. Сборник материалов по абхазскому языку, стр. 29.

Для более или менее полной квалификации описываемой связи мы должны охарактеризовать ее и со стороны функции. Этой стороны вопроса мы уже частично касались в связи с эргативной конструкцией.

Функция описываемой связи сводится к выражению субъектно-объектных отношений между конституирующими компонентами структурной основы предложения.

В специальной литературе встречается мнение, согласно которому в абхазском языке в определенных случаях субъектно-объектные отношения выражаются фиксированной позицией соответствующих именных и глагольных компонентов[1]. Следует сразу же отметить, что компоненты структурной основы предложения в абхазском языке ни при каких случаях не имеют строго фиксированной позиции. Затруднение в различии субъекта и объекта действительно имеет место в том случае, когда субъектный и объектный аффиксы совпадают в лице, числе и классе: Миха Ҭемыр д-и-ацәажәоит – «Миха разговаривает с Темыром»; Ауаса абга и-а-феит – «Овцу волк съел».

Однако нельзя категорически утверждать, что вся функция субъектно-объектных различий выполняется позицией соответствующих компонентов.

Дело в том, что, во-первых, субъектно-объектные аффиксы и в данном случае занимают свои законные фиксированные позиции (различаются они даже и материально: д-и, и-а); во-вторых, субъектный и объектный компоненты и в данном случае не имеют строго фиксированной позиции. Одинаково естественно для языка употребление субъекта на первой позиции, объекта – на второй и наоборот.

В случаях, когда субъект и объект относятся к классу вещей даже более естественным становится препозитивная позиция объекта: Ауаса абга иафеит – «Овцу волк съел»; Акуты ахшь иагеит – «Курицу тетеревятник унес»; Ҳажә абга иафеит – «Нашу корову волк съел».

В аналогичных случаях некоторую роль играет и необратимость самого реального процесса: овцу, корову и т. д. может съесть волк, но не может быть обратного случая.

Для уточнения субъекта в описываемых случаях может быть использован контекст или логическое ударение: Ахуҵы Алиас д-и-

[1]М. М. Циколиа. Указ, работа, стр. 357 – 358.

ааҙеит – «Ребенка Алиас вырастил»; Аб аԥа д-и-шьит – «Отца сын убил», Апап Есыф аҳак д-аа-и-цхьан, дад, уара ууара сгуаԥхеит иҳәан чара ду уны иԥҳа диитҙеит («Аԥс. л.») – «Попа Иосифа вызвал к себе царь и сказал ему, что он ему понравился, сыграл свадьбу и выдал ему свою дочь (царевну)»; Багуаза дани инаркны иаб бзиа диаазеит («Аԥс. л.») – «Багуазу с детства хорошо воспитал (его) отец»; Абрагьоы дыркрацы аҳ ауаа ишьҭеиԥеит («Аԥс. л.») – «Царь послал погоню за абреком, чтобы поймать его»; Ари лыԥкуын иара бзиа дибомызт... («Аԥс. л.») – «Ее сына он недолюбливал»; Аԥкуын иан данԥсы иабԥса.. ҭыԥ иимҭо, диаԥәҳауа далагеит («Аԥс. л.») – «Мальчика, после смерти его матери, отчим стал ругать».

Ясно одно: позиция субъекта и объекта в описываемых случаях не является строго фиксированной. Поэтому порядок слов не может, естественно, брать на себя полностью функцию различения субъекта и объекта.

Функцию связи компонентов предикативного словосочетания нельзя рассматривать в отрыве от категории предикативности. Изучение в связи с этим связи в непредикативных словосочетаниях показало, что связь компонентов структурной основы предложения в формальном отношении полностью воспроизводится и в некоторых непредикативных словосочетаниях.

Примером могут служить деепричастные конструкции. Дело в том, что деепричастие в абхазском языке наряду с другими глагольными признаками обладает и субъектно-объектным спряжением. В деепричастных конструкциях, в которых деепричастие играет роль организующего центра, могут быть и субъектный, и объектный компоненты. Отношения между всеми тремя компонентами (субъектом, объектом и деепричастием) конструкции выражаются теми же двумя рядами классно-личных аффиксов: Сара уара с-у-ацәажәо... – «Я, разговаривая с тобой»; Аԥаҩы ашәкӏу д-а-цхьо… – «Ученик, читая книгу...»; Ацгәы аҳәынаԥ и-а-лахумаро... – «Кошка, играя с мышью...» и т. д.

Однако полное воспроизведение связи и соответствующих отношений в деепричастных конструкциях, как это видно из примеров, не дает категории предикативности, что вызвано отсутствием в них (деепричастных конструкциях) модальных отношений. Деепричастие как в морфологическом, так и синтаксическом планах

не различает модальных отношений: оно не обладает грамматическими категориями времени и наклонения.

Может ли данный факт послужить основанием для вывода о том, что предикативность может формироваться без субъектно-объектных отношений, без соподчинительной связи, что мы описали выше.

Изучение материалов с этой точки зрения методом эксперимента показало, что для предложений определенной структуры (субъектно-объектного строя), составляющих в языке абсолютное большинство, исключение связи и, соответственно, субъектно-объектных отношений неминуемо ведет к разрушению структурной основы предложения и категории предикативности. Например: Сара-сӧыза с-и-ацәажәоит. – «Я со своим товарищем разговариваю»; сара сӧыза .-и-иацәажәоит; сара сӧыза -.-ацоажәоит.

Как видно, частичное (во втором варианте) и полное (в третьем) удаление связи одинаково ведет к разрушению субъектно-объектных отношений и структурной основы предложения вместе со своим грамматическим значением предикативности.

Однако это положение нельзя распространить на предложения с однокомпонентной основой типа: Шеит. – «Рассвело», Ху-леит. – «Стемнело», Хьҭоуп. – «Холодно», Зынроуп. – «Зима (есть)», Аацынроуп. – «Весна (есть)» и др.

Приведенный тип предложений, как видно из примеров, – бессубъектно-объектной однокомпонентной структуры. Здесь, естественно, нельзя вести речь о субъектно-объектных отношениях и соответствующей связи, поскольку нет ни субъектного, ни объектного компонентов. Структурную основу составляет один глагольный компонент, обладающий как морфологически, так и синтаксически категориями времени и наклонения.

Семантика аналогичной структурной основы предложения соотносится с действительностью непосредственно, минуя субъектно-объектные отношения.

Однако отсутствие субъектно-объектных отношений и соответствующей связи не равняется полному отсутствию синтаксического лица в данных типах предложений. Дело в том, что из трех актов речи: говорящий, адресат и неучаствующий, предложения однокомпонентной структуры занимают третий акт – неучаствующий в речи, что равняется синтаксическому третьему лицу. Таким об-

разом, в контекстуально необусловленной позиции семантика аналогичных предложений ясно понимается как не относящаяся ни к первому, ни ко второму лицу, а, значит, как относящаяся к третьему лицу. Этот факт не дает нам права говорить об абсолютном отсутствии в предложениях подобной структуры субъектно-объектных отношений. Понятия объекта и предиката в данном случае как бы слиты в одном компоненте-предикате.

Учитывая вышеприведенные моменты, можно сделать вывод о том, что субъектно-объектные отношения и соответствующая связь относятся к числу необходимых, но не единственных признаков категории предикативности. Они образуют категорию предикативности в сочетании с модальными отношениями.

Теперь несколько слов о названии вышеизложенной связи. Из сказанного ясно, что сложные синтаксические взаимоотношения, устанавливающиеся между компонентами структурной основы предложения, отличаются в формальном и функциональном отношениях от связи согласования.

В специальной литературе встречаются случаи обозначения аналогичной связи такими терминами, как «координация»[1], «сопряжение»[2], «предикативная связь»[3] и др. Однако нет еще общепринятого термина. Это, видимо, объясняется тем, что связь эта по характеру и форме своего выражения проявляет значительные различия в разных языках. Объединяющей чертой этой связи (в разных языках) может быть лишь функциональная сторона – выражение субъектно-объектных отношений и участие в формировании предикативности. Исходя из последней особенности, из-за неимения более подходящего термина, учитывающего и характер, и функцию связи, связь эту в абхазском языке мы назовем условно вслед за А. М. Мухиным предикативной.

Связь между субъектом и предикатом

Связь между субъектом и предикатом осуществляется двумя рядами классно-личных префиксов. Употребление того или иного ряда непосредственно связано с переходностью и непереходностью глагола-предиката.

---

[1]Арн. Чикобава. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тбилиси, 1968 (на грузинском языке); И. П. Распопов. Указ. работа.

[2]Г. А. Золотова. Указ. работа.

[3]А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., 1968.

Связь между субъектом и непереходным глаголом-предикатом

Непереходный глагол-предикат может быть одноличным, двухличным и трехличным. Во всех этих случаях связь между субъектом и предикатом идентична. Поэтому нет необходимости рассматривать каждый из этих случаев в отдельности.

Между субъектом и предикатом устанавливается связь в лице, числе и (в определенных случаях) классе. Причем формы выражения этих категорий различны в субъектном и предикатном компонентах. В предикате категории лица, числа и класса выражаются синкретически посредством личных префиксов ряда *д,* в субъектном же компоненте они имеют различные формы выражения.

Категория лица в связи субъекта с предикатом

Между субъектом и предикатом всегда налична синтаксическая связь в лице, которая может быть предопределена семантикой, категориальной формой лица или синтаксической позицией субъектного компонента.

Предопределение лица семантикой субъектного компонента имеет место в том случае, когда субъект выражен словом, семантическим значением которого является значение лица. К таким словам относятся, например, личные местоимения.

С субъектом, выраженным личным местоимением первого лица, согласуется предикат в первом лице:

Сара с-цәажәоит	«Я разговариваю»,
Ҳара ҳ-цәажәоит	«Мы разговариваем».

С субъектом, выраженным личным местоимением второго лица, согласуется предикат во втором лице:

Уара у-цәажәоит	«Ты (м.) разговариваешь»,
Бара б-цәажәоит	«Ты (ж.) разговариваешь»,
Шәара шә-цәажәоит	«Вы разговариваете».

С субъектом, выраженным личным местоимением третьего лица, предикат согласуется в третьем лице:

Иара
Лара д-цәажәоит «Он (она) разговаривает»,

Дара (и)-цәажәоит «Они разговаривают».

Сашәа мҳәакуа са с-а а н ҷ а с у а м. (Б. Ш.) «Не допев свою песню, я не перестану петь». Лыцсаҭа бзиахааит, рыцха, л а р а ацаҳәарҭа д-ы k о у п, сара амцҳәарҭа с-ыkоуп. (И. П.) «Царство ей небесное, она там, где правду говорят, а я здесь, где неправду говорят». Уара у - е и ҳ а б у п, и а р а д - є и ц-б ы з! (Б. Ш.) «Ты старше, а он младше».

Предопределение синтаксического лица категориальной формой лица субъектного компонента имеет место в том случае, когда субъект выражен словом, обладающим морфологической формой лица. Этот случай имеет наименьшее распространение в абхазском языке из-за отсутствия морфологической категории лица в именах.

К словам, обладающим морфологической категорией лица можно отнести, например, определительные местоимения: с-хаҭа, у-хаҭа, б-хаҭа, и-хаҭа, л-хаҭа, ҳ-хаҭа, шә-хаҭа, р-хаҭа; собирательные числительные с притяжательными личными префиксами: ҳ-ҩыцьагьы, шә-ҩыцьагьы, р-ҩыцьагьы;

Шә-ҩыцьагьы шә-цеит «Вдвоем (вы) пошли»;
С-хаҭа с-лацәажәеит «Сам (я) с ней поговорил»;
У-хаҭа у-ца! «Сам (ты) иди!»

Предопределение лица синтаксической позицией субъектного компонента имеет место во всех многочисленных случаях, когда субъект выражен словами, не обладающими ни семантическим ни морфологическим значением лица. Синтаксическое же значение лица они приобретают в словосочетании, оказавшись в позиции говорящего (первое лицо), собеседника (второе лицо) или неучаствующего в речи (третье лицо). Во всех этих случаях синтаксическое лицо не получает морфологического выражения в субъектном компоненте, в предикате же оно обозначается посредством субъектных префиксов.

К словам, приобретающим значение определенного синтаксического лица в словосочетании (особенно предикативном), от-

носятся имена существительные (собственные и нарицательные), имена прилагательные, указательные местоимения, инфинитная форма глагола, различные словосочетания с предметным значением и др.

При этом следует отметить, что слова с семантическим значением класса вещей не могут выступать в силу своей семантики в позиции говорящего или собеседника. Они встречаются как правило в позиции неучаствующего в речи, т. е. выступают со значением третьего синтаксического лица. Слова же с семантикой класса человека могут встречаться во всех трех позициях, т. е. в позиции говорящего, собеседника и неучаствующего в речи.

Уаԥхьа с-гылоуп, абар, абрагь Шьаруан. (Б. Ш.) «Вот стою я, абрек Шаруан, перед тобой!» Ҽнак а х у ы ҷ қ у а ҳаиманы (М. Аҳ.) «Однажды дети (мы) пришли вместе на ниву». А к о м м у н и- с т ц ә е и а к о м ҿ а р-е и д г ы л а и а л а з и ҳ-аизеит. (М. Аҳ.) «Коммунисты и комсомольцы (мы) собрались». Арԥыс уажәаԥуа у-аарызхуыц. (Б. Ш.) «Парень, обдумай свои слова». Д-н е и у е и т Ҳаԥьарат агаҿадавалан. (Б. Ш.) «Идет Хаджарат по набережной». Шарԥазык А л и а с Ҭорканраа рҿы д-а а и т. (Д. Г.). «Однажды ранним утром Алиас пришел к Торкану домой». А р ԥ ы с д-н ы ҩ н а л т асасааирҭа захьзыз. (Б. Ш.) «Какой-то парень вошел в гостиную». Ҽуаҩык агәашә д-а а д х х а л е и т. (Б. Ш.) «Какой-то всадник подскочил к воротам». Инаԥшызар, абна и-а а л ԥ е и т м ш ә и, б г а д у и, б г а х у ы ҷ и. (Б. Ш.) «Из лесу вышли медведь, волк и лиса». У и д-аа д ә ы л ԥ и т дыццаккы, Агуашә шыҟоу ихы рханы. (Б. Ш.) «Тот вышел впопыхах, направляясь к воротам». А л и а с у-о у м а? Ууаишь арахь! (Д. Г.) «Это ты, Алиас? Заходи, пожалуйста!» И-н х о н х ҩ е и ш ь ц ә а. («Аԥс. л.») «Жили три брата». Абык ихылԥыз х-ҩеишьцәа ҳ-а ҟ а н. («Аԥс. л.») «Были (мы) пятеро братьев». Абас ахра и а л и а а з ахра еиԥш ды-ҕуҕуоуп… (Б. Ш.) «Рожденный скалой тверд как скала». У а л а и х ԥ ә а з д-ы х ԥ ә а з е и т, ҕ а л а и х ԥ ә а з д е ҭ а а н х е и т. (Пословица) «Разоренный врагом ожил снова, разоренный родней разорен навсегда». А ц ә г ь а з х у ы ц у а ц ә г ь а л а д-и а с у е и т. (Поговорка) «Злоумышленник умирает в муках». И а а и з а ш ә д-а с у а д-а л а г е и т. (И. П.) «Пришедший стал стучаться в двери». С а и с ы к у ы р ш а н ы и т ә а з ры хқуа рыԥужьны и-зыр ҩ уан. (А. Г.) «Сидевшие вокруг меня, опустив головы, слушали».

Как видно из последних примеров, в позиции субъекта нередко выступает инфинитная конструкция. Внутри такой конструкции могут быть выражены различные субъектно-объектные личные отношения (Сара и-с-ыкуршаны итәаз...). Однако эти внутриконструктивные личные отношения не вступают в связь с предикатом непосредственно. Инфинитная конструкция в.позиции субъекта субстантивируется, приобретает значение предметности и одновременно значение определенного синтаксического лица. Последнее, т. е. позиционное синтаксическое лицо инфинитной конструкции, не получает морфологического выражения в самой конструкции, она обозначается лишь в глаголе-предикате соответствующим личным префиксом (примеры смотри выше).

Как видно из вышеизложенного, морфологическое выражение значения синтаксического лица субъектного компонента предикативного словосочетания в самом субъектном компоненте не характерно для абхазского языка.

А как обстоит дело с выражением синтаксического субъектного лица в предикате?

Синтаксическое субъектное лицо, независимо от морфологической выраженности или невыраженности в самом субъектном компоненте, всегда получает свое обозначение в предикате. Оно обозначается в предикате как глагольной, так и именной основы простой, сложной и составной структуры. Причем в предикатах непереходной глагольной и именной основы синтаксическое субъектное лицо обозначается префиксами ряда *д*.

сара с-цәажәоит	«Я разговариваю».
уара у-цәажәоит	«Ты (м.) разговариваешь».
бара б-цәажәоит	«Ты (ж.) разговариваешь».
иара д-цәажәоит	«Он разговаривает».
лара д-цәажәоит	«Она разговаривает».
ҳара ҳ-цәажәоит	«Мы разговариваем».
шәара шә-цәажәоит	«Вы разговариваете».
дара (и)-цәажәоит	«Они разговаривают».

сара с-хуҷуп	«Я маленький».
уара у-хуҷуп	«Ты (м.) маленький».
бара б-хуҷуп	«Ты (м.) маленькая».
иара д-хуҷуп	«Он маленький».

лара д-хуҵуп	«Она маленькая».
ҳара ҳ-хуҵқуоуп	«Мы маленькие».
шәара шә-хуҵқуоуп	«Вы маленькие».
дара (и)-хуҵқуоуп	«Они маленькие».

сара ашәаҳәара с-алагеит	«Я начал петь».
бара ашәаҳәара б-алагеит	«Ты начала петь».
уара ашәаҳәара у-алагеит	«Ты (м) начал петь».
иара ашәаҳәара д-алагеит	«Она начала петь».
лара ашәаҳәара д-алагеит	«Она начала петь».
ҳара ашәаҳәара ҳ-алагеит	«Мы начали петь».
шәара ашәаҳәара шә-алагеит	«Вы начали петь».
дара ашәаҳәара и-алагеит	«Они начали петь».

сара с-ырцаҩ бзиоуп	«Я хороший учитель».
уара у-рцаҩ бзиоуп	«Ты (м) хороший учитель».
бара б-ырцаҩ бзиоуп	«Ты (ж) хорошая учительница.

иара д-ырцаҩ бзиоуп	«Он хороший учитель».
лара д-ырцаҩ бзиоуп	«Она хорошая учительница».
ҳара ҳ-арцаҩ бзиақуоуп	«Мы хорошие учителя».
шәара шә-ырцаҩ бзиақуоуп	«Вы хорошие учителя».
дара и-рцаҩоцәа бзиақуоуп	«Они хорошие учителя».

В составном глагольном предикате синтаксическое субъектное лицо обозначается обычно в вспомогательной части, однако в определенных случаях оно может обозначаться в основной и вспомогательной частях или в одной основной части. (Это зависит от того, чем выражены основная и вспомогательная части).

Есма а ц ә а ж ә а р а д-а л а г е и т. (Д. Г.) «Эсма стала разговаривать». Уара асцәкьа у- с м а ц ә ҳ а р kалон. (И. П.) «Ты мог не ругать меня так крепко». Сара абра цьаранза с - н е и р с -ҭ а- х ы у п. (Д. Г.) «Я хочу пойти куда-то».

Субъектное лицо обозначается обычно в вспомогательной части и при именном составном предикате. Однако в определенных случаях оно может обозначаться в обеих частях или лишь в основной части.

Уи аҵьар kаҵшь еидгыла мазаныkугаҩыс д-а м о у п. («Ала-

шара»). «Тот является секретарем Общества Красного Креста». Мазлоу иҟамчы налхьиҟьан д-л а х а д-а а ш ь ҭ а х є и т. («Аџс. л.») «Мазлоу ударил ее плетью, и она превратилась в собаку». Урҭқуа зегьы башоуп, у и д-у а◌ҩ қ ь и о у п. («Аџс. л.») «Это все ни к чему, он добрый, честный человек».

Категория класса в связи субъекта с предикатом

Категория класса в связи субъекта с предикатом реализуется лишь во втором и третьем лицах единственного числа. В первом лице единственного числа и во всех лицах множественного числа категория класса не получает своей реализации. Причем в субъектном компоненте (как и в объектном) предикативного словосочетания не имеет места морфологически выраженная оппозиция по классам. Тут различие по классам носит преимущественно семантический характер. Это связано с тем, что семантическое деление имен по классам не получает в них морфологического выражения в форме единственного числа. Оно не имеет регулярного выражения и в форме множественного числа имен, так как и тут нет специальных формантов для выражения категории класса. Суффиксы же множественного числа, использующиеся в этой функции, не образуют регулярной оппозиции по классам. И при наличии морфологического различия имен по классам во множественном числе исключалась бы связь субъекта с предикатом в классе, поскольку предикат во множественном числе (по субъектному и объектному лицам) не различает классов.

Таким образом, говоря о связи субъекта с предикатом в классе, мы можем иметь в виду лишь морфологическое обозначение семантического различия субъектных компонентов по классам в предикате с соответствующими классно-личными префиксами. Если субъект выражен именем или другим субстантивированным словом (или словосочетанием, инфинитной конструкцией) с семантикой класса вещей, то в предикате он (субъект) получает соответствующее морфологическое обозначение.

А ҟ а р м а ц ы с абжьы ҳаракны и-ш ә а ҳ ә о и т. «Соловей громко поет». Лыхцәы цшқа шьқьыруа лызқуа и-қуын. (И. П.) «Косы ее пышные лежали на спине». Иан изыҟалцаз и у а п а к ь а ҿ и-ц а р ш ә у п. (Б. Ш.) «Лежит под ним короткая бурка,

приготовленная матерью». Амра амшын и - н з а а л е и т. (С. Ч.) «Солнце опустилось в море». Аҩынқуа и-р ҩ н а л е и т маҵцас а г ә ы р ҩ а. (Б. Ш.) «Пошло по дворам, словно змея, горе».

Если же субъект выражен словом с семантикой класса человека, то в предикате он получает соответствующее морфологическое обозначение.

Ара д-ыҟам атәы, д-ыҟам аҕар. (Б. Ш.) «Здесь нет раба, нет бедного». Ҭоркангьы д-ҩагылан, ажәжәаҳәа аҽеилаҳәара д-а ҿ ы н. (Д. Г.) «Торкан встал и впопыхах стал одеваться». У а х с и т иақуцоз уаҳа илымшо д-а а ц с а н, д-к а ҳ а и т. (Н. С.) «Боровшийся с Уахситом устал и упал». А з ы р ш ы и а ц ә ш ә а з амца д-ақуцалт. (Поговорка) «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь». А у а а и р ҽ и ц ә о у ауаа д-ырхыччоит. (Поговорка) «Тот, кто хуже всех, смеется над всеми». Уи шәацхьа д-т ә о у п. (С. Ч.) «Тот сидит перед вами». У а р а у-ц ә а ж ә о и т. «Ты (м.) разговариваешь». Б а р а ашәҟу б-а ц х ь о и т. «Ты (ж.) читаешь книгу».

Категория числа в связи субъекта с предикатом

Между субъектом и предикатом устанавливается связь в числе. Связь в числе, как правило, морфологически маркирована в обоих компонентах. В предикате она выражается вместе с лицом и классом субъектными личными префиксами, в субъектном же компоненте форма множественного числа выражена суффиксами -қуа, -цәа, -аа//раа, форма единственного числа маркируется нулевым формантом. Связь в числе всегда направлена от субъектного компонента к предикату, т. е. она предопределяется категориальной формой числа субъектного компонента.

Акьаҿ д-ҩамзеит, ау д-ымлаҟуит. (Поговорка) «Короткий не достал, высокий не нагнулся». И-шәҭит раҵхьа аҳәаса. (Б. Ш.) «Расцвела сначала алыча». Абзацәа ҳ-ақузааит, аҵсцәа (и)-бзахоит. (Б. Ш.) «Живые (мы) исчезнем, мертвые воскреснут». Икуша инатәалон ахуҷқуа гурҷьацәа... (Б. Ш.) «Вокруг него рассаживались радостно дети».

Предикат согласуется с субъектом в форме собирательности во множественном числе.

Гуп ҩ ык ауааҩәлар «Метрополь» ашәахь рҿаа-р-хеит. (И. П.) «Группа людей направилась (направились) к дверям «Метрополя». Аҿар асоцеицлабра еиҿы-р-кааит. «Молодежь организовала (ор-

ганизовали) соцсоревнование». Аҵь амҵа ауаа еиҵә-ажәо и-тәан. (И. П.) «У дуба сидел (сидели) народ, беседуя».

Бывают случаи, когда число в субъектном компоненте не маркировано. И в таких случаях семантическое значение числа субъектного компонента получает свое морфологическое выражение в предикате.

Аҩыцьагьы астол иахатәаны... аҵатәы аҵара и-аҷын. (И. П.) «Оба, сидя за столом, учили задание». Ҩыцьа (и)-ҷкуынцәан, азәы д-ызʒабын. («Алашара») «Двое были парни, одна была девушка». Иааиз ашә д-асуа д-алагеит. (И. П.) «Пришедший стал стучаться в двери». Аҵла (и)-гылоуп рыцсы заны. (Б. Ш.) «Деревья (дерево) стоят, притаившись». Азыршы иацәшәаз амца д-ақупалт. (Пословица) «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь». Аш ьыжь ишьацәхныслазшьыбжьааныза д-шьацәхныслоит. (Пословица) «Споткнувшийся утром, спотыкается до обеда». И-неибарччеит астол иахатәаз. (И. П.) «Засмеялись сидевшие за столом». Абилеҭ змаз иҵысны ашәахь рҷына-р-хеит. (И. П.) «Имевшие билеты двинулись к дверям».

Связь между субъектом и переходным глаголом-предикатом

Вышеописанная связь между субъектом и непереходным глаголом-предикатом в лице, числе и классе воспроизводится полностью и в данном случае. И поэтому здесь нет надобности повторять ее. Мы остановимся лишь на различии, заключающемся в средствах выражения этой связи.

Связь субъекта с переходным глаголом-предикатом в лице, числе и классе обозначается в предикате классно-личными префиксами ряда *л.* Причем дифференциация класса человека на подкласс мужчин и подкласс женщин происходит как во втором, так и третьем лицах единственного числа.

Зина и-л-уанҭоит аҵкы. «Зина гладит платье». Алиас ахуҵы д-и-аазоит «Алиас воспитывает ребенка». Уара ашәкуҷыц аа-ухуеит «Ты (м.) купил новую книгу». Бара аҵаҩы ил-б-ырҵоит, аҵхьара «Ты (ж.) учишь ученицу читать». Уара д-у-бама нас хаҭала? (Б. Ш.) «Ты сам увидел его самого?» Сеибашьуазҭгьы сабҵьар нкыла, Сыҵсадгьыл ду са и-сыхьчон, Ашьа азка-сҭәон Аҵсынтәыла, Схатәы бызшәа са и-сыхьчон. (Б. Ш.) «Воюя

с винтовкой в руках, я защищал свою великую Родину, за Абхазию я кровь проливал, защищал я свой родной язык». Бара быцә, нан, урҭ зегьы бара гурҩас иҟа-б-ымҵан! (Д. Г.) «Ты, родная, спи, за все это ты не переживай!» Урҭ и-р-фоит акуац, акутыжь... (Б. Ш.) «Они (те) едят мясо, курятину». Иуиаааиуа ааида уале-и-шшуеит. (Пословица). «Победитель твой приплетет тебя к забору».

Связь между ближайшим объектом и предикатом

Ближайший объект возможен лишь при переходном глаголе предикате. Между ближайшим объектом и предикатом устанавливается также связь в лице, числе и классе. В объектном компоненте связь эта выражается точно так же, как в субъектом компоненте. В предикате же связь с ближайшим объектом обозначается личными объектными префиксами ряда *д,* занимающими всегда первую позицию. Связь направлена от ближайшего объекта к предикату. Объектное лицо предиката может быть и предопределено:

1)семантикой объектного компонента: Сара уи аҭаҳмада с- иаазахьан. («Аҵс. л.») «Меня воспитал тот старик». Ҳара аҵшәма ҳ-неиҵхьеит аҩныҟа «Нас пригласил хозяин в дом»;

2) синтаксической позицией (говорящего, адресата и неучаствующего в речи) объектного компонента: Мез данындәылҵ Леуарса д-ибеит (И. П.) «Мез, когда вышел из дому, увидел Леуарсу». Ҷнагу уаҟа д-рыдыркылт. (М. Л.). «Чнагуа там приняли». Ҳанашә дытҟуаны д-ыргеит наҟ нхыҵҟа асазқуа. (М. Л.) Ханашва, полонив его, забрали по ту сторону садзы». Бзиала ууабеит, улеи арахь! – иҳәан и г ы л а з аҩныҟа д-ааиҵхьеит. (М. Л.). «Добро пожаловать! – сказал он и пригласил в дом стоявшего». Днаигуҵасны д-ааирҿыхеит ахара з д ы з . (М. Л.) «Толкнул и разбудил он обвиняемого». А с т у д е н т ц ә а сынтәа чаихыхра ҳ-дәыкурҵоит. «Студентов (нас) в этом году посылают на сбор чая»;

3) морфологической формой лица объектного компонента: Ухаҭа у-сшьуеит «Тебя самого убью». Ҳҩыцьагьы заагара ҳ-дәыкурҵеит «Нас обоих послали по воду».

Семантическим различием объектных компонентов по классам предопределяется также класс предиката (по объекту): Сара д-саазеит а х у ҷ ы «Я воспитал ребенка». Зина и-лаазеит а с ы с . «Зина вырастила ягненка». Сыегьы ҳамҭас иара и-сҭоит («Алашара») «Я ему подарю и своего коня». И-аагишь арахь скамчы! (М. Л.). «Принеси-ка сюда мою плеть».

Связь ближайшего объекта с предикатом в числе предопределяется категориальной формой числа объектного компонента.

Ҳ а с а с ц ә а акрыҏаԥаны и-шьҭашәԥа... (М. Л.) «Накормите и уложите наших гостей». Ачқун имакуан дылҭаԥшын и-аатихт иԥшзаза иҟаз шәкук. (М. Л.) «Мальчик открыл сумку и вытащил одну красивую книгу». Фрач асасцәа и-ныҳәеит, Леуарса д-иныҳәеит разнала ичаԥаз аԥатхьала. (И. П.) «Фрач поднял тост за здоровье гостей и Леуарсы». Аҭаҳмада Цыгу Ҳанашә…. Ашәшьыра дыҧатәаны а ж ә ц ә с и м а а қ у а (и)-изахуан «Старик Цыгу Ханаш, сидя в тени, шил чувяки».

Связь между косвенным (лично-относительным) объектом и предикатом

Предикат вступает в связь в лице, числе и классе и с косвененным объектом. Причем эта связь и в данном случае направлена от косвенного объекта к предикату и может быть предопределена категориальной формой, семантикой или синтаксической позицией объектного компонента. В этом отношении косвенный объект не обнаруживает никаких отличий от ближайшего объекта. Различие обнаруживается лишь в обозначении связи в предикате. Косвенный объект возможен лишь при полиперсональном непереходном глаголе-предикате или при трехличном переходном глаголе-предикате. В обоих случаях связь в предикате обозначается объектными аффиксами ряда *л.* Причем, как показали последние исследования К. В. Ломтатидзе, объектные аффиксы ряда *л* подразделяются на префиксы ряда *л* с аффиксом косвенного отношения и префиксы ряда *л* без аффикса косвенного отношения[1].

Уара с а р а у- с а-цәажәоит. «Ты (м.) разговариваешь со мной»;

Сара у а р а с - у а-цәажәоит. «Разговариваю с тобой (м.)»;

Сара б а р а с - б а-цәажәоит. «Я разговариваю с тобой (ж.)»;

Сара и а р а с-и а-цәажәоит. «Я с ним разговариваю»;

Сара л а р а с - л а-цәажәоит. «Я с ней разговариваю»;

Сара ш ә а р а с-шә-а-цәажәоит. «Я с вами разговариваю»;

Сара дара с - р а-цәажәоит. «Я с ними разговариваю».

[1]К. В. Ломтатидзе. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков, 1. Фонологическая система и фонетические процессы (на грузинском языке, резюме на русском). Изд. «Мецниереба». Тбилиси, 1976, стр. 90 и сл.

Сара уара и-у-сыркит ашәқу. «Я передал тебе (м.) книгу»;
Сара бара и-б-сыркит ашәқу. «Я тебе (ж.) передал книгу»;
Сара лара и-л-сыркит ашәқу. «Я ей передал книгу»;
Сара иара и-и-сыркит ашәқу. «Я передал ему книгу» и т. д.

Как это отмечено в специальной литературе, бывают случаи, когда формант косвенного объекта в предикате заменяется превербом-основой[1]. Это бывает при объекте (косвенном) в форме ед. числа, во множ. же числе формант косвенного объекта в предикате восстанавливается.

Сара аҟуардә сы-қу-тәеит «Я сел на табуретку», но: Сара аҟуардәқуа с-р-ықутәеит «Я сел на табуретки».

Преверб, заменяющий объектный формант, в этих случаях связан с объектом локально-пространственным значением.

Сара аҩны сыҩналеит «Я вошел в дом». Миха аҕба дҭалеит «Миха сел (вошел) на пароход». Ашәарыцаҩ ашьха дхалеит «Охотник поднялся (взобрался) на гору».

Как видно из примеров, связь объекта с предикатом в этих случаях носит двоякий характер. В форме множ. числа объект связан с предикатом, как это бывает обычно, категориями лица и числа. В форме же ед. числа объект примыкает к предикату локально-пространственной семантикой. Причем употребление того или иного преверба-основы предопределяется семантикой объекта.

Ср.: Ашьха с-ха-леит «Я взобрался на гору», но: Азы с-ҭа-леит «Я вошел в воду»; Ақды с-ықу-тәеит «Я сел на бревно», но: Акабина с-ҭа-тәеит «Я сел в кабину».

Таким образом, связь и в данном случае направлена от объекта к предикату.

Естественно, удаление из предложения объекта вместе с обусловливаемым им превербом-основой вызывает разрушение структурной основы. Это говорит о том, что косвенный объект и в данном случае остается конституирующим компонентом структурной основы предложения.

Выше мы подробно описали направление связи от предиката к субъекту и объекту через посредство двух рядов личных аффиксов. И нет необходимости повторять его здесь.

[1]К. В. Ломтатидзе. К структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке. ИКЯ, т. IV. Тбилиси, 1953, стр. 125.

Краткие выводы:

1. Между компонентами структурной основы предложения устанавливается двусторонняя соподчинительная связь, направленная, с одной стороны, от именных (субъекта и объекта) компонентов к глагольному, и от глагольного к именным, с другой.

2. Направление связи от именных компонентов к глагольному выражается в подчинении глагольного компонента именным (субъекта и объекта) в лице, числе и (в опред. случаях) классе.

Лицо, число и класс глагольного компонента может предопределяться:

а) категориальной формой лица именного компонента: Ҳ-ҩыцьаҕы ашколахь ҳцеит. «Двое (мы) пошли в школу»;

б) лексической семантикой именного компонента: Иара лара д-л-ацәажәоит. «Он говорит с ней»; Бара сара б-с-ацәажәоит. «Ты (ж.) со мной говоришь»;

в) синтаксической позицией именного компонента: Атцаҩцәа арҵаҩы ҳ-и-ацәажәоит. «Ученики (мы) говорим с преподавателем».

Использование аффиксов двух рядов для обозначения субъекта и различие их позиции находится в прямой зависимости от переходности и непереходности глагольного компонента:

а) переходный глагольный компонент требует обозначения субъекта аффиксами ряда *л* и постановки их на вторую позицию;

б) непереходный глагольный компонент требует обозначения субъекта аффиксами ряда *д* и постановки их на первую позицию;

в) употребление одного и того же ряда (ряда д) личных аффиксов и для обозначения субъекта предложения непереходного строя с его первой позицией и для обозначения ближайшего объекта предложения переходного строя с его той же первой позицией находится в прямой зависимости от переходности и непереходности глагольного компонента.

Механизм эргативной конструкции предложения находит свое полное синтаксическое выражение в предложении абхазского языка.

Г Л А В А II

СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В предыдущей главе, исходя из внутренней синтаксической связи, которая устанавливается между субъектом и предикатом, с одной стороны, и объектом, и предикатом, с другой, мы установили, что:

1) субъект и объект в синтагме занимают равноправные синтаксические позиции; 2) предикат является организующим центром синтагмы. Однако связь эта оказалась характерным, но не определяющим признаком для предикативной синтагмы, тем самым мы не дошли до полного определения ее структурной основы.

В настоящей главе мы рассмотрим структурную основу предложения[1] в связи с его грамматическим значением и системой форм его выражения.

Структурная основа определяется как тот минимум предложения, с которым связано формирование и выражение грамматического значения предложения – предикативности. Следовательно, структурная основа и ее грамматическое значение рассматриваются как означающее и означаемое, каждое из которых должно получить свое определение лишь во взаимосвязи с другим.

Однако следует указать на отсутствие единства взглядов у грамматистов по вопросу о сущности категории предикативности и в каких языковых формах она проявляется. Нет общепринятой точки зрения и по вопросу о соотношении предикативности и модальности. Мы здесь не ставим целью обобщение существующей многочисленной литературы по этим вопросам[2], укажем лишь на

[1]В дальнейшем изложении мы будем пользоваться термином «предложение» вместо «предикативная синтагма».

[2]См. по этим вопросам: **П. В. Чесноков**. Основные единицы языка, мышления Ростов, 1966; Логическая фраза и предложение. Ростов, 1961, **И. П. Распопов**. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961, стр. 34; Проблема предикативности, в лингвистической литературе. В кн.: «Материалы и наблюдения по русскому языку». Ученые записки Башкирского госуниверситета им. 40-летия Октября, вып. 8, серия «Филолог, науки», 2(6). Уфа 1961, стр. 3; К вопросу о модальности предложении. В кн.: «Ученые записки Благовещенского

госпединститута им. М. И. Калинина, т. 8. Благовещенск, 1957, стр. 177; **Г. В. Колшанский.** Логика и структура языка. М., 1965; **В. З. Панфилов**. Взаимоотношение языка и мышления. М, 1971, стр. 166; **А. В. Исаченко.** Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, часть 2. Братислава, 1960; **В. Г. Адмони.** О предикативности. Ученые записки ЛГПИ, ф-т иностр. языков, т. XXVIII, вып. 2. Л., 1957; Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности. НДВШ, серия «Филол. науки», 1960; 1. О двусоставности предложения. Ученые записки 1 ЛГПИИЯ, 1955, вып. 2; **М: И. Стеблин-Каменский.** О предикативности. Вестник ЛГУ, 20, вып. 4. Л., 1956; **В. В. Виноградов**. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды Института русского языка, т. 2. М. – Л., 1956; Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 389; Некоторые вопросы изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка), ВЯ, 1954, 1, стр. 3; **А. Б. Шапиро**. Модальность и предикативность как признаки предложения в совр. русск. языке. НДВШ, «Филол. науки», 1958, 4; **Л. С. Ермолаева**. К вопросу о соотношении модальности и предикативности (на материале германских языков), НДВШ, «Филол. науки», 1961, 4; **Г. В. Колшанский.** К вопросу о содержании языковой категории модальности, ВЯ, 1961, стр. 94; **В. Ф. Шабалина**. К вопросу о выражении категории модальности в русском языке. (Автореф. канд. диссертации). Л., 1955; **Г. А. Золотова**. О модальности предложения в русском языке. НДВШ. «Филол. науки», 1962, 4; **Л. Г. Фридман**. О модальности вопросительных предложений в совр. русск. языке. Конференция по вопросам грамматики герм. и романских языков. М., 1959 (Тезисы докладов); **М. Д. Натанзон**. О модальности предложения. Конференция по вопросам грамматики герм. и романских языков. М., 1959 (Тезисы докладов); **Н. Ю. Шведова**. Парадигматика простого предложения в совр. русск. языке (Опыт типологии), в кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967; О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения». В кн.: «Мысли о совр. русск. языке». М., 1969, стр. 67; Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966, стр. 146; **Н. М. Александров.** О предикативном отношении. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., 1975, стр. 133; **А. В. Бондарко.** Об актуализационных признаках предложения. Там же, стр. 139; **Г. А. Золотова.** К понятию предикативности. Там же, стр. 147; **Г. М. Райхель.** Предикативность и предложение. Там же, стр. 160; **П. В. Чесноков**. О предикативности как свойстве предложения.

то понимание категории предикативности, которое является, с нашей точки зрения, наиболее приемлемым.

В советской лингвистической литературе абсолютное большинство исследователей, при определении категорий предикативности и модальности, основывается, главным образом; на известных положениях В. В. Виноградова о том, что «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности», что «отношение сообщения, содержащегося в предложении к действительности – это и есть прежде всего модальные отношения»[1].

Однако, как видно из приведенной цитаты, определения предикативности и модальности по существу не различаются. Эта недифференцированность имеет место в специальной литературе, по существу, и по сей день.

Говоря об этом факте, И. А. Андреев пишет в своей докторской диссертации «Структура простого предложения в современном чувашском языке»: «Мы не можем здесь ставить себе целью ни разграничение предикативности от модальности, ни установление различных видов модальности. Эти задачи должны решаться общей теорией языка. Поскольку четкого разграничения предикативности и модальности не существует, а выражение отношения говорящего к содержанию сообщения может быть одинаково квалифицировано как модальность и как предикативность, мы считаем для себя возможным использовать оба существующих термина»[2].

По определению Н. Ю. Шведовой, категория модальности является неотъемлемой частью более широкой категории – категории предикативности. Различие их падает на категорию синтаксического времени: «Простое предложение, – читаем мы у нее, – обладает категориями объективной модальности и синтаксического времени и соответствующей системой средств их выражения. Обе

Там же, стр. 171; **В. З. Панфилов**. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения, ВЯ, 4, 1977, стр. 37; **Л. С. Ермолаева.** Типология системы наклонений в современных германских языках, ВЯ, 4, 1977, стр. 97.

[1]В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). В кн.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 404, 405.

[2]И. А. Андреев. Структура простого предложения в современном чувашском языке (рукопись). Чебоксары, 1970, стр. 591 - 592.

эти категории не существуют друг без друга, они образуют неразрывное единство – категорию предикативности (разрядка автора), которая присутствует в каждом предложении и является его грамматическим значением (разрядка автора)[1].

По данным Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой категории лица и времени в одном случае отделяются от категории модальности, в другом же случае категория времени включается в понятие объективной модальности. «Грамматическими средствами выражения предикативности является, – пишут они, – категория времени..., категория лица... и категория модальности»[2] и далее: «Грамматическим средством выражения объективной модальности является категория наклонения, категория времени, различные типы интонации (интонация сообщения, интонация вопроса) и др.»[3]

В. З. Панфилов последовательно и настойчиво отстаивает ту мысль, что «сказуемость и предикативность принадлежат к различным уровням членения предложения. В то время как сказуемость является принадлежностью синтаксического уровня членения предложения, предикативность как отнесенность содержания предложения к действительности, т. е. тот признак предложения, благодаря которому оно становится относительно законченным актом высказывания (или мысли) о действительности, является принадлежностью логико-грамматического, а не синтаксического уровня членения предложения»[4].

Не отрицая наличия двух уровней членения предложения, мы в настоящей работе касаемся лишь синтаксического уровня членения предложения и придерживаемся того положения, согласно которому предикативность определяется как отнесенность содержания предложения к действительности и выражается в синтаксических категориях лица, времени и модальности. При этом мы будем учитывать тот факт, что грамматические категории, посредством которых формируется и выражается предикативность, должны находиться в определенной взаимозависимости, и не могут быть строго изолированными друг от друга.

[1]Н. Ю. Шведова. Простое предложение. Основн. понятия. В кн. «Грамматика совр. русск. лит. языка». М., 1970, стр. 542.

[2]Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976, стр. 308.

[3] Там же, стр. 180.

[4]В. З. Панфилов. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения, ВЯ, 4, 1977, стр. 38, 39.

О категории лица

По отношению к категории лица существуют два противоположных мнения. Согласно первому, категория лица – необходимый элемент предикации. Согласно же второму мнению, категория лица не участвует в формировании и передаче предикативности.

«Во всяком предложении категория предикативности находит свое полное или частичное выражение, – пишет акад. В. В. Виноградов. – Способы ее выражения, связанные с синтаксическими категориями лица, времени и модальности, бывают морфологическими, конструктивно-синтаксическими и интонационно-синтаксическими»[1]. По мнению А. В. Исаченко, к «предикативным категориям относятся: грамматическое лицо, грамматическое время, наклонение глагола»[2]. «Категория лица должна быть включена в предикативное ядро предложения, где она выражается позитивно или негативно...», – утверждает Ю. М. Костинский[3].

По мнению Н. С. Поспелова, «...в языке нет места для абсолютно безличных предложений, так как и безличным предложениям свойственна категория лица, в ее более широком, синтаксическом понимании». И далее: «И именно связь в моральном плане индикатива категории времени-наклонения с категорией лица является средством выражения предикативности предложения»[4].

Н. Ю. Шведова в статье «Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм», вышедшей в 1965 г., категорию лица включает в число предикативных категорий. Вот, что она по этому поводу пишет: «...И лишь по отношению к предложению определение его форм продолжает опираться только на одно из его частных выявлений, без учета всей их совокупности, системы. Между тем очевидно, что если исходить из понимания предложения как коммуникативной единицы, фор-

[1]В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. В кн.: «Вопросы грамматич. строя», стр. 408.

[2]А. В. Исаченко. Грамматич. строй русского языка в сопоставлении с словацким, часть II, стр. 127.

[3]Ю. М. Костинский. О двусоставности предложения. Журн. «Русский язык в школе», 1969, 4, стр. 104.

[4]Н. С. Поспелов. Прямое и относительное употребление форм наст. и буд. врем. глагола в совр. русском языке. В сб.: «Исследования по грамматике русского литературного языка». Изд. АН СССР. М., 1955, стр. 206.

мирующейся взаимодействием категорий синтаксического времени, синтаксического лица и объективной модальности (реальность-ирреальность), то определение формы предложения следует конструировать на основе всех возможных в границах его структуры реальных существований этих категорий». (В сноске: «Синтаксическая категория лица организуется противопоставлением «личность-безличность» и уже заложена в противопоставлении «двусоставность-односоставность»)[1]. А в статье «Парадигматика простого предложения в современном русском языке», вышедшей двумя годами позже она уже не включает категорию лица в число предикативных категорий. «Из сказанного ясно, – пишет Н. Ю. Шведова в сноске, – что мы не можем согласиться с включением в систему парадигматических изменений противопоставлений по категориям лица и числа..., как это делается в работе Е. А. Седельникова. Эти категории не относятся к числу тех, которыми организуется предикативность в изложенном выше понимании»[2].

В настоящее время вряд ли найдется такой лингвист, который бы не различал морфологическое лицо и синтаксическое лицо. Однако не лишне указать, что лицо, выраженное морфологически в глаголе или лексически в личных местоимениях и лицо синтаксическое, связанное с субъектно-объектными отношениями, – явления разных языковых уровней в разных значений. Современному языкознанию известно немало примеров, когда в языке полностью отсутствует морфологически выраженное лицо. Это имеет место в языках, где глагол не различает лиц, а личные местоимения, как обычно, выражают значение лица своим лексическим значением.

Это явление имеет место и среди иберийско-кавказских языков, одной из характерных черт которых является полиперсонализм (особенно абхазско-адыгские языки). Примером могут служить лезгинские языки (лезгинский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский и др.), в которых (кроме удинского, табасаранского, хиналугского языков) глагол не различает лиц. А в одном из них, лезгинском, глагол не различает ни лиц, ни чисел ни классов[3]. Зна-

[1]Н. Ю. Шведова. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм. В кн.: «Проблемы современной филологии». Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., 1965, стр. 282.

[2]Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения... В сб.: «Русский язык, Грамматические исследования», М., 1967, стр.10.

[3]См. Е. А. Бокарев. Лезгинские языки. Языки народов СССР, т. IV, стр. 524.

чит ли это, что в лезгинском предложении нет категории синтаксического лица? Безусловно, нет. Ибо три акта речи: говорящий, собеседник и не участвующий в речи не могут быть определены без синтаксического лица. А без различения этих понятий предложение не в состоянии выполнить свою основную функцию – функцию коммуникации.

Еще Эдуард Сепир указывал, что «можно умолчать о времени, месте и числе и о множестве других понятий всякого рода, но нельзя увернуться от вопроса, кто кого убивает. Ни один из известных нам языков не может от этого увернуться, равно как он и не может выразить что-либо, не прибегая к символам для конкретных понятий[1].»

Мы разделяем точку зрения Г. А. Золотовой, согласно которой «синтаксическая категория лица, наряду с категориями модальности и времени, выражает отнесенность высказывания к действительности через ситуацию речевого общения, создаваемую соотношением его участников, поэтому под синтаксической категорией лица следует, очевидно, понимать соответствие субъекта – носителя действия, состояния, признака, о котором сообщается в предложении, одному из трех лиц участников – не участников общения[2].»

Следует добавить лишь то, что в абхазском языке категорией лица обозначается соответствие не только субъекта одному из трех лиц участников – не участников общения, но и объекта (личноотносительного).

Миха сара с-иаазоит	«Миха меня растит».
Миха уара у-иаазоит	«Миха тебя (м.) растит».
Миха бара б-иаазоит	«Миха тебя (ж.) растит».
Миха иара д-иаазоит	«Миха его (ч.) растит».
Миха лара д-иаазоит	«Миха ее (ж.) растит».
Миха ҳара ҳ-иаазоит	«Миха нас растит».
Миха шәара шә-иаазоит	«Миха вас растит».
Миха дара (и)-иаазоит	«Миха их растит».

Синтаксическое лицо может быть выражено самыми различными средствами (лексически с помощью личных местоимений,

---

[1] Э. Сепир. Язык, стр. 73.

[2] См. Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Изд. «Наука». М., 1973, стр. 158.

морфологически-личными формами глагола, синтаксически – структурной основой предложения).

В абхазском языке синтаксическое лицо получает свое выражение преимущественно в личных аффиксах, указывающих на лицо не только субъекта, но и объекта (объектов.). Выполняя функцию отсутствующих в абхазском языке падежей, они наряду с лицом, числом и классом (в определенных случаях), указывают своей строго фиксированной позицией и на субъектно-объектные различия в непереходных и переходных глаголах.

Например:

Аԥаҩцәа ахуҵқуа ҳ-р-ацәажәоит «Учителя (мы) с детьми разговариваем». Аԥаҩцәа ахуҵқуа шә-р-ацәажәоит «Учителя с детьми разговариваете». Аԥаҩцәа ахуҵқуа и-р-ацәажәоит «Учителя с детьми разговаривают». Аԥаҩцәа ахуҵқуа шәҳацәажәоит «Учителя (вы) с детьми (нами) разговариваете». Аԥаҩцәа ахуҵқуа шә-р-ацәажәоит «Учителя с детьми (ними) разговариваете». Аԥаҩцәа ахуҵқуа р-ацәажәоит «С учителями дети разговаривают».

Как видно из сопоставления этих предложений, слова аԥаҩцәа «учителя», ахуҵқуа «дети» в них выступают в функции и субъекта, и объекта, и первого лица, и второго, и третьего, не претерпевая при этом абсолютно формальных изменений. Различия субъектно-объектные личные и числовые (единств. и мн.) выражаются лишь личными аффиксами.

Бывают определенные случаи, когда личный аффикс (субъектный или объектный) опускается в предикате, а именные компоненты (субъект и объект) не имеют значения лица.

Например, субъектный:

зегьы-цеит «все ушли»,
аеы-ҳәуеит «конь пасется».

объектный:

Ашәарыцаҩ ажьа - ишьит «Охотник убил зайца».
Аԥаҩы ашәқу - ааихуеит «Ученик купил книгу».

В таких случаях синтаксическое лицо выражается всей структурной основой, т. е. синтаксической позицией именного компонента в структурной основе. А синтаксическая позиция именного компонента в отношении лица выявляется в оппозиции морфологически невыраженного ряда с морфологически выраженным рядом. Тут надо учитывать то, что функция синтаксического лица выявляется в синтагматическом ряду, т. е. в синтаксических отношениях между соответствующими компонентами синтагмы.

Ср.: 1. Миха ауаҩы д-иааҙеит «Миха вырастил человека».
2. Миха ала и-аазеит «Миха вырастил собаку».
1. Миха д-цәажәоит «Миха разговаривает».
2. Аҽы и-ҳәуеит «Конь пасется».

Следует отметить, что опускается личный аффикс третьего лица (субъектный и объектный) в позиции непосредственно после соотносительного компонента (объектного или субъектного) (примеры выше). А в других позициях он не опускается.

Например, в препозиции:

и-ҳәуеит аҽы «пасется конь»,
и-ҳәуеит аҽқуа «пасутся кони»,
и-цәажәоит ахуҵқуа «разговаривают дети».

Сара арцаҩы с-и-ацәажәоит «Я с учителем разговариваю».

Опускаются субъектные аффиксы ед. ч. второго лица у, б при глаголе-предикате в положительно-повелительной форме.

Например:
уара ахуҵы д-(у)-ааза «ты (м.) вырасти ребенка»,
бара ахуҵы д-(б)ааза «ты (ж.) вырасти ребенка».

Данный случай опущения субъектного аффикса не является позиционным, а увязывается с историей классно-личного спряжения глагола[1].

[1]См. по этому поводу: К. В. Ломтатидзе. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола. ИКЯ, т. II. Тбилиси, 1948, стр. 1 (на грузинском языке, резюме на русском).

Бывают случаи, когда субъектный аффикс в именном составном предикате заменяется аффиксом относительного местоимения, не различающего ни лица, ни числа, ни класса.

Аффикс и в данном случае указывает лишь на то, что соотносительный с ним компонент синтагмы имеет функцию субъекта.

Сара акиацәымшәо еибашьӡоуп «Я бесстрашный боец».

Уара акиацәымшәо еибашьӡоуп «Ты бесстрашный боец».

Иара акиацәымшәо еибашьӡоуп «Он (м.) бесстрашный боец».

Ҳара акиацәымшәо еибашьцәоуп «Мы бесстрашные бойцы».

Ҭемыр акиацәымшәо еибашьӡоуп «Темыр бесстрашный боец» и т. д.

Синтаксическое субъектное лицо не имеет своего морфологического выражения и в том случае, когда структурная основа предложения полностью лишена синтаксической позиции субъекта. Таких примеров немного в абхазском языке, но встречаются.

Например:

Ишеит «рассвело». Хьҭоуп «холодно» («холодно есть»). Зынроуп «зима» (зима есть).

Однако, с нашей точки зрения, надо учесть то обстоятельство, что действие или состояние, которое выражено компонентом структурной основы, соотносится синтаксически с третьим лицом. По крайней мере говорящий и собеседник воспринимают семантику такой структурной основы, как не относящуюся к ним, т. е. ни к первому, ни ко второму лицу, а к какому-то иному, следовательно, третьему. При полном же отсутствии значения лица нельзя было бы понять, к чему относится эта семантика. Здесь можно заметить лишь отсутствие деятеля, процессуального субъекта, или иначе субъекта действия. В аналогичной структурной основе отсутствует отношение между субъектом и предикатом. Семантика структурной основы со значением процесса или состояния непосредственно соотносится с действительностью. Схематически это можно изобразить так:

Р →Д

И в данном случае семантика структурной основы соотносится с действительностью посредством категорий синтаксического наклонения, времени и лица. Разница заключается в том, что категория синтаксического лица здесь соотносит не отношение субъекта и предиката с действительностью, а семантику предиката непосредственно с действительностью.

Существующая многочисленная литература по этому поводу и сами языковые факты не дают более правдоподобного решения этого вопроса.

Безличные предложения, соотносимые с личными типа «пахнет листвой», не встречаются в абхазском языке.

Личные аффиксы обозначают наряду с лицом, число и класс.

В связи с этим следует определить соотношение категории числа и класса с категорией предикативности.

Сразу же следует указать, что категории числа и класса не имеют непосредственного отношения к формированию и выражению категории предикативности.

Функция синтаксической категории числа заключается в том, что она дифференцирует субъект и объект с точки зрения принадлежности их к одному из двух чисел – единственному или множественному без конкретизации количества.

Аԥаҩы иааихуеит ашәкуы «ученик купил книгу». Аԥаҩцәа иаархуеит ашәкуқуа «ученики купили книги».

Категория синтаксического класса проявляется лишь во втором и третьем лице единственного числа. Функция ее заключается в конкретизации субъекта и объекта с точки зрения принадлежности их к одному из двух основных грамматических классов – к классу человека и классу вещей.

Зина лыхучы акриҿалԥеит «Зина накормила своего ребенка». Ацгуы аԥа акраҿанаԥеит. «Кошка своего котенка накормила».

Как мы уже отметили выше, синтаксическое субъектное (иногда и объектное) лицо в структурной основе предложения может иметь обобщенное или неопределенное значение лица (кстати, здесь можно указать на тот факт, что значение неопределенности и обобщенности лица может проявляться лишь на синтаксическом уровне. Лицо глагола как морфологическая единица не может иметь этих значений).

Обобщенное значение характерно для второго и третьего лица ед. числа. Однако употребление аффиксов второго и третьего лица ед. числа не связано с выражением определенного числа.

Оно является лишь формой выражения значения обобщенности лица:

Уацхьа икаҳауа у-ихымыччан (поговорка) «Перед чужой бедой не смейся (букв. не смейся над тем, кто раньше тебя упал)».

Для выражения значения неопределенности используется показатель третьего лица мн. числа р//д или и.

Астудентцәа чаихыхра идәыкурцеит. «Студентов послали на сбор чая». Аҩны рҭиуеит. «Дом продается (букв, дом продают)».

И в приведенных случаях не приходится говорить об отсутствии синтаксического лица, следует лишь указать на его специфическое значение.

Здесь ни лицо, ни число, ни класс не являются определенными. Значение, которое выражено личным аффиксом, может одинаково относиться ко всем лицам, но и только лицам. Следовательно, значение лица вовсе не потеряно, оно только обобщенное или неопределенное.

Завершая этот параграф, мы можем сделать некоторые выводы.

1. Категория синтаксического лица, если не путать ее с процессуальным субъектом, иначе с деятелем, или же логическим субъектом, является характерным признаком предикативности в абхазском языке. Она дифференцирует субъект и объект как говорящий адресат и не участвующий в речи[1].

2. Категория синтаксического лица получает свое морфологическое выражение преимущественно в личных аффиксах двух рядов, сочетающих эту функцию с функцией выражения субъектно-объектных отношений. Таким образом; категория синтаксического лица не отделима от субъектно-объектных отношений, устанавливающихся в соответствующих моделях структурной основы предложения в абхазском языке.

3. В немногих случаях синтаксическое лицо может не иметь своего морфологического выражения. В этих случаях оно выражается конструктивно-синтаксически.

Категория времени

За последнее время в связи с упорными поисками ученых, связанными с раскрытием грамматического значения предложения и

[1]См.: Ш. К. Аристава. Сказуемое (сказуемое и сказуемость). В сб.: «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 39.

форм его существования, серьезное внимание уделялось и категории времени. В связи с этим можно привести работы А. В. Бондарко[1], Н. Ю. Шведовой[2], А. В. Исаченко[3], Н. С. Поспелова[4], Г. А. Золотова[5] и др. Нельзя не согласиться с Г. А. Золотовой, когда она пишет: «Представление о категории времени русского глагола, сложившееся на основе большой грамматической традиции (работы М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Н. П. Некрасова, Л. П. Размусена, А. А. Шахматова, А. Мазона, С. Карцевского, В. В. Виноградова, А. Белича, Н. С. Поспелова, А. В. Исаченко, Е. Кржижковой и др.) в последнее время получило четкую интерпретацию на языке современных грамматических терминов и понятий в работах А. В. Бондарко»[6].

В результате исследований, проведенных вышеприведенными и другими авторами, получили четкую характеристику такие явления, как темпоральность и глагольное время, абсолютное, относи-

---

[1]А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. Изд. «Просвещение». М., 1971.

[2]Н. Ю. Шведова. Построение раздела «Синтаксис простого предложения», в кн.: «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М, 1966; Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии), в кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967; Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм. В кн.: «Проблемы совр. филологии». М., 1965; О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения». В кн.: «Мысли о современном русском языке». М., 1969.

[3]А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, морфология, часть II. Братислава, 1965.

[4]Н. С. Поспелов. Категория времени в грамматическом строе русского глагола. В сб.: «Вопросы теории и истории языка». М., 1952; Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в совр. русском языке». М., 1955. В сб.: «Исследования по грамматике русского языка». М., 1955; О разграничении прямого и относительного употребления форм настоящего времени в русск. языке. В сб. «Проблемы совр. филологии», стр. 220.

[5]Г. А. Золотова. О структуре простого предложения в русском языке, ВЯ, 1967, 6; Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

[6]Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка, стр. 171.

тельное и переносное употребление временных форм, разграничение морфологического и синтаксического времени и мн. др.

Однако имеются и такие стороны вопроса, которые не получили еще четкой формулировки, в частности, формы выражения синтаксического времени в безглагольных моделях простого предложения, в синтаксических ирреальных наклонениях и др.

Так, например, Н. Ю. Шведова утверждает, с одной стороны, что «грамматическое значение простого предложения формируется взаимодействием категорий объективной модальности и синтаксического времени», с другой же стороны, отмечает, что «категория синтаксического времени обнаруживается лишь в формах синтаксического индикатива, ... в формах же «ирреальных синтаксических наклонений категория времени не реализуется». Это «кажущееся противоречие», по ее заявлению, снимается тем, что три формы времени синтаксического индикатива противопоставляются пяти формам синтаксических ирреальных наклонений по значению временной определенности-неопределенности. «И поскольку этим противопоставлением охватываются все синтаксические наклонения, постольку можно утверждать, что нет таких существований предложения, которые были бы лишены временного значения»[1].

Некоторой непоследовательностью характеризуется и положение Е. А. Седельникова по этому поводу. «Грамматическая категория времени (как и грамматическая категория лица),— читаем мы у него, — не является общей для типов предложений современного русского языка». «В строгом смысле, грамматическая категория времени наличествует лишь в тех предложениях, где сказуемое или связка выражены формами изъявительного наклонения (в том числе нулевым знаком в позиции сказуемого или связки)», – продолжает он. Далее: «Те же предложения, в которых сказуемое или связка представлены другими формами, по временам не противопоставляются и категории времени лишены, например: Я читал бы; Быть ему студентом; Будь студентом; Читай и др.». Далее: «Но хотя эти предложения не имеют грамматической категории времени, действия и состояния, о которых в них говорится, все же соотносятся с моментом речи. Когда мы, например, говорим: «Читайте», то совершенно отчетливо осознаем, что это действие

[1]Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения. В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования», стр. 8 – 9.

не могло иметь места в прошлом, не может осуществиться одновременно с тем временем, когда мы произносим это предложение, а если оно осуществится, то только после того, как предложение «Читай-те» будет, т. с. возможность осуществления повеления относится к будущему времени...» Далее: «Отнесенность повеления к будущему времени объясняется отношениями, существующими в самой реальной действительности: повеление нельзя адресовать в прошлое, возможность его осуществления не может совпасть с моментом речи. Чтобы повеление могло быть осуществлено, нужно чтобы оно сначала было высказано».

«Таким образом, временное значение повелительных (шире побудительных) предложений может быть охарактеризовано как неграмматическое».

«Неграмматическое время свойственно также инфинитным предложениям, в которых сказуемое или связка выражены формой сослагательного наклонения»[1].

Если доказать мысль автора, то она может означать лишь отсутствие синтаксического времени в аналогичных предложениях. А это означает формирование и выражение категории предикативности без категории синтаксического времени. Однако можно полагать и то, что автор, говоря об отсутствии категории времени, имеет в виду отсутствие морфологически выраженного времени.

Г. А. Золотова считает, что «совокупность временных значений является необходимым компонентом предикативной оси предложения, а одно из временных значений – формой его существования»[2].

Как видно, трудно согласовать столь расходящиеся мнения авторов.

При отсутствии в предложении морфологических средств выражения категории времени говорят часто о конструктивно-синтаксическом способе ее выражения, введенном В. В. Виноградовым[3]. Однако ни у В. В. Виноградова, ни у последующих авторов не получил этот способ передачи категории времени четкой квали-

---

[1]Е. А. Седельников. О грамматических категориях простого предложения в совр. русском языке. В кн.: «Исследования по совр. русскому языку», Изд. Московского университета, 1970, стр. 218/219.

[2]Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка, стр. 171.

[3]См.: В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. В кн.: «Вопросы грамматического строя», стр. 408.

фикации. Иногда этот способ передачи приписывается сказуемому (именному) или всей конструкции предложения, всей его модели.

По определению В. В. Виноградова, синтаксическая категория времени «так или иначе, прямо или косвенно, дает себя знать, в каждом предложении. Но – при отсутствии морфологических способов выражения – она не находит прямого выражения в интонации, как категория модальности; в этом случае она может быть производной от модальности, как бы включенной в нее, подобно тому, как это происходит в формах глагольного наклонения, например, повелительного, в котором потенциально заложено отношение к объективному будущему времени или желательному настоящему, сослагательного, в котором содержится отрицание факта в прошлом, иногда с подчеркиванием неосуществленной возможности его проявления, иногда желательность течения действия в настоящем или выполнения его в будущем, даже инфинитива, в котором синтаксическое значение времени соответственно вытекает из разных модальных функций этой формы». И далее: «В связной речи отношение предложения ко времени может также определяться или выражаться контекстом и ситуацией»[1].

Н. Ю. Шведова так объясняет синтаксический способ выражения времени: «Если выстроить ряд соотношений типа: Он учит – Он учитель, Он учил – Он был учителем, Он будет учить – Он будет учитель и т. д., то мы увидим, что внутри каждой пары значения синтаксических времен полностью совпадают. Между тем эти значения выражаются по-разному: у первого члена каждой пары значение синтаксического времени выражается сочетанием подлежащего со сказуемым-глаголом, у второго – с именем (одно или в соединении с формой вспомогательного глагола). Но мы знаем, что в отличие от глагола имена как категория слов не обладают формами времени. Следовательно, синтаксическое значение настоящего времени создается в предложении данного типа не морфологическими, а синтаксическими средствами – формой сказуемого»[2].

Настоящее положение Н. Ю. Шведовой находит возражение у И. А. Андреева, у которого читаем: «... Говоря о значениях времени предложений: Он учит и Он учитель, Н. Ю. Шведова утверждает,

---

[1]Там же. стр. 407.

[2]Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения... В кн.: «Русский язык. Грамматика исследования», стр. 13 – 14.

что в первом из них «значение синтаксического времени выражается сочетанием подлежащего со сказуемым-глаголом», а во втором – с именем. Мы же считаем, что выражение грамматического значения предложения связано только с глаголом-сказуемым. Поэтому для нас в приведенных выше предложениях значение времени заключено не в сочетании подлежащего со сказуемым, а только в глаголе, который в первом случае представлен эксплицитно, а во втором имплицитно»[1].

Нам кажется, что более убедительно положение Н. Ю. Шведовой, изложенное ею в академической грамматике 1970 года, в которой читаем: «Категория синтаксического времени и объективности модальности выявляются в системе противопоставлений»[2] (разрядка наша – Ш. А.).

В самом деле, в предложениях *Ночь темна, Тишина* значение синтаксического настоящего времени не получило бы своей реализации одними структурными схемами, если бы не существовали рядом такие формы этих предложений, как *Ночь была темна, Ночь будет темна и Была тишина, Будет тишина.*

Здесь оппозицию образуют не отдельные компоненты сопоставляемых конструкций, а сами модели в целом, следовательно, это есть оппозиция различных форм одной синтаксической конструкции.

Выражение значения синтаксического времени в аналогичных конструкциях следует понимать, с нашей точки зрения, именно в таком толковании.

А что касается участия категории синтаксического времени в формировании и выражении предикативности, то оно является обязательным, и здесь для сомнений не должно быть места.

Временные и модальные образования глагола абхазско-абазинских языков достаточно подробно исследованы в докторской диссертации Л. П. Чкадуа «Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах» (Тбилиси, 1970).

Автор касается и вопроса их функционирования в предложении. Мы разделяем мнение автора по основным положениям работы. В частности, считаем вполне оправданным, с точки зрения реальных

[1]И. А. Андреев. Структура простого предложения современного чувашского языка (докторская диссертация), рукопись. Чебоксары, 1970, стр. 595-596.

[2]Грамматика современного русского литературного языка, изд. «Наука», 1970, стр. 543.

данных языкового материала, рассмотрение времен и наклонений отдельно в глаголах финитного образования изъявительной семантики и в глаголах инфинитного образования изъявительной семантики. Различия модально-временных образований в этих двух плоскостях носят морфолого-синтаксический структурный характер.

Так, например, если абсолютное и относительное значения временных образований в русском языке проявляются лишь на синтаксическом уровне, в синтагме, то в абхазском языке эти значения проявляются в самой морфологической структуре глагола, т. е. носят морфологический характер. Это явление внутри структурно связано с делением глагола в абхазском языке на финитные и инфинитные образования, чего мы не находим в глаголах языков иного строя (например, в индоевропейских).

В формировании и выражении категории предикативности участвуют временные формы глагола с абсолютным временным значением, с непосредственной ориентацией на точку отсчета. Точка отсчета – это грамматический момент речи, который может совпасть с внеязыковым моментом речи, но может и не совпасть. Это явление, видимо, общеязыковое, и нельзя не согласиться с А. В. Бондарко, когда он пишет: «Необходимо различать внеязыковой момент речи момент речи языковой, грамматический (разрядка автора). Говорящий определяет время действия с точки зрения момента своей речи, на данный момент находится вне языка, так же как вне языка и отношения реальной объективной действительности. Грамматический же момент речи представляет собой отражение реального момента речи в языке. Это элемент системы языка»[1].

Нам сейчас нет надобности вдаваться в подробности этого вопроса. Для нас важно выделить временные формы с абсолютной ориентацией на грамматический момент речи и показать их отношение к категории предикативности.

Глагол абхазского языка богат временными формами[2], представленными в двух вариантах: 1) временные формы глаголов изъявительного наклонения финитной семантики и 2) временные формы глаголов изъявительного наклонения инфинитной семантики.

---

[1]А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола, стр. 48 – 49.

[2]Здесь мы не касаемся и вопроса связи временных форм с категорией аспекта.

Временные формы в первом варианте выступают с абсолютным временным значением и участвуют в формировании и выражении категории предикативности, временные же формы во втором варианте выступают с относительным временным значением и не участвуют в формировании и выражении категории предикативности.

Синтаксический индикатив представлен восьмью временными формами глаголов изъявительного наклонения финитной семантики, из которых: пять – прошедших, одна – настоящая и две формы будущего времени.

Все они характеризуются непосредственной ориентацией на грамматический момент речи и абсолютным временным значением (о некоторых своеобразиях прошедш. неопределенного и давнопрош. упреждающего см. ниже)[1].

Синтаксический индикатив всегда получает свое морфологическое выражение в предикате в формах восьми вышеприведенных временных образований.

Синтаксическое настоящее время в синтаксическом индикативе получает свое морфологическое выражение в форме настоящего времени как статического, так и динамического глагола финитного образования. Форма настоящего времени глагола финитного образования всегда имеет непосредственную ориентацию на грамматический момент речи и выступает с абсолютным временным значением.

Предикат получает полное свое морфологическое оформление (в лице, времени, наклонении), и в том случае, когда он выражен именной основой.

Например:

Сара с-ыстудент-у-п «Я студент» (букв. «Я студент есть»). Алиас д-ышәkуɷɷ-у-п «Алиас писатель» (писатель – есть). Адгур д-цаɷ-у-п «Адгур ученик (ученик есть)». Ахра сара д-ысɷызо-у-п «Ахра мой друг (мой друг – есть»). Уареи сареи ҳ-аиқула-цәо-у-п «Мы с тобой (я и ты) ровесники (ровесники – есть)».

Этим случаем объясняется отсутствие в абхазском предложении морфологически неоформленного именного предиката.

---

[1]См. по этому поводу Л. П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских значениях, стр. 11 и след.

Синтаксическое настоящее время в зависимости от контекста, ситуации и др. форм употребления может иметь значения настоящего актуального, неактуального, повествовательного, абстрактного (Л. П. Чкадуа).

Форма настоящего времени глагола инфинитной семантики ввиду относительности ее временного значения не используется для выражения синтаксического настоящего времени.

Синтаксическое прошедшее время в синтаксическом индикативе получает свое морфологическое выражение в пяти формах прошедшего времени глагола финитного образования, общим, объединяющим значением которых является выражение действия, предшествующего грамматическому моменту речи.

Форма аориста динамического глагола финитной семантики выступает с абсолютным временным значением с указанием завершенности действия.

Адәыцба цеит «ушел поезд», Алиас дтаркит «Алиаса посадили». Есма дычмазаɷохеит, «Эсма заболела». Шеит, «Рассвело». Хулеит, «Стемнело».

Аорист глагола инфинитной семантики не используется в предикате для обозначения синтаксического прошедшего времени.

Форма прошедшего несовершенного времени динамического глагола финитной семантики выступает с абсолютным временным значением безотносительно к пределу и результату действия. Абас шаанза аб игуакуаз иҷырпын, ҕ ы з у а н, агуаk ашәа наk изҷаɷуаз Абахугьы г у н ҕ ь у а н. (Б. Ш.) «Так до рассвета стонал ачарпын несчастного отца внемля звуку ачарпына стонала и скала». Хьмур дзахуан, дсуан. (И. П.) «Хьмур шила, кроила».

Форма прошедшего неопределенного времени динамических глаголов финитной семантики выступает с абсолютным временным значением, с указанием одновременно на завершенность действия и на последующее действие.

Указание на последующее действие является спецификой ее семантики в отличие от аориста. В употреблении эта специфика проявляется в том, что отсутствие в предложении последующего действия вызывает значение незавершенности семантики. Поэтому в предложении за предикатом, выраженным глаголом в форме прошедшего неопределенного времени, обязательно следует другой глагол в форме, обычно, аориста.

Ҭамел ашырҳәа д ԥ а г ы л а н аԥны д ы н д ә ы л қ ь е и т. (И. П.) «Тамел быстро встал и выбежал из дому». Анҭица ҽымҭзакуа д ԥ а г ы л а н... азал д-н ы ԥ н ы с ы н... дындәылцит. (И. П.) «Антица молча прошла через зал и вышла из дома».

Форма прошедшего неопределенного времени статических глаголов финитной семантики не имеет такого дополнительного значения указания на последующее действие и самостоятельно выступает в функции предиката.

Абраҟа иҟан Шьарифа, Селма, Уазамат. (Д. Г.) «Тут были Шарифа, Селма, Уазамат». Ашҭа агуҭа игылан ҭәаԥла дук. (С. Ч.) «В середине поляны стояло большое липовое дерево». Камаҷыч... аԥны д ы қ а м ы з т. (Д. Г.) «Камачич не было дома».

Форма давнопрошедшего времени глагола финитной семантики выступает с абсолютным временным значением предшествующего действия с указанием некоторой длины отрезка до момента речи, т. е. с указанием степени отдаленности от грамматического момента речи.

А д ә ы ҧ б а ц а х ь е и т. «Поезд уже ушел». Д а м е и М а к т и н а д л ы ш ь ҭ ы ц х ь е и т (И. П.) «Дамей уже перестал ухаживать за Мактиной». Аҧыҵра шхуарҭам уажәыгьы иузеилымкаацт. (Д. Г.) «Ты еще не понял, что воровать нехорошо».

Форма давнопрошедшего упреждающего времени употребляется с абсолютным временным значением с дополнительной относительной временной ориентацией. Причем значение дополнительной временной ориентации проявляется не в контексте, а заключено в самой временной форме глагола. Однако дополнительная относительная временная ориентация не мешает этой временной форме выступать самостоятельно в функции предиката.

Ԥшькьаҽ-ипа Манча хаԥа иҟурагь к р и ф а х ь а н, ԥсра зҟуым ахьз ирҳахьан. («Апс. жәл. рп.») «Пшкиач-ипа Манча-герой был уже в летах, и славою он уже гремел». Уи аԥҳәыс ԥшьынԥажәеи жәаԥык ауаа лыхшахьан. («Н. С») «Эта женщина родила уже 99 человек». Ишылашьцара илашьцахьан. (И. П.) «Было уже темно». Амра жәхьан еиԥш иԥеихьан, Ԥьырхуа ақытан азаза бахьан. (Б. Ш.) «Солнце висело уже высоко, высохла уже роса в деревне Джирхва».

Синтаксическое будущее время получает свое морфологическое выражение в формах настоящего (в конситуативно обусловленной

позиции) и двух формах будущего времени динамических глаголов финитной семантики.

Употребление формы настоящего времени динамического глагола финитной семантики для обозначения будущего синтаксического времени всегда контекстуально обусловлено и является обычным частым явлением в абхазском языке. Оно связано также и с аспектульными различиями (Л. П. Чкадуа).

Иахьатәкьа Андриа ицә аху истоит. (Д. Г.) «Сегодня же я отдам Андриу стоимость его быка». Са суҭахымзар сцоит. (Қь. А.) «Если я тебе не нужен, уйду».

Формы будущего I и будущего II времени глаголов финитной семантики являются абсолютными временными формами с непосредственной ориентацией на грамматический момент речи. Они противопоставляются лишь по характеру модальной окрашенности (Л. П. Чкадуа).

Аиеи, убри азы ҳаилацәажәап. (С. Ҷ.) «Да, поговорим по этому поводу». Дамеи даҟусхып уара губҕан уҭара, ...аеы аху шәатәызар, убраҟагьы суцхраап. (И. П.) «Дамея я заставлю снять с тебя обвинения, если же придется заплатить за коня, и тут я тебе помогу». Ақытсовет есқьынгьы ишәызҿлымҳазаашт, ишәыгу-ишәыбзоу гуанаҭалашт. (С. Ч.) «Сельсовет будет вас, поддерживать, раскрывать ваши недостатки». Аҳы, улеыжәцишь, сылухуацшышт. («Н. С») «Сойди-ка с коня, я посмотрю на тебя».

Категория синтаксического времени имеет своеобразное выражение в формах синтаксических ирреальных наклонений.

В синтаксическом побудительном наклонении во всех формах его проявления синтаксическое время, как правило, не имеет морфологического выражения. Временное значение в побудительном наклонении всегда абсолютное. Модальное значение побуждения соотносится с грамматическим моментом речи непосредственно. Оно мыслится как последующее за грамматическим моментом речи. Форма выражения времени – синтаксическая.

Еи, уара ахуҷы! аеы ааги арахь!.. («Алашара») «Эй ты, мальчик! Подай сюда коня!» Ишәҳәо закузеи, бара, имазажәамзар саргьы исашәҳә! (Д. Г.) «О чем вы там говорите, если не секрет, скажите и мне тоже!» Уаха-заҵәык уҵәқуырца, уаха-заҵәык уеырба, Улеи, улеи узхара! (Б. Ш.) «В эту ночь ты побуянь, в эту ночь ты погарцуй, несись вдоволь, несись!»

Синтаксическое будущее время получает свое морфологическое оформление лишь в том случае, когда побудительное наклонение выражено формой будущего I времени глагола.

Баи, ҳ н е и п иара иахь, и р а ҳ ҭ а п ҳабжьы! (Б. Ш.) «Давай, пойдем к нему, отдадим свои голоса!» Ҳнеип аҩныка!.. (Б. Ш.) «Зайдем-ка домой!»

Синтаксическое желательное наклонение предполагает такую семантику, которая может осуществиться после момента речи.

Ориентация на момент речи при этом непосредственная и единственная.

Время и в данном случае выражено синтаксически.

Значение будущего времени сохраняется и в тех случаях, когда синтаксическое желательное наклонение выражено формами прошедшего времени глагола желательного наклонения.

Абри ашәкуы сара саҵхьахьандаз! «Эта книга была бы мною уже прочитана!» Ҳаи, зыбжьы газ аҧба сара истәызшәа иҟандаз! (С. Ч.) «Пароход, что гудит сейчас, был бы моим!» Азқуа хыцит, шьҭа амш аҩааннакыландаз! (С. Ч.) «Реки разлились, погода прояснилась бы уже!» Сашьцәа шәрымбандаз..! (С. Ҷ.) «Мои братья не заметили бы вас!»

Категория модальности

Несмотря на серьезное внимание, уделяемое специалистами категории модальности, как одному из определяющих признаков предложения, многие вопросы, связанные с ней, все еще остаются не до конца решенными. Так, например, нет еще единства мнений о значениях, объединяемых этой категорией. Одни специалисты категорию модальности рассматривают в широком плане, включая в нее такие явления, как различие предложений по целевой установке речи, значения утверждения – отрицания, реальности – ирреальности, необходимости – возможности и др.[1]. Подразделяют модальность на внутреннюю и внешнюю. Внешнюю, в свою очередь, подразделяют на внешнюю модальность I типа и внешнюю модальность II типа[2].

[1]См.; В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды Института русского языка, т. 2. М. – Л., 1950, стр. 41; В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М, 1955, стр. 164; Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976, стр. 180.

[2]Л. С. Ермолаева. Типология системы наклонения в современных германских языках, ВЯ. 1977, 4, стр. 97.

Другие же объемы категории модальности ограничивают более узкими рамками[1].

Так, говоря о таком широком понимании модальности, В. З. Панфилов пишет: «При таком подходе категория модальности становится весьма аморфной, по существу в нее попадают все языковые явления, которые по тем или иным причинам не находят места среди других грамматических или лексико-грамматических[2] категорий». Он считает «бесспорно модальными два типа значений: объективный (антологический) и субъективный (пресуазивный)». «Первая из них отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходимые. Вторая выражает оценку со стороны говорящего степени познавательности этих связей, т. е. она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности»[3].

Мы придерживаемся последнего определения модальности и деления ее на объективную и субъективную.

Объективная модальность

Объективная модальность организуется противопоставлением синтаксического индикатива синтаксическим ирреальным наклонениям. Морфологическим средством выражения объективной модальности является наклонение глагола.

Синтаксический индикатив

Синтаксический индикатив во всех случаях и формах его употребления утверждает факт соответствия содержания предложения с действительностью, с точки зрения говорящего (а с точки зрения объективной реальности, оно может вовсе и не соответствовать. Ср. содержание сказок, небылиц). Он может иметь положитель-

---

[1]Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 140.

[2]В. З. Панфилов. Категория модальности и ее роль и конституировании структуры предложения и суждения, ВЯ, 1977, 4, стр. 47.

[3]В. З. Панфилов. Категория модальности и ее роль и конституировании структуры предложения и суждения, ВЯ, 1977, 4, стр. 47.

ную, отрицательную семантику, во всех этих случаях значение реальности не снимается.

Морфологическим средством выражения синтаксического индикатива является форма глагола изъявительного наклонения финитной семантики. Временные же формы глагола изъявительного наклонения инфинитной семантики здесь употребляются лишь в вопросительной форме.

Синтаксический индикатив

Положительная форма

наст. буд. вр.	ахуҧы дыцә-о-ит (дыцәоуп)	«Ребенок засыпает (спит)»
аорист	ахуҧы дыцә-еит	«Ребенок заснул»
прош. несов.	ахуҧы дыцә-он	«Ребенок засыпал»
прош. неопр.	ахуҧы дыцә-ан	«Ребенок заснул и...»
давнопрош.	ахуҧы дыцәа-хьеит	«Ребенок уже заснул»
давнопр. упр.	ахуҧы дыцәа-хьан	«Ребенок уже заснул»
будущее I	ахуҧы дыцәа-п	«Ребенок заснет»
будущее II	ахуҧы дыцәа-шт	«Ребенок заснет»

Отрицательная форма

наст. буд. вр.	ахуҧы дыцәом (дыцәам)	«Ребенок не засыпает»
аорист	ахуҧы дмыцә-еит	«Ребенок не заснул»
прош. несов.	ахуҧы дыцәомыз-т	«Ребенок не засыпал»
прош. неопр.	ахуҧы дмыцәаз-т	«Ребенок не заснул и...»
давнопрош.	ахуҧы дмыцәац-т	«Ребенок еще не заснул»
давнопр. упр.	ахуҧы дмыцәацыз-т	«Ребенок еще не заснул»
будущее I	ахуҧы дмыцәа-п	«Ребенок не заснет»
будущее II	ахуҧы дыцәаш-т	«Ребенок не заснет»

Вопросительная форма

наст. буд. вр.	ахуҧы дыцәоу-ма?	«Ребенок спит?
аорист	ахуҧы дыцәа-ма?	«Ребенок заснул?
прош. несов.	ахуҧы дыцәоз-ма?	«Ребенок засыпал?
прош. неопр.	ахуҧы дыцәаз-ма?	«Ребенок заснул?
давнопрош.	ахуҧы дыцәахьоу-ма?	«Ребенок уже заснул?

давнопр. упр. ахуҧы дыцәахьаз-ма? «Ребенок уже заснул?
будущее I ахуҧы дыцәары-ма? «Ребенок заснет?
будущее II ахуҧы дыцәашама? «Ребенок заснет?

При составном предикате синтаксический индикатив морфологически выражается в формах вспомогательных (аказаара, акузаара, амазаара, алагара, аҿызаара) и модальных (алшара, аҭахра, аҟукра, аҽазкра...) глаголов.

Например:

А л а г а р а «н а ч и н а т ь»

наст. буд. вр. ахуҧы аҵәуара далагоит «Ребенок заплачет»
аорист ахуҧы аҵәуара далаге-ит «Ребенок заплакал»
прош. несов. ахуҧы аҵәуара далаго-н «Ребенок начинал плакать»
прош. неопр. ахуҧы аҵәуара далага-н «Ребенок стал плакать»
давнопрош. ахуҧы аҵәуара далага-хьеит «Ребенок уже начал плакать»

давнопр. упр. ахуҧы аҵәуара далагахьа-н «Ребенок уже начал плакать»

будущее I ахуҧы аҵәуара далага-п «Ребенок начнет плакать»
будущее II ахуҧы аҵәуара далага-шт «Ребенок начнет плакать»

При предикате, выраженном статическим глаголом финитной семантики, синтаксический индикатив имеет лишь две формы выражения: «форму наст, времени и форму прош. неопределенного времени».

П о л о ж и т е л ь н а я ф о р м а

наст. вр. ахуҧы дтәоу-п «Ребенок сидит»
прош. неопр. ахуҧы дтәа-н «Ребенок сидел»

О т р и ц а т е л ь н а я ф о р м а

наст. вр. ахуҧы дтәам «Ребенок не сидит»
прош. неопр. ахуҧы дтәамыз-т «Ребенок не сидел»

Эти же формы выражения имеет синтаксический индикатив при предикате, выраженном именами наречными и другими неглагольными основами.

П о л о ж и т е л ь н а я ф о р м а

наст. вр. Миха дырцаԥу-п «Миха учитель (есть)»
прош. неопр. Миха дырцаԥы-н «Миха был учителем»

О т р и ц а т е л ь н а я ф о р м а

наст. вр. Миха дырцаԥым «Миха не учитель»
прош. неопр. Миха дырцаԥымыз-т «Миха не был учителем»

наст. вр. Ақалақь хароу-п «Город был далек (есть)»
Ҭемыр дыхуԥыкуп «Темыр пятый (есть)»

Аҵьал ааигәоу-п, агуҵра хароуп «Смерть близка, надежда далека».

Аҵәажәара ара иҟалазом «Нельзя здесь разговаривать».

прош. неопр. Ақалақь хара-н «Город был далек»
Ҭемыр дыхуԥы-н Темыр был пятый
Аагылара уадаԥы-н «Оставаться было трудно»
Ҭынчран «Было тихо»
Хьҭан «Было холодно»
Шарҵазын «Было раннее утро»

«Все вышеприведенные формы имеют и вопросительные варианты.

Синтаксический индикатив выражается т. н. заглазной формой глагола, которая совмещает в себе значения объективной (индикативной) и субъективной модальности». Заглазная форма обозначает реальное действие с указанием степени осведомленности говорящего.

Самхаҵәазаап «Оказывается я заснул, задремал». Заур ашколахь дцазаап. «Заур, оказывается, пошел в школу». Схуҵра даара инаскьазаап; Са снырхара башьҭамзаап, Бнапқуа баша ита-

тазаап, Амалазагьы быцшзара уаҩы дажьозаап (Б. Ш.) «Думы мои, оказывается, удалились, оказывается, ты обо мне не беспокоишься, оказывается ни к чему нежность твоих рук и красота твоя, оказывается, она обманчива». Ҽырпынк циԥарц днавалазаап иаҳәызба хуҷы кны, Дымшәыз цьыршьан баша ирҳазаап араху ицәшәаны (Б. Ш.) «Оказывается, он вышел, чтобы срубить свирель, приняв его за медведя, оказывается, напрасно испугалось стадо».

Заглазная форма индикатива не имеет отрицательного варианта (в синтаксическом образовании).

Синтаксический индикатив может быть выражен также формой конъюнктива с допускательным значением. В таком случае синтаксический индикатив сочетает в себе значения объективной и субъективной модальности. Субъективная модальность здесь связана со значением допущения с оттенком согласия.

Ахуҷы ашколахь дцазааит. «Ребенок пусть пошел в школу». Уеибганы уаазааит. (Ш. Чк.) «Пусть ты вернулся невредимым». Аригьы збазааит. (Ш. Чк.) «Пусть я и это увидел». Дылгахьазааит, са срыхьзоит. (Ш. Чк.) «Пусть она его (ч) забрала, я их догоню».

Синтаксический индикатив, выраженный формой конъюнктива, не имеет вопросительного варианта (в синтаксическом образовании).

Синтаксические ирреальные наклонения

Объединяющим значением всех синтаксических ирреальных наклонений является выражение ими объективно-модального значения ирреальности, которая мыслится как требуемое, возможное или желаемое.

Синтаксическое побудительное наклонение

В синтаксическом побудительном наклонении значение побуждения является признаком несоответствия содержания предложения действительности. Иначе говоря, побуждение вызвано стремлением говорящего привести в соответствие содержание предложения с действительностью, стремление же привести в соответствие означает отсутствие этого соответствия, следовательно,

объективно-модальное значение ирреальности здесь проявляется в виде побуждения.

Основными морфологическими средствами выражения синтаксического побудительного наклонения являются: повелительное наклонение глагола и конъюнктив. В этой функции используются также глагол изъявительного наклонения в первом субъектном лице множественного числа (реже ед.), формы сослагательного наклонения глагола в первом субъектном лице ед. и мн. числа и форма желательного наклонения глагола.

Как видно, синтаксическое побудительное наклонение не совпадает с морфологическим повелительным наклонением глагола. Оно гораздо шире.

Форма повелительного наклонения глагола

Форма повелительного наклонения глагола является наиболее типичным средством выражения побудительной модальности предложения. Она используется при так называемом чистом Побуждении.

Глагол в этом случае представлен чистой основой со вторым субъектным лицом (эксплицитным или имплицитным) ед. или мн. числа.

Бара бацхьа ашәкуы! «Ты (ж.) прочитай книгу!» Уара уацхьа ашәкуы! «Ты (м.) прочитай книгу!» Шәара шәца! «Вы идите!», Миха уқаз! «Миха оставайся!» Уа сыхаара салам умоуп! Иахуа Сара гуакрак сымоуп, Сааит иуасҳәарц сеиханы, Уааи са сышка улбааны! (Б. Ш.) «Приветствую тебя, мой свет! Я очень обеспокоен, пришел посоветоваться с тобой, спустись на миг ко мне!» Суҳәоит иахьа сыуа мҩашьа и с ы р ц а нас ашәаҳәашьа. (Б. Ш.) «Прошу тебя, неизменный мой приятель, научи меня петь!» Шәнеибац, шәнеибац аҧсуа рыҧкунцәа! (из народной песни) «Вперед, вперед сыны абхазцев!»

Форма конъюнктива

Форма конъюнктива может быть использована для выражения объективной модальности.

Значение объективной модальности в ней связано с выражением повеления, которое может быть с некоторым оттенком просьбы,

увещевания или пожелания. В этом случае конъюнктив используется для выражения побудительной модальности предложения.

Для выражения побудительной модальности используется конъюнктив, образованный от чистой динамической основы глагола посредством суффикса -ааит. В качестве субъектного лица выступает третье (реже второе) лицо единств, и множ. числа. Форма конъюнктива в этом случае употребления имеет значение синтаксического будущего времени.

Аԥаҩы ашәкy ааихуааит! «Пусть ученик книгу купит!» Алиас аизарахь дцаайт! «Пусть Алиас на собрание пойдет!» Ахаԥа ичҳара учҳарахааит, аԥҳәыс лыгуаҷьра угуаҷьрахааит! («Н. С.») «Пусть ты будешь наделен мужским терпением и женской рискованностью!» Абри убас лахьынԥас имазааит: дгьыл харак аҟны ԥҳәызбак длеилаҳааит, дҳәаны дима дшааyа, амҩан амԥа неиԥраланы дыблаайт... («Н. С.») «Пусть будет он наделен такой судьбой: пусть он влюбится в девушку той страны, сосватав ее, когда он отправится с ней домой, пусть он сгорит!» Ирхадмыршԥааит, ирҳәалаайт ҳабаԥәа рашәа! (С. Ч.) «Пусть не забывают, пусть поют песни наших отцов!»

В редких случаях для выражения побудительного наклонения используется форма конъюнктива с первым субъектным лицом.

...Саргьы издырааит уара угуаҟра, узхаҭаркыз атәы ҳәа... (Б. Ш.) «Пусть и я узнаю, скажи, по какому поводу тебя посадили!»

Форма будущего первого времени динамического глагола финитной семантики с первым субъектным лицом мн. (реже ед.) числа (с инклюзивным значением) может быть использована для выражения синтаксического побудительного наклонения. В этом употреблении форма эта имеет значение призыва, побуждения и может выступить в сочетании с повелительной формой глагола ааира «идти (сюда)» – ууаи, шәааи «давай, давайте» со значением частицы (Л. П. Чкадуа).

Шәааи, ҳаиԥхныҩып, иҳаԥасуа даҳҳааит. «Давайте мы трое побежим на перегонки, пусть будет царем тот, кто победит». Шәааи, хантәаҩыс далҳҳып Маниа! «Давайте председателем выберем Маниа!» (примеры из работы Л. П. Чкадуа «Система времен...»). Бааи ҳнеип иара иахь, ираҳҭап ҳабжьы! (Б. Ш.) «Давай пойдем к нему, отдадим свои голоса!» Ҳнеип аҩныҟа! – Уаԥхьа сцом. Маԥ, уара умсит, иҟалом! (Б. Ш.) «Зайдем-ка домой! – Прошу пройти!»

Форма желательного наклонения глагола со вторым субъектным лицом может быть использована для выражения смягченного повеления.

В этом случае желательная форма используется для выражения побудительной модальности предложения.

Ҳаи дад, азы сырыжәганда («Аԥс. ф. ам.») «Дети мои, помогли бы мне перейти речку!». Уара аҩыжәра шәаҿуп, астол хык нашәҭанда! («Аҿаршьцыларақуа реизга») «Вы пьете вино, выбрали бы тамаду!» Абри агазет усзаԥхьанда! «Прочитал бы ты мне эту газету!» Аҩынза унабжьысында! «Прошелся бы ты до дому!» Зык сбыржәында! «Подала бы ты мне (стакан) воды!»

Форма сослагательного наклонения глагола с первым субъектным лицом может быть использована для выражения синтаксического побудительного наклонения.

Бара, абри аколнхара ҳалалары! «Вступим-ка мы в колхоз!» Аҳ иҟнынза сцарын! («Аԥс. л.») «Пойду-ка я до царя!»

В редких случаях для выражения побудительного наклонения используется форма настоящего времени динамического глагола со вторым субъектным лицом.

Абарҭ аҧкуынцәа аҿывҳәа рҭыцаҿы иугоит! («Алаш.», 1972, 11, 20) «Этих ребят ты (м.) быстренько до их места доведешь!» Ахуҧқуа урыццоит. Уарҳа ақыҭа иналаргыланы ухынҳәуеит. Ашара ухьымзааит амала!... («Алаш.», 1961, 2, 45) «Пойдешь ты (м.) с детьми. Доведешь их до села Уарха и вернешься до рассвета!»

Во всех случаях своего выражения синтаксическое побудительное наклонение не имеет вопросительного варианта (в синтаксическом образовании).

Синтаксическое желательное наклонение

Синтаксическое желательное наклонение выражает желание говорящего, чтобы содержание предложения пришло в соответствие с действительностью. Желание это носит пассивный характер, т. е. от говорящего лица не чувствуется активности действия, в противоположность побудительному наклонению. Побудительному наклонению оно противопоставляется именно отсутствием в нем активного волеизъявления. Семантика желательного наклонения ирреальная.

Морфологическим средством его выражения является желательное наклонение глагола.

Сара абри ашәқу иану здыруандаз! «Знал бы я, что в этой книге написано». Ашәқу сара исымандаз! «Имел бы я ту книгу!» Ари ҳзызуз дызустоу здыруандаз! «Знал бы я, кто так с нами поступил!» Арҭи ҳареи акы ҳаицырнагандаз! (С. Ч.) «Развело бы нас с ними что-либо!» Сызҕаб аҵара сызлыҭанда! (С. Ч.) «Смог бы я дать образование своей дочери!» Убри зымшала дҭаркыз здыруандаз! «Знал бы я, из-за кого его посадили!»

Синтаксическое желательное наклонение не имеет вопросительной формы выражения (в синтаксическом образовании).

Синтаксическое сослагательное наклонение

Синтаксическое сослагательное наклонение проявляется, как правило, в сложных синтаксических конструкциях. Это вызвано тем, что морфологическая сослагательная форма глагола, на которой оно основывается, имеет двойную временную ориентацию: на момент речи и на время действия глагола, выражающего условие, при котором могло бы осуществиться содержание сослагательной формы.[1]

Синтаксическое сослагательное наклонение показывает, что содержание предложения при известных условиях могло бы осуществиться, но еще не осуществилось. Реальность его значения обусловлена ирреальностью тех условий, при наличии которых оно могло бы осуществиться[2].

Леуан сишәырнаҭыр, аҧхьарагьы аҩорагьы сирҵарын. (Д. Г.) «Если бы вы сделали так, чтобы Леван меня крестил, он меня научил бы писать и читать». Куаҭа схуы аагара иаҭәеишьозар, инапала иааганы исиркрын. (Д. Г.) «Если бы Костя позволял себе услужить мне, он доставил бы мне то сам».

При синтаксическом сослагательном наклонении в позиции соотносительного компонента могут выступить желательная, условная и другие формы глагола инфинитной семантики.

Сызҕаб аҵара сызлыҭанда, ҩынтәгьы агургьын схасҵарын! (Д. Г.) «Если бы я мог дать образование дочери, то я дважды бы принял крещение!» Уи дахьцаз Леуан идыррын. (Д. Г.) «Леуан бы знал, куда тот ушел».

---

[1]Л. П. Чкадуа. Система времен…, стр. 174.

[2]Там же

Синтаксическое сослагательное наклонение может иметь и вопросительную форму выражения.

Аѳныӄа дцарызу? «Пошел бы он (м.) домой?» Алыбеи сара иасзаашьҭрызи? (М. Л.) «Почему бы мне прислал Алыбеи то?» Ашәқу сымазар сзамыцхьарызи? «Если бы я имел книгу, почему бы не прочитал?»

Субъективная модальность

По определению одних специалистов субъективная модальность выражает значения усиления (подчеркивания, акцентирования), экспрессивной оценки, уверенности или неуверенности (определенности или неопределенности), принятия или непринятия (согласия или несогласия) и ряд других[1]. По определению же других – она выражает оценку степени достоверности мысли с точки зрения субъекта мысли и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности[2].

Нам кажется, что чрезмерное расширение объема субъективной модальности, как это отмечено в специальной литературе, по существу уводит исследователя от существа вопроса. В самом деле, вряд ли обладают каким-нибудь интегральным признаком такие разнородные явления, как эмоциональность, экспрессивность, длительность, интенсивность и др., с одной стороны, и проблематичность, категоричность и др., с другой.

С различным пониманием сущности субъективной модальности связано расхождение мнений лингвистов и по вопросу о соотношении обоих видов модальности – объективной и субъективной.

С точки зрения одних специалистов, субъективно-модальное значение не является обязательным для всякого предложения, так как оно «накладывается на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение»[3].

С точки зрения других «субъективный момент в ходе любого познавательного акта проявляется, в частности, в том, что гово-

[1]Грамматика современного русского лит. языка. М., 1970, стр. 611.

[2]В. З. Панфилов. Роль модальности в конституировании предложения и суждения, ВЯ, 1977, 4, стр. 39.

[3]В. В. Виноградов. «О категории модальности...», стр. 55; Грамматика совр. рус. лит. языка. М., 1970, стр. 611.

рящий оценивает достоверность формирующейся у него мысли о действительности»[1].

Однако «в отличие от объективной модальности, отражающей характер связи в самой действительности и поэтому являющейся частью конкретного содержания предложения, субъективная модальность не есть результат отражения объективной действительности. Она выражает лишь ту оценку адекватности этого отношения, которая дается субъектом мысли...»[2].

Можно сомневаться в том, что такие значения как эмоциональность, экспрессивность, длительность, интенсивность и им подобные всегда сопровождают высказывание, но нельзя сомневаться в том, что субъективный момент в ходе любого познавательного акта проявляется. Иное дело, какую форму выражения он получает.

Абхазский язык располагает широкими возможностями выражения субъективной модальности. Превалирующими способами ее выражения являются морфологический и аналитический[3]. Основой морфологического способа выражения субъективной модальности являются специальные глагольные формы и разнообразные аффиксы, включаемые в предикативный компонент. Основой же аналитического способа выражения является сочетание определенной знаменательной части предиката с специальными вспомогательными глаголами. Из трех видов достоверности: простая, проблематическая и категорическая, простая не имеет специальных показателей и выражается в формах изъявительного наклонения глагола, сопровождаемого соответствующей интонацией.

Проблематическая достоверность

Проблематическая достоверность обозначает такую связь, при которой факт соответствия содержания предложения действительности с точки зрения говорящего носит возможный, вероятный характер.

---

[1]В. З. Панфилов. Роль модальности в конструировании предложения и суждения, ВЯ. 1977, 4, стр. 41.

[2]В. З. Панфилов. Указанная работа, стр. 42.

[3] О выражении значений возможности, вероятности, категоричности и др. в аналитических наклонениях говорит Л. П. Чкадуа в работе «Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах» (стр. 189), хотя эти значения она не квалифицирует как субъективно-модальные.

Для выражения проблематической достоверности широко используется так называемая заглазная форма глагола, не утвержденная в специальной литературе в статусе наклонения.

Образуется она, как известно, присоединением к глагольной (или временной) основе суффиксов – заап, заарын. Специфичность этой глагольной формы заключается в своеобразии ее семантики, объединяющей объективно-реальное значение со значением субъективно-проблематическим.

Поскольку в объективно-модальном плане она обладает инвариантным значением реальности, ее можно квалифицировать лишь как одну из форм изъявительного наклонения глагола, с учетом, конечно, того, что субъективный момент в ней не может преобразовывать основной модальной направленности. Здесь следует учесть тот факт, что в позиции предиката она дает синтаксический индикатив. Употребление суффиксов -заап, -заарын лексически не ограничено. Значение субъективной модальности, сочетающейся в этой глагольной форме с объективно-модальным значением, может быть переведено словом «оказывается».

Арҭ зегьы ахшара ссирқуа р ы м а з а а п, сынтәа абжьаратә школқуа и р ы л г о з а а п, аҵара рҵарҵ рҭахызаап, аинститут ианзҭамла, дышьман, р е ы р ш ь о з а а п, сара сырбарҵ рҭахижьҭеи крааҵуеит, аха сара агулымҩ и с з е и л ы м к а з а а п... (Ш. Ч.) «Они все, оказывается, имеют прекрасных детей, все эти дети в этом году, оказывается, кончают школу и хотят учиться дальше, если не попадут в институт, оказываются, собираются повеситься, меня давно хотели увидеть, но я глупец об этом, оказывается, совсем и не знал». Схуцра даара и н а с к ь а з а а п, Са снырхара башьҭамзаап, Бнапқуа баша и т а т а з а а п, Амалазагьы б ы ҵ ш з а з а а п, Быҵшзара ауаҩы д а ж ь о з а а п (Б. Ш.) «Мечты мои, оказывается, напрасны. Обо мне, оказывается, не думаешь, ладони твои, оказывается, напрасно мягки, ни к чему, оказывается, красота твоя, она, оказывается, подводит человека». Ҽарпынк циқарҵ д н а в а л а з а а п иаҳәызба хуҷы кны, Дымшәыз ҷьыршьан баша и р ҳ а з а а п араху ицәшәаны. (Б. Ш.) «Оказывается, вышел он со своим маленьким ножом, чтобы срезать (тростник) ачарпын, приняв его за медведя, скот, оказывается, напрасно испугался». Излархәо ала д ы қ а з а а р ы н Аҵсны Абраскьыл захьзыз. (Д. Г.) «Как говорят, оказывается, жил в Абхазии Абраскил». Амҩаҿ ҭакуажәык аҟамчы кны д г ы л а з а-

рын… (Апс. л.) «Оказывается, стояла на дороге какая-то старушка с плетью».

Проблематическая достоверность может быть выражена также аналитически, тогда к знаменательной части предиката прибавляются вспомогательные глаголы акалара «сделаться», акухара «становиться». В качестве знаменательной части при вспомогательном глаголе акалара выступает форма условного наклонения глагола на -р. Вспомогательный глагол акалара в данном случае выступает в форме будущего I времени. Значение субъективной модальности, выражаемой этим сочетанием, может быть переведено как «вероятно», «возможно», «может быть».

Уи макьана дыҷкуноуп, снапаҽы даазгар калап. (И. П.) «Он пока молод, возможно, я его возьму в свои руки». Икалап иаарласны рбызшәаҟуа еибакыргьы. (И. П.) «Возможно, они скоро поймут друг друга». Уахь ҳзымцар калап. (Д. Г.) «Возможно, мы туда не сможем пойти. Вероятно, еще некоторое время задержимся». Алиас аҩны дыказар калап. Алиас, возможно, дома».

Вспомогательный глагол акалара в форме будущего I времени (калап) может быть заменен модальным глаголом алшара «мочь». Предикат такого сочетания может быть использован для выражения обоих видов модальности – объективной и субъективной (проблематической). В первом случае модальный глагол сохраняет связь в лице с субъектом: Шәара и-шәылшоит абарҭ рахцара (Б. Ш.) «Вы сможете прогнать их», во втором случае модальный глагол теряет связь в лице с субъектом: Алиас аизараҽы даанхазар алшоит. «Алиас, может быть, задержался на собрании». Уи машәырк дакушәазар алшоит. «С ним, возможно, случилось какое-нибудь несчастье».

В данном случае модальный глагол алшара легко заменяется вспомогательным глаголом калап: Алиас аизараҽы даанхазар калап. Уи машәырк дакушәазар калап.

Вспомогательный глагол акухара (от акузаара), сочетающийся с той же условной формой глагола на -р, -зар, выступает также в будущем I времени.

Ус баша дбызцааузар акухап. «Он тебя, возможно, просто так спрашивает». (Д. Г.) Уажәы арахь адәахьы даадәылцуазар акухап. (Д. Г.) «Он, возможно, сейчас сюда во двор выйдет!» Аҧҳәызба уара дуаҳәшьазар акухап. (И. П.) «Девушка, видимо,

доводится тебе сестрой». Баргьы бхаца даара бзиа бибозар акухап. (И. П.) «Твой супруг тебя, видимо, очень любит».

Проблематическая достоверность нередко выражается предикатом из призрачной формы глагола и вспомогательной части. В функции вспомогательного глагола в этом сочетании выступают а ҟ а з а а р а «быть», «существовать», а ҟ а л а р а «сделаться», «становиться», аҟацара «сделаться», аура «делать», а б а р а «казаться» («увидеть») и др.

Значение проблематической достоверности выражается в знаменательной части предиката призрачной формой глагола, объективно-модальное же значение – вспомогательным глаголом.

...Ԥаса иибаз ажәҵан еимҟьара еиҳагьы аҽарҭбаауашәа ибеит. (А. Г.) «Ему показалось, что просвет в небе, замеченный им раньше, еще больше расширился». Мыку ихы дҵахан ажәҵан дҵаԥацшит: ԥьара ицәыԥлашашәа иҟан. (А. Г.) «Мыку поднял свою голову и посмотрел на небо: где-то там вроде просвечивалось». ...Санрыхуаԥшлоз сгуы хьаауа, акы гухьаазгошәа сҟалон. (Ф. Иск.) «Когда я смотрел на них, мне казалось вроде бы скучал о чем-то». «Москвич» хуԥыкгьы схуҳазшәа зуит. (Ш. Чк.) «Я, вроде бы, купил маленький «Москвич». Саргьы сааччашәа зуит. (Ш. Чк.) «И я вроде бы засмеялся». Урҭ тәанаԥы хар имамшәа дыҟан (Дз. Д.) «Пока они сидели, он вроде чувствовал себя неплохо». Сара сналыхуаччашәа ҟасԥеит... (Алаш.) «Я вроде бы засмеялся». Саида зназы дааигурҕь-еит аҭаҳмада илирҳаз ашәа, аха нас деиқушьыхаа, акы деиқунаҳәалазшәа даақалт. (И. П.) «Саида сначала обрадовалась песне старика, но затем притихла, что-то вроде бы сковало ее».

Проблематическая модальность нередко передается прибавлением к вспомогательным глаголам, выступающим в сочетании с знаменательной частью в позиции предиката, суффиксов -заап, -заарын. Суффиксы -заап, -заарын в данном случае, как и в других случаях, не имеют лексического ограничения.

Сасрыҟуа уара уакузаап! (Аԥс. л.) «Сасрыква – это ты, оказывается!» Бара баша бзиа баабозаарын, арахь бхаца дкыдцаланы дбымазаап. (Ш. Чк.) «Ты, оказывается, не заслуживаешь нашей любви, оказывается, издеваешься над своим мужем». Уара зынза ҽадҳәысссыцхьазозаап! (И. П.) «Ты, оказывается, считаешь меня глупцом!» Дара иарбанзаалакгьы… акы усс ирымцхьазо иҟалазаарын. (Аԥс. л.) «Оказы-

вается, они не считались ни с чем!» Апринццәкьагьы иара иҳәынтқаррақ инагзаны ихы дақуитны дзыкамлозаап. (А. Г.) «Даже сам принц в своем государстве не имеет, оказывается, полной свободы». Уара, ииашан, ҷкуна шьахузаап... (А. Г.) «Ты и в самом деле, оказывается, хороший парень». Шәара шәуаҩқьиацәкь азаап ...(Алаш.) «Вы в самом деле, оказывается, добрый человек!» Арҭ зегьы... ацара рцарц рҭахызаап... (Ш. Чк.) «Они все, оказывается, хотят учиться». Лхуҷы данылба, ацәуара далагазаап «Когда она увидела своего ребенка, оказывается, начала плакать». Ҳара ашҭақьы ҳангылаз, иара аҿырхиара даҿызаарын. «Когда мы стояли во дворе, он, оказывается, готовился (собирался)».

Проблематическая достоверность может быть выражена и в сложных, синтаксических конструкциях. Это возможно в предложениях с условной инфинитной конструкцией.

Предикат в данном случае выражен сочетанием условной формы глагола на -р, -зар с вспомогательным глаголом акалара в форме изъявительного или сослагательного наклонения.

Арҭ иҩызцәа бзиахуқуа… ацәы илырхуа иалагар, иакумк иамхаҳәар калоит. (А. Г.) «Если эти его дружки начнут подтрунивать над ним, он, возможно, обронит что-нибудь. Икаларын ус иааниҽьзаргьы, Шьааб дахьынхо аҳаблахь уск иманы дықунамгалазҭгьы (Дж. А.) «Он, возможно, так и оставил бы, если бы не появился по какому-то делу на том месте, где проживает Шааб». Икаларын ицсы еивцыхны дналацсзаргьы, убри аамҭазы аписар даақонамшылазҭгьы. (Ҷь. Аҳә.) «Он, возможно, и задохнулся, если бы в этот момент не вошел (в комнату) писарь».

Категорическая достоверность

Категорическая достоверность обозначает такую связь, при которой факт соответствия или несоответствия содержания предложения действительности с точки зрения говорящего носит категорический характер.

Выражается она посредством включения в предикат различных частиц-аффиксов. Наибольшее употребление в этой функции имеют частицы цәкьа, ау.

Аха зынза саб дсылцозаргьы, уи цысымкар зуцәкьом (А. Г.) «Если даже отец откажется от меня, я все равно обязательно вырублю его (дерево)». Саташәымцан, аха уи сара сахурҭацәкьам (А. Г.) «Извините меня, я с этим действительно не справлюсь!» Зны-зынла саб дызбацәкьа лоит цхызла... (Алаш.) «Иногда мне действительно снится отец». Абри аазымхуо ацара имацәкьам. (Ацс. л.) «У того, кто это не купит, действительно нет денег». Уа амаҭәаху еизганы еиқуцәкьан (А. Г.) «Там действительно лежал стройматериал». Илзыцшыцәкьан аҩызцәа бзиақуа. (А. Г.) «Ждали ее действительно хорошие друзья». Басиат даапкыцәкьеит, уаҩы дизныкылт. (А. Г.) «Басиат действительно взбесился, никто не смог его удержать».

Частица **а у** всегда предшествует основе глагола. Часто для усиления значения достоверности она сопровождается аффиксом повторности **х**.

Ажәҩан ахьтәи даулыбаахыз, Дгьылцәангьы дауҟахыз, Жәлары зегьы шиҳаҳауаз, Иқумҳаи дызмышьҭыз. (И. К.) «Не спустился же он с неба, не был же он богом земли, его кровопийцу настигло возмездие». Амашьына шсымоу сылахь и ауаныху! (Алаш.) «Не написано же у меня на лбу, что я имею машину!» Аха даущахуаз ақәа, – иара арахь дааиааит (сиҭахызар ҳәа аҳ изицҳаит. (Ацс. л.) «Но не пошел туда старик. – Если я нужен царю, так пусть он сам пожалует ко мне, – сообщил старик царю». Длышьҭасын амацәаз аашьҭыхны данлахуацш, и аулымдырхуаз (Ацс. л.) «Когда она, подняв его, посмотрела на кольцо, узнала его (как было не узнать его)». Ауха дауцәахуаз, цәгьала дыгужәажәо иршеит. (Ацс. л.) «В ту ночь он не сомкнул глаз, дождался в муках утра».

Аффикс **х** иногда встречается в составе предиката самостоятельно с функцией подчеркивания значения достоверности. Глагол-предикат в этом случае выступает в вопросительной форме (но со значением риторического вопроса).

Ааи, дадхеит, зныкь сара уансцыхьашәа, урҭ удсырбахуама! (Дз. Д.) «Раз ты попал ко мне, разве я выдам тебя им!» Сара уахь сназышьҭхуадаз... (Дз. Д.) «Кто бы пустил меня туда!» Усҟан ақыҭан аҳақьым дабаҡахыз. (А. Г.) «В то время в деревне не было врача (где можно было найти врача)».

Значение категоричности может быть выражено редко употребляемым в этой функции суффиксом -тә (а).

Ҳ а и ḱ у а ц ы р т ә, ҳашҵеиḱуаҵуеи, – иҳәеит аколнхара ахантәаҩы. (А. Г.) «Не отстанем от него, как же отстать от него, – сказал председатель колхоза». Ḱеи, ԥьушьҭ, аҭаҭын с а х а р т ә!.. (Дз. Д.) «Нет же, как же мне курить!» Асḱатәи милаҭ ахькылсуа лхала д р ы л а с ц а р т ә... (Ш. Чк.) «Не пустить же мне ее туда, где собирается множество различных наций».

Значение категорической достоверности может быть выражено предикатом из сочетания условной формы и вспомогательного глагола акузаара «быть».

Вспомогательный глагол акузаара в форме настоящего времени в этом сочетании нередко сливается с условной формой и дает будущее категорическое время[1].

Сара ашәḱу аасхуароуп «Я обязательно куплю (должен купить) книгу». Шьҭарнахыс б ц ә а ж ә а л а р о у п иара иахьиаҳауа. (М. Л.) «С этих пор должна обязательно разговаривать при нем». Амш шыбзиоу ҳ а л ш ә ы р г а р о у п... (Б. Ш.) «Пока погода позволяет, мы должны обязательно закончить то». Ҳан-ҳаҵсадгьыл ҳ а ц с а х а р о у п, Иҳалымшаҵ ҳалҳаршароуп. (Б. Ш.) «Мы обязательно должны быть достойны матери родины, что еще не успели, обязательно должны успеть». Сара, дад, абра сиит, абра саазеит, абра сагьԥсыроуп. (И. П.) «Я, дад, родился здесь, вырос здесь и должен умереть обязательно здесь».

Значение категоричности характерно и для предиката условно-целевой формы и вспомогательного глагола аḱазаара[2].

Дук мырҵыкуа ақыҭа аизара ḱ а р ҵ а р ц и ḱо у п. (С. Ч.) «На днях в селе должны обязательно созвать собрание». Уаҵәашьҭахь хулҵазы д а а р ц д ы ḱ о у п. (Д. Г.) «Послезавтра вечером он обязательно должен приехать».

Простая, проблематическая и категорическая достоверности могут быть выражены и лексически, например, с помощью вводных слов и словосочетаний. Однако на этом способе выражения субъективной модальности мы здесь особо не останавливаемся.

Ҵ а б ы р г ы у п, цыҭраамҭак аколнхаҵәа русымҭақуа ашәḱу иаиҵошәа-егьиуашәа дыḱан... (Дз. Д.) «Правда, некоторое время она вроде бы фиксировала работу колхозников...» Ҵ а б ы р г н ы, ауаҵшь дгьыл цыҭ-чыҭк идкылашәа иман... (Дз. Д.) «Правда вроде бы обрабатывал некоторую часть общественной земли…»

[1]Л. П. Чкадуа. Система времен..., стр. 193.

[2]Л. П. Чкадуа. Указ. работа, стр. 196.

Ахуҵқуа акыр иҳацхрааит, а и а ш а з ы, аҭаҭын арашәарҽи и арыцхрҽи рҽы. (Дз. Д.) «Дети, правда, немного помогли нам в прополке и низке табака». Ҳ ә а р а с и а ҭ а х у з е и, уи аҽаӄынза дазнагомызт... (Дз. Д.) «Безусловно, это не хватило ему до нового урожая». Ииашаҵәӄьаны, уи дахьынхо зныкгьы снеихьеит. (Ш. Чк.) «В самом деле, я был у него дома раз». И з д ы р у а д а, амҩа цкьа изымдыруазар? (Ш. Чк.) «Возможно, он дорогу хорошо не знает?» Изамҩа снаҽаҵшызар, и а ш а ҵ ә ӄ ь а н ы, илыбжышқуа иҽаланы ицон. (Ш. Чк.) «Взглянул я на него: в самом деле слезы текли у него по щекам». Ездора ианынаидгыла, ирхианы и р ы м а з а р а к у х а р ы н, ацылгды неимҵарҵеит. (А. Г.) «Когда они подошли к Ездоре, видимо, заранее приготовили, подали ему лучший кусок мяса».

Лексически, с помощью модальных глаголов а л ш а р а «мочь», а ҭ а х х а р а «желать», «намереваться» и др. могут быть выражены такие значения, как желание, намерение, возможность...

Шәара ишәылшоит абарҭ рахцара. (Б. Ш.) «Вы сможете их прогнать». Ицегь иласны иҳаргылозар ҳалшон аҩнқуа. (Ш. Чк.) «Мы могли еще быстрее строить дома». Излыбҳәо ала, ачкун аинститут дҭаларц и ҭ а х у п. (Ш. Чк.) «По твоим словам, парень хочет в институт поступить». Иарбан факультету быздаларц и б ҭ а х ы у? «На какой факультет хочешь поступить?».

Внешняя модальность

Помимо оценки степени достоверности мысли с точки зрения говорящего, в предложении может быть выражено отношение говорящего к высказываемой мысли в целом или к отдельным ее компонентам. Это отношение обычно относят к субъективной модальности, однако оно не связано с познавательным процессом и формированием предикативности. По отношению к нему именно можно сказать, что оно «накладывается на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение». Это наглядно видно хотя бы из того, что оно может не относиться вовсе к предикативному минимуму предложения, а увязываться с его неконституитивным компонентом. Например: Гуаҵажә изы абранза умааргьы ӄалон. «Из-за глупого Гуаджи ты мог не приходить сюда».

В данном предложении с помощью частицы жә выражается

значение пренебрежения по отношению к неконституитивному компоненту предложения Гуаджа (собств. имя).

Кроме того, подобные значения могут встречаться в сочетании с субъективно-модальными значениями:

Ллымҳақуагьы ирыгхагушьазаап, ашә анаасыртуазгьы илмаҳазеит. (Ш. Чк.) «Она, оказывается, к сожалению, слабо слышит, не услышала, когда я открыл дверь».

В данном предложении наряду с проблематической достоверностью (выражена заглазной формой глагола -заап) выражено значение сожаления (выражено частицей -гушьа-).

Помимо пренебрежения сюда относятся такие значения, как уничижение, недовольство, сожаление, экспрессия и ряд др.

Аналогичные значения всегда связаны с конкретным смысловым содержанием предложения и выявляются на уровне его коммуникативной функции.

Из-за неимения другого термина значения эти мы объединяем под названием «внешняя модальность».

Абхазский язык располагает многочисленными лексическими, морфологическими, интонационными и др. средствами, с помощью которых можно выразить самые различные тончайшие смысловые нюансы.

Использование частиц

Частица **-жә**. Частица -жә, восходящая к корню слова ажә «старый», используется для выражения значения пренебрежения, недовольства:

Ауарбажә ашәтыц иазнауазеи, Ахацыцқуа ирыбжьакны?! Сара исеицшу илзууазеи Ухтырцажә ухагуаны?! (Апс. жәл. рп.) «К чему коршуну цветы. К чему тебе такая, как я?!» Адунеиажә цәгьа уеижьагоуп, Ех, ҳаҧоу дутоуп… (Б. Ш.) «Мир никчемный, ты очень обманчив, врагу гостить у тебя!» Амлажә, ииуазеи, тынчамҩа суҭом. (Б. Ш.) «Голос никчемный, почему пристал ко мне, не даешь покоя». Алаҳәажә, Марытхуа ҳаиқатәеит ҳарҭ. (Б. Ш.) «Ворон никчемный Марытхуа, обманул нас». Уаа, Азацшь-ипа Ҭатласҭанажә, Ҳалыбеи бзиаху баша мидалк ҳәа Дитигушьеит, амаҳагьажә, Аха имидал ахирра имбеит, Фраҭи Шабаҭи Ҳалыбеи ишьа руит, Ҭатласҭанажә дтадырхеит (Апс. жәл. рп.) «О Дзиапш-ипа

Татластан никчемный, прекрасного Халыбея угробил за какую-то простую медаль, однако медаль не принесла ему радости, Фат и Шабат отомстили за Халыбея, убили Татластана».

Частица **-қуа**. Основная функция суффикса -қуа – это выражение множественного числа имен класса вещей. Однако он широко используется в качестве частицы с различными значениями. Одним из таких является значение легкого недовольства с некоторым оттенком пренебрежения, что не всегда удается отразить в переводе.

Саргьы издыруеит сышееиқуам. (А. Г.) «Я и сам знаю, что (я) не очень хорош». Ԥытқ анбжьысқуа, иабхундцәеи иареи еибабақуеит. (Апс. л.) «После некоторого времени, он повстречался со своими шуринами». Уаҟуԥ, Заур, уаҟуԥ… Узҽқуоузеи? – иҳәеит арԥыс наза-аазак. (А. Г.) «Брось, Заур, брось... Что же вы делаете! – сказал высокого роста парень». Маҭәа-ꙋыҭәашәа, пиониношәа акаасхуақуеит (Ш. Чк.) «Купил я какие-то вещи и что-то вроде пианино».

Частица **х**. Аффикс повторности **х** используется нередко для выражения недовольства, пренебрежения:

Бабадугьы ҽнак иқулыртәан ишьа зегьы илхны, ижәны ицеит. Арахь ҭабуп ҳәа леиҳәахт. (Ш. Чк.) «Однажды она посадила ее (пиявку) на дедушку и та всю его кровь высосала. А он тут еще благодарность ей выразил». Ус рымҳәаахуеи… Азәы данугуаԥхалак, ублақуа наҳәы-ааҳәны иҭало ԥьушьап. (А. Г.) «Так ведь говорят... Когда кто-то тебе понравится, как будто глаза свои выворачиваются (не то видет)».

– Баргьы, – иҳәахт уи, – акгьы ҟамлазазшәа беыҟаԥа... (А. Г.) «И ты, – сказал он, – притворяйся, будто ничего не случилось». Лара лаԥсы лызгахуам, арахь еилаҳәаракгьы лызкуа иқууп. (Алаш.) «Она сама еле плетется, а тут еще какой-то сверток на спине несет». Уара узнышьҭахыузеи арахь? (Дз. Д.) «Чего ты ищешь здесь?»

Частица гушьа. Частица гушьа используется преимущественно для выражения сожаления:

Вова иаԥхьа сара сыԥсуаз ԥьысшьон, аха иара дыцсгушьеит. (Ш. Чк.) «Я полагал, что умру раньше Вовы, но, к сожалению, он помер». Еергьҳәа сыҟоуп, ухаԥкы, сцеит, ақьаф сара исызҭагушьода! (Дз. Д.) «Влачу жалкое существование, господин мой, кто мне даст блаженства жизни!» Сыԥҳәыси сареи ахыхуара ҳаҿгушьоуп. (Алаш.) «Я с женой мало заботимся

о себе». Дынмеиуазгъы ахы ҕуҕуа и қ у ш ә а г у ш ь е и т, Башныху ахатцагьы уа д ы ш ь ҭ а х а г у ш ь е и т (Аџс. жәл. рп.) «Башныхуа героя сильно ранили, остался он лежать на земле».

Для выражения иронии, уничижения, пренебрежения, подчеркивания и др. используются определенные сочетания превербов-основ с глагольными основами, суффиксами-корнями и направительными суффиксами.

Сѡыза бзиаху амла сакуеит ҳәа шьоукы рбаҳчақуа у н ы р-ҭ а ѡ р ѡ у а удәықулар kалазом. (Амцабз) «Друг мой хороший, из-за того, что ты голоден не должен бродить по чужим садам». Уажәы лхала даниба д л ы в ѡ р н ы дзымцеит. (А. Г.) «Сейчас, когда он встретился с ней одной, не мог пройти мимо нее». Hak у д ә ы л ы ѡ р, hak (Дз. Д.) «Выходи вон из дому!» Цҳәызбак дааин, акуапаҳәа л ҿ ы н а с ы в а л ы р ш ә и т. (А. Г.) «Подошла какая-то девушка и села рядом со мной». Уиаҟара иазааузеи, уааи, ишәхаҳҳәап абри аҭаҳмадажә ихамы. (Дз. Д.) «Зачем нам столько возиться, давай, разденем этого старикашку». ...Агуамқуа анааимеиртыты, иқьаҿ а а ц ә ц и х ә е и т. (Дз. Д.) «Покопавшись в мусоре, вытащил оттуда свою рубашку». Шьасиа уаҳа даанымгылазакуа д н ы ц ы ш ь ш ь дцеит. (А. Г.) «Шасиа, больше не останавливаясь, вышла и ушла». Даныѡеидаслак (азаҕаб), днышышь дцоит (хаца дцоит). (Ш. Чк.) «Чуть повзрослев, девушка сразу замуж выходит». Ҽабаак суҭан сашҭа иҭажьуп имҵсуа ибзамхо, ведражәк суҭан, ара и г ҿ а ж ь ы з уажәыгьы и г ҿ а ж ь у п. (Аџс. л.) «Ты мне дал какого-то паршивого коня, до сих пор он валяется во дворе ни жив ни мертв, ты мне дал какое-то старое ведро, тоже где-то валялось и валяется до сих пор. Аха ари аџҳәызба заҟа дымшәарыз, лшәақь ҭцаа ҽеырkьаса дишьклахысуа ҽеацхалцан дышнеиуаз хаҳәык и ҿ н а д и ж ь ы л т. (Аџс. л.) «Она оказалась не из пугливых, погналась за ним стреляя вслед за ним, он впопыхах спрятался за камень». Ирцыргарц быстахьык ыршәны и н а м ц а р ы ж ь у а н… (Ш. Чк.) «Чтобы избавиться от нее, бросали ей (собаке) холодные куски мамалыги».

Интонация

Общеизвестно, что предложение не может функционировать вне интонации. Однако не определена конкретная функция интонации в грамматической организации предложения.

Одни авторы абсолютизируют роль интонации в синтаксической организации предложения, другие же – отвергают ее. Так, А. А. Шахматов писал по этому поводу: «Грамматическим целым называется законченное словесное выражение; признаком же законченности той или иной речи является определительность его смыслового значения, отсутствие необходимости дополнить его другими словами; способом выразить эту законченность является интонация...». И далее: «Темп и интонация являются главными грамматическими средствами для образования законченных единиц речи, предложения»[1].

В. В. Виноградов одним из способов выражения предикативности выделяет интонационно-синтаксический способ. В то же время он отмечает, что «интонация сама по себе, т. е. вне словесного содержания, вне отношения речи к действительности, расчлененной, законченной, логически построенной мысли не выражает». И далее: «Интонация не является средством формирования и воплощения мысли, без слов она может быть выразительной, но не является содержательной, т. е. не служит материальной оболочкой мысли»[2].

Н. Ю. Шведова интонацию определяет как сопутствующий структурную схему предложения элемент, по не конституирующий[3].

А. Мартине «характеризуя факты интонации как область бесконечных вариаций (variationis infinitesimales) призывает лингвистов к определению предложения (la phrase) в терминах дискретных единиц, которые могут быть строго разграничены и которые допускают статическую трактовку»[4].

Несмотря на универсальный характер использования интонации, роль ее в различных языках не одинакова. Например, как показывают материалы разговорной речи, письменного и литературного языка, роль интонации в предложении абхазского языка доводится до минимума.

[1]Е. С. Истрина..Вопросы учения о предложении по материалам архива А. К. Шахматова. В кн.: «Сборник статей и материалов» под ред. акад. С. П. Обнорского. М. – Л., 1947, вып. 3, стр. 317.

[2]В. В. В и н о г р а д о в. Основные вопросы синтаксиса предложения. В кн. :«Вопросы грамматического строя», стр. 402.

[3] Н. Ю. Шведова. Простое предложение (основные понятия). В кн.: «Грамматика совр. русского лит. языка», 1970, стр. 545.

[4]См.: А. М. Мухин. Структура предложений и их модели, стр. 59.

Это будет понятно, если учесть те факты, что, во-первых, как показали исследования, интонация, не является конституирующим признаком предикативности, во-вторых, она почти не используется для выражения вопроса в вопросительных предложениях, поскольку вопрос в них выражается специальными морфологическими средствами, в-третьих, для абхазского языка не характерны так называемые номинативные предложения (см. об этом ниже), в которых интонация объявляется основным, порою, и единственным средством выражения предикации. Роль интонации в основном сводится к выделению компонентов логической фразы. Такие функциональные типы предложения, как повествовательные, побудительные, желательные и вопросительные имеют соответствующее интонационное оформление, однако, как показали экспериментальные исследования, вопросительная фразовая интонация в предложениях, в которых вопрос имеет морфологическое выражение (а такие составляют абсолютное большинство), почти совпадает с повествовательной интонацией[1].

В заключение можно сказать, что интонация в предложении абхазского языка выполняет главным образом фиксирующую роль.

Теперь мы вплотную подошли к определению состава, границ и иерархии компонентов структурной основы простого предложения. Для этой цели мы будем пользоваться главным образом методами эксперимента и моделирования. Однако предварительно мы должны наметить некоторые важные моменты методического порядка.

Метод эксперимента заключается в последовательном исключении из состава предложения компонентов и доведении его до предикативного минимума. Однако механическое отбрасывание компонентов не дает каких-либо значительных результатов. Здесь необходимо соблюдать и учитывать следующие моменты.

1. Исключение компонентов предложения не увязывается с конкретным смысловым содержанием предложения, ибо все компоненты предложения без исключения связаны на уровне коммуникации с той или иной информационной нагрузкой. Следовательно, в предложении нет таких компонентов, исключение которых не вызвало бы нарушение смысловой целостности предложения. Это невоз-

[1]См.: Г. К. Гугушвили. Мелодика абхазского литературного языка (экспериментальное исследование), рукопись кандидатской диссертации (на грузинском языке). Тбилиси, 1973.

можно, тем более, что любой компонент предложения в соответствии со смысловой нагрузкой может стать центральным смысловым компонентом – ремой. Например, в предложении A k y a k a сцоит сара «В Сухуми еду я» исключение компонента Akyaka означало бы нарушение всей информации, поскольку вся новая информация заложена в нем, т. е. он является ремой.

В данном случае надо учесть то обстоятельство, что смысловой момент не кладется в основу определения синтаксической структуры предложения.

2. При исключении компонентов из состава предложения мы должны в обязательном порядке исходить из тех связей и отношений, которые мы установили в предыдущих разделах работы. Это – предикативная связь между именными (субъект и объект) и глагольным (предикат) компонентами и выражаемые на этой основе субъектно-объектные отношения, с одной стороны, и модально-временные отношения, с другой.

Модально-временные отношения – это те отношения, посредством которых осуществляется непосредственное соотнесение с действительностью. Субъектно-объектные отношения соотносятся с действительностью именно через модально-временные отношения. Как мы видели выше, субъектно-объектные отношения сами по себе без отношения к модально-временным категориям не могут быть соотнесены с действительностью. Таким образом, категория предикативности организуется комплексом субъектно-объектных и модально-временных отношений. Нарушение комплекса этих отношений разрушает категорию предикативности, следовательно, структурную основу предложения.

Это то главное, что необходимо учитывать при экспериментировании.

3. Другим важным вопросом, предварительное решение которого требуется, является вопрос определения конкретного компонента структурной основы и его границы. Выше мы приводили положение, согласно которому, «в результате деления предложения на части не получаются элементы морфологического порядка (т. е. слова и их формы), и, наоборот, сложение элементов морфологического плана не приводит к единице синтаксического плана – предложению, так как предложение (например, Отец лежит больной) представляет собой нечто большее, чем простую совокупность изолированных слов, так же как здание больше, чем сумма кирпичей...»

Это значит, что всякий компонент синтаксической конструкции – это прежде всего компонент отношений, а синтаксические отношения проявляются в синтагматическом ряду, следовательно, синтаксическая функция компонента раскрывается лишь в отношениях между компонентами. А это означает, в свою очередь, что компонент синтаксической конструкции, если рассмотреть его в связи с его синтаксической функцией (а иначе нельзя рассматривать), не кончается там, где кончается его словесное выражение.

Рассмотрим, к примеру, такую конструкцию: Ацаөцәа зырөуеит «учащиеся мы – слушаем». Слово ацаөцәа «учащиеся» вне конструкции представляет собой лишь нарицательное существительное в общей словарной форме, а как элемент синтагмы представляет собой субъект.

В чем же проявляется здесь функция субъекта? Функция субъекта проявляется в отношениях со вторым компонентом. Какие эти отношения и в чем они проявляются? Здесь мы имеем отношения субъекта и его действия. Выражаются они в синтаксических категориях лица и числа посредством личного форманта ряда д (в предикате) и форманта числа -цәа (имени) (категория лица в имени не имеет морфологического выражения).

Субъект а ц а ө ц ә а выступает в функции синтаксического первого лица (в функции говорящего). Значение лица и субъекта действия компонент этот теряет, если вывести его из синтаксических отношений, которые установлены между ним и глагольным компонентом, потому что эти значения не свойственны имени как морфологической единице, они приобретены им в синтаксических отношениях с глагольным компонентом. Это же самое произойдет и с глагольным компонентом, если вывести его из синтаксических отношений с именным компонентом. Синтаксическое первое лицо (х-зырөуеит) при этом, потеряв свою синтаксическую функцию, превращается в морфологическое первое лицо глагола, за которым сохраняется лишь морфологическое значение первого лица, проявляющегося в парадигматической оппозиции с другими лицами глагола:

д-зырөуеит «он (ч.) слушает»,

у- зырөуеит «ты (м.) слушаешь»,

д- зырөуеит «она (ж.) слушает» и т. д.

Причем надо иметь в виду и тот факт, что появление первого синтаксического лица в синтагме вовсе не продиктовано глаголом, глагол мог выставить любое другое лицо, оно вызвано теми син-

таксическими отношениями, которые установились между обоими компонентами синтагмы.

Таким образом, значение синтаксического лица теряет не только именной компонент, но и глагольный компонент. Потеряв же значения синтаксического лица (числа) и действия субъекта, глагол теряет функцию предиката и становится опять единицей лексико-морфологической.

Здесь мы должны отметить и еще одно важное обстоятельство, заключающееся в том, что оба компонента синтагмы (имя и глагол) выступают не во всех своих возможных формах, а в определенных, конкретных.

Таким образом, в функции компонента синтагмы выступает не слово целиком во всех формах, а определенная словоформа. Следовательно, компонентом синтагмы является словоформа, однако словоформа не изолированная, а вместе со своими определенными отношениями с другим компонентом. Отсюда ясно, что начало и конец границы компонента совпадают с началом и концом самой синтагмы.

Это положение наглядно можно продемонстрировать на примере пропуска, например, именного компонента (субъекта).

Срав.: 1. Сара с-цоит ашколахь «Я иду в школу».

2. Сцоит ашколахь «Иду в школу».

Здесь мы имеем одно и то же предложение в двух вариантах:

1) в полном составе и 1) с опущенным именным компонентом.

В обоих случаях предложение не только не разрушается, но и не претерпевает структурно-смысловых изменений. Это вызвано тем, что граница удаления именного компонента не совпадает с границей субъекта в предложении.

Если же мы удалим субъект синтагмы вместе с его субъектной синтаксической функцией, т. е. вместе с его синтаксическими отношениями (т. е. до конца его границы), предложение непременно разрушится.

Ср.: 1) Сара с-цоит ашколахь.
2) с-цоит ашколахь.
3) -цоит ашколахь.

В третьем варианте полное удаление субъектного компонента вызвало полное разрушения и в смысловом и в структурном от-

ношениях, несмотря на контекстуальное окружение и интонационное оформление.

То же самое происходит и с трехкомпонентной структурной основой предложения.

Срав.: 1) Сара ашәқу с-а-цхьоит «Я читаю книгу».
2) Сара с-а-цхьоит «Я читаю то».
3) Сара с-цхьоит,

Во втором варианте мы исключили субъектный, компонент с сохранением его синтаксического объектного форманта в предикате (а), однако предложение не претерпело изменений. В третьем же варианте мы исключили объектный компонент полностью и предложение разрушилось, несмотря на наличие контекста и интонации.

Эксперимент можно провести с частичным и полным удалением не одного, а обоих именных (субъектного и объектного) компонентов.

Срав.: 1) Сара ашәқу с-а-цхьоит.
2) сара с-а-цхьоит.
3) с-ацхьоит.
4) -цхьоит.

В третьем варианте частичное удаление обоих именных компонентов не вызвало разрушения предикативной основы. В четвертом варианте полное удаление обоих именных компонентов вызвало разрушение предикативной основы предложения.

Для раскрытия еще одной очень важной особенности предикативной основы предложения мы проведем эксперимент в другом варианте. А именно, удалим морфологические выразители синтаксических отношений между компонентами в глагольном компоненте с сохранением самих именных компонентов.

Ср.: 1) Сара с-цәажәоит «Я разговариваю».
2) Сара -цәажәоит...
3) Сара ашәқу с-а-цхьоит «Я читаю книгу».
4) Сара ашәқу с-а-цхьоит...
5) Сара ашәқу с-а-цхьоит...

Во втором, третьем и четвертом вариантах исключение из предиката грамматических средств выражения синтаксических отношений между компонентами вызвало полное разрушение предикативной основы, несмотря на сохранение самих словесно выраженных именных и глагольного компонентов.

Отсюда мы можем сделать следующие выводы:

1. При последовательном исключении компонентов из синтагмы они (компоненты) должны быть исключены вместе с их синтаксической функцией, т. с. граница удаления компонентов должна совпадать с границей распространения их синтаксических функции.
2. В выражении синтаксических отношений (функций) между компонентами основную, определяющую роль играют субъектно-объектные аффиксы двух рядов.
3. Организующим центром структурной основы выступает предикат, в котором сосредоточены аффиксы двух рядов.
4. Компоненты структурной основы взаимозависимы и взаимообусловлены.

Однокомпонентная структурная основа предложения

Приведем вышеуказанный эксперимент с предложением: Уажәааны Урыстәылан аҕьараҳәа иҵаауеит. (С. Ҷ.) «В это время в России сильно морозит» (каждый отброшенный компонент заменим на письме точками).

Уажәааны Урыстәылан аҕьараҳәа иҵаауеит,... ...Урыстәылан аҕьараҳәа иҵаауеит; ... ... аҕьараҳәа иҵаауеит; ....ҵаауеит.

Как показывает эксперимент, предикативное значение в этом предложении увязывается лишь с последним компонентом ҵаауеит «морозит». Компонент этот лишен субъектно-объектных аффиксов, располагает лишь морфологически выраженными синтаксическими категориями времени и модальности (о синтаксическом лице ниже). Все предложения однокомпонентной структурной основы строятся по этой схеме.

Для выражения однокомпонентной структурной основы используются абсолютные глаголы в форме третьего субъектного лица

ед. числа кл. вещей, обозначающие различные метеорологические и физические явления природы, наличие предметов и т. д. Синтаксическую позицию субъектного аффикса в них занимает (как это и положено) показатель третьего лица ед. числа класса вещей, аффикс ряда д и. Однако аффикс этот в данном случае функционально и семантически пустой, в связи с чем он может присутствовать или отсутствовать, не вызывая при этом малейшего изменения в структурной основе.

Например:

И-шеит «рассвело», но: шеит;
И-хулеит «стемнело», но: хулеит;
И-хьҭоуп «холодно (есть)», но хьҭоуп и т. д.

Субъект в такой конструкции совершенно не мыслится. Действие или состояние ни семантически, ни грамматически не приписывается ни процессуальному (реальному), ни грамматическому субъекту. Это явление нельзя увязывать с морфологической безличностью глагола, так как в абхазском языке, как известно, нет безличных глаголов. Те же глаголы в других случаях употребляются с определенным значением лица. Они могут быть релятивными и даже переходными.

Например: Ус уаҕеимшхарала ҳшеилатәаз иҟьаҟьаза и а а - ҳ - а р ш е и т (Б. Шь. «Ацынцәарах», 83) «Так в муках дождались мы рассвета» (букв, «мы заставили то рассветать»). Хулеижьҭеи акгьы цзомеи, и з ы р ш е и? («Аџс. л.», II, 266). «Стемнело только что, как же так рассвело (кто заставило то рассветать?)» И-ҳ-а р х у л е и т, шьҭа ҳдәықулааназа! (Из разговора). «Стемнело, отправились бы уже (мы заставили то стемнеть)!» Атыша цаулан, аха Гунда дшынҭарыжьызцәкьа и - а а - л - ы р л а ш е и т. («Н. С.»)

«Пропасть была темная, но как только туда бросили Гунду, в пропасти стало светло». Вышеназванные глаголы могут изменяться по лицам и морфологически и синтаксически, и в абсолютной форме с иной (переносной) лишь семантикой.

Например, с-шеит, у-шеит, б-шеит, ҳазшеит...

Иахьа у-шеит (ушаны уҟоуп) «Сегодня ты (м.) в хорошем настроении (т. е. расцвел)». И-л а ш ь ц е и т уан рыцҳа лдунеи (Из

народной песни). «Закатилось солнце твоей матери (букв.: стемнел мир твоей матери)!»

Бессубъектное употребление глаголов в вышеприведенной функции, видимо, связано с своеобразием логической структуры мыслей, выражаемых этими синтаксическими конструкциями.

В связи с этим представляет интерес тот факт, что аналогичные мысли передаются бессубъектными конструкциями и в тех языках, в которых они (эти мысли) выражаются двусоставными (субъектно-предикатной) конструкциями.

Например, анализируя аналогичные конструкции в немецком языке В. Г. Адмони пишет: «Если в бытийных предложениях конкретный предмет или явление определяется самой общей формой бытия, то в безличных предложениях положение обратное: конкретным характером обладает здесь форма бытия, а обобщенно неопределенный характер свойственен «производителю» этой формы бытия, который чаще всего выражается здесь в форме безличного номинативного es»[1] (Es regnet).

То же самое мы имеем и в английском языке, в котором «безличные предложения отличаются от русских безличных предложений тем, что в них безличность выражена не отсутствием подлежащего, а в семантической опустошенности подлежащего или в его безличности»[2]. (It is dark и «Темно»; It is getting dark и «Темнеет»).

Однако, как нам кажется, полное отсутствие синтаксической позиции субъекта не означает абсолютного отсутствия синтаксического лица.

Дело в том, что семантика анализируемых конструкций мыслится как принадлежащая третьему синтаксическому лицу.

Как мы видели выше, при подстановке других лиц значение лица восстанавливается (с-шуеит, у-шуеит) с одновременным перемещением семантики. Личное употребление этих глаголов вполне может коррелировать с безличной формой их употребления. Однако значение третьего синтаксического лица вовсе не совпадает со значением субъектного лица; здесь субъект и действие как бы слиты, видимо, недифференцированны.

---

[1]В. Г. Адмони. Введение в синтаксис немецкого языка. М., 1955, стр. 192.

[2]А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 157-158.

В синтаксисе абхазского языка однокомпонентные конструкции не занимают значительного места. Нам удалось собрать (из всех сфер употребления) лишь около сорока примеров этой конструкции. Однако обойти их нельзя потому что, во-первых, у них специфическая структура, во-вторых, они повторяются часто в тексте (при описании явлений природы и т. д.), в-третьих, они пополняются за счет инноваций. Инновации эти характерны для абжуйского диалекта и литературного языка, в меньшей мере встречаются в бзыбском диалекте. Они основываются на абсолютных глаголах, которые, принимая суффикс превратительности -тә, теряют парадигму субъектного лица. Аффикс -тә придаст глаголу значение долженствования.

Например, срав.:

с-цоит «я иду»,
у-цоит «ты (м.) идешь»,
б-цоит «ты (ж.) идешь»,
д-цоит «он (она) (ч.) идет»
и-ца-тә-уп «надо пойти»,
и-цоит «оно (в.) идет»,
ҳ-цоит «мы идем»,
шә-цоит «вы идете»,
и-цоит «они идут».

Аффикс **и,** занимающий позицию субъекта, функционально пустой, он может одинаково отсутствовать или присутствовать.

Например: и-цатәуп, -цатәуп.

Лассы аҩныӄа и г ь е ж ь т ә у п, дысзыԥшуп уа сыхаара, акырԥьара и с а с т ә у п, аха еиԥъуп аҩны аԥхара. («Алаш.») «Надо скоро вернуться домой, там ждет меня милая, надо мне и погостить, но лучше тепло родного очага».

Этот случай не следует путать с другим случаем, когда суффикс -тә, прибавляясь к основе переходного глагола, даст непереходный личный глагол. Например:

и-аа-с-хуеит «я купил то», и-аахуа-тә-уп «надо купить то»; ис-ԥиуеит «я продаю то», и-ԥи-тә-уп «надо продать то»; и-с-фоит «я ем то», и-фа-тә-уп «надо есть то».

Превратительный суффикс прибавляется и к релятивному непереходному глаголу, при котором глагол теряет парадигму субъ-

ектного лица. Однако в данном случае сохраняется парадигма объектного лица, и глагол образует не однокомпонентную, а двухкомпонентную структурную основу (об этом подробно см. ниже).

Предикат в однокомпонентной структурной основе может быть выражен глаголом, глагольно-именным и фразеологическими сочетаниями; в которые входит обязательно глагол в безличном употреблении.

Однокомпонентиая структурная основа предложения встречается:

1. При описании физических и метеорологических явлений природы:

Ахулбыехарахь инеихьан. (С. Ч.) «Тянулось к вечеру (вечерело)». Хулеит абар иреихашәа. (Б. Ш.) «Стемнело». Адырԥаены акун, хулбыехан. (И. П.) «Это было на второй день, был вечер». Иааҭынчрахеит. («Алаш.») «Стало тихо, стихло». Хулцазын. (Қь. А.) «Был вечер». Ишеит. (С. Ч.) «Рассвело». Еилахулахьан. (И. П.) «Уже было темно».

2. При описании наличия предметов и явлений:

Баҳчароуп. (С. Ч.) «Сад есть». Аресторан аҽы гурҧаран, ԥыжә-ран, крыфаран. (И. П.) «В ресторане радость (дарила). Пили (питье было), ели (еда была)». Иахьа гурҧароуп Алиас иԥоны. (Д. Г.) «Сегодня радость (есть) в доме Алиаса». Ҭынчрахеит... (Б. Ш.) «Стало тихо». Меышан. (А. Г.) «Воскресенье было». Хақуитроуп гурҧароуп СССР иқунхо ажәлар рзы (И. К.) «Свобода, радость (есть) для народов СССР».

3. Со значением долженствования:

Аусҳәарҭа аҟынза ицатәуп. (И. П.) «До сельсовета надо сходить». Аԥныҟа игьежьтәуп (из разговора). «Надо вернуться домой».

* * *

В связи с однокомпонентной структурной основой предложения нельзя не упомянуть о так называемых номинативных (именных) конструкциях.

Специальное изучение этого вопроса показало, что для абхазского языка в целом не характерны номинативные конструкции. Они не встречаются в разговорном языке и языке фольклора. Некоторое употребление они имеют в литературном языке.

Встречаются при описании природы, в ремарках к пьесам. Однако чувствуется их искусственность и они не имеют пока зна-

чительного распространения. Нехарактерность, искусственность именных структурных основ для абхазского языка объясняется тем, что любая именная основа в позиции предиката обычно получает предикатное грамматическое оформление.

Срав.: аҵаҩы «ученик», но: д-ҵаҩуп «он (ч.) ученик есть»; Аҧсаҩы «учитель», но: д-ыҧсаҩуп «он (ч.) учитель есть» и т. д.

В литературном языке они встречаются под влиянием русского языка.

Москва. Кремль. Абҵьар палата. Лакуны иумаҳацзар аиҵш збахьада! (Вл. Ан.) «Москва. Кремль. Оружейная палата. В сказке только увидеть такое!» Москва. Уаҩы игу... ҭзырзызаауа ажәа аҳауа иалоуп (С. Ҷ.) «Москва. Душераздирающее слово в воздухе».

Аҵхын. Ашьыжь. Арбаҵь ҁыртуан. (Б. Ш.) «Лето. Утро. Петухи пели». Азынра. Бзиа илбон Шьасиа азынра. (А. Г.) «Зима. Любила Шьасиа зиму».

В русском и других языках, где они (номинативные предложения) имеют распространение, номинативные конструкции рассматриваются обычно как самостоятельные предложения, в которых значения лица, времени, модальности выражены синтаксически. Иногда выражение значения предикативности приписывается интонации.

Срав.: положение А. М. Пешковского «Слово море... не принадлежит к числу предикативных. Поэтому оно нуждается в особой, предикативной интонации... которая и помогает ему выразить отдельную мысль»[1].

В абхазском языке номинативным конструкциям нельзя приписывать статус самостоятельной структурной основы потому, что, во-первых, они всегда конситуативно обусловлены; во-вторых, в конситуативно необусловленной позиции они заменяются однокомпонентной структурной основой глагольно-предикативного строя.

Срав.:

Азын. «Зима», но: Зынроуп «Зима есть», Аҵхын... «Лето», но: Ҷхынроуп (ҵхынуп) «Лето есть». Аҵхын. Ашьыжь... (Б.Ш.) «Лето. Утро», но: Ҷхынуп. Шьыжьуп. «Лето есть. Утро есть».

Нельзя не учитывать и тот факт, что для абхазского языка они вообще не характерны.

---

[1] И. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 173.

Номинативные конструкции в абхазском языке можно квалифицировать лишь как эквиваленты предложении, которые в конститутивно обусловленной позиции могут быть использованы для выражения мысли. Да и в других языках их конституитивная необусловленность вряд ли является абсолютной. Это видно, хотя бы, из того, что они при исследовании приводятся обычно в контекстуальном окружении.

Например:

Она! Вся кровь во мне остановилась. (А. Пушкин, Борис Годунов)...

Славная осень! Здоровый, ядреный, воздух усталые силы бодрит (Н. Некрасов, Железная дорога)[1].

Двухкомпонентная структурная основа предложения

Проведем эксперимент над следующими двумя предложениями:

1. Миха иахьа поездла Akyaka дцеит «Миха сегодня поездом в Сухуми поехал».

Заур ҳара ҳархуҭахь днанагеит. «Заур попал в нашу часть (Заура привело в нашу часть)». Миха ... поездла Akyaka дцеит; Миха ... ... Akyaka дцеит; Миха ... ... дцеит, Заур … … ҳархуҭахь днанагеит. Заур ... ... ҳархуҭахь днанагеит:

В результате последовательного и полного удаления компонентов в первом предложении мы получили структурную основу из двух компонентов – из субъекта и предиката. Экспериментирование второго предложения дало тоже двухкомпонентную структурную основу, но не из субъекта и предиката, а из объекта предиката.

В соответствии с этим двухкомпонентная структурная основа предложения представлена в абхазском языке в двух типах:

а) субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа;

б) объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа.

---

[1]См.: В. В. Бабайцева. Односоставные предложения в современном русским языке. М., 1968, стр. 116.

Субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения

Субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа дает, в свою очередь, два варианта, порождаемые своеобразием строя предиката.

Первый вариант представляет структурная основа из субъекта и предиката, выраженного абсолютным глаголом с субъектными аффиксами из ряда *д,* занимающими первую позицию. Второй вариант представляет структурная основа из субъекта и предиката, выраженного релятивным двухличным глаголом с субъектными аффиксами из ряда *л,* занимающими вторую позицию при нулевой позиции объекта.

Рассмотрим первый вариант.

В первом варианте предикат выражен всегда абсолютным глаголом, в котором синтаксическая позиция субъекта фиксируется субъектными аффиксами ряда *д,* занимающими первое место.

Аԥыс шәаҳәоит «Птичка поет». Ахуҷы д-ԥәыуеит. «Ребенок плачет». Бара б-ыԥшзоуп. «Ты (ж.) красивая», уара у-куашоит «Ты (м.) танцуешь». А и а ц ә а қ у а жжаза и-иҭалон хланҵы. (И. К.) «Звезды огненно-яркие низвергались в бездну». А ш ь х а - р а х ь и-н е и у а н а ц ҭ а қ у а ббаза. (И. К) «Мчались (шли) к горам облака». Д-неиуеит аԥҳәызба ақыҭа мҩахуастала. (Б. Ш.) «Идет девушка по деревенской тропке».

Во втором варианте предикат выражен релятивным двухличным глаголом, в котором синтаксическая позиция субъекта фиксируется субъектными аффиксами из ряда *л,* занимающими второе место. Объектный аффикс, занимающий первое место, в предикате функционально пустой. Вариант этот имеет ограниченную сферу распространения. Он ограничен кругом глаголов, обозначающих в основном различные физические и метеорологические явления природы. В непереходном абсолютном варианте они дают однокомпонентную структурную основу (см. выше), при переходном (формально-грамматическом) релятитном же варианте дают описываемую двухкомпонентную структурную основу.

У а р а алашара ыркәаны и-у-р л а ш ь ц е и т. «Выключай свет ты (м.) сделал темно». (Ҳара) ус уаҕеимшхара ҳшеилатәаз иԥьаԥьаза и-а а-ҳ-а р ш е и т. (Б. Ш.) «Мы до утра коротали ночь (сидя до утра мы заставили рассветать)». С а р а ашә артны

ауадаҽы и-с-ы р х ь ҭ е и т. «Открыв дверь, я в комнате сделал холодно (букв, перевод)».

Сюда же относятся конструкции типа: сара ус (и)-с-ҳәап «Я так скажу». Сара ус (и)-з-у п. «Я так поступлю (сделаю)», в которых синтаксическая позиция объекта отсутствует полностью.

Элемент **ус** «так» в аналогичных конструкциях выступает в функции частицы и примыкает к предикату.

Объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения

В объектно-предикатной двухкомпонентной структурной основе синтаксическая позиция субъекта полностью отсутствует, структурная основа организуется из объекта и предиката. Личный аффикс, занимающий в предикате позицию субъектного префикса, функционально пустой, однако он не выпадает, если предикат выражен переходным глаголом. Например: Сара уахь с-а-геит «Меня туда перевело (повело)».

Если же предикат выражен релятивным непереходным глаголом, префикс, занимающий позицию субъектного аффикса, может выпасть, однако в текстах, как правило, он сохраняется.

Иара абраҟа ақыҭанхамҩа, арахуаазара... уҳәа реиҷш иҟоу азҵаарақуа акыр и-р ы х у а ҵ ш т ә у п, и-а з а а ҭ г ы л а т ә у п а х у ҳ а х у ҭ р а а ҭ а г ы л а з а а ш ь а. («Алашара», 1975, 2 стр. 86).

Бывают редкие случаи, когда в объектно-предикатной двухкомпонентной структурной основе предложения синтаксические позиции косвенного объекта и субъекта полностью отсутствуют.

С а р а уахь с - а - х - н а г е и т. «Меня туда понесло». И а р а ҵаҟа д-а-ҵ-н а-г е и т. «Его под низом потянуло». Ишаркко ианалага амшҷәгьа (и)-а-х-н а-геит. («Н. С») «К утру погода прояснилась».

Объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения не имеет большого распространения, однако наличие ее в языке является очевидным фактом.

(Ҳара) ...ҳаҵсадгьыл бзиаху кажьны ҷьанаҭ ҳшашьҭаз ҷьаҳаным ҳ - а а - н а - г е и т. (М. Л., 1, 158) «Покинув свою прекрасную родину, искали мы рай, а попали (привело нас) в ад». Губҕанс иуҭозеи, деилахоуп, д - а х - н а - г е и т Аҵыргьы. («Алашара», 1970, 3, 8). «Нельзя его обвинять, некогда ему. Аджыра роже

куда-то повело (понесло)». ...Ианакуҙамыз д-ы ш ь ҭ а н а-к и т (иара). «Не вовремя уложило его (заболел он)».

Уҵкунамкуа иацы у-х-на-мыршәеи (уара), – лҳәеит Шьашькуагьы арахь даахәны. (Ал. Г.) «Ты тоже далек от молодости, не вчера ты родился, – сказала Шашкуа, повернувшись (сюда)». Ақуа амуижьҭеи азы акыр и-а-г х е и т. (А. Г.) «С тех пор как нет дождя речка намного убавилась». Игугьы ҽеимызт, днаскьацыцхьаза еиҳа-еиҳа д-а-к-у а н (и а р а). (А. Г.) «Он был болен, все больше и больше захватывало его». Абри ашьҭахь кыр шықуса цхьан еицш зны с-е и ҭ а н а-н а н а г е и т (с а р а) сахьықаз аҭыцан. («Аџсн. k. 1975, март 15) «Прошло много времени после этого, я вновь попал (привело меня) в то же место, где был». Ҳқытан ари аҩоны цхәыскгьы дыцсны дыкҽан, рыцха, убри дицәуарц акузаарын игу иҭаз, аха арахь д-а а-н а-г е и т (иара). (Аџсн. k., 1975, март 15) «В нашем селе в этот день умерла одна женщина, царство ей небесное, он собирался, видимо, ее оплакивать, но его; сюда повело». А х у ҵқ у а и-р-ы ц х р а а т ә у п. «Детям надо помочь».

Трехкомпонентная структурная основа предложения

В трехкомпонентной структурной основе предложения предикативное ядро предложения составляют три компонента, полное удаление каждого из которых вызывает разрушение структурной основы. Это положение наглядно можно продемонстрировать на следующем примере: 1) Сара иацы ашәкуҭирҭаҿы иаасхуеит ашәқу ҽыц «Вчера я в книжном магазине купил новую книгу (книгу новую)»; 2) Сара ... ашәкуҭирҭаҿы иаасхуеит ашәқу ҽыц; 3) Сара ... ... иаасхуеит ашәқу ҽыц; 4) Сара ... ... иаасхуеит ашәқу ...; 5) Сара ... ... аасхуеит .....; 6) ... ... … … и- аа-хуеит ашәқу ...; 7) ... . аа-хуеит .....; 8) Сара ... ... … … ашәқу.

Как видно из эксперимента, полное удаление из предложения объекта (в пятом варианте), субъект (в шестом варианте), субъекта и объекта (в седьмом варианте) и предиката (в восьмом варианте) вызвало разрушение предикативной основы предложения соответственно в пятом, шестом, седьмом и восьмом вариантах.

Трехкомпонентная структурная основа представлена в двух вариантах. Первый вариант представляет трехкомпонентная основа, состоящая из субъекта, объекта и предиката. Второй вариант пред-

ставляет структурная основа, состоящая из ближайшего объекта, косвенного объекта и предиката при нулевой позиции субъекта.

Субъектно-объектно-предикатная трехкомпонентная структурная основа предложения

Субъектно-объектно-предикатная трехкомпонентная структурная основа предложения является одним из наиболее распространенных типов структурных основ.

Сара ашәқу аасхуеит. «Я купил книгу». Ҭемыр Адшьа д-л-а-цәажәоит «Темыр с Адшой разговаривает». Аҵаоы арҵаоы д-иззырҩуеит. «Ученик слушает учителя».

Д-и-моугушьеит иара ахшара. (Б. Ш.) «Не имел он детей». Дамеи Мактина д-л-ышьҭыцхьеит. (И. П.) «Дамей уже перестал ухаживать за Мактиной». Хҩоык ахуҵқуа амца иахьахатәаз иара (и)-и-х у а ц ш у а н. (И. П.) «Трое детей, сидя у очага, смотрели на него». Аҳ имаҳәцәа аҩыцьа аҽахш (и) аа-р-геит. («Аҵс. л.») «Два зятя царя принесли оленье молоко». Аҭаҳмада ҩыцьа аҩныҳәсақуа (и)-и-дтәалан («Аҵс. л.») «Две домохозяйки сидели вместе со стариком». Ҳ а ц ь а р а ҭ дҽыжәла (и)-и-рхумаруеит аеы (Б. Ш.) «Хаджарат скачет (гарцует) на коне (заставляет коня горцевать)». Аҵабырг аҵсы д-а-р г ы л о и т: (пословица) «Правда воскресит мертвеца». Е р ц а х у шла ахра ирхагылоуп урҭ ҷаҵшьауа. (Б. Ш.) «Седой Ерцаху сторожит их, стоя у их изголовья». А б н а т ә а р б а ҷ ь а ҩ н а т ә а р б а ҷ ь д ә ы - л - н а - ц о н (поговорка). «Дикий петух выгонял домашнего петуха из дома». Анади амаҳмыз а-ҭахуп (пословица). «Ленивой лошади нужны шпоры». Ш ә а - р а и - ш ә - ы л ш о и т а б а р ҭ р а х ц а р а. (Б. Ш.) «Вы сможете их прогнать». Асас асас дицәымҵын аҩыцьагьы аҵшәма и-цәым-ҵын (поговорка). «Гость гостя ненавидел, обоих хозяин ненавидел».

Редко встречается структурная основа предложения, состоящая из ближайшего объекта, косвенного и предиката при нулевой позиции субъекта. Синтаксическая позиция субъекта в таком типе структурной основы полностью отсутствует. Аффикс, занимающий позицию субъектного показателя, функционально пустой.

А ц ҳ а и а в с ы з, а ц ҳ а д-а-ҵ-н а г е и т. (Поговорка). «Кто миновал мост, того понесло под мост». А ч ы м а з а ҩ, а ц с - ц х -

з ы (и)-и қ у (на -тәоит). «Больной потел (больного обливало холодным потом)».

Четырехкомпонентная структурная основа предложения

Четырехкомпонентная структурная основа не содержит незнакомый нам новый компонент. Она основана на трехкомпонентной структурной основе с повторением объектного компонента, т. е. состоит из субъекта, предиката и двух объектов (ближайшего и косвенного, или двух косвенных).

С а р а у а р а и-у-с ҭ о и т а ш ә ķ у. «Я тебе (м.) дам книгу». С а р а а ҭ е р а з ы и-л-с ы р з а х у е и т а ц к ы. «Я заставлю портного (ж.) сшить платье». А б л а х ь а х ы х ь (у а р а) (и)-у-х-а-н а-р - ш ҭ у е и т. (Поговорка). «Боль глаза заставляет тебя забыть про глазную боль». Сара ахуҷы и-л-заа-с-хуеит ахумарга. «Я для ребенка купил игрушку».

Глагол в абхазском языке морфологически вмещает до четырех личных аффиксов (например, д-у-з-л-а-с-ырцәажәоит. «Я заставлю его поговорить с ней для тебя»), однако в текстах и разговорной речи нам не удалось зафиксировать предикат с соответвующими субъектно-объектными аффиксами. Структурная основа предложения с предикатом такой структуры была бы пятикомпонентной, состоящей из одного субъекта, трех объектов и предиката.

В текстах не очень часто встречается и четырехкомпонентная структурная основа предложения.

* * *

Существуют в языке такие типы структурных основ предложений, для которых частичное отсутствие субъекта является характерным. Таковыми являются структурные основы обобщенно-личных и неопределенно-личных предложений.

Синтаксическая позиция субъекта в предикате структурной основы обобщенно-личных предложений фиксируется субъектным аффиксом второго лица ед. числа класса мужчин **у,** выступающим с обобщенным значением лица.

Уаҵхьа икаҳауа у-ихымыччан. (Поговорка). «Над чужой бедой не смейся». Формант **у** в таком случае нельзя увязывать с определенным лицом, числом и классом. Он имеет значение любого лица, числа и класса, в чем и заключается обобщенность его

значения. Это видно, частично, хотя бы из того, что обобщенно-личных предложениях он (формант **у**) заменяет субъектный показатель того же второго лица единственного числа класса женщин **б**. (В других случаях такая замена исключается).

Например: В тексте повествование идет от лица невесты, которую впервые вводят в дом будущего супруга:

...Уарҧьа шьапы нхы-у-гоит ашәхымс... Нас – уарма. Еизаашәшәо изахны иушәу аҵкы ҟуашза у-ныҩналоит уи аҩны. ...Егьырҧ иҩналогьы иршәу ҟуашқуоушәа у-боит. ...Ус ухы уҩаханы, иуҿаршәу укасы ҵаҧаза уалҵшны у-нарылаҵшыхуеит... (А. Г.) «Правой ногой переступаешь порог... Затем – левой. В нарядном белом новом платье войдешь в этот дом. Тебе кажется, что и все остальные одеты в белое... Так, подняв голову, сквозь тонкую косынку посмотришь на людей...».

Структурная основа предложения с обобщенно-личным синтаксическим субъектным вторым лицом и частичным отсутствием субъекта не представляет собой особый бессубъектный тип структурной основы предложения.

Ее нельзя отнести к типу бессубъектной структурной основы по следующим признакам.

Во-первых, в ней мы имеем не полное отсутствие субъекта, а частичное, т. е. синтаксическая позиция в предикате фиксируется субъектным аффиксом. Бывают случаи отсутствия и субъектного аффикса в предикате, но это продиктовано не структурой обобщенно-личного предложения, а формой повелительного наклонения переходного глагола, в которой субъектный аффикс второго липа ед. числа вообще выпадает. Например: и-у-фоит -иф! И-у-гоит -ига! Иаа-б-хуоит -иааху!

Кроме того, надо учитывать и тот факт, что отсутствие морфологического показателя субъектного лица не равняется отсутствию синтаксического субъектного лица. Синтаксическое лицо в таких случаях выражается всей структурной основой в оппозиции со всеми другими личными формами (первого и третьего лица ед. числа, всех лиц во мн. числе. И, наконец, – наличием и морфологического показателя в той же повелительной форме непереходных глаголов. Срав.: ига! но: у-аҵхьа! Иааху! но: у-аҵәажәа! и т. д.

Нхаҩцас кыру, аамҭаҵас крыф! (Поговорка). «Работай по-крестьянски, ешь по-княжески». Азәы изы иҟаҵа, ухазы иҵа, (Поговорка). «Делай для другого, учись для себя». Уфатә агьа-

ма убаԥәкьарԥ уԥахызар, умаашьан, аҽага кы, аиха кьа... азлагарахь ухала уԥа («Алашара», 1970, 3, 5) «Если хочешь по-настоящему прочувствовать вкус своей еды, то не ленись, возьми мотыгу, возьми топор... и на мельницу сам сходи!»

Во-вторых, обобщенно-личные предложения не исключают наличия варианта и с субъектом.

Уара арахь у-ахуеит, иара наk дахуеит. (Поговорка). «Ты сюда тянешь, а он туда тянет».

Более того, наличие субъекта в обобщенно-личных предложениях с третьим субъектным лицом ед. числа является обязательным.

Ар ирнымиаԥ дхаԥа ҕуҕуоуп. (Поговорка) «Кто не встречался с войском, тот герой». Азыршы иаԥәшәаз амца дакуцалт (Поговорка). «Тот, кто испугался горячей воды, прыгнул в огонь». Аԥа иаблыз ахьшәашәагьы даҭәхәон. (Поиска). «Тот, кто обжегся о горячее, дул на холодное». Аԥәыуашьа ззымдыруаз ихы ԥиҽит (Поговорка). «Тот, кто не умел оплакивать покойника, разбил себе голову». Ауаҩы ипсы ахьынзаҭоу зегьы д-реигурҕьозароуп (Д. Г.) «Человек пока живет, должен надеяться на все».

Синтаксическая позиция субъекта фиксируется в предикате субъктным аффиксом третьего лица мн. ч. **и** или р (д) в неопределенно-личных предложениях.

Ауапаkаԥара ззымдыруаз азы даады-ргон. (Поговорка). «Посылали по воду, ту, которая не умела делать бурку». Толбашь ҳәа Ҭоркан дkар-ԥеит. (Д. Г.) «Тамадой сделали Торкана».

Архьынаԥуа ржьы аԥхынгьы и-р-фоит. (А. Г.) «Старых дроздов и летом едят». Сара амаԥура сахьалоу азахырԥа аре-монт азыkаԥара и-аҽуп. (И. П., V, 13) «Ателье, в котором я работаю, ремонтируют». Апункт аҽы аусура и-алагахьан (И. П., II, 185) «На пункте уже приступили к работе». … Араион аknытә ателефон и-асит (И. П., II, 126) «Из района позвонили». Сара арра и-сыцхьеит... (И. П., II, 226) «Меня призвали в армию».

Как наглядно видно из примеров, и структурную основу определенно-личных предложений нельзя отнести к типу бессубъектных структурных основ.

Этому препятствует и тот факт, что предложение с неопределенно-личной (субъектной) семантикой встречается и с субъектом.

В таких случаях субъект выражен обычно неопределенным местоимением.

Азәы ҽыла диасны дцон. (И. П.) «Кто-то проезжал верхом на коне». А з ә ы иуааҳәцәа ашьаҟа ирԥшуан. (Поговорка). «Кто-то помогавших ему отвлекал от дела, заставляя смотреть на горы». Шьоукы рмашьынақуа ирыҟутәаны иныҟуоит. (Б. Ш.) «Некоторые на своих машинах разъезжают».

Сюда же можно отнести и предложения, в которых субъект выражен в форме неопределенности.

Кармаҵыск шәаҳәон абжьы ҳаракны. (Б. Ш.) «Пел какой-то соловей». Н х а ҩ ы к д ы ҟ а н. («Аԥс. л.») «Жил-был какой-то крестьянин». Здесь можно говорить лишь о частном отсутствии субъекта.

Таким образом, обобщено-личные и неопределенно-личные предложения основаны на той же субъектно-предикатной структурной основе предложения с той лишь разницей, что в них наличие субъекта не является обязательным.

Структурная основа описываемых предложений может быть двух-, трех- и четырехкомпонентной в соответствии с количеством объектных компонентов. А субъектный (частично) и предикатный компоненты в структурной основе всегда наличны. Потому структурную основу такого состава нельзя отнести к однокомпонентной (примеры см. выше).

* * *

Как мы уже указывали выше, организующим центром всей структурной основы предложения является предикат. В предикате фиксируются синтаксические позиции субъекта и объекте (объектов) посредством субъектно-объектных аффиксов, указывающих на синтаксическое лицо, число и класс (в определенных случаях) субъекта и объекта (объектов). При отсутствии в структурной основе предложения субъекта или объекта синтаксические функции отсутствующих компонентов могут выполнять частично субъектно-объектные аффиксы. Поэтому в тексте и в устной речи структурная основа предложения большей частью встречается не в полном своем составе. Может отсутствовать субъект, может отсутствовать и объект (объекты). Это происходит, безусловно, не без некоторой поддержки контекста. Однако предикат вместе со своими субъектно-объектными аффиксами может в миниатюре воспро-

извести всю структурную основу предложения. Основная причина этого, конечно, частичное отсутствие субъектно-объектных компонентов. При полном же отсутствии хотя бы одного компонента, как указывали выше, структурная основа разрушается.

Это положение не касается, естественно, однокомпонентной структурной основы предложения, в которой отсутствие единственного компонента равняется ее разрушению.

В структурной основе (двух-, трех- и четырехкомпонентной) предложения часто отсутствует субъект при сохранении в предикате фиксирующего его функцию субъектного аффикса.

Цытҟгьы д-ш ə о н ақуаҵара дыҵаланы дахьҵоз. (И. П.) «Немного и боялась (она-женщина), проходя через лес». Есма лхьаа иахуарҭахашаз е г ь-р ы з ҳ ə о м ы з т, е г ь ы - р з ы ḳ а ҵ о - м ы з т. (Д. Г.) «Не могли (они) придумать ничего, что могло бы облегчить страдания больной Эсмы». Ҭоуп, сыҵьмақуа урыцын, аха убри аḳарагьы у н ы ḳ у ы-з-г а х ь е и т. (С. Ҷ.) «Правда, ты пас моих коз, но тебя (я) столько же и кормил». Аҕьычра шхуарҭам уажəыгьы и-у-зеилымкаацт. (Д. Г.) «(Ты) до сих пор не понял, что воровать нехорошо». Уара уиаанзагь угара ḳа-ҳ-цахьан, («Н. С.» «До твоего рождения (мы) сделали твою люльку».

Опущение субъектного или объектного компонента в структурной основе предложения представляет собой эллиптическое явление. Однако здесь можно говорить, лишь о частичном, неполном эллипсисе, поскольку во всех случаях опущения компонента в предикате остается формант, фиксирующий синтаксическую позицию отсутствующего компонента.

Как мы отмечали выше, есть определенные случаи, когда при наличии субъекта или объекта в структурной основе предложения его фиксатор в предикате отсутствует. Например: Ала -тəоуп «Собака лежит». Сара ашəқу -аасхуеит. «Я купил книгу».

Однако при опущении субъекта или объекта его фиксатор в предикате обязательно восстанавливается. Срав.: Агуарцаҿы ала -тəоуп «Во дворе собака лежит»; Сара ашəқу и-аасхуеит. «Я купил книгу»; но: Агуарцаҿы и-тəоуп «Во дворе лежит (сидит) то»; Сара и-аасхуеит «Я купил то». Таким образом, и в данном случае мы имеем дело с частичным эллипсисом.

Можно считать эллипсисоподобным (но не эллипсисом) частичное отсутствие субъекта в обобщенно-личных и неопределенно-

личных предложениях, поскольку отсутствие субъекта для их предложений является более характерным.

Приведем примеры опущения объектного компонента в структурной основе предложения.

Уи аҵара ифан, иус збаны ҵшьышықуса аҭакра и-қурҵеит, иҵьабааху ихганы дааит… (И. П.) «Он растратил деньги, присудили (ему) четыре года лишения свободы, после истечения которого (он) вернулся». Мап, макьана цәгьара лыдибалом Саида. (И. П.) «Нет, пока ничего плохого не замечает (он) в ней». Саида аҵкы асалам илҭеит... (И. П.) «Саида дала ответ на (его) приветствие». Иҵеигала рзымдырзо еразнак аҧараҳәа иааиртит (ашә). (И. П.) «К их удивлению (он) открыл мгновенно (дверь)». Илаҵш излыкугом длыхуаҵшуеит (лара). (И. П.) «Не может (он) отвести от нее глаз, смотрит (он) на нее)». Идмыргылт ашҭаҽы, иҟам ақуаҵараҽы! «Не поставили (они) во дворе (машину), нет (ее) и в саду». Леуарса илаҵш нақушәеит. (И. П.) «Леуарса заметил (машину)».

Очень редки случаи опущения предиката в структурной основе предложения в сплошном повествовательном тексте. Чаще это бывает в диалогической речи. Опущение предиката возможно лишь при контекстуально обусловленной позиции, где предикат предыдущего предложения повторяется в последующем предложении. И это понятно, ибо предикат опускается полностью, т. е. синтаксическую позицию предиката не могут фиксировать другие компоненты структурной основы.

Агамаҵь ашьхаҟа ддәықулеит. Ашьхамаҵь – агаҟа. «Агамадж отправился в горы, а Ашхамадж – к морю».

КОМПОНЕНТЫ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Субъектный компонент

Субъект в абхазском языке не имеет специальной грамматической формы, которая отличала бы его от других компонентов предложения. Это объясняется отсутствием категории склонения в абхазском языке. Однако имя в абхазском языке не является грамматически аморфной частью речи. Оно располагает своими морфологически выраженными категориями. К ним относятся категории общности, определенности, неопределенности, притяжательности, превратительности и др. Имя не во всех этих категориях выступает в функции субъекта. В этом отношении противопоставляются категории общности, неопределенности, определенности, притяжательности и форма лишения, превратительная и послеложные формы имени. Последние формы имени не выступают в функции субъекта. Они не характерны и для ближайшего объекта. Субъект и ближайший объект могут быть выражены лишь общей, определенной, неопределенной и притяжательной формами имени.

Общность синтаксических форм субъекта и ближайшего объекта в противоположность косвенному и простому объектам (в некоторых случаях) наводит на мысль о том, что, во-первых, в имени уже, хотя и слабо, но наблюдается функционально-грамматическая оппозиция форм: общая определенная и неопределенная, формы имени противопоставляются превратительной форме, форме лишения и послеложным формам; во-вторых, общность словарных форм имени для субъекта и ближайшего объекта находит свою аналогию в общности формы именительного падежа (независимой словарной формы) для субъекта (при переходном глаголе предикате) и ближайшего объекта (при переходном глаголе-предикате в иберийско-кавказских языках, обладающих эргативной конструкцией).

В оппозиции словарных форм имени и формы превратительности получают свое отражение зачатки формирования системы склонения в абхазском языке, о чем уже известно из специальной литературы[1].

---

[1] К. В. Ломтатидзе. Проблема склонения в абхазском языке (на груз, языке, резюме на русском). Изв: ИЯИМК, т. XII. Тб., 1942. стр. 183 – 197.

Наряду с именами существительными синтаксическую позицию субъекта могут занять субстантивированные имена прилагательные, местоимения, числительные, инфинитная форма глагола, масдар, словосочетание, инфинитная конструкция и т. д.

Имя существительное в синтаксической позиции субъекта

Нарицательные имена существительные в категории общности являются типичной формой выражения субъекта.

Аиацәқуа жжаза и-нҭалон хлантцы. (И. К.) «Звезды огненно-яркие низвергались в бездну». Ашьхарахь и н е и у а н а ц ҭ а қ у а ббаза. (И. К.) «Мчались (шли) к горам облака». А ц с ҭ а з а а р а цхьаҟа а ц а р а и-а ҷ ы н (И. П.) «Жизнь продолжала идти вперед». Д н е и у е и т а ц ҳ ә ы з б а ақыҭа мҩахуасҭала. (Б. Ш.) «Идет девушка по сельской тропе». А ҳ ә с а қ ә а н е и ц ә а ж ә е и т (Д. Г.) «Женщины переговорились».

Неопределенная форма имени в синтаксической позиции субъекта

Нарицательные имена (и фамилии) в категории неопределенности часто занимают позицию субъекта.

К а р м а ц ы с к ш ә а ҳ ә о и т абжьы ҳаракы... (Б. Ш.) «Соловей (какой-то) поет звонко». Н х а ҩ ы к дыҟан. («Аҧс. л.») «Жил-был какой-то крестьянин». Аимҵәацәа рахь уаҩ д-цеит. (И. К.) «К грабителям пошел какой-то человек». Раҧ дызҭам ҕба зныҟуом. (Поговорка). «Пароход без негра не поплывет (проход, в котором нет негра)». А р ы д б а к дгыланы д-цәажәон. (И. К.) «Арыдба (какой-то) стоя говорил».

Значение определенности в именах существительных (нарицательных) определяется контекстом, в собственных же (в фамилиях) – ударным префиксом **а** – (другие собственные имена по своей семантике являются всегда определенными).

А м а р ш ь а н д-цеит уа бара Ашәы... («Аҧс. л.») «Маршан пошел в Ашвы к родственникам». Абырҟуындбақуа қуылара идәықулеит. «Быркундбовцы отправились совершать набеги». Шарҧазык А л и а с Ҭорканраа рҿы д-а а и т (Д. Г.) «Однажды утром Алиас пришел к Торкану».

Притяжательная форма имени реже встречается в синтаксической позиции субъекта.

Лхы-лҷы цшза лхаччоит, лыбла шаша ҭыцьцьаауеит. (С. Ч.) «Лицо ее красивое всегда в улыбке, красивые ее глаза сияют». Л ы х ц ә ы цшза шьқьыруа л ы б ҕ а и қ у ы н. (И. П.) «Ее красивые косы лежали на ее спине». Ацеи бзиа иаб д-ҽа-хоит. (Поговорка). «Отец хорошего сына молодеет». Сашьа ашколахь д-цеит. «Мой брат пошел в школу». «Мҩада-шьҭра ишьҭхысаа и-н е и у е и т с а с р а ш ь саманы. (Н. Б.) «В неизведанные дали мчит меня мой араш».

Местоимения в синтаксической позиции субъекта

В синтаксической позиции субъекта встречаются личные, указательные, неопределенные, определенные, отрицательные и притяжательные местоимения.

Личные и указательные местоимения довольно часто занимают синтаксическую позицию субъекта.

Сашәа мҳәакуа с а с а а н ҷ а с у а м. (Б. Ш.) «Не допев до конца свою песню, я не перестану петь». У а р а у-е и ҳ а б у п, и а р а д е и ц б у п! (Б. Ш.) «Ты старше, пусть он будет в роли младшего!» Ш ә е и ц ы м а а з е и н а с шәара? (Б. Ш.) «Не пришли вы вместе?» Лыцсаҭа бзиахааит, рыцҳа, л а р а ацаҳәарҭа д-ыҟоуп, С а р а амцҳәарҭа с-ыҟоуп. (И. П.) «Царство ей небесное, она там, где правду говорят, а я здесь, где неправду говорят». Урҭ ҭәуп, и ц х о у п. (Б. Ш.) «Они в тепле и сыты». У р ҭ гуанылa ибзиацәкьаны е и б а д ы р у а н. (И. П.) «Они (те) друг друга понимали очень хорошо без слов». Шәарҭ шьапҟьакьараа, зынза ш ә - е и л а г е и т! (Б. Ш.) «Вы, широколапые, совсем с ума сошли!» Уи дҕьычуеит, дқучуеит... (Б. Ш.) «Тот ворует...» Уи шәацхьа д т ә о у п. (С. Ч.) «Он сидит перед вами».

В функции субъекта выступают также:

1. Неопределенные местоимения:

Ҷ ь о у к ы а а и у е и т ихумаруа, иччо. (Б. Ш.) «Кое-кто, (кто-то) идет шутя, смеясь». Ҽыла азәы диасны дцон. (И. П.) «Верхом на лошади кто-то проезжал».

2. Определенные местоимения:

Зегьы р н а п қ у а е и н ы р ҟ ь е и т, нас инатәеит. (Д. Г.) «Все похлопали в ладони и сели». Шәааскьа зегьы!... (Б. Ш.) «Прибли-

жайтесь все!» Досу рхы ахьынахоу ицеит. «Каждый пошел куда попало».

3. Отрицательные местоимения:

Илақуа шақьшақьо ашҭа иааҭагьежьит, аха азәгьы дыќамызт. (С. Ч.) «Глазами он обшарил весь двор, но никого не было».

4. Определительные местоимения:

Иха ҭа дгылан ашҭа агуҭаны. «Сам (он) стоял посреди двора».

Имя прилагательное в позиции субъекта

Выступая в функции субъекта, имена прилагательные субстантивируются. В этой функции выступают обычно, качественные прилагательные.

Акьаҿ дҩамзеит, ау дымлақуит. (Поговорка). «Короткий не достал, длинный не нагнулся». Агуақ д-жәаҳәаҩуп (Пословица). «Мученик хороший рассказчик».

Имя числительное в позиции субъекта

В функции субъекта выступают количественные, собирательные, порядковые и др. имена числительные. В этой функции они приобретают значение предметности.

Количественные числительные до десяти в классе вещей выступают в функции субъекта обычно в сочетании с именами, которыми они сливаются.

Аҩрык еибашьуан, Хабжькут дкуашон. (Поговорка). «Два войска воевали между собой, а Хабжкут плясал». Иара уа дышгылаз ҩ-уасак ааит. («Апс. л.»). «Пока он стоял там, подошли к нему две овцы».

Количественные числительные в классе человека, порядковые и собирательные числительные могут самостоятельно выступать в функции субъекта.

Илеибартәақуеит аҩыцьагьы. («Апс. л.») «Сели оба». Шәааи, шәыбжьҩык шәеицыҟугыл. («Апс. л.») Давайте, все семеро станьте вместе!» Аҩыцьагьы цытраамҭак ҿырҭуамызт (И. П.) «Оба долго молчали». Уи душьыр, имыцхура уаҵәы дубап! (И. П.) Убригьы игудҵа! Ахҩыкгьы

д-kалоит... (Б. Ш.) «Его убьешь, другой станет! И того убей! Третий появится».

Инфинитная форма глагола в позиции субъекта

Выступая в функции субъекта, инфинитная форма глагола приобретает значение предметности.

Акыр ззеилоу акреимаркуеит. (Поговорка). «Спорят (между собой), обычно, те, у кого есть что-то общее». Иуиаа иуа ааанда уалеишшуеит. (Поговорка). «Кто тебя победит, тот заплетет тебя в забор». Изша илабашьа аакыдхны ддәықулоит. (Поговорка). «Кому суждено потеряться, тот возьмет свою палку и сам уйдет».

В этой же функции выступает и масдар:

Ари нахыс анықуара еиҳагьы имариахара иkоуп. (И. П.) «В будущем передвигаться (ходить) будет легче». Аkазаара ас сгу ахшәеит, ахысхысра сымч ашәеит. (Б. Ш.) «Жить мне надоело, беготня сломила меня».

Инфинитная конструкция в синтаксической позиции субъекта

Синтаксическую позицию субъекта в структуре абхазского предложения нередко занимает инфинитный оборот или инфинитная конструкция.

Ашьыжь ишьацәхныслаз шьыбжьааныза дшьацәхныслоит. (Поговорка). «Споткнувшийся (человек) утром спотыкается до полудня». Ица асаулра ахьирҭаз Кадыр зынза дараапкит. (П. П.) «Кадыра взбесило то, что его сыну предложили должность есаула». Аҭырқуа гаҿа ршьапы ныкудыргылеит зтәыла ныжьны ицаз. (С. Ҷ) «Ступили на турецкую землю (берег) те, что шли туда, оставив свою Родину». Абилеҭ змаз ицысны ашьахь ҿынархеит. (И. П.) «Имевшие билеты (те, у кого были билеты) двинулись к дверям».

Конструкция эта, как и другие инфинитные обороты, состоит из двух и более знаменательных слов, объединенных общностью синтаксической функции. Организующим центром конструкции является глагол инфинитной формы.

У а х с и ҭ и а қ у ц о з дхаҵазаҵәын. («Н. С») «Боровшийся с Уахсидом был одинок». З ы б ж ь ы г а з Уахсиҭ дишьрацы иҽааихеит. («Н. С.») «Тот, чей голос раздался, направился на Уахсита, чтобы убить его». З т ә ы с ы қ у у, уаҵәы уеизгьы уеизгьы дааугеит. («Аҵс. л.») «Тот, кому я должен, обязательно завтра придет».

Конструкция эта не имеет своего соответствия в русском языке. Она в абхазском языке выступает в функции придаточного предложения подлежащего. Однако в абхазском языке она лишена абсолютной грамматической предикации и не представляет собой придаточного предложения. При дословном переводе конструкция эта более соответствует причастным оборотам русского языка. Однако синтаксическая позиция эта не характерна для русского причастного оборота.

А с т о л и а х а т ә а қ у а з неибарччеит. (И. П.) «Сидевшие за столом засмеялись». А ҽ ы з а а з а з шьапыла дхыцхыцуеит... (Б. Ш.) «Вырастивший коня плетется пешком».

Инфинитная конструкция субъекта переводится на русском язык большей частью придаточным предложением подлежащего.

С а с р а и м ц а ц асас дизныӄугом. (Поговорка). «Тот, кто не бывал в гостях, не может принимать гостей». З х ы ҳ а ҭ ы р ақ у з ц о азәгьы ҳаҭыр иқуицоит. (Поговорка). «Кто себя уважает, тот уважит и другого». У а л а и х ц ә а з дыхцәазеит, ҕ а л а и х ц ә а з деиҭанхеит. (Поговорка). «Тот, кто разорен родственниками, разорен навсегда, а тот, кто разорен врагами, заживет заново».

Инфинитная конструкция во всех случаях, когда она занимает позицию субъекта, субстантивируется и получает грамматическое значение предметности. Значение предметности грамматически выражается личным аффиксом, посредством которого эта конструкция вступает в синтаксическую предикативную связь с сказуемым.

С а и с ы к у р ш а н ы и т ә а з рыхҟуа рыҟужьны и-зырҧуан (А. Г.) «Сидевшие вокруг меня, опустив головы, слушали». Адырҧаены а у а л з қ у з иҽ-и-зеит. («Аҵс. л.») «На второй день должник скрылся». А у а л з г а р ҭ а з дыччо далагеит. (Аҵс. л.») «Тот, кто должен был получить свой долг, стал смеяться».

Как уже было отмечено выше, исследуемая инфинитная конструкция характеризуется относительной смысловой цельностью и синтаксической неразложимостью. Относительная

смысловая самоятельность достигается с помощью глагола инфинитной формы обозначающей действие или состояние и выступающей в одной из временных форм. Однако действие, здесь не увязывается с определенным действующим лицом, т. е. внутри инфинитной конструкции нет выраженного ни лексически, ни грамматически действующего лица, нет синтаксического субъектного лица. Личный аффикс заменяется здесь аффиксами относительных местоимений **и** или **з**, которые не различают ни лиц, ни числа, ни грамматических классов. Конструкция сама целиком выступает в функции субъекта и занимает синтаксическую позицию субъекта.

А р и з-б а з иԥьар-р-шьан аҳ иа-р-ҳәеит. («Аԥс. л.») «Увидевшие это удивились и сообщили об этом царю». Ажәлар и-р е и у а з д-аагылан ие-и-ҳәеит аусԥуа зеиԥшраз. («Аԥс. л.») «Представитель народа вышел и передал ему о предстоящем деле». А б а с а х р а и-а д и а а з ахреиԥш д-ыԓу-ԓуоуп. (Б. Ш.) «Рожденный скалой крепок, как скала».

Бывают случаи, когда в инфинитной конструкции и глаголе-предикате выступают разные субъекты. В таком случае субъект инфинитной конструкции может получить словесное выражение и обозначиться в глаголе инфинитной формы личным показателем. И в таком случае вся инфинитная конструкция, получив предметное значение, выступает в функции субъекта глагола-предиката и обозначается в нем личным аффиксом.

А ҳ и н е-и-ш ь ҭ ы з у и аҳабла, аѳнԥуа зегьы рышәԥуа ҿаԥуаны и-р-беит. («Аԥс. л.») «Присланные царем (те, которых прислал царь), когда пошли по деревне, увидели, что столбы на всех домах помечены».

Таким образом, реальный субъект инфинитной конструкции не получает в предикате своего выражения.

В инфинитной конструкции инфинитная форма глагола выступает в одной из временных форм. Однако эта временная форма выступает с относительным значением с дополнительной временной ориентацией. Временное значение глагола инфинитной формы определяется через отношение ко времени глагола. Однако в связи с субстантивацией всей конструкции иное значение ослабляется.

Аха убаԥкан а к а ҳ у а з н а ҳ а у а з қьаад бԓьыцк иитҿеит цахак иаԥкараз. (Б. Ш.) «В это время подавший кофе подал

ему кусочек тонкой бумаги». Мышкы аҳра зоуз шәҩык рхы хисеит. (Поговорка). «Получивший на один день престол царя срубил сотням людей головы»: Ҩ-жьак ирышьҭалаз акгьы изымкит. (Пословица). «Погнавшийся за двумя зайцами ни одного не поймал».

Является относительным и значение модальности, выраженной этой глагольной формой. Инфинитная форма глагола, как и в других инфинитных конструкциях, не может выступать в функции предиката, она не может завершить высказывание, в связи с чем оборот не получает интонационной и смысловом законченности и не поддается синтаксическому членению. Исследуемая инфинитная конструкция, заняв позицию субъекта, вступает в грамматическое отношение с предикатом. Грамматическая предикация всего предложения формируется именно этим отношением, в результате чего мы получаем не два предикатных центра, а один и только один.

Между инфинитной конструкцией и предикатом устанавливается, как между обычным субъектом и предикатом, предикативная связь. Связь эта выражается аффиксом ряда *д* или *л* в зависимости от переходности и непереходности глагола-предиката. Показатель финитной конструкции, выступающий в позиции субъекта, всегда является синтаксически субъектным лицом. Уала ихцәаз дыхцәазеит, ҕала ихцәаз, д-еитанхеит. (Пословица). «Разоренный родственниками разорен навсегда, разоренный врагами заживет опять». Ацәгьа зхуцуа цәгьала диасуеит. (Пословица). «Злоумышленник умирает плохой смертью». Аҩы иашьыз иҧсцәа иҧәуан. (Пословица). «Пьяный оплакивал своих покойников». Аандан идыргылазагуҭа дҭалон. (Пословица). «Тот, кого поставили на краю, лез во внутрь». Итәан ирымбазгьланы иед-и-рбон. (Пословица). «Тот, кого не заметили на месте, тот встал и показался»

Как видно из вышеприведенных примеров, глагол инфинитной формы, выступающий организующим центром инфинитной конструкции, образован аффиксами относительных местоимений **и, з**. Однако встречаются единичные случаи, когда инфинитная форма образована обстоятельственным элементом ахь. В таком случае синтаксическая связь выражается морфологически лишь в сказуемом субъектным аффиксом.

И ц а а с а у л р а а х ь и р т ҭ а з Кадыр зынза дараапкит. (И. П.) «Кадыра взбесило то, что его сыну предложили должность есаула». Дшәацырҳацуа днацшы-ааицшуа, дарҭынчуамызт Надиеи иареи р е и н и а р а и а л ц ш а з а х ь и з ы м д ы р у а з. (И. П.) «Его беспокоило то, что он не знал пока ничего о результатах встречи его с Надей».

Как показывают материалы, инфинитная конструкция в подавляющем большинстве случаев выступает в функции субъекта третьего лица ед. числа, реже мн. числа. В редких случаях она выступает в функции субъекта второго и реже первого лица ед. и мн. числа.

Кроме организующего центра – глагола инфинитной формы – в конструкцию могут входить имена существительные, местоимения, числительные, наречия, прилагательные, масдар, деепричастные формы и др.

У а х с и ҭ и а қ ҵ ц о з уаҳа илымшо дааҵсан, дкаҳаит. («Н. С.») «Боровшийся с Уахситом устал и упал». Уахсиҭ а б н и а л а ш а р а ḱ а з ҵ о е и л и к а а р ц ы адәықулара иеазикхьан, аха ешьас дḱазцаз дишьҭуамызт. («Н. С.») «Уахсит уже не разрешал собирался отправиться туда, чтобы узнать, кто там светит, но не разрешал ему тот, кто его побратал». А з ы р ш ы иацәшәаз мца дақупалеит (пословица). «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь». Ш ә ҩ ы к и д ы р ҵ ь о ш ә ҩ ы к дрыцсоуп (пословица). «Тот, кого сто человек критикует, тот всех их стоит». Р а х у р ҳ а р а и ц а з дақушаҳаҭхеит. («Аҵс. л.») «Шедший за добычей скота согласился». С а и с ы - к у р ш а н ы и т ә а з рыхқуа рықужьны изыр ҩ уан. (А. Г.) «Сидевшие вокруг меня, опустив головы, слушали».

Связь между элементами конструкции осуществляется посредством притяжательных, личных аффиксов, послелогами, союзами, примыканием, позицией и т. д.

Х ь з ы л а и ц с ы з уара уоуп («Аҵс. л.») «Погибший с честью есть ты». Аҳ и н е и ш ь ҭ ы з аҳабла иалалт... («Аҵс. л.»). «Те, которых послал царь, вошли в село». А ҩ ы и а ш ь ы з ицсцәа ицәуан (пословица). «Опьяневший оплакивал своих покойников». А а н д а н и д ы р г ы л а з агуҭа дҭалт (пословица), «Тот, кого оставили на краю двора, влез во двор». З у с р ы з б о з сара сакун. (Аҵс. л.») «Кого судили, был я». З ы ц с ы е и қ у х а з ҳаҵсы ҳаманы ҳцеит. («Аҵс. л.») «Уцелевшие (мы) ушли впопыхах».

Бывают случаи, когда позицию субъекта занимают однородные инфинитные конструкции, связанные между собой интонацией. С глаголом-предикатом они связаны субъектным аффиксом, являющимся общим для всего оборота.

Л а д а т ə и а а у а, ҩадатə иаауа, амрагыларахьтə, амраҭашəарахьтə и а а у а убыстəи ииасуан. («Н. С») «Шедшие с юга, шедшие с севера, шедшие с востока и запада проходили оттуда». У и д а т əа з ы м б о з, и г у ҭ а с у а з иацы иахьа ишьамхнышлан икалҭ ркырц. (Б. Ш.) «Кто не считался с ним, кто толкал его вчера, сегодня будут преклоняться перед ним».

Инфинитная конструкция субъекта, как видно из примеров, большей частью встречается в повествовательных предложениях. Бывают случаи, когда она встречается и в составе вопросительных, побудительных предложений.

Изакутə гуаҭузеи Омар дзыкушəаз? (Б. Ш.) «С какой местью столкнулся Омар?» Абилет змоу шəҭал амашьына! (И. П.) «Те, у кого есть билеты, садитесь в машину!»

Следует отметить, что инфинитная конструкция, занимающая позицию субъекта, встречается преимущественно в пословицах и поговорках. Нередко встречается в литературном языке. Она является обычной и для разговорной речи.

Словосочетание в синтаксической позиции субъекта

Позицию субъекта могут занять синтаксически (функционально) неразложимые словосочетания, состоящие из: 1) имени существительного с другим именем существительным; 2) количественного имени числительного с существительным; 3) местоимения с другим местоимением; 4) имени существительного с местоимением.

Словосочетание в целом связывается с предикатом, как и субъект, субъектным аффиксом.

Хҩык а х у ч қ у а амца иахьахатəаз иара и-хуаҵшуан. (И. П.) «Трое детей, сидя у очага, смотрели на него». Қытак аҷы инхон ҩыцьа аишьцəа. («Апс. л.») «В одной деревне жили два брата»! У а а ҩажəҩык рабцьар дара амҩа ркын. («Апс. л.») «Человек двадцать вооруженных сидело в засаде». Ҩыцьа аҳəсахучқуа аҟызхьча лҷы инкылсит. («Апс. л.») «Две девушки пришли к

птичнице». Хаҵаки цхәыски реиҵш ҳаиқугуҷуа ҳаҟоуп у а р е и с а р е и. (И. П.) «Мы с тобой надеемся друг на друга, как супруги». Аҧҳаҳәа аҭаҭын рыцхуа Аҳмаҭ иҩызцәеи иареи аказарма ицатәан. (И. П.) «Табак низали Ахмат и его друзья, сидя в сарае».

Предикат

Предикат – это конституирующий компонент структурной основы предложения. Он выступает организующим центром предложения. Предикат в предложении абхазского языка наряду с модально-временными отношениями вмещает в себя функции субъектно-объектных отношений. В нем грамматически сконцентрированы синтаксические функции и именных, и глагольных компонентов предложения других языков (например, русского).

Ядром предиката является глагол. Широкие синтаксические возможности предиката продиктованы полисинтетизмом глагола абхазского языка. Однако понятия «глагол» и «предикат» не соотносительны. Они не соотносительны, хотя бы, потому, что относятся к разным языковым уровням.

Категории глагола проявляются в парадигматической оппозиции его форм. Предикат же – результат сложных синтаксических соотношений субъектно-объектных и модально-временных планов. Выше мы указывали, что границы словесных и синтаксических компонентов структурной основы предложения не совпадают. Синтаксические компоненты структурной основы предложения находятся в семантическом взаимопроникновении, взаимозависимости, взаимообусловленности. Части же речи вовсе не связаны с такими синтаксическими отношениями. Лексико-морфологическая единица (например, глагол) организуется внутренними своими лексико-морфологичеокими средствами.

Предикат же не ограничивается рамками одной лексической единицы. Он может состоять из одного, двух и более самостоятельных лексических единиц, каковыми являются, например, составной глагольный и составной именной предикаты (см. ниже). Кроме того любая именная основа, оказавшись в позиции предиката оформляется личными и модально-временными показателями, т. е. предикативно оформляется (см. ниже).

Различие глагола и предиката заключается не только в этом.

Не всякий глагол может взять на себя функции предиката. Существует в абхазском языке ряд глагольных образований, морфологическое строение которых не позволяет им выступить в функции предиката. Вопрос этот подробно освещен в монографии П. Л. Чкадуа «Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах». Однако на некоторые моменты мы все же укажем здесь.

Как известно, в абхазском языке по словообразованию и морфологической структуре, глаголы делятся на две группы: глаголы финитного строя и глаголы инфинитного строя. Глаголы инфинитного строя, в свою очередь, подразделяются на вопросительные и невопросительные. Ядром предиката являются глаголы финитного строя и глаголы инфинитно-вопросительного строя. Глаголы же инфинитно-невопросителыюго строя в конситуативно необусловленной позиции не могут выступить в позиции предиката. Это связано с тем, что они характеризуются неопределенностью своей семантики и относительным временным значением. Причем неопределенность семантики и относительность временного значения продиктованы не контекстом, а присущи глаголам инфинитно-невопросительного строя структурно, что дает им возможность выступать в функции организующего центра инфинитных конструкций, заменяющих в абхазском языке придаточные предложения.

ГЛАГОЛЫ ФИНИТНОГО СТРОЯ В ПОЗИЦИИ ПРЕДИКАТА

Глаголы изъявительного наклонения финитной семантики в позиции предиката

Глаголы изъявительного наклонения финитной семантики обладают абсолютным временным значением и являются основным средством организации синтаксического иникатива. Они выступают в позиции предиката в восьми временных формах.

Форма настоящего времени

Синтаксическую позицию предиката может занять форма настоящего времени статического и динамического глагола изъявительного наклонения финитной семантики.

Аҧснытәыла и к а ҷ ҷ о и т амра каҧхара, И г у р ҧ ҕ ь о и т иахьа, и ш ә ҭ у е и т аҧсабара, Алада и х у м а р у е и т ага аҧәқурҧара, Аҩада и ҧ ҕ ь а з ҧ ҕ ь а з у е и т ашьха ҩаскьара. (Б. Ш.) «Апсны купается в солнечных лучах, радуется, цветет природа, на юге играет волнами море, на севере блещут горные громады». Абла ахьҭам алаҧырҙ а а у а м. (Пословица) «Где нет глаз, там нет и слез». Амра хааза и ҳ а қ у ҷ ҷ о и т, Амшын гуырҕьа агуы иеиҩеиуеит, Ерцаху ҭгыла и ҳ а л а ц ш у е и т, Ҳҿыц нхара иазгурҕьауа. (С. Ч.) «Нас освещают сладкие, солнечные лучи, море от радости волнуется, Ерцаху стал и смотрит на нас, радуясь нашей новой жизни». И ц ш у п, и ц ш у п амшәи абгеи, Цхагуҭанынза дара ц ш у п. (Б. Ш.) «Ждут, ждут волк и медведь, ждут они до полуночи».

Форма аориста

Аорист выступает в позиции предиката со значением однократного совершенного действия.

Ҭоркан дналбаан днеин араху а а ҭ и ц е и т. (Д. Г.) «Торкан спустился (с балкона) и выгнал скот». Шарҧазык Алиас Ҭорканраа рҿы д а а и т. (Д. Г.) «Однажды ранним утром Алиас пришел к Торкану». Аҧшәма цҳәыс дҩагылан дыҩохалт аҩны, иаадәылылгеит аҧәца азна азы, инеилыркит. (М. Л.) «Хозяйка вышла, вошла в дом, вынесла оттуда стакан воды и подала ему». Ицеит урҭ амшқуа, И м ҩ а с и т схуҷра, Исызҳаит, сҕьаҧеит, С а р ҧ ы с х е и т сара (И. К.) «Прошли те дни, и прошло детство, вырос я, возмужал». Иҧкыш-ҧкышза лылахь аҧхзы чаврала и а а л ы р б е и т. («Алашара») «Она вытерла со лба крупные капли пота платком».

Форма прошедшего несовершенного времени

Форма прошедшего несовершенного времени выступает в позиции предиката со значением прошедшего незаконченного действия.

Иара аҧашьа камыршәкуа и ц о н, и ц о н. (И. П.) «Она (машина) шла и шла, не убавляя скорости». Абас шаанза аб игуакуаз иҿырпын ҕызуан, Агуакашәа наk изҿаҩуаз Абахугьы г у н қ ь у а н. (Б. Ш.) «Так до рассвета стонал ачарпын (свирель) несчастного отца, слушавшая песню горя, вздыхала скала. Ҧытҕгьы дшәон ақуаҧара дыҧаланы дахьҧоз. (И. П.) «Она, проходя

через лес, немного побаивалась». Камачыҵ хуҷы арҭ ирҳәоз лаҳазо- м ы з т, дҭахухуа дыцәан. (Д. Г.) «Маленькая Камачич не слышала, что они говорили и сладко спала».

Форма прошедшего неопределенного времени

Форма прошедшего неопределенного времени статического и динамического глагола выступает в позиции предиката со значением однократного совершенного действия с указанием на последующее действие.

Ҭамел ашырҳәа д ҩ а г ы л а н а ҩ ны дындәылкьеит. (И. П.) «Тамел встал впопыхах и выскочил из дома». Аҧҳәызба лҷы анылызәзәа, ҷам ҩ аԥуак а з ы л ж ә ы н, нас д а а ԥ у г ь е ж ь ы н, лыцҳал алакар и н а ц а р г ы л а н, з ы л а и р ҭ ә н ы л ԥ у а ԥ у а и н ы ԥ у ы р г ы л а н, ам ҩ ахауаҵа данылаҵы ләыналхеит. («Н. С.») «Девушка, умывшись, выпила несколько глотков воды, а затем повернулась и кувшин свой поставила под желобом, наполнила водой, поставила на плечо и пошла по тропе». Ҷьарак ҟуабк азна акуац жәуа и к н а ҳ а н, егьирахь ҩ ыцьа арцарцәа абыҵа еилахуо аԥуаб и а х а г ы л а н. («Аҧс. л.») «На одном месте варился полный котел мяса, на другом двое ребят стояли над котлом, перемешивая мамалыгу».

Форма давнопрошедшего времени

Форма давнопрошедшего времени, выступая в позиции предиката указывает на отдаленное прошедшее время.

Уареи сареи акыр ҷьабаа е и ц а а б а х ь е и т. (С. Ҷ.) «Мы с тобой много в жизни трудились». Аҕьычра шхуарҭам уажәыгьы и у з е и л ы м к а а ц т. (Д. Г.) «Ты до сих пор не понял, что воровать нехорошо». Ҷоуп, сыцьмаԥуа урыцын, аха убри аԥара у н ы ԥ у з г а х ь е и т. (С. Ҷ.). «Правда, ты пас моих коз, но я столько и кормил тебя». Мамоу уцсы злоу макьана и с о у м ҳ ә а ц т. («Н. С.») «Нет, ты еще мне не сказал, где твоя душа». Дамеи Мактина д л ы ш ь ҭ ы ц х ь е и т. (И. П.) «Дамеи уже перестал ухаживать за Мактиной».

Форма давнопрошедшего упреждающего времени

Форма давнопрошедшего упруждающего времени, выступая в позиции предиката, указывает на отдаленное прошедшее время, предшествующее другому действию.

Леуарса Мез иҽы дақутәаны д ц а х ь а н. (И. П.) «Леуарса верхом на лошади Меза». Уара ууаиаанзагьы абраҟа аҳәсақуа рызхара иҳацәҳахьан. (Д. Г.) «До твоего прихода женщины уже ругали вдоволь нас». Пшькьаҿ-ипа Манча хатца и қ у р а г ь к р и ф а х ь а н, цсра зқум а х ь з и р ҳ а х ь а н. («Аџс. жл. рп.») «Пшкиач-ипа Манча – герой был уже в летах и славой он уже гремел». Лара уи асалам шәқу уажәадагьы д а ц х ь а қ у а - х ь а н. (И. П.) «Она это письмо не раз уже перечитывала». «Уара уиаанзагь угара ҟ а ҳ ц а х ь а н. («Н. С.») «До твоего рождения, мы уже приготовили тебе люльку».

Форма будущего первого времени

Форма будущего первого времени, выступая в позиции предиката, обозначает действие, которое обязательно совершится в будущем.

Шәалага аус ҿыц, ишәыцхраап акытсовет, ҳаиҳабыра, атракторқуагьы шәзаап. (С. Ҷ.) «Начните новое дело, помогут вам сельсовет, наше правительство, пришлют и тракторы». Аусҿыц азныказы иацуп ауадаҩоракуа, аха урҭгьы акакала шәыриааип. (С. Ҷ.) «Новое начинание всегда связано с трудностями, но вы, их победите». Ахра иатцдны амза ангыло сгурҭьо сазыцшлап, Акацкацқуа аныцхьарыло рыбжьы саҳалап. (Б. Ш.) «Я с радостью буду наблюдать восход луны из-за хребтов, слушать пенье горных индеек».

Форма будущего второго времени

Форма будущего второго времени, выступая в позиции субъекта, обозначает действие, в совершении которого говорящий уверен.

Ақытсовет есқьынгьы и ш ә ы з ҿ л ы м ҳ а з а а ш т, ишәыгуишәыбзоу г у а н а ҭ а л а ш т. (С. Ҷ.) «Сельсовет будет всегда заботиться о вас, выявлять ваши недостатки». Аҳы, улеыжәцишь, с л а ухуацшышт. («Аџс. жәл. рп.») «А ну, сходи-ка с коня, я погляжу на тебя». Саннеилак сыхумаршт, Сылдырратә с ы л б а ш т,

Сыбжьы ҽацаза иналаҳашт, Сказшьа е и л л ы р г а ш т. (И. К.) «Когда я примчусь к ней, погорцую на коне, она узнает меня, услышит мой пронзительный голос». Бара избо даҽа уамак ҳалабгалашт. (И. П.) «Я уверен в том, что ты придумаешь еще какую-либо дерзость».

Форма будущего категорического времени

Форма будущего категорического времени, сочетая в себе значение категоричности с оттенком повеления, выступает часто в позиции предиката.

Сара, дад, абра сиит, абра саазеит, абра с а г ьцсыроуп. (И. П.) «Я, дад, родился здесь, вырос здесь и должен умереть здесь». Уажәыцәкьа ииз ачкун хучы и а ҳ т а р о у п хьзык. (Д. Г.) «Мы должны сейчас дать имя родившемуся ребенку». Ҳанҳацсадгьыл ҳ а ц с а х а р о у п, иҳалымшац ҳалҳаршароуп. (Б. Ш.) «Мы должны быть достойными матери-Родины, чего не успели еще, должны успеть». Сара истахуп агара! Аха уи агара гара е и ц ш ы м а р о у п, уи агара аихарҭәа и а л х з а р о у п. Насгьы ахала агудыҳәа и ц ы с у а з а р о у п, аха иантцысуа ашьтыбжь игароу и м а ҳ а у а з а р о у п. («Н. С») «Мне нужна люлька! Но она не должна походить ни на какую другую люльку, она должна быть вылита из железа, она сама должна качаться, но ее шум не должен доходить до ребенка». А ҳ ә а а к у а ц ә к ь а т ә у п, и б ы л т ә у п. (С. Ҷ). «Межи надо уничтожить, сжечь». Акуатан цьара и ц ә ы ц а ц ә а х т ә у п. (С. Ч.) «Плуг надо где-нибудь припрятать».

Заглазная форма глагола в позиции предиката

Заглазная форма глагола совмещает в себе значения реальной объективной модальности и субъективной модальности с оттенком неуверенности, сомнения, которые исходят всегда от говорящего.

Заглазная форма глагола обладает финитной семантикой и абсолютным временным значением. Встречается нередко в позиции субъекта.

Схуцра шьарда инаскьазаап, Са снырхара башьтамзаап, Бнапқуа баша и т а т а з а а п, Амалазагьы б ы ц ш з а з а а п, быцшзара ауаҩы д а ж ь о з а а п. (Б. Ш.) «Надежда моя, оказывается удалилась, ты обо мне, оказывается, не думаешь,

напрасны нежны, оказывается твои руки, напрасно, оказывается, красивая ты, красота твоя, оказывается, подводит человека». Ҽарпынк циԥарц днавалазаап иаҳәызба хуҷы кны, дымшәыз цьыршьан баша ирҳазаап араху ицәҳәаны. (Б. Ш.) «Оказывается вышел срезать ачарпын своим маленьким ножом, а скот испугался, оказывается, приняв его за медведя». Амҩаҽы ҭакуажәык ԥамчык кны дгылазаарын. («Аџс. л.») «Оказывается, на дороге стояла какая-то старушка с плетью». Изларҳәо ала дыԥказаарын Аџсны Абраскьыл захьзыз. (Д. Г.) «Как об этом говорят, в Апсны, оказывается, был Абраскил».

Сослагательное наклонение глагола в позиции предиката

Сослагательное наклонение, образованное суффиксом -рын, в позиции предиката выступает с ирреальным значением, с относительном или абсолютным временным планом в зависимости от контекста.

Абсолютное временное значение оно имеет в контексте с побудительной семантикой, в сложных же синтаксических конструкциях – относительное временное значение.

Сослагательное наклонение, образованное суффиксом -шан выступает обычно с побудительной семантикой с абсолютным временным значением.

Еидгылеит хаҵәынмырха еибашьрала... Угу иааанагарын ҵьаҳаным мчыс иҵаз зегьы зныкала еиҵтыҵт ҳәа. (С. Ч.) «Столкнулись они в войне насмерть... Можно было подумать, что все силы ада вышла разом». Сара сеысшьрын, сыҵсы ҭысхрын бгу ишалымсуа здыруазар. (Ш. Р.) «Я бы покончил с собой, если бы знал, что это тебя не заденет». Хьчас даазгар исҵаша здырры н. (Д. Г.) «Если бы я его брал в качестве пастуха, я бы знал, что ему положено». Уара, сдәыҷуларын аҳәынҵқар иахь. (Д. Г.) «Отправлюсь-ка я к государю». Зегьы схаршҵны сидтәаларын сгуы ирхьшәашәаз ирԥуандарын (Д. Г.) «Забуду-ка я все зло, сяду-ка я рядом с ним, успокоит он обиженное сердце». Уара Дамеи, ак уасҳәарын (И. П.) «Слушай-ка Дамей, скажу я тебе что-то». Шәарах ахьаҽоу шәымдырзои? Хуҷык сшәарыцарын. («Аџс. л.») «Не знаете ли вы, где водится дичь? Поохочусь-ка я немного». Аԥуанза сцашан иахьа! «Поеду-ка я сегодня в Сухуми».

Конъюнктив в позиции предиката

Конъюнктив в позиции предиката выступает со значением ирреальной модальности. Ирреальное значение проявляется с допускательной или побудительной семантикой. В обоих случаях конъюнктив имеет абсолютное временное значение.

Ирхадмыршҭааит, иазызырҩааит ҳабаџәа рашәа... (С. Ч.) «Пусть послушают, пусть помнят песню наших отцов». Убри злахьыџа ҳшо иҳәеит ашаџәа руазәык, – убас лахьынџас имазааит дгьыл харак аҟны ԥҳәызбак длеилаҳааит, дзеилаҳаз аԥҳәызба дима дшааува амца неиԥраланы дыблаайт. («Н. С.») «Тот, счастье которого мы обсуждаем, – сказал один из ангелов, – пусть будет наделен таким счастьем; Пусть он влюбится в девушку далекой страны. Когда он возвратится с нею, пусть по дороге он сгорит в огне». Ԥытрак лхала дыҟазааит, лгуы лхашҭып, – иҳәеит Леуарса. (И. П.) «Пусть побудет еще она одна, придет в себя, – сказал Леуарса».

Глаголы повелительного наклонения в позиции предиката

Глагол повелительного наклонения выступает в позиции предиката со значением ирреальной модальности и абсолютного времени.

Да уаасҷаԥшишь, да уаасҷаԥшишь. Убла ҭбаақуа снырҭаԥшишь! (Б. Ш.) «Посмотри-ка мне в глаза, посмотри мне в глаза, дай взглянуть в твои глаза!» Уахазаџәык уџәқурџа, уахазаџәык уҷырба, Улеи, улеи узхара! (Б. Ш.) «В эту лишь ночь волнуйся, в эту лишь ночь красуйся, лейся лейся, вдоволь!» Ифишь, иф, уахан абни! «Съешь, съешь, возьми то!» Улахҷыхыз, сажәеинраала, улахҷыхыз улахҷых. (А. Л.) «Будь бодрым, мой стих!» Уи шәиԥамшьыцын шәара. («Алаш.») «Вы не завидуйте ему». Уагьырмаџәхан, кыргьы рҷоумҭан! – иҳәеит Пифагор. («Алаш.») «Не ругай их не корми! – сказал Пифагор». Уаарылаԥшишь арҭ иеыжәцыз, зәыр удыруазар аасырҳа…(Б. Ш.) «Взгляни на спешивших, если кого знаешь, скажи мне!..» Угу цумжәан, уҷумыргуаҟын Ҳабашь. («Алаш.») «Не нервничай, береги сердце Хабаш». Уаԥхьа, ухаҭа ублақуа рыла иумбари... («Алаш.») «Прочитай, увидишь сам своими глазами». Дад, ала уца, Акгьы згап ҳәа уақумгуҭын! (Б. Ш.) «Сынок, иди туда, откуда пришел, не старайся забрать с собой ничего».

Глаголы желательного наклонения в позиции предиката

Глаголы желательного наклонения выступают в позиции предиката с ирреальным модальным значением пожелания или побуждения. Временное значение при этом у них абсолютное.

Сгуаҟуеит, ш а н д а ! Амра гылар. Избоит сышьхаԥуа хьзыркны. (Б. Ш.) «Мучаюсь, рассвело бы! Солнце взойдет, увижу мои горы, осыпанные золотыми лучами». Уигьы илшо а а б а н д а з … (Д. Г.) «Увидели бы мы и его возможности (что он может)». Алиас д ы д м ы р з ы н д а з, ари сымхгьы араху еимырцәаргьы (Д. Г.) «Не посадили бы Алиаса, если бы даже я лишился урожая...». Иаамушаз, иаҳамгуаҧышаз анаагуаҧ, уажәшьҭа усгьы ма ҳазҕаб аԥара д а а н а х у а н д а з (Д. Г.) «Раз мы решились на все, хотя бы нашу дочь приняли в школу». Даныхуҧыз зынзаск даҳмышьҭындаз A k y a k a (Дж. А) «В детстве не послали бы его в Сухуми». Ҳаи, ара итәаны крызфоз с а а иқ у ш ә а н д а з! (Д. Г.) «Встретился бы я с тем, кто здесь сидя ел». Аи, д ы з д ы р у а н д а з абри абаа аҟаԥара хыс имамоу ауаӡы (Д. Г.) «Знал бы я того, кому поручено строительство этого храма». Зынза газасгьы с у м ц х ь а з а н д а з! (И. П.) «Не принял бы ты меня за глупца!»

Вопросительные формы глагола изъявительной семантики в позиции предиката

Вопросительные формы глагола изъявительной семантики выступают в позиции предиката со значениями реальной модальности и абсолютного времени преимущественно в вопросительных предложениях. Они выступают в функции предиката во всех временных формах изъявительного наклонения.

В форме настоящего времени

Бзиа бибозаргьы Ҭемыри бареи ш ә с и ц ш у м а? (И. П.) «Если даже он любит тебя, Темыр разве достоин тебя?» Уабаԥои, сара и с о у м ҳ ә а з о и? («Аԥс. л.») «Куда ты идешь, не скажешь мне?» Ҳазгьари, уашьцәа убар и у д ы р у о у? («Аԥс. л.») «Хазгери, ты узнаешь своих братьев, если увидишь их! Абри уара иушәу арратә форма ацҳәыс илшәылԥар и л н а а л о у, и л н ы м а а л о у? (И. П.) «Если оденет женщина твою военную форму, подойдет ей или нет?»

В форме аориста

Акриҽабԥоу ма? Аԥсшәа бызҳәоу қунагала (М. Л.) «Ты его накормила? Уделила ему должное внимание?» Ҳзышьҭоу ашәарах атәарҭа жәбама? (Б. Ш.) «Вы не обнаружили следы преследуемого нами зверя?» Зәыр д и д ы р м а, иҟалази, афаст (Б. Ш.) «Кто-либо узнал его?» Дахьтәыда, д ы ж ә д ы р м а ари аҭуԥьар (Б. Ш.) «Откуда он, кто-либо узнал этого купца? Мшәан, и с х а ш ҭ м а? Акалҭқуа ԥ а с ы р ҽ у? Ожә даақналар азахра сшаҽу? (Б. Ш.) «Не забыл ли я подогнуть подол? А вдруг он зайдет пока я завершу шитье?»

В форме прошедшего несовершенного времени

Абри асасааирта ашә д а х ц ә а ж ә а з у? (М. Л.) «Говорил ли он о двери в гостиницу?» Дудыруазу, Џьаҭ, Қаласа ауаҷар? (Б. Ш.) «Знал ли, Джат, Каласу-торговца?»

В форме прошедшего неопределенного времени

Иаковхеит, уаргьы уаҵәшәама ишәақь? (Б. Ш.) «Яков ты испугался его ружья?» Абас маҵара у ḳ а з м а, Гагра? (Б. Ш.) «Такая ли была всегда Гагра?» Аа, аратәуп, к р ы ш ә ҭ а х ы з м а? (Б. Ш.) «Да, я местный, хотели Вы что-либо?»

В форме давнопрошедшего времени

Ари дудыруоу? Дубахьоума ԥьаракыр? (М. Л.) «Знаешь ли ты его? Видел ли ты его где-либо?» Цәгьала дыԥшзазаап, д у - б а х ь о у уара? (Б. Ш.) «Оказывается, она очень красива, видел ты ее?»

В форме будущего времени

Сԥьабаақуа зегьы н а б ж ь а з р ы м а? ... Гуаҕшақу исышьҭоу с а ҩ с ы ж ь р ы м а? (Б. Ш.) «Пропадет ли весь мой труд? Простят ли мне те, кто преследует меня?» Уи д а а р у ш ь нас ҳқыҭа аḱынза. (Б. Ш.) «Приедет ли он в нашу деревню?» Дабаҵеи

мшәа, лара Асҭанда, И с м о у з а р и ш ь лацәажәарҭа? (Б. Ш.) «Где же Астанда, удастся ли мне поговорить с ней?»

Глаголы инфинитно-вопросительного образования в позиции предиката

В позиции предиката встречаются глаголы обстоятельственно-вопросительного и относительно-вопросительного инфинитного образования со значением реальной модальности и абсолютного времени.

Глаголы обстоятельственно-вопросительного образования в позиции предиката

Инфинитная основа глагола обстоятельственно-вопросительного строя образована обстоятельственными элементами ахь, ан, ш. Для выражения вопроса в них используется вопросительный аффикс ба (ца).

В функции предиката они выступают в формах времен изъявительного наклонения.

В форме настоящего времени

Ачымазаҩ дышцаӄоу? (Д. Г.) «Как себя чувствует больной?» Нас арҭ ирызҳар ишцаӄалои? («Алаш.») «Как они будут выглядеть, если вырастут?» Қытак рыцҳа дныжьны сабоугои сара? (И. К.) «Оставив дочь целого народа, куда ты заберешь меня?» Ишцамҩацыси аконференциа? («Алаш.») «Как прошла конференция»? Уа Кудинат ҳрыцҳара зықушәаз, ҳашцоуфеи, џьанаҭ, ҳалганы џьаҳаным ҳашцааугеи?! («Апс. л.») «Как ты нас погубил, Кудинат, как же ты привел нас из рая в ад?!» Ҳаит, ҳара адауцәа ҳариаааиуан, гарак шцаҳазнымкылеи?! («Н. С.») «Мы великанов побеждали, как же мы не смогли остановить люльку?!».

В форме прошедшего несовершенного времени

Бара бҽы аӄазаара шцаҭахымхоз, аха аҽҳәара сырымҭеит, ишцазыурыз. («Апс. л.») «Как же я могла не желать оставаться у

тебя, но не дали мне другого срока!» Уара иуаҭәашьаны абранза ушцамааиуаз! «Как ты мог позволить себе не приходить сюда!»

В форме будущего I времени

Ажәлар шцасыхуацшри сара сашьа ишьра сшашьҭаз ааргамахар? (И. П.) «Как посмотрит на меня народ, если выяснится, что я хотел убить брата?» Аа, Соукаррааҿы ауп уаҳа сабаkалара? «У Соукара, где я еще могу быть?»

В функции предиката встречается также глагол обстоятельственно-вопросительного образования в форме сослагательного наклонения. Предикат в данном случае имеет ирреальное модальное значение.

Икама инаден ааҿшьны ахаҳә дасыр ишцеиҿыршәарыз («Аџс. л.») «Оправив лезвие кинжала, если бы он ударил камень, как бы он его разрезал!» Аха усгьы ишцоубарыз Хьмур сара бзиа дызбоит, уара улыцрыц ҳәа сузнеир?! (И. П.) «Как бы ты посмотрел на то, если бы я пришел к тебе и сказал: «Оставь ты Химур, я ее люблю?!»

Глаголы относительно-вопросительного образования в функции предиката

Инфинитная основа глаголов относительно-вопросительного строя образована аффиксами относительных местоимений и, з. В качестве вопросительных аффиксов здесь используются суффиксы -да, -зеи→зи, -и.

Предикат и в данном случае имеет значение реальной модальности и абсолютного времени. В функции предиката глаголы относительно-вопросительного строя выступают в формах времени изъявительного наклонения.

В форме настоящего времени

Дарбан ҳара ахьымзг ҳзырго, уи еицш згуаҧьуада? («Н. С.»). «Кто смеет опозорить нас, кто на это решится?» Бара, ари ашәkу зтәыда («Алаш.») «Чья эта книга?» Урҭ зуста́да, иззашшуеи? («Алаш.») «Кто они такие, на что они жалуются?» Уи бзиоуп, аха цхыраарас шәзыкугугуеи? («Алаш.») «Это хорошо, но на какую помощь вы рассчитываете? Уи аҿыза амацура ацҳәызба иазылуазеи? «К чему такая служба для девушки?»

В форме аориста

И з г а д а ара иқуз ашәқу? «Кто взял книгу, которая лежала здесь?» И з ц а д а иахьатәи аурок? «Кто выучил сегодняшний урок?» Узааишьҭзеи Алыбеи?... (М. Л.) «Для чего прислал тебя Алыбеи?»

В форме прошедшего несовершенного времени

Илхыцуазеи Хьмур абри аены? (И. П.) «О чем думала Химур в тот день?» Изаҳауадаз уи ииҳәоз? «Кто слышал то, что он говорил?»

В форме давнопрошедшего времени

Ицызшәахьада са сгуакра еицш? (Ш. Р.) «Кто испытывал подобное горе, как мое?» Шакаоы ашьра зыкуқуоу ауаа збахьада? (Д. Г.) «Сколько людей, приговоренных к казни, видел я здесь?!»

В форме давнопрошедшего упреждающего времени

Абри уара цәгьара з з у у х ь а д а з? (Д. Г.) «Кому же ты делал зло?» Абас еицш агуакрагьы збахьадаз? «Кто испытывал такое мучение?» – Е и л ы б к а а х ь о у з е и? – Ирҳәоит дҭаацәарам! (Б. Ш.) «Что ты узнала? – Говорят, что он холост!»

В форме будущего I времени

Еҳ Хьыкуч, с ы з л а у ц с а х а р и? (С. Ч.) «Эх, Хикуч, как отблагодарить тебя?»

Глаголы относительно-вопросительного образования выступают в функции предиката и в форме сослагательного наклонения. Предикат в таком случае имеет ирреальное модальное значение.

Ацәқурц былгьа-былгьа еишьҭалан сара схуцраз ирҳәарызеи (Б. Ш.) «Катящиеся друг за другом волны что скажут о моей думе?» Уан агуакгьы и н л а с ҳ ә а р ы з е и? «Что же мне сказать твоей несчастной матери?»

Именные основы в позиции предиката

В синтаксической позиции предиката может выступить любая именная основа. Принимая функцию предиката, такая именная

основа получает полное предикативное оформление: к ней присоединяются морфологические показатели синтаксических категорий лица, времени и наклонения.

Абас ахра иалиааз ахра еицш д-ыцуҕуо-уп, Мчы дазынкылом гәыла б-ыцьбаро-уп. (Б. Ш.) «Рожденный скалой неприступен как скала, никакая сила не сможет одолеть его». Днеиуеит Ҳаҵьараҭ агаҽа даваланы, И-ҭшәо-уп иара изы Гумсҭа арха еиужьра. (Б. Ш.) «Узка для Хаджрата пойма реки Гумста». Аҳҭнымца, ҭбаазаргь, у-а-рцхом, лаҕырз-уп, Ацацха-мца маҷзаргъы и-цхоуп, и-раз-уп... (Б. Ш.) «Огонь княжеского очага большой, но не греет, огонь апацхи теплый, добрый! «Чамҳара ақыҭан иара д-ырцаѡы-н. (Б. Ш.) «Он был преподавателем в селе Чамхара». Шьҭрала д-аамыс ҭан, (и) Маанқуан иара дзыжәлаз... (Б. Ш.) «По происхождению он был князь, родители его были из рода Маан». Д-ау-уп, д-агьфархьуп, изара еихыкка... (Б. Ш.) «Он высокий, худощавый. У-ҷкуно-уп абзиараҟуа шәкы урыниап... (Б. Ш.) «Ты молод, много хороших дел ждет тебя». Араҳу дәныҡала и-ҕро-уп, ауаѡыҭәыѡса ѡнуцҡала д-ыҕро-уп. (Поговорка) «Скотина пестра снаружи, человек пестр изнутри». Ишәзеило маҷым, шә-аамыстцәо-уп, шә-еишьцәо-уп, Иудыруеит Мараҭхуа иахьа д-ынцәоуп. (Б. Ш.) «Немало у вас общего, вы князья, братья, знаешь ты, Марытхуа сегодня бог».

Предикативное оформление получает в позиции предиката атрибутивный комплекс.

Ас-жәытә қьырсианупп, аинрал ухацкы... (Б. Ш.) «Я старый крестьянин, высокопочтенный генерал». Наҳар д-ҭауад лашо-уп… (Б. Ш.). «Нахар – сиятельный дворянин». Аҧсны иаазаз Абаҭаа д-хацаҕьеѡы-н ииамҭала. (И. К.) «Взращенный Абхазией Абатаа был герой из героев».

Виды предиката по составу

По своему составу предикат бывает простой и составной. Составной предикат в свою очередь делится на глагольный и именной.

Простой предикат выражается одной глагольной формой. В этой функции выступают временные формы изъявительного наклонения, формы повелительного, желательного и сослагательно-

го наклонений, формы конъюнктива и заглазные, вопросительные формы глагола. Все, о чем мы говорили выше, относится к простому предикату. Ниже мы рассмотрим составной предикат.

Глагольный составной предикат

В первой основной части глагольного составного предиката выступают масдар, деепричастные формы, условные и условно-целевые и призрачные формы глагола. Во второй вспомогательной части выступают вспомогательные глаголы а ḳ а з а а р а «быть», «существовать», а м а з а а р а «иметь», а к у з а а р а «быть», а л а г а р а «начинать», а л г а р а «кончать» и модальные глаголы а г у а ц х ар а «хотеть», а ҭ а х х а р а «хотеть», «желать», а ҽ а з к р а «намереваться», а л ш а р а «мочь» и др.

Глагольный составной предикат из масдара и вспомогательных глаголов

С масдаром сочетаются вспомогательные глаголы а л а г а р а «начинать», аҽызаара «продолжать», «делать», а ḳ у ц р а «перестать», а л г а р а «кончать» и модальные глаголы алшара «мочь», а ҭ а х х а р а «хотеть, желать», агуацхара «хотеть» и др.

Масдар выступает как носитель основного лексического значения предиката, а вспомогательные глаголы выражают синтаксические категории лица, наклонений, времени и значение субъективной модальности.

Предикат из масдара и вспомогательного глагола а л а г а р а «начинать»

Вспомогательный глагол а л а г а р а в сочетании с масдаром обозначает, наряду с синтаксическими категориями и начало действия, процесса, выражаемого предикатом в целом. В вспомогательный глагол могут включаться аффиксы повторности, превербы со значением мгновенности действия и др. Вспомогательный глагол обычно следует за масдаром, но может и предшествовать ему.

Есма а ц ә а ж ә а р а д а л а г е и т. (Д. Г.) «Эсма начала (стала) говорить». Убра ҳнеины абри асыцкьа а и г у д ц а р а ҳ а л а г е и т. (А. Г.) «Пришли туда и начали играть в снежки». Алахуа ду ашра иалагеит (Д. Г.) «Большая серая собака начала лаять». Ила хтны

данынаԥш, аԥәылашара иалагахьан. (Д. Г.) «Когда, открыв глаза, он выглянул, уже рассветало (уже начинало рассветать)». Есма адәылԥразы аҽырхиара далагахьан. (Д. Г.) «Эсма уже готовилась выходить». Нас зегьы ашәаҳәара, акуашара еиԥалагахт. (Д. Г.) «Затем начали вновь петь, танцевать». Басиаԥ дналагеит иажәа аҳәара. (Д. Г.) «Басиат приступил к своей речи».

Предикат из масдара и вспомогательного глагола а ҽ ы з а а р а

Вспомогательный глагол аҽызаара в сочетании с масдаром обозначает процесс без указания на его начало и конец. Вспомогательный глагол аҽызаара статический и поэтому встречается лишь в форме настоящего и прошедшего неопределенного времени.

Уа… амрагь а ц ә ы р ԥ ц р а и а ҽ ы н. (Д. Г.) «Там и солнце уже всходило». Анемец фырхацәа хԥык абра и а ҽ ы н а ԥ х а г а р а. (Б. Ш.) «Три немецких молодчика тут коротали ночь».

Зынзак дышьԥрааны а к у а ш а р а д а ҽ ы н. (Д. Г.) «Танцевал(а) он (она) очень легко (словно взлетал)». Амра ԥашәаанза а и ҽ а х ы с р а и а ҽ ы н. («Алаш.») «До захода солнца перестрелка продолжалась». «Пышка, сидя на краю крыши, без конца плакала».

Предикат из масдара и вспомогательного глагола а k у ԥ р а

Вспомогательный глагол а k у ԥ р а в сочетании с масдаром обозначает конец действия. . ..Амца еихсыҕын, а з ы а ш р а и а k у ԥ и т. (И. П.) «Огонь горел слабо – вода перестала кипеть». Дгурҕьаԥәа Ныгугьы даакалап, иҽырпын д а k у ԥ и т а р ҳ ә а р а. (Б. Ш.) «Ныгу обрадовался и перестал играть на ачарпыне».

Предикат из масдара и модальных глаголов

В сочетании с масдаром выступают модальные глаголы а л ш а р а, а ҿ а з к р а, а ҭ а х х а р а.

Бзиала, сԥызцәа, шәыбзиаз, шәара и ш ә ы л ш о и т абарҭ р а х ц а р а. (Б. Ш.) «Прощайте друзья, вы сможете их прогнать».

Ишакухалакгьы ацара аҭахуп уахь. (Д. Г.) «Как бы то ни было надо туда пойти». Хулбыехоуп, аилашәшәра аҽазнакуеит. (Б. Ш.) «Вечер, вот уже темнеет».

Предикат из условных форм глагола и вспомогательных глаголов

Условные формы глагола, образованные суффиксами -р, -зар выступают в позиции предиката в сочетании с вспомогательными глаголами аkалара, акузаара.

Синтаксическое субъектное лицо получает свое выражение в первой, условной части предиката, а модальность – в вспомогательной части. Синтаксическое время в зависимости от состава предиката иногда выражается в первой части, в большинстве же случаев – в вспомогательной части.

Вспомогательные глаголы, кроме того, несут значение субъективной модальности (возможность-невозможность).

Предикат из условной формы на -р и вспомогательных глаголов

Условная форма глагола на -р сочетается с вспомогательными глаголами аkалара и акузаара.

Предикат, состоящий из условной формы на -р и вспомогательного глагола аkалара, встречается в будущем и в прошедшем синтаксическом времени. Вспомогательный глагол аkалара при этом встречается в формах будущего I, II, прошедшего несовершенного времени и в форме аориста (в отрицательном образовании).

Уи макьана дыҷкуноуп, снапаҽы даазгар kалап (И. П.) «Он пока молод, может быть, мне удастся взять его в свои руки». Бызгылоузеи, мшәан, бтәар kамлари? (И. П.) «Почему ты (ж.) стоишь, нельзя ли тебе присесть». Аамыстацәакуак рыхьз анын уажәрааныза, уалакьысыр kаломызт. (Алаш.) «До сих пор то числилось на имя каких-то князей, нельзя было то трогать». Уара асцәкьа усмацәхар kалон. (И. П.) «Ты мог так крепко не ругать меня». Уа цьара цхыраарак суҭаргьы kалон. (И. П.) «Ты мог помочь мне где-то там». Арҭ абна илцны имцар kамлеит. (И. П.) «Им нельзя было не уходить из лесу». Аха

быҷкуын ҵьабаахгарак иқумшәар зыҟалашам. (И. П.) «Однако сыну твоему нельзя не понести какое-нибудь наказание».

Вспомогательный глагол аҟалара обычно следует за условной формой, но может и предшествовать ей.

Иҟалап иаарласны рбызшәақуа еибакыргьы. (И. П.) «Возможно, они скоро поймут друг друга».

Предикат из условной формы на -р и вспомогательного глагола акузаара//акухара встречается преимущественно в прошедшем синтаксическом времени, реже – в будущем синтаксическом времени.

Ус шыҟалоз сазхуцыр акун. («Алаш.») «Я заранее должен был подумать, что так может случиться». Асҟаамҭагьы идәықулар акун…, аха дзықушәқууаз деиҵадырхеит. (И. П.) «До сих пор надо было отправить их, но ему помешали кое-какие обстоятельства». Иара итәы иналакьысыз ауаҩы адунеи даныҵыр акун («Алаш.») «Тот, кто осмелится тронуть собственность, должен попрощаться с миром». Сҩызцәеи сареи уа ҳаиқумшәар, аҩныҟа сгьежьыр акухон. (И. П.) «Если бы я с товарищами не встретился там, то мне пришлось бы вернуться обратно». Аҵара былымшагуышьозар шьарала ҳаилгар акухеит. (И. П.) «Если у тебя нет денег, то придется тебе натурой расплатиться».

Условная форма на -р встречается в сочетании с модальными илами аҭаххара «хотеть», алшара «мочь», аура «делать».

Абри хьаас иҟеиҵеит, еиликаар иҭаххеит. («Аҵс. л.») Его беспокоило то, он захотел выяснить то». Акы еиҵшымкуа илеиҳәар иҭаххеит. (И. П.) «Ему очень захотелось сказать ей то». Уажәы ихы ныкуҵаны, илацәаҟуа еихышьны даныҩагыла, днахуаҵш-аахуаҵшыр иҭаххеит. (И. П.) «Когда Темыр выспавшись, привстал, захотел просмотреть газету». Абна ауаҭах аҿы цҳәысматәа ыҟазар, исзааугар, сеысыцсахыр сҭахуп. (И. П.) «Если в той комнате есть какие-либо женские вещи, принеси, хочу переодеться». Иаса, абра ҵьаранза уҳазнеир ҳҭахын. («Алаш.») «Иаса, нам хотелось, чтобы ты для нас пошел куда-то». Саида илҭахыуп дымҩахызкьа аҧҳәыс дауаҵшь дылцырҵцыр (И. П.) «Сайда хотела уйти от женщины-великана, которая овладела ею». Уажәшьҭа иҳалшоит ҳаҿцәырааг ар... («Алаш.») «Теперь мы можем действовать легально». Аура иа-

наамҭоу иануҙымбжьа грак шьҭнамхыр ауам. (Н. Х.) «Если необъезженного коня вовремя не объездишь, он обязательно приобретет какой-нибудь недостаток». Ари ахуҷы иан дыгухьааигеит, аҩныҟа д ы м ц а р и у а м. «Ребенок соскучился по матери, хочет пойти домой».

Предикат из условной формы на -зар и вспомогательных глаголов

Условная форма на -зар выступает в позиции предиката в сочетании с вспомогательными глаголами а ҟ а л а р а, а к у з а а р а // а к у х а р а.

В данном сочетании синтаксическое время определяется главным образом условной формой глагола, т. с. первой, основной частью предиката, образующейся от различных временных основ глагола.

Иҟалап ацыхутәантәи ахҭысқуа акыр ддырхуыцзар. («Алаш.») «Возможно, последние события заставили его немного призадуматься». И ҟ а л а п урҭ зназы абнахь рҿ ы н а р х а з а р. (И. П.) «Возможно, они сначала направились в лес».) Бынасыц еиҵа и б ы ц ы м н ы ҟ у а з а р г ь ы ҟ а л а п, саҳәшьа. (И. П.) «Возможно, тебя опять подвело счастье, сестра». Уи д и а ш а з а р г ь ы ҟ а л а п. (Д. Г.) «Может быть он и прав». Ус баша дбызцааузар а к у х а п. (Ахрестоматиа) «Видимо, он просто так спрашивает тебя». Уажәы арахь адәахьы д а а д ә ы л ц з а р а к у х а п. (Д. Г.) «Видимо, он сюда во двор вышел». Ацҳәызба уара дуаҳәшьазар акухап. (И. П.) «Девушка, видимо, доводится тебе сестрой». Баргьы бхаца даара б з и а б и б о з а р а к у х а п. (И. П.) «Видимо, твой супруг очень любит тебя».

С условной формой на -зар, образованной от основы статического глагола, сочетается модальный глагол а ҭ а х х а р а «хотеть».

Сара Хьыкуҷ убри акомиссиа д а л а з а р с ҭ а х ы у п. («Алаш.») «Я хочу, чтобы Хикуч входила в состав этой комиссии». Адаҕьгьы азы изҭоу зегьы и р е и ҳ а з а р а ҭ а х ы у п. (Поговорка). «И лягушка хочет, чтобы вода, в которой она находится, была больше всех вод».

Предикат из условно-целевых форм глагола и вспомогательных глаголов

Условно-целевые формы глагола на -рц//рацы, -ртә//ратәы, -раны выступают в позиции предиката в сочетании с вспомогательными глаголами а к у з а а р а, а ԟ а з а а р а, а л а г а р а, и модальными глаголами, а қ у к р а «решить», а ҭ а х х а р а «хотеть», а ҽ а з к р а «намереваться» и др.

Предикат из условно-целевой формы на -рцы//рацы и вспомогательных глаголов

С условной формой на -рц//рацы сочетаются вспомогательные глаголы аԟазаара, алагара, аҽазкра и модальные глаголы аҭаххара, азбара, ақукра, аҽазкра, агуаҵхара, а л ш а р а.

Синтаксическое время и наклонение получают свое выражение в вспомогательной части, синтаксическое лицо – в обеих частях (за исключением вспомогательного глагола а к у з а а р а).

Даара бзеигурҵаша ак б а с ҳ ә а р ц с ы k о у п. (И. П.) «Я сообщу (должен сообщить) тебе радостную весть». Уаҵәашьҭахь, хуылпазы д а а р ц д ы k о у п. (Д. Г.) «Он должен приехать послезавтра вечером». Дук мырҵыкуа ақыҭа аизара ԟарҵарц иԟоуп. (С. Ч.) «На днях в селе должны провести собрание». Ҳара иҵегь цәыкьа ҳ а а р ц а к у н. (И. П.) «Мы собрались приехать чуть раньше (до вечера)». Аҕарцәеи абжьаратә нхаҩыцәеи, арахуреиҵш, аколнхара иаларцаларц иалагеит. (С. Ч.) «Бедняков и середняков стали загонять, как скотину, в колхоз». Мыкыч ибз шҳам ҕуҕуала Ҭемыр и х ь и р с ы р ц д а л а г е и т. (И. П.) «Мыкыч решил своим ядовитым языком задеть Темыра». Мцуп ари, ухы иҭуҳәааит, ҳ а и д у ш ь ы л а р ц у ҭ а х у п егьызхарам шьоуки сареи. (И. П.) «Это – ложь, ты сам сочинил, хочешь столкнуть меня с невинными людьми». Зинагьы абыста анцара дахьаҽыз и а а л г у а ҵ х е и т Мыкыч итәы д н а л а ц ә а ж ә а р а ц ы. (И. П.) «И Зине захотелось оттуда, где она стояла, рассказывая мамалыгу, поговорить о Мыкыче». Ирызбеит ақытсовет ахантәаҩы а д ы р р а и р ҭ а р ц. (С. Ч.) «Решили сообщить об этом председателю сельсовета». Мыкыч, аказы с у а ц ә а ж ә а р ц с ҭ а х у п. (И. П.) «Мыкыч, я хочу поговорить с тобой». Маҧ, шәара шәыцсырц залшом. (Андерсен, Алакуқуа) «Нет, вы не

должны умереть». Истахуп, дадраа, абцьар кны сшәылагыларц. («Алашара») «Хочу я стать рядом с вами с ружье в руках, сыновья мои». Цьыгу избеит дызҽыз иажәа неигзарц. (И. П.) «Джигу решил докончить свою речь». Аишьцәа ашәоыкгьы ааицәажәан Сасрыkуа дыршьырц иаҟуркит. («Аџс л.».) «Все сто братьев решили убить Сасрыкуа»; Зны ҽуарк аасхуан, снапала исыбжьарц иаҟускит. (Н. Ҳаш.) «Однажды я купил необъезженного коня и решил объездить».

Предикат из условно-целевой формы глагола на -ртә//-ратәы и вспомогательных глаголов

Условно-целевая форма на -ртә//ратәы выступает в позиции предиката в сочетании с вспомогательным глаголом аkазаара.

Предикат такого состава встречается в настоящем и прошедшем синтаксическом времени.

Урҭ руакы сҭиуазаргьы уи сшәартә сыkоуп. (Д. Г.) «Если понадобится, я продам одного из них, но долг я в состоянии выплатить». Схуҵын уcкан, акамбашьқуа рацхьа сгылартә сыkан. (И. П.) «Тогда я был молод совсем, мог погонять буйволов». Аҭаҳмада иаҟуикыр Сима цхыраарак литартә дыkан... (И. П.) «Старик при желании был в состоянии помочь платить». Схуҵын уcкан, акамбашьқуа рацхьа сгылартә сыkамызт. (И. П.) «Я был еще ребенком, не мог погонять буйволов».

Реже встречается предикат из условно-целевой формы на -раны и вспомогательного глагола.

Қыртҭәылатәи асаџәа ажәак барҳәараны иkоуп. (С. Ҷ.) «Гости из Грузии должны сообщить тебе о чем-то». Ани апленум акны... Тариал ажәаху kаицараны дыkан». (М. Аҳаш.) «На этом пленуме Тариел должен был выступить с докладом». Соыноыкура нысцыргьы аиарҭа сзагулцраны сыkам. («Алашара») «Проживи я две жизни, все равно не суждено мне встать с постели».

Предикат из деепричастных форм и вспомогательных глаголов

Деепричастные формы выступают в позиции предиката в сочетании с вспомогательными глаголами алагара, аkазаа-

р а, а ԟ а л а р а. Синтаксическое лицо получает свое выражение в обеих частях предиката, время и наклонение – в вспомогательной части.

Вспомогательный глагол а л а г а р а сочетается с деепричастной формой, образованной посредством суффикса -уа → о.

Сасрыԟуа, днеин, иаҳәа аатихын адау ихуда дасуа далагеит. («Аԥс. л.») «Сасрыкуа подошел к великану, вынул саблю и стал бить великана по шее». Иара аԥшәмагьы деилаҳәаеилаԥа даақоналан... иааиз д р ы х у а ԥ ш у а д а л а г е и т. («Алашара») «Вошел и сам хозяин разодетый и стал смотреть на пришедших». Акулакцәа кны иҭаркуа иалагеит. (И. П.) «Кулаков начали сажать». Уажәшьҭа а г у р а з г а ҵ ә ԟ ь о с а л а г е и т убарҭ зегьы ҳабла иабо ишыԟало. («Алашара») «Теперь я стал верить, что все это мы своими глазами увидим».

Вспомогательный глагол а ԟ а з а а р а сочетается с деепричастными формами, образованными посредством суффиксов уа → о, -ны и -(м)куа.

Самсон уи азыҳәан цыҵк д г у а а н ы д ы ԟ а н. (И. П.) «Самсон и по этому поводу немного был сердит». Иан амақьеицш дышәны д ы ԟ а н. («Алаш.») «Его мать посерела как точильный камень». Иаазқулаз а ш ә а ҳ ә а р а и а ԟ у ҵ н ы и ԟ а н ардәына. (М. Л.) «В последние дни дрозд больше не пел». Ҳаи, уажәра цәгьахааит а м ы х ь т ә у н ы у ԟ а з а а п... (И. П.) «Несчастливой старости тебе, оказывается, ты поступил непорядочно». Еиҳабы-еицбы игуеибатаны аҳатыр е и қ у р ҵ о и ԟ а н. (И. П.) «Старшие и младшие уважали друг друга». Афицар ицыз асолдат аурыла иара д а а и д ӷ ы л о д ы ԟ а н (И. П.) «Солдат, который сопровождал офицера, был такого же роста, как и офицер». Абыжьқуа игоз игу иқуӷуан ада аеакы и з е и л к а а у а д ы ԟ а м ы з т.(«Алаш.») «До него доходили лишь звуки, которые раздавались тут, больше он ничего не чувствовал». Есма ууанзагьы урҭқуа л ы м б а ҵ ә ԟ ь о д ы ԟ а м ы з т... («Алашара») «Эсма и до этого видела все это». Даргьы гуӷарақуак р ы м а м к у а и ԟ а м ы з т. (А. Г.) «И их, видимо, что-то беспокоило». Ари ҷ к у н а ԟ у ш к и а к у м к у а д ы ԟ а м. (И. П.) «Этот парень не глуп».

С теми же деепричастными формами сочетается и вспомогательный глагол а ԟ а л а р а.

Аҵсшьарақуа раан ачамгур адырҳәо, и к у а ш о и ԟ а л е и т. (И. П.) «В выходные дни играли на ачангуре, танцевали».

Уажәшьҭа маза уск улымҳа инҭысшьыргьы цәгьа исымбо саакалеит. (И. П.) «Теперь уже мне хотелось поделиться с тобой своими секретами». Урҭ рыхьз анихыла инаркны гуеицыхрак ҳаманы ҳзыкамлеит. (И. П.) «С тех пор как они сошлись, не было у нас радости». Даара дхаҵа бзиахеит Џьаҭ, акы дыннамкылазо, алаапк даҩызаны дкалеит. (И. П.) «Джат стал крепким, бесстрашным мужчиной».

В функции вспомогательных глаголов выступают в редких случаях глаголы ақухара «остаться», анхара «остаться».

Ҭакуна азныказы дааиқуҵәашеит, ... илуа лзымдыруа даақухеит. (И. П.) «Такуна сначала почернела, растерялась». Ауаҩы захьзу дысзымдыруа сынхон. (И. П.) «Иногда я становился таким, что не знал, что такое человек». ...Даарак дзамеигурҵьеит, длак-ҩакуа даақухеит. (И. П.) «Он не смог обрадоваться этому, растерялся».

Предикат из призрачной формы глагола и вспомогательных глаголов

Призрачная форма глагола, выступая в позиции предиката, сочетается с вспомогательными глаголами аҟазаара, аҟалара, аҟацара (в функции вспомогательного глагола). Синтаксическое лицо в предикате такого состава получает выражение в обеих частях, синтаксическое время и наклонение – в вспомогательной части. Предикат из призрачной формы и вспомогательного глагола аҟазаара встречается в формах настоящего и прошедшего синтаксического времени.

Ауаҩы дызусҭаз рдыруан. Патыху ихьзын, Куазбан, қуралагьы дыпшқамызт, уаҩы қьачақышәа, уаҩы гызмалшәа дыкан. (И. П.) «Знали кто этот человек. Его звали Патух, был он вроде шутник, хитроват». Даанахуеит ааи, саргьы, ацышәара дзыркуаз арцаҩцәа среиушәа сыкоуп, издыруеит (И. П.) «Да, приняли его в институт, я участвовал в приемных экзаменах, знаю». Абри сзыцхьо ашәқу иану удыруашәа укандаз. (И. П.) «Знал бы ты, что написано в этой книге, которую я читаю».

Предикат из призрачной формы и вспомогательных глаголов аҟалара, аҟацара встречается в формах настоящего, будущего и прошедшего синтаксического времени.

...Ус ҟашәцар, гектарк иақуу анорма иамцхуны иааш ә-рыхызш ә а ш ә ҟ а л о и т. (И. П.) «Если вы так сделаете, то получится так, будто вы с гектара больше нормы урожая получили». Саида зназы дааигурҭеит аҭаҳмада илирҳаз ажәа, аха нас деиқуцшьыхаа, а к ы д е и қ у н а ҳ ә а л а з ш ә а д а а ҟ а л е и т. (И. П.) «Саида сначала обрадовалась сообщению старика, но затем она утихла и сделалась такой, будто что-то связало ее». Урҭ и р ы м б а з о ш ә а ҟ а р ц о и т. (А. Г.) «Они делают вид будто не замечают то». Саргьы и с ы м б а з о ш ә а ҟ а с ц о и т. (А. Г.) «И я делаю вид будто не замечаю то». С ы х у м а р у а ш ә а ҟа-сцон, аха сшәацәкьон. (А. Г.) «Я делал вид, будто шучу, но на самом деле боялся». Афырмахьцә аахацыцхьаза аҽрыцҳатәны, ацәа иҵзызаауан, нас и л е и х а - ҩ е и х а ш ә а ҟ а н а ҵ о н (Ф. Иск.) «После каждого удара хворостиной, дрожал он /в/, а затем передвигался немного». Хьмур лылахь еиқун, лыбжьы неиҵ-ыхны дыхумаруашәа, дыччошәа ҟалҵон. (И. П.) «Химур была грустна, но она делала вид, будто ей весело».

В функции вспомогательных глаголов иногда выступают а у р а «делать», а б а р а «видеть»...

Анышәынтрақуа ирывсны ҧеанынарха Иаса д а а ҭ г ы-л а ш ә а и у и т. Зегьы а а ҭ г ы л а ш ә а р у и т. («Алаш.») «Когда прошли мимо могил, Иаса приостановился. Приостановились и другие». Ахьшьцәагьы ч ч а қ у а ш ә а р у и т. (А. Г.) «И пастухи нехотя посмеялись». Аибашьра ҟалеит ҳәа раҳаижьҭеи, ара ақа-лақь иаланхоз ауаа иаҳа е и з а а и г у х а з ш ә а р б е и т. (И. П.) «С тех пор как началась война, горожанам казалось, что они больше сблизились». Цацу зназы ари ашәа бзиазшәа лбеит, аха даарак дзамеигурҭеит... (И. П.) «Цацу сначала показалось, будто эта песня хорошая, но не очень обрадовалась ей».

В редких случаях в основной части предиката выступают инфинитные формы глагола, образованные аффиксами относительных местоимений и, з и обстоятельственным элементом ахь, формы будущего I и II времени и др. Они сочетаются с вспомогательными глаголами а к у з а а р а, а ҟ з а а р а...

Аиҵбы ҽааны ашколахь и ц а ш а и а к у н. (И. П.) «Младший через год мог поступить в школу». ...Уи еиҵш ацагьара хуарҭам, игазароуп, зны б а х ь х у р а б ы ҟ о у п. (И. П.) «Зазнайство – глупость, плохо, когда-нибудь ты пожалеешь сама». Сыхшыҩ рзышьҭны сзызхуцуазгьы уаҩ игу иахуаша, дзыргурҭаша ра-

кун. (Ф. Иск.) «Думал я о радостных, приятных вещах». Ҩ-кҟурышьк сара сахьхдыртәало єгьыҟам. (И. П.) «Десять копеек вряд ли меня сделают богатым». Урҭ (абиракқуа) ашәақьқуа рыцсақуа, алабашьақуа иахьыс хароу ыҟоуп. «Они (знамена) развеваются на штыках, на палках».

Именной составной предикат

В позиции предиката нередко выступают имена в сочетании с вспомогательными глаголами. Предикат такого состава называют именным. В именной части предиката в этих случаях выступают формы имени существительного, имена прилагательные, местоимения, имя числительное и наречие. Они сочетаются с вспомогательными глаголами аҟазаара, акузаара, амазаара, аҟалара и др.

Предикат из форм имени существительного и вспомогательных глаголов

Наибольшее распространение имеет предикат из превратительной формы имени и вспомогательных глаголов амазаара, аказаара, аҟаҵара, аҟалара…

Синтаксические категории лица, наклонения и времени получают свое выражение в вспомогательной части.

…Ожә арцыс еиҷамс лылаҵш зықушәазгьы, фырхаҵас дамамзи лара лхуцырҭа. (Б. Ш.) «Тот бесстрашный парень, на кого она сейчас бросила взгляд, был героем ее мечты». Афатә ҟаҵарҭаҷы акун иахьтәаз, уа крыфарҭас ирыман. (И. П.) «Они сидели на кухне, они там всегда ели». Мап, мап, сан, ишҵакало ас мамзаргьы ҟалашьас иамоузеи! («Алашара»). «Нет, нет, мать, как же так, как это может случиться». Уи Аҵьар ҟаҵшь еидгыла мазаныкугаҩыс дамоуп. («Алашара»). «Он является секретарем союза Красного Креста». Аҵсны рацхьаза ҳәынҭқарс иамадаз ҳәа иуазҵаар? («Алаш.») «Если тебя спросят, кто был первым абхазским царем?» Ажәлар жәытәаахыс аҵла ду амҵаны еизарҭас, зеиҵш усбарҭас ирыман. (Б. Ш.) «Народ с давних пор собирался около большого дерева». Иахьанза гужьжьагас бсыман бара, Шьҭарнахыс гушьҭыхгас бсоуит, идыр. (Б. Ш.) «До сих пор ты была для меня утешением, с этих пор ты будешь для меня вдохновением». Анхаҩы ичеи-

цьыка зницоз исаан, Акрызнифалоз цәкьарас иқашәцан (Б. Ш.) «Миску крестьянина вы сделали мишенью». Цәкьарас иқашәцеит сыҧкун заҧә ихы!.. (Б. Ш.) «Сделали вы мишенью голову моего единственного сына». Ахьҭа ианаклакь, иаылаҳәлакь иашьас дқарцап («Аҧс. л.») «Когда они замерзнут, окоченеют, его сделают своим братом (побратают его)». Уи ҟалеит цәажәатәыс амхы ахьыдрашәоз... (Б. Ш.) «Это стало предметом разговора на поле, где они работали».

С превратительной формой имени в качестве вспомогательных глаголов сочетаются аҧхьазара «считать», ашьҭыхра «принять», ашьара «считать», ашьҭахара «остаться», ақугылара «стать», «становиться» и др.

Шәара цьоук уи аамҭа шәсашәҭеит зынзаск, Аҧсы қымқымрагьы шьҭышәхит ҟазшьас. (Б. Ш.) «Вы (некоторые) шагаете со временем, воровство стало натурой для вас». Сакьантәи арҧыс арҭқуа зегьы ргуаларшәара гуадурас иҧхьазон. («Алаш.») «Парень из Сакена вспомнить обо всем этом считал гордостью! Сара схьаақуа уара гуҩрас иумкын («Алаш.») «Ты не беспокойся за мои болячки». Шәҩыгьы сышьҭазаайт, гуҩарас ибымкын! «Пусть и сто человек гонятся за мной, ты за меня не беспокойся». Иара ахьз ахырхит цәымҭыс, ишьаны! (Б. Ш.) «Изменили название от ненависти!» Маҧьи Ҷиеи минуҭқуак рыла еиҩызцәас иаашьҭибахт. («Алаш.») «Мадж и Чиа за несколько минут сделались друзьями». Уара зынза ҽадҳәысс суҧхьазозаап!.. (И. П.) «Оказывается ты меня принимаешь за глупца!» Иҧхәыс данықам цсшьарас иҧхьазон (Б. Ш.) «Отсутствие жены для него было отдыхом». Сышнышьҭалаз еиҧш азәы ашә еимҧааны дааҩналан лабак кын, ирхха данаасыс, слаха сааҟалеит, («Аҧс. л.») «Как только я лег, кто-то вошел с палкой, и, когда он этой палкой меня ударил, я превратился в собаку». ...Анкьа сшықаз суаҩха сааҟалеит. («Аҧс. л.») «Как и был раньше, я стал человеком (превратился в человека)». Мазлоу иқамчы налхьиқьан длаха даашьҭахеит («Аҧс. л.») «Мазлоу ударил ее плетью, и она превратилась в собаку». Аҳы, убзарбзанха, аниҳәа, ибзарбзанха иаақугылт («Аҧс. л.») «Когда он сказал: «Превратись-ка в пушку», оно превратилось в пушку».

В основной части предиката встречаются: имя в категории неопределенности, общности, притяжательности, собственные имена. С ними сочетается вспомогательный глагол акузаара.

Сара сзаԥәгушьоуп, насгьы ҭакуажәык соуп («Аԥс. л.») «Я одинокая, и к тому же старая женщина». Ари Ҵиса лоуп, ани ухаҟны итәоу ҳашьаду иԥаԥәа ... роуп. «Алашара») «Это Циса, а тот, кто повыше тебя сидит, есть мать Гуапханашьа, а кто напротив сидит есть сыновья нашего дяди». Мап, мап Рақмараа ракум арҭ!.. («Алашара») «Нет, нет, это не Ракма». («Алашара») Аишьа лакун ари. «Это была Аиша».

Предикат из имени прилагательного и вспомогательного глагола

В позиции предиката выступает сочетание из качественного прилагательного и вспомогательного глагола акузаара.

Имя прилагательное в этом сочетании субстантивируется и принимает форму неопределенной категории. Синтаксические категории лица, времени, наклонения выражаются в вспомогательной части.

Уара уаѳ, дзыԥугыԥша уоуп, ѳызас ушьҭысхыр сҭахыуп. (И. П.) «На тебя можно положиться, я хочу сделать тебя своим товарищем». Ари аба ссирзакаи, аиашазы? (Андерсен илакуԥуа). «Это хороший товар в самом деле? Уи уаѳы наза-аазак, уаѳаԥшьк иакун. («Алашара») Уи ҭаҳмада кьаԥк, еихасыԥук иакун. (И. П.) «Тот был низенький, горбатый старик». Соуԥар Андарбуа макьана дымнеицызт, уаѳы лахҷыхзак иакун (И. П.) «Соукар Андарбуа был человек почти среднего возраста, подвижный, веселый».

В позиции именного составного предиката встречается атрибутивный комплекс из определяющего и определяемого. В этой позиции атрибутивный комплекс получает предикативное оформление. В постпозитивном компоненте комплекса получают свое выражение синтаксические категории времени и наклонения, а синтаксическое лицо – в препозитивном компоненте.

Аԥсны иаазаз Абаҭаа дхаԥа ҕьеѳын иаамҭала. (И. К.) «Абатаа, вскормленный Абхазией, гремел славой в свое время». Урҭ зегьы башоуп, уи дуаѳ қьиоуп. («Аԥс. л.») «Это все выдумки, он честный человек». Ажәлар рзы иаамҭа цәгьан. («Аԥс. л.») «Для народа трудное было это время». Ари цхьаԥа иԥаша социалисттә қалақьуп. (С. Ҷ.) «Это перспек-

тивный социалистический город». Бхуҷ бзиоуп Чиа!.. («Алаш.») «Хороший ребенок Чиа!»

Предикат из наречия и вспомогательного глагола

В позиции предиката выступают качественные наречия в сочетании с вспомогательными глаголами аҟазаара, акузаара, аҟалара.

Иубап ҭаацәаракгьы зҳәоу еиқумшәо..., аха ари аҭаацәара ас иҟамызт. (И. П.) «Бывает не дружная семья, но эта семья не такая была». Ки даара дуаѳажәын, ибҕа хуаны иҷьыкуза иҟалахьан. (И. П.) «Ки был очень стар, спина его была уже горбатая». Изамѳоа иадкылаз ачабра кацшьза иҟалахьан. «Платок, который был прижат к его щеке, уже был красным!» Ари аҟара иҟаз амал зегьы иара иааидикылан, кьафла дыҟан («Аҧс. л.») «Все имущество он прибрал себе и жил припеваючи». Уҧшәмаҧхәыс лызбаху даара ибзианы иҟоуп (И. П.) «Идет слава о твоей супруге». Иҟуашза иҟалеит ибла гуҕраҟуа. («Аҧс. л.») «Стали белыми его карие глаза».

Вспомогательный глагол акузаара встречается в сочетании с местоимениями, числительными...

Уи... сара сакун. (С. Ҷ.) «Это был я». Уи ахаара зҧоу азә лакун. (И. П.) «Она была приятная женщина». Ҳара хѳык ашәарыцацәа ҳаҟан. «Нас было трое охотников». Арҧаѳоцәа зегьы жәафѳык ыҟан. «Педагогов было всего шестнадцать».

Объектный компонент

Объектный компонент структурной основы предложения сам по себе в формально-грамматическом отношении не отличается от субъектного компонента. Все грамматические формы имен, выступающих в синтаксической позиции субъекта выступают и в позиции объекта. Это общая, неопределенная (определенная), притяжательная формы имени. В позиции объекта выступает всякое слово с предметным значением вне послесложных форм, форм лишения, инструментальности и превратительности.

Различие субъектного и объектного компонентов, как отметили выше, заключается в различии их синтаксических позиций в

структурной основе предложения. Позиции объектного компонента в структурной основе предложения фиксируются объектными аффиксами двух рядов, закономерности использования которых связаны с переходностью и непереходностью глагола-предиката. Ближайший объект и его позиции в глаголе-предикате фиксируются объектными аффиксами ряда *д,* занимающими всегда первое место. Синтаксическая же позиция косвенного объекта всегда фиксируется в глаголе-предика аффиксами ряда *л,* занимающими второе (при двухличном глаголе предикате (и третье) при трехличном глаголе-предикате) место. В одной структурной основе предложения, в отличие от субъекта и ближайшего объекта, может быть более одного косвенно-объектного компонента (не имеются в виду позиционно-тождественные субъектные и объектные компоненты). Все позиционно-тождественные субъектно и объектные компоненты фиксируются соответственно одним аффиксом. Позиционно тождественные компоненты не образуют особой синтаксической позиции в структурной основе предложения. Например: Михеи Ҭемыри и-аа-р-хуеит ашәкуқуа, аручкақуа. «Миха и Темыр купили книги и ручки». Слова Миха Темыр в этой структурной основе предложения занимают одну общую субъектную позицию и слова ашәкуқуа, аручкақуа – общую объектную позицию.

Совершенно не различаются в формальном отношении и ближайше-объектный и косвенно-объектный компоненты. Поэтому нет надобности рассматривать каждый из них в отдельности.

Общая форма имени в позиции объекта

Ибдыруеит, алцхынрак хҩаха сымамкуа, Зацшьаа рказармаҷ аҭаҭын срыцхуан. Исырҭааит иахьа сцьабаацса сцарақуа... (Б. Ш.) «Знаешь ты (ж.), все лето я низал табак в сарае Дзапшипа. Пусть они оплатят мой труд, пусть отдадут мне мои деньги». Ахаан имцәаҕуац адгьыл ду ирҭоит... (Б. Ш.) «Тому дают землю, кто никогда не пахал». Ахаан имрашәац аҷаҩра ҭыргоит. (Б. Ш.) «Те берут урожай, кто никогда не трудился». Лара дналбаан а л а иҟулцеит. (М. Л.) «Она спустилась с балкона и отогнала собаку». Акыукыуҳәа дыҳәҳәо» ашҭа данаатала, лыҳәҳәабжь иарҿыхеит асасцәа.

(М. Л.) «Когда она с криком вошла во двор, ее крик разбудил гостей».

Неопределенная форма имени в позиции объекта

Данаапыршьшьы иацхьатәкьа атәзамцаҿ, к ы л ҳ а р а к гуеитеит… (М. Л.) «Пощупал рукой стену и нашел в ней какую-то дыру. Дыццакы-ццакуа днеин х а ҳ ә д у к днадтәалеит. (М. Л.) «Быстро подошел он к какому-то большому камню и сел за ним». Ԥнак Қсыс абнахь дыҟан, қ ь ы р с т ақ у а к дрышьтан. (М. Л.) «В один день Ксыс был в лесу, он искал какие-то бревна». Каканк аациеын арыцқуа атта-ттаҳәа иршәны иҧы интеиҧсеит. (П. П.) «Разбил он один какой-то грецкий орех и метнул в рот зерно». Чатәа Чагу ц ҳ ә ы с е и б а к дылтан. (М. Л.) «Чац Чагу однажды гостил у одной вдовы». Ачқун имакуан дылтаҧшын ишәкуқуа иаарылихыит иҧшзаза иҟаз шәкук. (М. Л.) «Мальчик вытащил из сумки одну какую-то красивую книгу».

Притяжательная форма имени в позиции объекта

... Исырҭааит иахьа с ц ь а б а а ц с а, с ц а р а қ у а. (Б. Ш). «Пусть дадут мне за труд заработанные деньги». ...Дцышәарччо днеиҿаҧшит лхатәа. (М. Л.) «С улыбкой она посмотрела на своего мужа». Инапқуа рыкуршо иаагудикылеит и с а с ц ә а дахьқуа. (М. Л.) «Обнял руками своих дорогих гостей». Ҳ а с а с бзиа акриҿатәаны дышьтатәа... (М. Л.) «Гостя нашего накорми хорошо и уложи»... Итабуп! Уаҳа стахым, сызхара ҟалеит, – иҳәан иналиркит л а ц ә ц а. (М. Л.) «Спасибо, напился я, – сказал и подал ей стакан». Шьахусна дҩагылан Саида л ы м а т ә а қ у а ааганы иналылтеит. (И. П.) «Шахусна встала и подала Саиде ее вещи». Ҭемыр и а ҳ ә ш ь а длыцхраауеит. «Темыр помогает своей сестре».

Собственные имена в позиции объекта

Мез данындәылц Л е у а р с а дибеит. (И. П.) «Мез, когда вышел, увидел Леуарса». Ԥнак А л ы б е и асасцәа рацәаны иҭааит. (М. Л.) «В один день много гостей пришло к Алыбею».

Хымжәажә акалашәа Саида дылҷаԥшуа далагеит. (М. Л.) «Хамжаж подозрительно стала смотреть на Саиду». ...Саида ибжьы лыԥуиргеит. (И. П.) «Он окликнул Саиду». Патыху дизхуцуан иара. (И. П.) «Он думал о Патухе». Ҷнагу уаҟа дрыдыркылеит. (М. Л.) «Чнагу приняли тут».

Местоимения в позиции объекта

В позиции объекта часто встречаются личные, указательные и другие местоимения.

Бзиа жәуит ҳәа сеиԥыхуа среихырхуеит дара. (Б. Ш.) «Доброго вам дела! – приветствую я их!» Ашҭа иааҭалеит имаҷымкуа, азәгьы даақаргалеит асакаса ауапа аԥуршәны (М. Л.) «Во двор вошли немало людей и внесли с собой кого-то в гробу, закутанного в бурку».

В позиции объекта встречаются инфинитная форма глагола, числительные (самостоятельно или в сочетании с именами).

Бзиала уаабеит, улеи арахь! – иҳәан игылаз аѡныҟа дааиԥхьеит. (М. Л.) «Добро пожаловать, заходи домой! – сказал и пригласил домой стоящего». Днаигуҭасны дааиреыхеит ахара здыз. (М. Л.) «Толкнул и разбудил виновного». Аҳы, уҳацыз, Хапар, дҳарба иушьыз (М. Л.) «Ану-ка, иди, Хапар, покажи, убитого (тобой)». Идырны ишәымаз, сара исҳәаз насыгзеит (М. Л.) «Чтобы вы знали, я выполнил свое слово». Ҳара ҳцыхуала ѡыцьа уаа еиҳәаҭаххаа иҭаркит. (И. П.) «Из-за нас двоих посадили». Аршахуҭ ирхиеит цшьышә ҳазыртра. (М. Л.) «Аршахут приготовил четыреста газырей». Шаҟа сманшәаланы срыԥшәазеи аѡыцьагьы! (М. Л.) «Как удачно встретил я их!»

Инфинитная конструкция в позиции объекта

Выше мы отмечали, что в позиции субъекта часто выступает инфинитная конструкция. Аналогичным же образом и в позиции объекта нередко выступает инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы.

Конструкция эта организуется глаголом инфинитной формы вместе с относящимися к нему словами на основе субъектно-объектных отношений, выражаемых теми же субъектно-

объектными аффиксами, или заменяющими их аффиксами относительных местоимений и, з.

Инфинитная конструкция, выступая в позиции объекта, принимает значение предметности и вступает в синтаксическую связь с предикатом посредством объектных аффиксов, как объектное дополнение; которое мы описали выше. Она большей частью занимает позицию ближайшего объекта и в меньшей мере – позицию косвенного объекта. Выступая в позиции ближайшего объекта она связывается с предикатом посредством объектных аффиксов ряда *д,* занимающих первое место, выступая в позиции косвенного объекта, связывается с предикатом посредством объектных аффиксов ряда *л,* занимающих второе место (при двухличном глаголе-предикате) или третье (при трехличном глаголе-предикате) место.

Камаҷыҷ ауха дтәаны лани лаби и-ралҳәоит ахуҷқуа акино шыдлырбаз... (Д. Г.) «Камачич в ту ночь рассказала отцу и матери, что она повела детей в кино». Абраҟа и-рҳасабуан аԥсадгьыл агу иалаз (Б. Ш.) «Здесь обсуждали болячки родины». Алиас игу итҷеикыз д-а-зхуцуан. (Д. Г.) «Алиас обдумывал свои намерения». Сара уахь сышцоз шәара и-шәасымҳәеит. (Д. Г.) «Я вам не сказал, что я туда отправлюсь». Аҳ узқуиргуҷуа хы-шықуса у-а-зыцшыз. (Поговорка). «Обещания царя жди три года». Рҽагылацәагьы рацхьала, рышьҭахьала ампыл згоз и-рыжәлон. (Д. Г.) «Противники набрасывались на тех, которые бежали с мячом». Аказарма аԥхьа данааи аҭаҭын зрыцхуаз дна-р-ылаԥшит. (И. П.) «Когда он приблизился к сараю, посмотрел на тех, которые низали табак». Зыҷкун дымԥсыц уҷкун д-и-умырԥәыуан. (Поговорка). «Не давай оплакивать своего сына тому, кто не испытал подобного горя». Аҩы иашьыз ах д-хыркылон. (Поговорка). «Пьяного заставили и гущу выпить...» Аҽы иақумтәаца аҽы д-канамыжьцт. (Поговорка). «Кто не садился на коня, тот не падал с коня». Камаҷыҷ Есма уаҟа илзынлыжьыз ахуҷқуа и-рылҷеит. (Д. Г.) «Камачич отдала детям то, что ей оставила Эсма». Шәара ишәыʒбаз сара са-зыразуп. (И. П.) «Я согласен с тем, что вы решили». Хьмур и-гуалҷеит Меза уажәы дшыҟамыз. (И. П.) «Химур заметила, что Меза сейчас нет».

Краткие выводы

1. Структурную основу предложения составляют компоненты, участвующие в формировании и выражении категории предикативности.

2. Грамматическими средствами выражения предикативности являются категории лица, наклонения и времени (абсолютное), которые преимущественно получают свое морфологическое выражение соответственно в личных префиксах, формах наклонений и времен глагола.

Предикативное оформление получат не только глагол, но и любая именная основа, выступающая в позиции предиката.

3. Посредством личных аффиксов выражается не только категория лица (числа и класса), но и субъектно-объектные отношения в структурной основе предложения.

4. Категория предикативности может быть выражена одним, двумя, тремя и четырьмя компонентами, и соответственно структурная основа предложения может быть однокомпонентной, двухкомпонентной, трехкомпонентной и четырехкомпонентной.

В качестве компонентов структурной основы предложения выступают предикат, субъект, ближайший объект и косвенный (личноотносительный) объект.

Предикат выступает организующим центром предикативного ядра предложения.

Между всеми конституитивными компонентами устанавливается взаимозависимая двухсторонняя предикативная связь.

Субъект, ближайший объект и косвенный (личноотносительный) объект занимают в структурном ядре предложения разные синтаксические позиции.

5. Наряду с объективной модальностью в предложении могут быть выражены субъективная и внешняя модальности.

6. Однокомпонентную структурную основу составляет предикат, в котором получают свое морфологическое выражение синтаксические категории наклонения и времени.

В однокомпонентной структурной основе отсутствуют позиции субъекта и объекта.

Шеит «Рассвело». Хулеит «Стемнело». Хьҭоуп «Холодно». Гургьароуп, ччароуп иахьа Алиас иҩонаҭа. (Д. Г.) «Радость (есть) и веселье (есть) сегодня в доме Алиаса». Уажәааны Ары-

стәыла аҧараҳәа ицааҩуеит. (С. Ҷ.) «В это время в России сильно морозит».

Предложения такой структуры в абхазском языке имеют наименьшее распространение.

7. Двухкомпонентную структурную основу составляют преимущественно субъект и предикат, в редких случаях – предикат и объект.

Аацынра, анааилак, а ц а р а қ у а а ш ә а ҳ ә а р а и а л а г о и т. «С наступлением весны птицы начинают петь». Ацара иахьымзо а х у ҷ қ у а и р ы ц х р а а т ә у п. «Отстающим в учебе детям надо помочь».

8. Трехкомпонентную структурную основу составляют субъект, предикат и объект (ближайший или косвенный).

А ц а ҩ ы бзиа и а а и х у е и т а ш ә k у ҿ ыц. «Хороший ученик купил новую книгу». Адгур иаҳәшьа длыцхраауеит. «Адгур помогает своей сестре».

9. Четырехкомпонентную структурную основу составляют субъект, предикат, ближайший объект и косвенный (личноотносительный) объект.

А д г у р и а ҳ ә ш ь а х ҵ ы и л з а а и х у е и т а ш ә k у ҿ ыц. «Адгур купил своей маленькой сестричке новую книгу».

10. Состав структурного ядра предложения определяется и экспериментально последовательным полным удалением отдельных компонентов. При этом удаление компонентов, не входящих в структурную основу предложения, не вызывает разрушения значения предикативности. С удалением же компонента, входящего в структурную основу предложения, разрушается значение предикативности.

Всякая синтаксическая функция проявляется в первую очередь в синтаксических отношениях. Поэтому при удалении того иного компонента обязательно надо учитывать характер его отношения с другими компонентами. Субъектные и объектные позиции структурного ядра предложения абхазского языка фиксируются двояко: самыми компонентами и их грамматическими эквивалентами (субъектно-объектными, классно-личными префиксами двух рядов).

Следовательно, полное удаление субъектного или объектного конституитивного компонента означает одновременное удаление как самого компонента, так и его грамматического эквивалента.

Ср.: 1. Ацаҩы и-аа-и-хуеит ашәқу;

2. ... и-аа-.-хуеит ашәқу;

3. ... .-аа-.-хуеит ... .

С полным удалением субъектного (во втором) и объектного (в третьем) компонентов в приведенном предложении разрушилась его структурная основа.

11. В позиции субъектного компонента может выступить любое имя в формах общности, определенности, неопределенности и притяжательности, а также любое слово или словосочетание (в том числе инфинитная конструкция) с предметным значением. Во всех этих случаях в предикате выступает грамматический эквивалент субъекта – субъектный префикс (о случаях опущения субъектного префикса см. в первой главе работы).

Ахуҷы д-цәыуеит. «Ребенок плачет». Ацаҩы иаа-и-хуеит ашәқу. «Ученик купил книгу». Азыршы иацәшәаз амца д-ақупалеит. (Пословица). «Кто испугался горячей воды, тот прыгнул в огонь».

Субъект не встречается при однокомпонентной структурной основе.

12. В позиции предиката выступает преимущественно глагол, который в структурном (грамматическом) отношении наиболее приспособлен к функции синтаксической организации предложения.

По способности сочетаться с субъектным и объектным компонентами глагол может быть одновалентным, двухвалентным и трехвалентным (четырехвалентный глагол грамматически возможен, но практически не встречается).

Зина д-захуеит «Зина шьет (занимается шитьем)». Зина и-л-уанҭоит ацкы. «Зина гладит платье». Зина лаҳәшьа и-л-заал-хуеит ашәқу. «Зима своей сестре купила книгу».

В позиции предиката может выступить также любая именная основа. Выступая в этой позиции и принимая функции предиката, такая основа получает предикатное оформление.

Ср.: 1. Пушкин – поэт;

2. Пушкин д-поет-уп «Пушкин есть поэт».

Вне предиката не бывает структурной основы предложения. Так называемые номинативные предложения не характерны для абхазского языка.

13. В позиции объекта (ближайшего или косвенного) может выступить любое имя в формах общности, определенности притяжательности, а также любое слово или словосочетание (в том числе инфинитная конструкция) с предметным значением. Во всех этих случаях в предикате выступает грамматический эквивалент объекта – объектный префикс. (О случаях опущения объектного аффикса см. в первой главе работы).

Ахуҷқуа и-р-ыцхраатәуп. «Детям надо помочь». Сара ахуҷы д-саазоит. «Я воспитываю ребенка». Сара Зина и-лыстеит ашәкуа. «Я Зине дал книгу». Ауапакацара ззымдыруаз заагара д-ыршьтуан. (Пословица). «Кто не умел делать бурку, того посылали по воду».

Объект не встречается при однокомпонентной структурной основе предложения.

ГЛАВА III

ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СВЯЗАННЫЕ С ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ

Структурная основа предложения при функционировании может претерпевать различные видоизменения; не вызывающие ее разрушения. В этой главе мы затронем наиболее характерные ее изменения.

Неполнота поликомпонентной структурной основы предложения

Полной или неполной может быть лишь поликомпонентная структурная основа предложения. Изменения же, возможные в монокомпонентной структурной основе, сводятся лишь к ее видоизменениям в модально-временном плане.

Синтаксический индикатив

Вр.	Шоит «Рассветает».	Зынроуп «Зима есть»
Прош. вр.	Шан...	Зынран
	Шеит	–
	Шон	–
	Шахьеит	–
	Шахьан	–
Буд. вр.	Шап	–
	Шашт	–

Вопросительные формы

Наст. вр.	Шома? «Рассветает?»	Зынроума? «Зима есть?»
Прош. вр.	Шазма?	Зынразма?
	Шама?	
	Шома?	–
	Шахьоума?	–
	Шахьазма?	–
Буд. вр.	Шарыма?	–
	Шашама?	–

Синтаксические ирреальные наклонения

Побудит. накл.	Шааит!	–
	Шароуп!	–
Желательн. накл.	Шанда!	Зынранда!
	Шандаз!	Зынрандаз!
Сослагат. накл.	Шарын!	–
	Шашан!	–

Монокомпонентная структурная основа предложения не знает изменения по синтаксическим лицам, она функционирует лишь со значением третьего синтаксического лица.

Частичное опущение субъектного компонента

В предыдущей главе мы отметили тот факт, что возможно лишь частичное опущение субъектного или объектного компонента структурной основы. Полное же удаление того или иного конституирующего компонента структурной основы вызывает ее разрушение. Следовательно, говоря об опущении субъектного или объектного компонента структурной основы, мы имеем в виду частичное их опущение.

Наибольшее распространение имеет опущение субъектного компонента. Оно может быть вызвано различными причинами и происходит при строго определенных случаях.

1. Контекстуально-синтаксическая обусловленность и стилистическая избыточность

Синтаксическая обусловленность опущения субъектного компонента заключается в том, что во всех случаях его опущения в предикате сохраняется его грамматический эквивалент, т.е. субъектный аффикс, который указывает на синтаксическое лицо (число и класс) отсутствующего субъектного компонента. Такая синтаксическая определенность субъектного компонента делает стилистически избыточным повторение его в каждом последующем предложении. Это бывает, когда субъектный компонент выступает с определенно-личным значением, синтаксическое субъектное лицо в данном случае имеет полную свою парадигму.

Алҩақ иашәны, икуалкуало ахуштаара иахакнаҳаз архышьна илаԥш адхалашәа, еилабылхьаз аԥсуа мца игушԥы аҭаны, дхырсысуа аеҳәа д-ыҟоҳәатәан Е қ у ц. Ахулбыеха, амца агугуаҳәа еиқулааназа, ибымба кьаҿ иҟылаҳәан, дааскьазаны амца д-аԥхон; нас азҕаб фархьқуак лааирган, агугуаҳәа ар рымца анеиқуитца, маҷ-маҷ шьҭахьқа дхьаԥуа д-алагеит. Цқьа аԥхарра анилс, иҳәынԥәраҟуа аапиртлан иԥсы ааив-и-геит, аха уигьы рацәак имыхуеит. Ибымба кьаҿ ааишәыхны аҟуардә инахыишьын, иара аҭзахьы д-еиҭанаскьеит. Уи иҟуаҟуа анынкыдитца, цәаакырак днаидлазшәа, ашырҳәа д-аақутәан иҟаа-и-ргеит. (Н. Куџн. «Акырцх ашьҭахь», 3) «Упершись взглядом в черную от сажи цепь, висевшую над очагом, грудью к потускневшему абхазскому очагу, зевая, сидел Екуп. Вечером, пока огонь не разгорелся хорошо, закутавшись в ватник, совсем близко подсел к очагу, затем заставил девушку принести дров, разжег костер и стал постепенно отходить от очага. Когда хорошо согрелся, расстегнул ватник, передохнул немного, но и это не очень помогло ему. Сняв с себя фуфайку бросил ее на стул и приблизился опять к стенке. Когда прислонился к ней, словно прикоснулся к чему-то мокрому, отскочил от нее и привел себя в порядок».

Следует отметить, что опущение субъекта возможно не только в тексте, состоящем из предложений с одним субъектом, но и в тексте, состоящем из предложений с разными субъектами.

Икаларын аԥх агу еиҩнашахьазар, икаларын ашара адәы иаақулозҭгьы. Урҭқуа издыруам Е қ у ц. Иидыруа акызаԥәык ауп: ииалырҟьан, ашьаԥхәа иаҿашәаз агыгшәыг еиԥш, дныштагуа х ь а а к дакит уи ауха. Ишыцәгьараз аҟара идырт, аха, анаԥьалбеит, сыпшахунатәри иаразнак, ичҳаны дааиеит акыргьы. Аҩнаԥаҟа итәаз, уаҳа неихыркуа змамыз, быстахьфарамза акгьы ззымдыруаз р л а зны-зынла иаҟыу-мыулон акумзар, адаеа ш ь ҭ ы б ж ь ы к ыҟамызт. З е г ь ы ҭаҳәахаа ицәан. Рыцәаԥсымҭа иалихырц шиҭахымызгьы, азәы саагуеиҭанда ааигуахут. Дааузырит, сыбжьы раҳанда ҳәа акумкуа, ихьаа ааизымычҳакуа… Деиханы, ииулакгьы, ииарҭа днықутәеит, аха иеизыриашомызт. (Н. Куџн., «Акырцх ашьҭахь», 13). Возможно, уже полночь, возможно, уже рассветает. Ничего не знал Екуп. Одно он знал: неожиданно, словно зверь, попавший в капкан, какая-то боль скрутила его в эту ночь. Понял, что не сдобровать ему, но, надеясь, что боль все же пройдет, прилег на

некоторое время. Не было другого звука, кроме того, что лежавший в подвале старый пес, последним и единственным занятием которого было есть мамалыгу, иногда издавал какие-то глухие звуки. Все спали глубоким сном. Не хотел будить их, но «заметил бы меня хоть кто-нибудь», подумал (он). Застонал не для того, чтобы заметили его, а от недомогания... С трудом приподнялся, но выпрямиться не смог...»

2. Структурная основа с обобщенным синтаксическим субъектным лицом

Опущение субъектного компонента с сохранением его форманта в предикате характерно и в том случае, когда он (субъект) выступает в предложении с обобщенным значением синтаксического лица. Опущение субъектного компонента в данном случае носит наиболее закономерный и стабильный характер. Однако не исключено и его сохранение, о чем будет сказано ниже.

Примечательно то, что в качестве субъектного форманта в данном случае в предикате выступает показатель второго лица единственного числа подкласса мужчин **у** с обобщенным значением лица, числа и класса.

Аҩадахьтәи аху ҳарак ақуцә уқугыланы уанцшлак, уцаҟа амшын дук агу унхыцшылазшәа и-у-боит уи ачаирҭа… Ус и-у-боит шьыжьымҭан… (И. П.) «Когда посмотришь с вершины горки, внизу увидишь, словно море, чайную плантацию. Так видна она утром».

Формант **у** в данном случае используется применительно и к словам с семантикой подкласса женщин, что исключается в других случаях.

…Уарҕьа шьапы нхы-у-гоит ашәхымс… Нас – уарма. Назаз… Аҭацаҩызцәагь, егьырҭ иҩналогьы иршәу шкуакуоушәа у-боит. Нас гублаак азна ашырз наудыркуеит. Ауадақуа акакала урыҩнысуа, аҳәицә-ҳәицәҳәа и-у-kьоит. И-у-kьоит ашырз… Ус ухы уҩахан, иуҫаршәу укасы цаҕазза уалцшны у-нарылацшыхуеит… (А. Г.) «Правой ногой переступаешь порог. А затем левой. Навсегда... Кажется тебе, что подруги невестки и все другие одеты в белое. Затем подадут тебе миску проса. Проходя по комнатам, разбрасываешь его... Подняв голову сквозь тонкую косынку посмотришь на людей...».

Обобщенное значение лица, числа и класса сохраняется в случае опущения субъектного форманта **у** в предикате. Это бывает при предикате, выраженном переходным глаголом положительной формы, в повелительном наклонении.

Нхаѳцас к ы р у, аамсҭацас к р ы ф. (Поговорка). «Работай по-крестьянски, ешь по-княжески». Азәы изы и ḳ а ҵ а, ухазы и ҵ а. (Поговорка). «Делай для другого, учись для себя». Уфатә агьама убаҵәḳьарҵ уҭахызар, умаашьан, аеага к ы , аиха ḳ ь а … («Алаш.») «Если хочешь почувствовать вкус еды, то не ленись, трудись».

Есть в языке закономерные случаи, когда субъект с обобщенным значением лица, числа и класса сохраняется. В таких случаях в качестве субъектного форманта в предикате выступает показатель третьего лица единственного числа класса человека **д** (при предикате, выраженном непереходным глаголом) или **и** (при предикате, выраженном переходным глаголом).

А у а◌ѳ ы иҵсы ахьынзаҭоу зегьы д-реигуҕлароуп. (Поговорка). «Человек, пока он жив, должен надеяться на все».

Следует отметить, что субъект в описываемом случае имущественно выражен инфинитной конструкцией.

Ар и р н ы м и а ц д-хаҵа ҕуҕуоуп. (Поговорка). «Тот герой, кто еще не встречался с войском». А з ы р ш ы и а ц ә ш ә а з а м ҵ а д-ақупҵалеит (Поговорка). «Тот, кто испугался горячей воды, прыгнул в огонь». А з ы и а ц н у а з ы аҵан (и)-и-дыруеит. (Поговорка). «Кто живет у реки, то знает ее брод». Сах ҳәа зоуҳәаз стәы ҳәа ус-и-ҳәоит. (Пословица). «Кого ты назовешь своим господином, тот назовет тебя своим слугой».

Легко заметить, что обобщенное синтаксическое лицо не имеет своей парадигмы.

В модально-временном отношении структурная основа с обобщенным субъектным синтаксическим лицом не имеет особых ограничений. Однако в пословицах и поговорках она встречается в определенных (всегда воспроизводимых) модально-временных формах.

Зыцкун дымҵсыц уҵкун ди-у-мыр-ҵәуан. (Поговорка). «Не давай оплакивать своего сына тому, кому не приходилось оплакивать своего сына». Аҳаҭхужә иҭоу умбакуа у-ахымччан. (Поговорка) «Не смейся над бурдюком, предварительно не заглянув

в него». Ухатәы збаны збара у-ца. (Поговорка). «Прежде чем судить другого, осуди самого себя».

3. Структурная основа с неопределенным синтаксическим субъектным лицом

При предикате с неопределенным синтаксическим субъектным лицом опущение субъектного компонента является обычным. Оно носит систематический характер. В качестве субъектного форманта в данном случае выступают в предикате показатели третьего лица мн. числа р||д, и. Формант р/д – диссимилятивный вариант префикса р/ – выступает в качестве субъектного показателя при переходном глаголе-предикате.

Алиас дҭа-р-кит. (Д. Г.) «Аляса посадили». Даныхуҷыз абри акуара зызлан дамоуп ҳәа дацәа-д-ыршәалон. (А. Г.) «В детстве пугали русалкой, которая будто водилась в этой речке». Ауапаҟаҵара ззымдыруаз азы лаа-д-ыргон (Пословица). «Посылали по воду ту, которая не умела делать бурки». Талбашьс ҳәа Ҭоркан дҟа-р-цеит. (Д. Г.) «Торкана назначили тамадой». Аказармақуа аҭаҭынрцәара иаз-д-ырхион. (И. П.) «Сарай готовили к сушке табака». Аизараҽы Заур апрезидиум ахь ицхьаны д-д-ыртәеит. (И. П.) «На собрании Заура пригласили в президиум». Саидагьы уахь д-д-ыртәар р-таххеит, аха илымуит. (И. П.) «Пригласили в президиум и Саиду, но она не согласилась».

При непереходном глаголе-предикате в функции субъектного показателя выступает **и**.

Аусҳәарҭа ҳанҭыцоны араион аҟынтә ателефон и-асит (И. П.) «В тот момент, когда мы выходили из здания сельсовета, позвонили из района». Сара арра и-сыцхьеит..., ирласны сеиқуршәа, мфаныфакгьы аасзырхиа. (И. П.) «Меня призвали в армию, быстро собери меня и приготовь провизию». Асуд ашаҳаҭцәа и-рызцааит. (Д. Г.) «На суде опросили свидетелей». При предикате с неопределенно-личным синтаксическим субъектным лицом использование первого и второго лица как единственного, так и множественного числа исключается. Замена третьего лица множественного числа другими лицами вызывает утрату значения неопределенности.

Напр., сравн.: Алиас дҭа-р-кит;
Алиас дҭа-с-кит;
Алиас дҭо-у-кит...

В модально-временном отношении структурная основа с неопределенным синтаксическим лицом не имеет ограничений. Однако преимущественно она употребляется в временных формах синтаксического индикатива.

Ҩымчыбжьҟа-хымчыбжьҟа ниасуаны, излаҟала сыздыруам, ашкол аҿы срыды-р-кылеит. (Д. Г.) «Через две-три недели, не знаю, как случилось, меня в школу приняли». Шәымшәан, уигьы доу-рышьтып, Камачыҵ хучы лынасыҵ кралазар. (Д. Г.) «Не бойтесь, его освободят, если маленькая Камачич имеет какое-либо счастье». Дагьымҵа-д-ырсхьеит лара, рҳәон урҭ еиҿахуҭхуҭны иҵәыҵаччо. (И. П.) «Ее раз похищали, сказали они, злорадствуя».

Опущение субъектного компонента в описываемом случае не связано с его неизвестностью или отсутствием в мысли. Оно обусловлено неопределенным значением синтаксического субъектного лица, что исключалось бы при наличии в предложении субъектного компонента.

Это видно хотя бы из того, что субъектный компонент в подобных предложениях легко восстанавливается.

Например: Толбошьс ҳәа Ҭоркан дҟа-р-цеит. (Д. Г.) «Тамадой назначили Торкана». (Ясно, что тамадой назначили Торкана те, кто пили с ним).

4. Структурная основа предложения с побудительной модальностью

Опущение субъектного компонента характерно также при побудительной модальности. Явление это носит закономерный характер, когда предикат выражен глаголом в повелительном наклонении.

...Курышьҟуак узынаҳашьтуеит, ҽыхушәтәра у-ца. Иуылымшозар л а б а к у ҽ а н ц а! Абарҭ и р ы ҭ н ы х иуыгыуиубзоу… «Высылаем тебе несколько рублей, поезжай лечиться! Купи, что тебе необходимо!» У-аарылаҵшишь арҭ иҽыжәҵыз, Зәыр дудыруазар а а с ы р ҳ а!.. (Б. Ш.) «Посмотри на этих спешившихся, если кого-либо из них знаешь, то скажи мне». Уи асалам шәҟу у-а ц х ь... («Алаш.») «Прочитай это письмо...»

Однако не исключена возможность употребления субъектного компонента и в данном случае.

Уцсынцры духааит, дад, у-ца. Шә-ца з е г ь ы. («Алаш.») Дай бог тебе долго жить, дад, иди. Идите все». Уи шәитцамшьыцын шәара! («Алаш.») «Вы не завидуйте ему!»

Субъектный формант при побудительной модальности выступает в предикате со значением определенного синтаксического лица (числа и класса).

Да у-аасҫацшишь, да у-аасҫацшишь, убла ҭбаақуа сынҭарцшишь! (Б. Ш.) «Взгляни-ка на меня, дай всмотреться в твои большие глаза!» ...Аҳкуажәцәа у-рылацш, у-хумар, у-куаша! (Б. Ш.) «Посмотри на цариц, пошути, попляши!».

При побудительной модальности, когда предикат выражен положительной формой повелительного наклонения, субъектный формант второго лица ед. числа в предикате опущен.

Азә д ж ь а, азәгьы д к ы, ииаанхазгьы даных! (Б. Ш.) «Кого-то, обдури, другого скрути, остальных уничтожь!»

Однако случай этот, как известно из специальной литературы, обусловлен историческим состоянием языка.

Как показывают материалы, и в данном случае мы имеем дело не с структурным отсутствием субъектного компонента, а его частичным опущением.

Обобщая вышеизложенное относительно опущения субъектного компонента, можно сделать следующие выводы:

1. Структурное отсутствие субъектного компонента мы имеем как правило в монокомпонентных структурных основах типа: Шеит. «Рассвело», Хулеит «Стемнело», Хьҭоуп. «Холодно», в которых отсутствует и субъектный формант.

2. Встречаются немногочисленные случаи, когда и в поликомпонентной (двухкомпонентной) структурной основе предложения отсутствует субъектный компонент. Структурное отсутствие субъектного компонента в данных случаях доказывается параллельным отсутствием субъектного форманта в предикате.

Абарҭ ахуҵқуа ирыцхраатәуп. «Этим детям надо помочь». Амагазинаҫы иианагеит аба. «В магазин привезли (привезло) товар». Уи ҳара ҳахьыќоу архуҭаҫы днанагеит. «Он попал (его привело) в нашу часть». Исгуалашәом иахьыкуу, аха абри ауха Борис цьара дагеит. (Н. Куцн.) «Не помню куда, но Борис в ту ночь куда-то пошел (его повело)».

3. При структурном отсутствии субъектного компонента одновременно отсутствует и субъектный формант в предикате. При

опущении же субъектного компонента в предикате сохраняется субъектный формант.

4. Таким образом, структурное отсутствие субъектного компонента обусловливает отсутствие субъектного форманта в предикате. Наличие же субъектного форманта в предикате при отсутствии субъектного компонента сигнализирует об опущении субъектного компонента в предложении.

Опущение объектного компонента

Конституирующий объект, будь то ближайший или косвенный, всегда обозначается в предикате объектными формантами. Однако наблюдаются случаи опущения объектного компонента в предложении. Естественно, об опущении объектного компонента можно вести речь лишь в тех поликомпонентных основах предложения, в которых он (объект) структурно наличен. Объектный компонент структурно отсутствует в однокомпонентных; и субъектно-предикатных основах предложения (См. подробнее; об этом в предшествующей главе).

Опущение объектного компонента, как и субъектного, обусловливается различными причинами.

1. Контекстуально-синтаксическая обусловленность и стилистическая избыточность

При контекстуальной определенности конституирующий объект может опускаться в последующих предложениях во избежание стилистической избыточности. Возможность опущения объектного компонента обусловлена главным образом наличием объектного форманта в предикате. Объектный формант в предикате указывает на лицо, число и класс объекта. Он указывает также на то, что опущенный компонент является именно объектом. «Объектный формант – это фактически грамматический эквивалент объектного компонента структурной основы предложения, что дает основание говорить не о полном, а частичном опущении объекта.

Убри нахыс дысцәымҕын сара Иаҭма. Исылшомызт акумзар, иара убри аҽынгьы снаихьзаны ицәа д-ҭысх'уан, дааган Санарда Едгьац-ица иацхьа ишьамхқуа арсны д-сыргылон. (Н. К.) «Я с этих пор возненавидел Ятму. Если бы я мог, то и в тот день

заставил бы его стать на колени перед Санардой». Еснагь еицш, уажәгьы лара дныма҂ахыцны абна ҽыгура дныланҟашт, сара истахыуп цьара акала д-ааныскыларц. (Н. К.) Истахыуп ам҂аду ианыршәланы наҟ а҂оныҟа сҽынасхап смида-гуидаха. (Н. К.) «Как всегда, сейчас она завернет в лес, а я пойду дальше по большаку домой с подавленным настроением. Хочется во что бы то ни стало остановить ее».

2. Обобщенное значение синтаксического объектного лица

Объектный компонент опускается обычно в тех случаях, когда он выступает в предложении с обобщенным значением синтаксического лица. В качестве объектного форманта в предикате уступает в этих случаях показатель второго лица ед. числа подкласса мужчин у с обобщенным значением лица, числа и класса.

Нас атаца лзыҳәа ирхианы иҟоу ауада у-ны҂онаргалоит. Ачкун дааган ушьамхы днықудыртәоит…Абри а҂онатә ацә҂аншьап змырзша ахатцарцыс рацхьа уцәа далашәарц. (А. Г.) «Затем заведут тебя в комнату, предназначенную для невестки. Посадят мальчика на твои колени..., чтобы первый ребенок родился мальчиком – продолжатель рода». Апарк аҽы и-у-аҳауан амшын ашьтыбжь... (И. П.) «В парке был слышен шум моря». Арсынтәи и-у-бартан апрезидиум аҟны игылоу атәартақуа. (Алаш.») «Отсюда были видны стулья, которые стояли в президиуме». Дигуа ишьапы машәыршәа уатцахаргьы у-ирҟьацеит... (А. Г.) «Если окажешься случайно под ногами Дигуа, то он тебя задавит». Лыцшреи лсахьеи ыҟагушьоуп, аха шьыбжьааназа ацәара ада акгьы лаҳмырбазацт... Уа҂о длыцхрааројп акумзар и-у-зыҟалцозеи... (А. Г.) «У нее и рост есть, и вид есть, однако кроме как кушать ничему ее не учили, что же она тебе сделает». Ирмаананы ажәа ацакы у-еилиркааузн. («Алаш.») «Иносказательно он умел объяснить (тебе) смысл слова».

Бывают случаи, когда объект с обобщенным значением лица сохраняется в предложении.

Амузыка иаҳа-иаҳа ихалон. Уи халацыцхьаза иаҳа-иаҳа ицсы ахьтоу иазааигуахон, анап ҟуандақуа урынцаны у-҂ышьтнахуан. Иара шьтыцуан, у а р г ь ы у-шьтнахуан. (Н. К.) «Музыка все громче и громче раздавалась и хватала за душу, поднимала тебя».

Опущение предиката

Предикат в семантическом и грамматическом отношении является организующим центром структурной основы предложения. В нем сосредоточены грамматические категории лица (числа и класса), времени и модальности, посредством которых формируется предикативность. Опущение предиката невозместимо и вызывает, несомненно, разрушение структурной основы предложения. Однако это вовсе не означает, что не бывает случая опущения предиката. Предикат может быть опущен во втором из следующих друг за другом предложений с одним и тем же предикатом. Это бывает в сплошном повествовании (редко) и особенно в диалогической речи.

Зегь рацхьаза илацш лыкушәеит Заира, нас – анкьатәи иҩыза Шамил. (Н. Куцн.) «Сначала его взгляд упал на Заиру, а затем – на старого его товарища Шамиля». Нарҭаа ашәҩык ран Сатәнеи Гуашьа лыхьызын, раб – Хныш. («Н. С») «Мать ста Нартов-братьев звали Сатаней Гуаша, отца – Хныш». Аҵсрахьы, ачарахь, мамзаргьы еизаракахь – агужь. («Алаш.) «Когда приходилось ему ехать на свадьбу, поминки или на собрание, иногда он ездил верхом на коне, иногда – на муле». Аитцашьыцра ҳабжьалар ҳәа дшәаны, акуадыр зны уара иуқуцаны днауқутәоит, даеазны сара. («Алаш.») «Чтобы между нами не зародилась зависть, он ездил иногда верхом на тебе, иногда – на мне».

Как это легко заметить, в приведенных примерах функционирование предложений с опущенным предикатом целиком и полностью базируется на контексте, т. е. на предшествующем положении. Они лишены возможности самостоятельного функционирования. Следовательно, считать их самостоятельными приложениями нет никакого основания.

Перестроение структурной основы предложения

Как известно, в качестве основных средств фиксации логического предиката в различных языках логики, языковеды выделяют логическое ударение и порядок слов[1]. Однако в специальной литературе известны и другие средства в этой функции, одним из кото-

[1]В З. П а н ф и л о в. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 115

рых является предикативное оформление логического предиката. Этот способ выделения логического предиката характерен многим языкам, в том числе абхазскому[1].

Известно, что логический предикат не привязан к определенному члену предложения. Он может быть выражен любым из конституирующих или неконституирующих членов предложения. Логический предикат в абхазском языке может получить предикатное оформление преимущественно в том случае, когда он совпадает с грамматическим предикатом. В последнем случае к члену предложения, посредством которого выражен логический предикат, присоединяется вспомогательный глагол а к у з а а р а «быть», в котором сосредотачиваются морфологические показатели синтаксических категорий лица (числа и класса) времени и наклонения. Синтаксический же предикат при этом теряет предикативное оформление, принимает инфинитную форму и вместе с относящимися к нему словами берет на себя функцию логического субъекта.

Ср.: 1. Сара с ц ә а ж ә о и т «Я разговариваю»;
2. Ицәажәо с а р а с о у п «Говорящий есть я».

В первом из приведенных примеров логический предикат выражен грамматическим предикатом (сцәажәоит), во втором – грамматическим субъектом (сара), получившим предикатное оформление присоединением к нему вспомогательного глагола (соуп). Грамматический же предикат с ц ә а ж ә о и т при этом потерял предикативное оформление, принял инфинитную форму (ицәажәо) и функцию логического субъекта.

Ахура ахьаа зычҳауа а х а ҵ а и о у п. (Из народной песни) «Боль от раны потерпит (может скрыть) лишь герой», (букв.: «Терпящий боль от раны есть герой») (Ср.: Ахаҵа а х у р а а х ь а а и ч ҳ а у е и т). Иара убри а ш ә а қ ь ауп уажәы аҭаҳмада егьи ауадаҟны изкнаҳау. (Н. К.) «Это ружье и есть то, что у него в другой комнате висит». «Ус ҟаларгьы ҟалоит, аха иахьа зегь а у а ҩ и о у п», – иҳәеит Екуц. (Н. К.) «Может и так случиться, но сегодня человек всемогущ», – сказал Екуп. Аха агуашә аҷы иҟоу

[1]В. З. Панфилов. Указ. работа, стр. 126 и сл.; Л. П. Чкадуа. Об одной структурной разновидности предложения. «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 69.

ацеицьауп Екуц иаҳа дзыцәшәо. (Н. К.) «Больше всего боится Екуп того колодца, что у ворот». Ҩынтәқа роуп Гарик ус аныҟаицаз... (Н. К.) «Лишь дважды так поступил Гарик». Абомба ацыеха зыкушәахьаз ихы ахьаа анцәырҵуаз аҷа анцысуаз акун. (И. К.) «Боли от осколочной раны в голове появились у него весной».

Присоединение вспомогательного глагола акузаара к конституирующим компонентам структурной основы предложения. Присоединение вспомогательного глагола акузаара к субъектному компоненту

Вспогательный глагол акузаара может присоединиться к любому слову, словосочетанию или инфинитной конструкции, выступающим в позиции субъекта, в том случае, когда он (грамматический субъект) выражает логический предикат.

Грамматический же предикат при этом, лишившись предикатного оформления, принимает инфинитную форму и вместе с относящимся к нему словами образует инфинитную конструкцию с единым предметным значением. Конструкция эта в целом берет на себя функцию логического субъекта.

Ацаҩы иоуп ашәҟу иацхьо «Читающий книгу есть ученик». Ҭемыри Махази роуп ашколахь ицаз. «Ушедшие в школу суть Темыр и Махаз». Агуаҟра ауп ауаҩы дызфо. «Съедающее человека есть горе». Амҩахуасҭа иаанылаӈы инеиуаз иоуп адау иеихсыз «Выстреливший в великана есть тот, кто шел по тропе (шедший по тропе)».

Иара убри ашәақь ауп уажәы аҭаҳмада егьи иуадаҟны изкнаҳау. (Н. К.) Букв. «Висящее в другой комнате старика есть то ружье». Анҭагазақуа роума уаҩцас ахуҷы ихылаҧшуа… (Н. К.) «Эти глупцы ли посмотрят за ребенком…» Ҽага зымкыц иоуп зыбаҩқуа злыҧсаауа, мчы змам… (Н. К.) «Бессильный есть тот, кто не трудился». Разан аҩны зегьы иреиҧбыз иакун. Иара иакун абра инхашазгьы. (Н. К.) «Младше всех в семье был Разан. Хозяином должен был быть он».

Какова же синтаксическая структура перестроенного таким образом предложения?

Бесспорно то, что синтаксический предикат, лишившись дикативного оформления и приняв инфинитную форму, не может сохранить за собой прежней функции (функции организующего центра предикативного ядра предложения).

Дело в том, что с утерей предикативного оформления магический предикат лишается значения абсолютного синтаксического времени, модальных оппозиций и личных формантов посредством которых выражается предикатная синтаксическая связь. Немаловажен и тот факт, что синтаксический предикат претерпевает одновременно и семантическое переосмысление вместе с относящимися к нему словами он получает единое предметное значение.

Синтаксический же субъект, присоединив к себе вспомогательный глагол а к у з а а р а, в котором сосредоточиваются форманты лица, наклонения и времени, получает предикативное оформление. При этом одновременно он теряет функцию грамматического субъекта.

Какая же связь устанавливается между логическим субъектом и предикатом?

Между знаменательной частью логического предиката и вспомогательным глаголом устанавливается связь в лице (числе и классе), причем сохраняется лицо прежнего синтаксического субъекта.

С а р а ашәқу с-ацхьоит – Ашәқу иацхьо с а р а с-оуп;
У а р а ашәқу у-ацхьоит – Ашәқу иацхьо у а р а у-уоуп;
Л а р а ашәқу д-ацхьоит – Ашәқу иацхьо л а р а л-оуп;
Иара ашәқу д-ацхьоит – Ашәқу иацхьо иара и-оуп.

Инфинитная же конструкция, принявшая на себя функцию логического субъекта, получает то значение синтаксического субъектного лица (числа и класса), которое обозначено в логическом предикате.

Таким образом, между компонентами логемы устанавливается связь, подобная предикативной. Однако она полностью ее не воспроизводит (предикативную связь).

Дело в том, что вспомогательный глагол а к у з а а р а способен изменяться лишь по ряду *л*.

Следовательно, здесь можно констатировать лишь тот факт, что компоненты логемы – субъект и предикат – несут в себе одновременно и функции соответственно синтаксического субъекта и предиката предложения.

Присоединение вспомогательного глагола к конституирующему объекту

Вспомогательный глагол а к у з а а р а может присоединиться к констатирующему объекту (как ближайшему, так и косвенному), несущему функцию логического предиката.

Ср.: 1. Сара а х у ҷ ы д-саазеит. «Я вырастил ребенка»;
2. Сара а ҵ а ҩ ы с-и-ацәажәоит. «Я говорю с учеником»;
3. Сара а х у ҷ ы иоуп исаазаз. «Воспитанный мною есть ребенок» (букв.);
4. Сара а ҵ а ҩ ы и о у п сзацәажәо. «Я с кем говорю, есть ученик» (букв.).

В третьем и четвертом предложениях соответственно ближайший и косвенный объекты получили предикативное оформление, грамматический же предикат при этом в обоих предложениях лишен предикативного оформления и вместе с грамматическим субъектом образовал инфинитную конструкцию с предметным значением, принявшую на себя функцию грамматического субъекта. И в данном случае между логическим предикатом и субъектом устанавливается связь, аналогичная связи синтаксического субъекта с предикатом.

Как легко заметить, в обоих вышеприведенных случаях (в случаях присоединения вспомогательного глагола как к субъекту, так и объекту) двухкомпонентному логическому строению предложения соответствует двухкомпонентный его (предложения) синтаксический состав (инфинитная конструкция, принявшая на себя функцию субъекта, и в синтаксическом плане выступает как один компонент).

Случай этот отмечен и в вышеприведенной статье Л. П. Чкадуа.

Примеры из литературы.

– Л а р и с а л а к у х а п узҽу? – изеилымкааит Борис азныказ. (Н. К.) «Ты, видимо, имеешь в виду Ларису? – переспросил Борис». Аха агуашә аҟны а ҵ е и ҵ ь ауп Екуп иаҳа дзыцәшәо. «Однако Екуп больше всего боится колодца у ворот».

Присоединение вспомогательного глагола а к у з а а р а к синтаксическому предикату

При совпадении логического предиката с синтаксическим к последнему может присоединяться вспомогательный глагол а к у з а а р а с усилительно-выделительной функцией. В этом случае синтаксическая структура предложения не претерпевает никаких изменений.

– Ы, нас, Цыса, бара б у ч ы т л а х а р ц б ҭ а х ы м а к у у? (Н. К.) «Цыса, видно, ты не хочешь стать учителем?» Сеидроу ианыбцаша шәкы-зқьы быцшаап, амала ари дычмазаӷохан, ани дцыркан ҳәа ахьану а а н ы б х у е и т а у п. (Н. К.) «Найдешь, о чем писать, только сотрешь те места, где говорится о том, что кто-то болеет, кого-то оперировали...»

Присоединение вспомогательного глагола а к у з а а р а к распространителям структурной основы предложения

К объектному и обстоятельственным распространителям выступающим в функции логического предиката, может присоединиться вспомогательный глагол а к у з а а р а. И во всех этих случаях синтаксический предикат, как и прежде, лишается предикативного оформления.

Присоединение вспомогательного глагола а к у з а а р а к распространяющему объекту

Присоединяя вспомогательный глагол а к у з а а р а, распространяющий объект не претерпевает формальных изменений, т. е. вспомогательный глагол присоединяется к послеложной инструментальной или превратительной форме распространяющего объекта.

Лаб даарыхуан жәытә цәмаҭәала... (Б. Ш.). – жәытә цәмаҭәала а к у н лаб дызлаарыхуаз. «Старинной сохой пахал ее отец». Ҳанашә амакуан ирҭәит ф а т ә ы л а. (М. Л.) Ф а т ә ы л а ауп Ҳанашә амакуан злаирҭәы «Ханаш заполнил сумку провизией». Аашьаӷе и г у ш ә ц ы н ц а л а азыхь гуеиҭоит. (Пословица) – Е и г у ш ә ц ы н ц а л о у п аашьаӷо азыхь злагуеиҭо. «Лентяй кончиком цалды проверяет родник». Х ь а р ж ә т ә ы с камбашьк

ианакузаалакгьы иныкуигон. (И. П). Хьаржәтәыс а к у н иа-накузаалакгьы камбашьк зныкуигоз «Для молока он всегда имел одну буйволицу». Амҳацьырра аҷсуа жәлар рзы ирыцҳара духеит (М. Л.) – А ҷ с у а жәлар р з о у п амҳацьырра зрыцҳара духаз. Кушк ажәак уасҳәоит а м а л и аҷареи рцынхурас. (М. Л.). – А м а л и аҷареи рцынхурас ауп кушк ажәак зуасҳәо «Вместо имущества и денег дам я тебе один умный совет». Иааиҳәаз ишеибакыу... Ф р а ҷ и к н ы т ә иаҳаит. (И. П.) – Ф р а ҷ и к н ы т ә ауп иахьынтәиаҳа иааиҳәаз шеибакыу. «Все, что (он) сказал, услышал он от Фрача».

Как видно из примеров, синтаксический предикат и в данном случае теряет предикативное оформление и принимает инфинитную форму.

Однако связь логического предиката с ним тут иная. Здесь уже мы не имеем связи в лице, заменяющейся примыканием. Форма распространяющего объекта (послеложная, инструментальная...), присоединившего к себе вспомогательный глагол, повторяется в инфинитной конструкции.

Ср.: Лаб даарых'уан жәытә цәматәала – жәытә цәматәала а к у н лаб дызла-(а)арых'уаз; Аашьаҩ е и г у ш ә цынцала азыхь гуеиҭоит – Е и г у ш ә цынца-ла ауп аашьаҩ азыхь з-ла-гуеиҭо; Амҳацьырра а ҷ с у а ж ә л а р р з ы ирыцҳара духеит – Аҷсуа ж ә л а р р з ы ауп амҳацьырра з-рыцҳара духа; Иааиҳәаз ишеибакыу Ф р а ҷ и к ы н т ә иаҳаит – Ф р а ҷ и к ы н т ә ауп иахьынтәиаҳа иааиҳәаз шеибакыу.

Отсутствие предикативной связи между логическим предикатом и инфинитной конструкцией доказывает тот факт, что инфинитная конструкция в данном случае не играет конституирующей роли, а выступает в функции распространяющего члена.

Присоединение вспомогательного глагола а к у з а а р а к распространяющим обстоятельствам

К обстоятельственным распространителям мы переходим, минуя атрибутивный распространитель, по той причине, что он (атрибутивный распространитель) не присоединяет к себе вспомогательный глагол. Вспомогательный глагол присоединяется к атрибутивному комплексу в целом.

Жәытә Цәматәала акун лаб дызлаарыхуаз. Еигушә цынцала ауп аашьаҩ азыхь злагуеиҭаз. Ашәқу ҿыц ауп сҩыза исҭаз. «То, что я дал своему другу, суть новая книга».

Выступая в функции логического предиката, обстоятельственные распространители со значением места, времени, образа действия, цели и др. могут присоединить к себе вспомогательный глагол акузаара.

Абзарбзанқуа рхысбжь гон уарла-шәарла (Б. Ш.) – Уарла-шәарла акун абзырбзанқуа рхысбжь шгоз «Попеременно раздавались пушечные выстрелы». ...Ахьхьаҳәа азиас ццак/уан (Б. Ш.) – Ахьхьаҳәа акун азиас шыццакуаз. «Текла речка журча». Хыма-цсыма амашьынаҿы дааит. (И. П.) Хыма-цсыма ауп амашьынаҿы дшааи. «Впопыхах подошел он к машине». Нарҭаа раҳәшьа Гунда цшза мрашәа дкаҵхон. («Аҵс. л.») – Мрашәа акун дышкаҵхоз Нарҭаа раҳәшьа Гунда цшза. «Словно солнце сияла сестра Нартом красавица Гунда». Шьхацан дықун ашьхара, Шьхыцын даван агара. (Б. Ш.) – Шьхацан ауп ашьхара данықуз, шьхыцын ауп агара данаваз. «Летом пас он овец в горах, зимою – в долинах». Аҩнуцқа ауаа рацәа гылоуп, аҳәынҭқаргьы рацхьа дгылоуп. (Б. Ш.) – Аҩнуцқа ауп ауаа рацәа ахьгылоу, аҳәынҭқаргьы рацхьа ауп дахьгылоу. «Внутри стоит толпа, перед толпой стоит государь». Ҭакуажәык дахьтәаз жьак лкит. (Поговорка). – Дахьтәаз ауп ҭакуажәык жьак ахьылк ...Дагьхысит ишьразы (Б. Ш.) – Ишьразоуп дагьызхыс. «И выстрелил он, чтобы убить того».

Как показывают вышеприведенные примеры, синтаксический предикат, потеряв предикатное оформление и приняв инфинитную форму, вступает в связь примыкание с логическим предикатом. Для связи здесь используются обстоятельственные элементы -ахь, -ан, -ш и др., которые включаются в глагол инфинитной формы (Л. П. Чкадуа).

Ср.: Аҵаҩы ашкол-ахь дцеит – Ашкол ахь ауп аҵаҩы д-ахь-ца. «Ученик пошел в школу»; Иахьа аҵаҩы ашколахь дцеит – Иахьа ауп аҵаҩы ашколахь д-ан-ца. «Ученик пошел в школу сегодня»; Аҵаҩы ибзианы ашәқу дацхьоит – Ибзианы ауп аҵаҩы ашәқу д-ш-ацхьо. «Ученик читает книгу хорошо».

Претерпев отмеченные изменения, синтаксический предикат берет на себя функцию того компонента, к которому присоединился вспомогательный глагол.

Следует отметить и тот факт, что логический предикат, получив предикативное оформление, берет на себя функцию синтаксического предиката, т. е. функцию организующего центра предложения, синтаксический же предикат, потеряв предикативное оформление и приняв инфинитную форму, становится организующим центром инфинитной конструкции (при наличии относящихся к нему компонентов), выступающей в функции логического субъекта. В синтаксическом же отношении инфинитная конструкция принимает на себя функцию того компонента, к которому присоединился вспомогательный глагола а к у з а а р а.

Таким образом, предложение становится двухкомпонентным и в логическом, и синтаксическом планах.

Выше мы привели случаи перестроения структурной оси предложения, связанные с грамматическим оформлением логического предиката, не совпадающего с синтаксическим предикатом.

Однако следует отметить тот факт, что логический предикат, не совпадающий с синтаксическим предикатом, в абсолютном большинстве случаев не получает подобного грамматического оформления. Выделяется же он посредством логического ударения, служебных частиц и т. д. Во всех этих случаях структурная основа предложения не претерпевает перестроения, т. е. синтаксический предикат сохраняет предикативное оформление и свои функции организующего центра.

Выделение логического предиката ударением

В абсолютном большинстве случаев логический предикат фиксируется соответствующим ударением. При этом логическое ударение может сопровождаться соответствующим изменением порядка слов. Однако порядок слов при отсутствии логического ударения не может быть использован для выделения логического предиката. Положение это можно продемонстрировать на примере.

Сара иахьа Akyaka сцоит. «Я сегодня еду в Сухуми», которое может встретиться в следующих вариантах: С а р а сцоит иахьа Akyaka. «Я еду сегодня в Сухуми»; И а х ь а сцоит сара Akyaka. «С е г о д н я еду я в Сухуми»; A k у а k а сцоит сара иахьа «В Сухуми еду я сегодня»; С ц о и т сара иахьа Akyaka «Еду я сегодня в Сухуми».

Однако предикат можно выделить одним логическим ударением без соответствующего изменения порядка слов.

С а р а иахьа Akyaka сцоит; Сара и а х ь а Akyaka сцоит; Сара иахьа A k y a k a сцоит; Сара иахьа Akyaka с ц о и т.

Во всех вышеприведенных случаях (вариантах) синтаксическая структура предложения не претерпевает изменений.

Мы ограничимся вышеизложенным относительно соотношений логического и синтаксического строений предложения, поскольку цель наша не выходит за рамки показа возможных перестроений структурной основы в связи с перемещением в предложении логического предиката.

К р а т к и е в ы в о д ы

I. Предикативная основа предложения при ее функционировании в речи может претерпеть различные изменения, которые могут быть частичными (неструктурными) и полными (структурными).

Частичные изменения структурной основы предложения связаны:

1. С контекстуально-синтаксической обусловленностью и стилистической избыточностью:

а) частичное опущение субъективного компонента (С а р а сынтәа аинститут сҭалеит – сынтәа аинститут сҭалеит «Я в этом году поступил в институт»);

б) частичное опущение объектного компонента (Сара иаасхуеит а ш ә k у – Сара иаасхуеит).

В обоих случаях мы имеем полную парадигму синтаксического субъектного и объектного лица.

2. С обобщенно-личным значением субъектного и объектного компонентов:

а) частичное опущение субъектного компонента с обобщенным значением лица (числа и класса) (Уаԥхьа икаҳауа уихымыччан) «Над чужой бедой не смейся»;

б) частичное опущение объектного компонента (...Нас аҭаца лзыҳәа ирхианы иҟоу ауада у-ныҟәнаргалоит. (А. Г.) «А затем заведут (тебя) в комнату, приготовленную специально для невесты»).

В обоих случаях мы имеем неполную парадигму синтаксического субъектного и объектного лица.

3. С неопределенно-личным значением субъектного компонента:

частичное опущение субъектного компонента с неопределенным значением субъектного лица (Алиас дҭаркит. «Аляса посадили»).

В данном случае мы имеем неполную парадигму синтаксического субъектного лица.

4. С побудительной модальностью:

частичное опущение субъектного компонента (Уаарылацшишь арҭ иҽыжәцыз, Зәыр удыруазар иаасырҳа!.. (Б. Ш.) «Огляни этих опешивших, если кого-либо из них знаешь, то скажи мне об этом»).

В данном случае мы имеем неполную парадигму синтаксического субъектного лица при предикате, выраженном глаголом повелительного наклонения.

Полное изменение предикативной основы предложения связано с структурным отсутствием субъектного компонента с соответствующим отсутствием парадигмы синтаксического субъектного лица в предикате:

Амагазинаҽы аба аанагеит «В магазин привезли товар».

Ср.: Ақды азы иаа-на-геит «Рекою приволокло бревно».

II. Синтаксическая структура предложения претерпевает значительные изменения в тех случаях, когда логический предикат, не совпадающий с синтаксическим предикатом, получает предикативное оформление.

Во всех случаях предикативного оформления логического предиката, не совпадающего с синтаксическим предикатом, последний лишается предикативного оформления и теряет функцию организующего центра предикативного ядра предложения.

Сара иахьа Akyaka с ц о и т: Сара соуп иахьа Akyaka и ц о; Иахьа ауп сара Akyaka с а н ц о; Akyaka ауп иахьа с а р а с а х ь ц о.

Функцию организующего центра предикативного ядра предложения при этом берет на себя логический предикат.

ГЛАВА IV

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проблема распространения простого предложения не была еще предметом специального исследования в абхазском языке. В истории же русской грамматики она имеет разные решения[1]. В качестве основных направлений в учении о второстепенных членах предложения выделяются формальное (классификация по характеру синтаксической связи) и логическое (классификация по значению)[2].

При рассмотрении распространяющихся компонентов естественно исходить из той роли, которую они играют в синтаксической организации предложения. Роль эта должна проявляться в формах связи их с конституирующими компонентами структурной основы предложения и в тех грамматических значениях, которые они несут в составе предложения.

Предложение может быть распространено отдельными словами (реже словоформами) и словосочетаниями. Причем, распространение предложения происходит преимущественно через распространение отдельных его конституирующих компонентов.

---

[1]См. О второстепенных членах предложения в работах: Р. И. Аванесов. Второстепенные члены предложения как грамматические категории. «Русский язык в школе», 1936, 4; В. В. Виноградов. Введение. В кн.: Грамматика русского языка, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР. М., 1954, стр. 93 и сл. Е. В. Кротевич. Члены предложения в современном русском языке. Изд. Львовского унив., 1954; А. Г. Руднев. Второстепенные члены предложения. Уч.зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 122, 1956; А. Б. Шапиро. К учению о второстепенных членах предложения в русском языке. ВЯ, 1957, 2; А. А. Холодович. О второстепенных членах предложения. (Из истории и теории вопроса). ФН, 1959, 4; И. А. Фигуровский. В защиту второстепенных членов предложения. «Русский язык в школе», 1960, 4; Н. М. Александров. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 236, 1963; Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. ВЯ. 6, 1964; А.М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., 1968; Грамматика современного русского литературного языка. «Наука». М., 1970, стр. 615 и сл.

[2]Н. С Вольгина. Синтаксис современного русского языка. «Высшая школа». М., 1973, стр. 106.

Распространители включаются в предложение через синтаксическую связь с субъектным, объектным (объектными) и предикатным компонентами.

Распространение предложения отдельными словами. Распространяющий объект

Наряду с конституирующим объектным компонентом в предложении абхазского языка встречается и неконституирующий, распространяющий объектный компонент. В отличие от конституирующего объектного компонента структурной основы предложения распространяющий объект характеризуется рядом грамматических особенностей.

1. Он связан с предикатом не двусторонней соподчинительной связью, а односторонней подчинительной связью, направленной от предиката к объекту[1].

Сзамҩа урыцкьом уара б ҷ ь ы ц л а... (Б. Ш.) «Не чистишь ты мое лицо листком».

В данном предложении второй и четвертый компоненты связаны субординативной связью, направленной от второго к четвертому. Употребление имени объекта в послеложной инструментальной форме б ҷ ь ы ц л а обусловлено семантикой глагола-предиката.

Аналогичным образом распространяющий объект примыкает к предикату и в следующих примерах:

Хьаржәтәыс камбашьк ианакузаалак иныҟуигон... (И. П.) «Он имел всегда одну буйволицу для молока». Зыкур к а н д и д а т с апартиа далалеит. (И. П.) «Дзикур стал кандидатов в члены партии». Сеыжәланы сшыхумаруаз сеы дасит и ҟ а м ч а л а. (М. А.) «Он ударил моего коня своей плетью в то время, когда я скакал на нем», Лаб даарых'уан жәытә ц ә м а ҭ ә а л а (Б. Ш.) «Ее отец пахал сохой»: Ҳанашә амакуан ирҭәит ф а т ә ы л а. (М. Л.) «Ханаш наполнил сумку провизией».

2. Отсутствие соподчинительной, предикативной связи между предикатом и распространяющим объектом позволяет исключить субординативную связь вместе с объектом без малейшего ущерба для структурной, предикативной основы предложения.

[1]Аналогичную одностороннюю подчинительную связь будем называть в дальнейшем вслед за А. М. Мухиным субординативной связью. См.: А. М. Мухин. Структура предложение и их модели, стр. 75.

Ҳанашə амакуан ирҭəит ф а т ə ы л а. Ҳанашə амакуан ирҭəит… Сеыжəланы сшыхумаруаз сеы дасит и ԟ а м ч а л а. Сеыжəланы сшыхумаруаз сеы дасит... Сзамԥа урыцкьом уара б ҕ ь ы ц л а. Сзамԥа урыцкьом уара... Х ь а р ж ə т ə ы с камбашьк ианакузаалак иныԟуигон. ...камбашьк ианакузаалак иныԟуигон.

3. Возможность удаления распространяющего объекта из состава предложения с сохранением его предикативного ядра доказывает, что он (распространяющий объект) не является конституирующим компонентом структурной основы предложения.

4. В отличие от конституирующего объекта, выражаемого общей, неопределенной, определенной и притяжательной формами имени, распространяющий объект выражается лишь сочетанием имен с послелогами.

В качестве послелогов в данном случае используются -ла, -да, -зы, ԟнытə, -цынхурас, -еиҳа, -ааста и др. (Они пишутся в одних случаях слитно, в других – раздельно. Об этом здесь нет надобности говорить).

Послелог -ла[1] имеет значение инструментальности и может присоединяться к любому слову, выступающему в позиции распространяющего объекта с инструментальным значением. Использование послелога -ла связано с инструментальным значением, а инструментальное значение обусловлено семантикой глагола-предиката. Распространяющий объект с инструментальным значением обозначает предмет, посредством которого совершается действие. Таким образом, очевидно, что связь направлена от глагола-предиката к распространяющему объекту.

Ус иаарласны ахаҳə ԟьацс аԥу ылхны ц а р а л а, х ь т ə ы с а а т ҧ л а, м а ц ə а з л а, ц а р а т ҧ р а л а, к у а л а ц л а иаадырҭəит. (М. Л.) «Так вскоре плоский камень обсыпали (наполнили) деньгами, золотыми часами, кольцами, кошельками, шкатулками». Ауаԥытəыԥа ицсы ахьынзазоу иԟ а з ш ь е и и у а ԥ ы ш ь е и р ы л а дыбзиазароуп. (М. Л.) «Человек, пока он жив, должен быть примечательным своим характером и нравом. Б ҕ ь ы ц л а ашышьыҳəа сзамԥа рыцкьа! (Б. Ш.) «Почисть листком немедленно мою щеку!» Абрыскьыл ирашь еицш, ҳ ə а г у ж ь л а убеиара цахны иҿаҳəан. (Б. Ш.) «Как араш Абрыскила, твое

[1]Послелог -ла нельзя путать с деривационным формантом -ла: мчыла «силой, насильно», шьапыла «пешком», ҽыла «верхом».

богатство было сковано цепью». Днеиуеит аԥхәызба қыҭа мԥахуасҭала. (Б. Ш.) «Идет девушка по тропе деревенской.

Послелог инструментальности -ла может включиться в глагол-предикат. В таком случае объект связывается с глаголом-предикатом соподчинительной связью, получающей свое выражение в объектных личных аффиксах ряда *л.*

Сара ахуҷы с-и-ла-хумаруеит. «Я играю с ребенком». Миха иҵәмаҭәа д-а-ла-цәаҕуоит. «Миха пашет сохой».

Как это видно из примеров, распространяющий объект в личных случаях становится конституирующим компонентом структурной основы предложения, вследствие чего становится невозможным исключение его из предложения.

Миха аҵәмаҭәа д-а-ла-цәаҕуоит, но нельзя: Миха д-ла-цәаҕуоит.

Объект с послелогом -да выступает со значением лишения и обозначает предмет вне наличия, или без помощи которого происходит или не может происходить действие глагола-предиката.

Мез ида цсыхуа ҳамам. «Без Меза нам не обойтис. Агурҧьарада зегьы ибахьеит уи анасыцда. «Этот несчастный видел все, кроме радости». Ачаиртақуа мшын иаҵәазар, Урҭ цьабаада иҟалару? (Б. Ш.) «Чайные плантации, подобные морю, могут они создаваться без труда?» Дахьаланхоз ақыҭа инапы ахԥаҵәкьаны икын, Иҵада ҿы цәажәар ҟаломызт (И. П.) «Село, где он проживал, держал в своих руках.

Кроме него никто не смел говорить». Урҭ қуцарада аҿатәра аарышьҭрацы ргу иҭамызт. (И. П.) «Они не собирались допустить победы новой жизни без боя». Дырфеит, дырҟаҟеит, уи харада дшьуп. (Б. Ш.) «Убили ее без вины». Гурҧьарада цәалашәарак сызҭарыда уи аҽны? (Б. Ш.) «Кто навяжет мне в этот день иное чувство, кроме чувства радости?» Бара быда схуарҭазам, ибдыруаз... («Алаш.») «Без тебя нет мне жизни, знай...»

Послелог -зы имеет версионное значение. Объект с послелогом -зы обозначает предмет для которого происходит или к чему предназначено действие глагола-предиката.

Амҳаҵьырра аԥсуа жәлар рзы ирыцҳара духеит. (М. Л.) «Махаджирство для абхазского народа было большим несчастьем». Сара сзы ари уадаԥра алам. «Для меня это не представляет труда». Мыта иаҳәшьа хуҷы лзы ампыл ааихуеит. «Мыта для

своей сестренки купил мяч». Исыргылеит с а с з ы инапылаҟацарам абаҟа. (А. П.) «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Послелог -зы может включаться в глагол-предикат с тем же версионным значением. В таком случае он вызывает появление объектного (косвенного) личного аффикса в предикате, вследствие чего между предикатом и объектом устанавливается соподчинительная предикативная связь. И распространяющий объект становится конституирующим компонентом структурной основы предложения.

Мыта иаҳәшьа хуҷы и-л-з-ааихуеит ампыл. «Мыта для своей сестренки купил мяч».

Основное значение послелогов -хнытә, ҟнынза – это локально-пространственное. Но они в редких случаях встречаются в сочетании с распространяющим объектом, с направительным значением.

Мез ҷшрала-сахьала Леуарса иҟынза дзыназомызт, аха уеизгьы дшьахун. (И. П.) «Мез своей внешностью уступал, Леуарсе, но был хорош собой». Иааиҳәаз ишеибакыу, хымҵада Ф р а ҷ, и ҟ н ы т ә иаҳаит. (И. П.) «Все, что он сказал, услышал наверняка, от Врача». Аҳәсаҟуа рхы иаҟуиҵҭәуп а ѡ н у с ҟ у а р ҟ н ы т ә. (И. П.) «Женщины освобождены от домашних дел».

Послелоги -еиҳа-еиҳа, -аасҵа передают сравнительные отношения. Послелог -цынхурас имеет значение «вместо того, чего».

В немногих случаях они встречаются в сочетании с распространяющим объектом.

Цицина л а ҵ к ы с деиҷъуп Машьа, иаҳагьы дыҷшзоуп. (М. Л.) «Маша лучше Цицины, она и сегодня красива». Ҟуш ажәак уасҳәап а м а л и а ҵ а р е и р ц ы н х у р а с. (М. Л.) «Я тебе скажу умное слово вместо богатства и денег». Е г ь ы р ҵ р а а с ҵ а ари еиҳа лгу ҵаҕазаарын. (Д. Г.) «Она, оказывается, была слабее, уязвимее, чем другие».

5. Как мы уже отмечали выше, связь распространяющего объекта с предикатом гораздо слабее, чем конституирующего объекта с предикатом. Дело не только в том, что распространяющий объект связан с предикатом односторонней (субординативной) связью, тогда как конституирующий объект связан с предикатом соподчинительной предикативной связью.

Конституирующий объект может быть ближайшим (прямым) или косвенным. И в том, и в другом случае он является личноотносительным. Распространяющий же объект, фактически, в грамматическом плане стоит вне этих понятий. Дело в том, что грам-

матический ближайший и косвенный объекты различаются различными средствами их обозначения в глаголе-предикате. Ближайший объект всегда связан с переходным глаголом-предикатом и обозначается в нем объектными аффиксами ряда *д,* занимающими всегда первое место.

Сара д-саазоит а х у ҷ ы. «Я воспитываю ребенка». Косвенный объект может быть связан и с переходным (трехличным), и с не переходным глаголом-предикатом. В обоих случаях он обозначается в предикате объектными аффиксами ряда *л,* занявшими второе (двухличный непереходный и трехличный непереходный глагол) или второе и третье места (трехличный непереходный глагол).

Миха Зина д-л-ыдтәалоуп. «Миха сидит с Зиной». Миха Зина и-л-зааихуеит ашәқу. «Миха Зине купил книгу». Сара Зина с-у-з-л-ацәажәоит. «Я поговорю с Зиной для тебя».

Распространяющий же объект не обозначается в глаголе-предикате вообще. Следовательно возможность его определения объектными аффиксами снимается. А послеложные формы являются грамматическими формами имени (послелоги большей частью оформляются отдельно от имени) и, естественно, не могут быть грамматическими показателями объекта. Не может быть характеризующей для распространяющего объекта и субординативная связь, так как она характерна, как увидим ниже, и для обстоятельственных распространителей.

Распространяющий объект связывается с послелогами большей частью посредством притяжательных аффиксов ряда *л,* обозначающих лицо, число и (в определенных случаях) класс объекта, однако с глаголом-предикатом он связан опять-таки лишь семантически.

6. Конституирующий объект всегда связан с полиперсональным глаголом-предикатом, при моноперсональном глаголе-предикате он исключается. Распространяющий же объект не связан с полиперсонализмом глагола, его переходностью и непереходностью. Он может быть связан с моноперсональным и с полиперсональным, переходным и непереходным глаголом-предикатом.

Ацла д а ц л а игылоуп, ауаҩы – уала. (Пословица) «Дерево корнями стоит, человек – родней». Адагуа изы ҩынтә ирҳәом. (Пословица). «Глухому дважды не повторяют». Абан, саҵхьа

аҟуаца-ҽаца, Т л а з и а ц ә а л а ихԥоуп. Ерцаху заҵәык, тәыԥаеимҽаца, Ҵ ҭ а л а аҽы ҭаҳәҳәоуп. (Б. Ш.) «Вот, передо мною горы покрыты зеленью, лишь Ерцаху Двурогий окутан туманом».

7. Слабая связь с глаголом-предикатом является нередко причиной трудности различения объектного и обстоятельственного распространителей. Так, например, распространяющий компонент с одним и тем же послелогом в одном и том же предложении может сочетать в себе как объектное, так и обстоятельственное значения, т. е. орудие и способ совершения действия.

Бышьҭахьҟа бца, Куакуала, Амжәа сыԥулап з а х у а л а... Бара бҭәаны, Куакуала, абҕьы ҽыхла ц р а х ә а л а. (Б. Ш.).

В приведенных предложениях компоненты з а х у а л а, ц р а х ә а л а одинаково могут отвечать на вопросы как? и чем?

С аналогичным значением выступает распространяющий компонент и с послелогом лишения -да.

Ма ԥыза да, ма ҭахыда, Игуҭакыгоу лаҕыгзыда, Амра захаҵхо дунеи шәҭышра ишҵахьанҵоу зынза аҵәызра (Б. Ш.) «Как тяжело расстаться со светлым миром без друга и родных, без слез!» М ԥ а д а, ш ь ҭ р а д а ишьҭхысаа инеиуеит са срашь саманы (Ник. Бар.) «Без дороги и следов мчит меня мой араш быстроногий». Быбла исарҳәоит, ашәҭ зкыу, Б ж ь ы д а, а ж ә а д а бгу иҭакыу... (Б. Ш.) «Глаза твои говорят мне, девушка с цветком, что у тебя в сердце беззвучно притаилось». Дынхагушьон ҟ ы ҟ д а ҽ ы ҟ д а, Иаргьы дҭаацәаран, Дныҟуомызт у с д а-ҳ ә ы с д а, Дызҽызгьы хьчаран. (Б. Ш.) «Жил он спокойно с семьей, не ходил без дела, был он пастухом». Деыжәлеит ашьыбжь амра нхыҵуан, ҟ а м ч ы д а иеы ныҟуицон. (Б. Ш.) «Выехал он на своем коне после полудня, гнал коня своего без плети».

Преобладание объектного или обстоятельственного значения распространяющего компонента в таких случаях зависит не от его грамматических признаков, а от конкретного лексического значения глагола-предиката и самого распространителя.

Объектное значение более наглядно выступает при сочетании имен с другими вышеприведенными послелогами.

Днеиуеит Ҳаҵьарат агаҽа даваланы, Иҭшәоуп и а р а и з ы Гумсҭа арха еиужьра (Б. Ш.) «Идет Хаджарат по берегу, узко для него ущелье реки Гумиста». Б а р е и с а р е и х ԥ ы ц ь а ҳ ҷ ы д а р а х а з уаԥытәыԥса абаҳча дҭазам. (Б. Ш.) «Кроме нас

обоих нет в саду никого». Шәара шәзыҳәан адунеи сыҟазароуп сыцсы ахьынзаҭоу. (И. П.) «Для вас я должен жить, пока живу на этом свете».

Единственной именной формой, выступающей наряду с послесложными сочетаниями в функции распространяющего объекта является превратительная форма имени. Однако употребление ее в этой функции носит спорадический характер. Превратительная форма имени употребляется обычно в функции именной части составного предиката (см. выше «Именной составной предикат»).

Во всех своих формах выражения распространяющий объект является зависимым (подчиняемым) компонентом, обладает значением предметности, примыкает к глагол-предикату и связан с ним отношением направленности.

Как показывают материалы, распространяющий объект не имеет строго фиксированной позиции в предложении. Он одинаково часто встречается в начале, середине и в конце предложения. По отношению к глаголу-предикату его положение может быть контактным и дистантным. Однако контактное положение глаголом-предикатом является наиболее характерным.

Абан, сацхьа аҟуаца-ҽаца Тлаз иатцәала ихѡоуп Ерцаху зацәык, тәыѡа-еимҽаца, Ԥтала аҽы таҳәаҳәоуп. Атцла дацла игылоуп, ауаѡы – уала. Сзамѡа урыцкьом уара бҕьыцла. Мѡада, шьҭрада ишьҭхысаа инеиуеит са срашь саманы. Дсыжәлеит ашьыбжь амра нхыцуан. Ҟамчыда иеы ныҟуицон. Бареи сареи хѡоыцьа ҳҷыдахаз уаѡытәыѡса абаҳча дҭазам.

Связь атрибута с определяемым словом также является односторонней (субординативной), направленной от определяемого к определяющему (за исключением словосочетаний с поссесивным отношением).

Связь эта в специальной литературе характеризуется как сильная связь.

«Одной из характерных особенностей взаимоотношения определяемого и определяющего в абхазском языке, – читаем мы у Л. П. Чкадуа, – является их тесная внутренняя взаимосвязь. В подобных словосочетаниях имеем неразрывную слитность компонентов, благодаря чему словосочетание выступает как цельнооформленная единица. Эти атрибутивные комплексы обладают грамма-

тическими формами сложного слова, компоненты атрибутивных комплексов не могут быть раздельно оформленными»[1].

В то же время при синтаксическом членении предложения составляющие аналогичных словосочетаний квалифицируются как самостоятельные компоненты.

Как видно, здесь, мы имеем дело со сложным лексико-грамматическим явлением. Чтобы лучше разобраться в нем, мы должны разграничить его лексические, морфологические и синтаксические особенности, описать их в отдельности и во взаимосвязи.

В лексическом плане составляющие атрибутивных словосочетаний воспринимаются вполне самостоятельно. Этому способствует не только их семантическая определенность и самостоятельность, но и интонационная раздельнооформленность (хотя последняя несколько ослаблена).

Ахаҳәтә ҩны «каменный дом», ашәкy ҷыц «новая книга», ашықус ҷыц «новый год», иахьатәи амш «сегодняшний день», икамшәаз алаҧырҙ «неупавшая слеза».

В случаях, когда определяющий компонент выражен относительным прилагательным, последнее, как правило, оформляется деривационным формантом -тәы//-тәи, что, в свою очередь, способствует раздельнооформленности каждого из составляющих словосочетания.

Аихатәы каруаҭ «железная кровать», амҷтәы ҩны «деревянный дом», ахаҳәтә цҳа «каменный мост».

Лексическая и грамматическая самостоятельность каждого из составляющих атрибутивного словосочетания доказывается и тем фактом, что словосочетание в целом не обладает признаком воспроизводимости. Каждый из его компонентов может функционировать вполне самостоятельно, вне словосочетания.

Так, одинаково можно: сара иаасхуеит ашәкy «Я купил книгу» и Сара иаасхуеит ашәкy ҷыц «Я купил новую книгу»; Аҷыц иазҳауеит, ажәытә цсуеит «Новое растет, развивается, старое отмирает, уходит».

Следовательно атрибутивные словосочетания создаются в речи при обозначении ими соответствующих внеязыковых отношений.

[1]Л. П. Чкадуа. Связь слов в предложении. В кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 89.

Нередки случаи, когда атрибутивное словосочетание превращается в сложное слово. Так образованы слова: а) «железная дорога», аихалаб «лом» («железная палка»), абгаду «волк» («большой волк»), абгахуҷы «шакал» («маленький волк»), адәыбга «лиса» («полевой волк»), ахулԥцыс «летучая мышь» («вечерняя птица»), абнакуты «куропатка» («курица») и мн. др.

Однако во всех аналогичных случаях составляющие интонационно и семантически слиты, составляют одну лексическую единицу.

Бывают и такие случаи, когда одна и та же атрибутивная синтагма выступает в одном случае как сложное слово, в другом – как словосочетание. В таком случае решающую роль играет степень семантической слитности, целостности обозначаемого объекта.

Например, а҂нду, ам҂ада являются сложными самостоятельными лексическими единицами и пишутся слитно, когда обозначают соответственно «очаг» (дедовский, большой) и «большак» (большая дорога) как определенные цельные понятия (так же как абгаду «волк» (большой волк), абгахуҷы «шакал» (маленький волк), когда же они обозначают различные дома и дороги по величине, то они разлагаются на самостоятельные слова и превращаются в словосочетания: а҂ны ду «большой дом» (ср.: а҂ны хуҷы «маленький дом»), ам҂а ду «большая дорога» (ср.: ам҂а хуҷы «маленькая, узкая дорога»).

Нередки и переходные случаи, когда синтагма находится на грани словосочетания и сложного слова: ажә-куаԥ «говядина (коровье мясо), аԥьма-куаԥ «козлятина» (козье мясо), и амшә-шша «медвежий жир», аԥсыз-шша «рыбий жир» и др.

Следовательно, имея дело с атрибутивными словосочетаниями, мы должны учитывать и деривационный момент.

Лексическая характеристика атрибутивной синтагмы будет не полной, если не учесть еще одной ее особенности, отмеченной в специальной литературе[1]. Имеется в виду изменение, связанное с ударением в составляющих атрибутивной синтагмы. При сочетании определяемого и определяющего ударение в одном из компонентов ослабляется, в другом же оно усиливается и становится общим для всей синтагмы.

[1]Л. П. Чкадуа. Указ. работа, стр. 90.

Это явление не может не повлиять на интонационную самостоятельность каждого из компонентов.

Что касается морфологической цельнооформленности атрибутивного словосочетания, то она не всегда бывает последовательно выдержанной.

Нередки случаи, когда составляющие атрибутивного словосочетания оформляются морфологически раздельно. Это бывает, когда:

I) определяющее выражено указательным местоимением: урҭ ахуҵқуа «те дети» абри арԥыс «этот парень», абар-ҭ а-шәкӏу-қуа «эти книги»;

2) определяемое выражено именем класса человека: аҵкын бзиа – аҵкын-цәа бзиа-қуа «хорошие ребята», азҕаб бзиа – азҕаб-цәа бзиа-қуа «хорошие девушки», аԥацәа бзиа – аԥацәа-цәа бзиақуа «хорошие ученики», арԥацәа ҫыԥ – арԥацәа-цәа ҫыԥқуа «новые учителя», аб кӏуш – аба-цәа кӏуш-қуа «умные отцы», арԥацәы қуԥш – арԥацәа-цәа қуԥш-қуа «молодые учителя»;

3) определяющее слово имеет локальное или темпоральное значение: иахьатәи а-дԥа «сегодняшнее задание» (ср.: а-ихатәы каруаҭ «железная кровать»), сара иахьатәи с-ыдԥа «сегодняшнее мое задание» (ср.: сара с-ихатәы каруаҭ «моя железная кровать»), москватәи а-рԥыс «московский парень», сара аӄуатәи с-ҩыза «мой сухумский товарищ»;

4) определяющее выражено глаголом в инфинитной форме: икамшәаз а-лаҕырз «не упавшая слеза», иааиз арԥыс «пришедший парень», ицаз а-дәыҕба «ушедший поезд»;

5) определяющее выражено порядковым числительным: актәи а-класс «первый класс», ажәабатәи а-ҩны «десятый дом».

Однако нельзя упускать и того факта, что раздельнооформленность в вышеприведенных случаях не всегда бывает полной т. е. компоненты синтагмы могут быть цельнооформлены не по всем своим категориальным формам.

Например, компоненты синтагмы аԥацәа-цәа бзиа-қуа «хорошие ученики» раздельнооформлены по категории числа, а по категориям общности числа, категориям общности, неопределенности и притяжательности они цельнооформлены: а) ԥацәа-цәа бзиақуа (нельзя: а-ԥацәа-цәа а-бзиа-қуа), с-ԥацәацәа бзиа-қуа (нельзя: с-ԥацәацәа с-ыбзиақуа), ԥацәацәа бзиақуа-к (нельзя: ԥацәацәа-к бзиақуа-к).

Могут быть и другие варианты: иахьтәи а-дҵа, иахьатәи с-дҵа, но нельзя: иахьатәи-қуа сыдҵа-қуа; икамшәаз а-лаҕырҙ, икамшәаз с-ылаҕырҙ, но нельзя: икамшәаз-қуа сылаҕырҙ-қуа (можно: икамшәаз сылаҕырҙ-қуа); актәи а-класс, актәи сыкласс, но (нельзя: актәи-қуа акласс-қуа – можно: актәи акласс-сқуа).

Полную раздельнооформленность компонентов атрибутивной синтагмы мы имеем лишь тогда, когда определяющее выражено указательным местоимением:

убр-и а-хуҷы, ур-ҭ а-хуҷ-қуа, убр-и с-хуҷы, урҭ с-хуҷ-қуа «мои дети». Уҵшишь анҭ абнақуа, еилшәара ҳәа змам ашьха ҿацәқуа хуарҭарак ҳәа злам. (Б. Ш.) «Смотри те густые леса, на те высоченные горы, от которых нет пользы». Еизеит агаҿахьтә убарҭ асасцәа ирыхуаҵшырц (Д. Г.) «Собрались из прибрежных мест (люди), чтобы посмотреть на тех гостей».

В таких случаях возможно дистантное употребление определяющего слова по отношению к определяемому.

Абарҭ зегьы тәым рахууп, иара абарҭ иубо амаҵуцәа еизырцеит... (М. Л.) «Это все чужой скот, согнали их слуги, которых ты здесь видишь». Уи аҵьамыҷуа мҩа ашьапы акит абни аиаҵәара иҭалаҳаны Кудры ахыҷуан игылоу аҩнеихагыла аҟны. (Дж. А.) «Этот путь страдальный взял свое начало у двухэтажного дома, утопающего в зелени на берегу Кудры».

Во всех остальных случаях составляющие атрибутивной синтагмы цельнооформлены по категориям общности, притяжательности, неопределенности, превратительности и числа:

а-шәкуҿыц «Новая книга»
сы-шәкуҿыц «Моя новая книга»
шәкуҿыц-к «Какая-то новая книга»
а-шәкуҿыц-қуа «Новые книги»
шәкуҿыцс «В качестве новой книги»
а-хаҳәтә ҩны «Каменный Дом»
с-хаҳәтә ҩны «Мой каменный дом»
хаҳәтә ҩны-к «Какой-то каменный дом»
а-хаҳәтә ҩын-қуа «Каменные дома»
хаххәтә ҩны-с «В качестве каменного дома»

Как следует из вышеизложенного, в морфологическом плане (в морфологическом оформлении) компоненты атрибутивной

синтагмы в подавляющем большинстве случаев лишены самостоятельности, они цельнооформлены.

Однако морфологическая цельнооформленность компонентов атрибутивной синтагмы и синтаксическая связь ее компонентов – явления разного порядка.

Морфологическую цельнооформленность нельзя считать средством связи, поскольку морфологические категории общности, неопределенности, притяжательности и превратительности не являются средствами связи, как это имеет место, например, при категориях числа, класса и лица. Морфологическая цельнооформленность логичнее всего квалифицировать не как причину, а как следствие семантической, фонетической и синтаксической (связь) компонентности компонентов синтагмы.

Переходя к синтаксической связи между компонентами атрибутивной синтагмы, следует отметить, что слитность или раздельность ее составляющих нельзя объяснить одной лишь связью. В атрибутивных синтагмах абхазского языка мы имеем одну и ту же связь – позиционную связь, что можно назвать и примыканием в широком его понимании. Определяющее слово семантически примыкает к определяемому. Определяющее может быть препозитивным или постпозитивным в зависимости от того, какой частью речи оно выражено.[1]

Определяющее препозитивное, если оно выражено: 1) относительным прилагательным (ахаҳәтә ҩны «каменный дом»), 2) указательным местоимением (ари ашәкy «эта книга»), 3) порядковым числительным (актәи ариад «первый ряд»).

Определяющее препозитивно во всех случаях, когда между ним и определяемым существуют пассивные отношения:

аб ихылпа «отца шапка», ан лкасы «матери платок», ара сышәкy «моя книга», Ҭемыр ижә «Темыра корова»,

Определяющее постпозитивно, когда оно выражено: 1) качественным прилагательным (ашәкy ҿыц «новая книга»), определительными местоимениями (аҵаҩцәа зегьы «все ученики»).

Определяющее, выраженное инфинитной формой глагола, количественными, разделительными, приблизительными числитель-

---

[1]См. подробнее об этом: Л. П. Чкадуа. К вопросу о порядке и взаимосвязи членов атрибутивного комплекса в абхазском языке. Труды Сухгоспединститута, т. XV. Сухуми, 1961.

ными, не имеет строго фиксированной позиции, хотя перепозиция в этих случаях является наиболее естественной.

Ицаз арцыс//арцыс ицаз «ушедший парень», ҩажәа уаса// ауасақуа аҩжәа «двадцать овец», хцаҟа шәқу//ашәқуқуа хцаҟа «около трех книг», цшьба-цшьба шәқу//ашәқуқуа цшьба-цшьба «по четыре книги».

Бывают некоторые случаи, когда определяющее, выраженное качественным прилагательным, занимает препозицию:

ажәытә ааамҭа вместо ааамҭа жәытә «старое время», аҟуш ажәа вместо ажәа ҟуш «умное слово» (ҟуш ажәак уасҳәап амали ацареи рцынхурас. (М. Л.), ашкуакуа маҭәа вместо амаҭәа шкуакуа «белая одежда» (шкуакуа маҭәала деилаҳәан «Он был одет в белую одежду»), аиқуацәа маҭәа вместо амаҭәа еиқуацәа «черная одежда», аиацәа бҕьы вместо абҕьы иацәа «зеленая листва» (Абна бзарыбзаруа иацәабҕьыла ихҩоуп.(И. К.) «Лес покрыт зеленой листвой»).

Выше мы отмечали, что связь компонентов атрибутивной синтагмы односторонняя (субординативная), направленная от определяемого к определяющему. В семантическом плане такое направление связи последовательно выдержано. Однако морфологическое оформление этой связи может быть обратно направленным. Это бывает лишь тогда, когда между компонентами атрибутивной синтагмы существуют поссесивные отношения, получающие свое выражение в притяжательных аффиксах. При этом, лицо, число (в определенных случаях) и классе определяющего слова обозначаются в определяемом слове притяжательными аффиксами.

Аб и-хылпа «отца фуражка», ацаҩы и-шәқу «ученика книга», ан л-касы «матери платок»[1].

И в данном случае примыкание (позиционная связь) является основным видом связи компонентов атрибутивного словосочетания, связь же в лице, числе и классе играет вспомогательную роль.

Имеет ли самостоятельную функцию в предложении атрибутивный распространитель, или функционально он сливается с определяемым компонентом?

---

[1]См. подробно об этом: Л. П. Чкадуа. Связь слов в предложении. В кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку», стр. 88.

В исследовательской практике и в школьных учебниках, как отмечалось выше, определение выделяется как самостоятельный второстепенный член предложения.

Ниже мы попытаемся с помощью метода эксперимента выявить синтаксическую функцию атрибута. При этом, мы будем учитывать вышеотмеченные лексические, фонетические, морфологические и синтаксические (связь) особенности атрибутивной синтагмы.

При экспериментировании, как и прежде, мы будем исключать из предложения исследуемый компонент (атрибут) вместе с его связью, с определяемым словом.

Февральтәи аҧх наҟ адәныҟа иааин аҧенҧьырае изырԥуан. П.) «Февральская ночь вошла во двор и слушала у окна».

…аҧх наҟ адәныҟа иааин аҧенҧьырае изырԥуан;

О қ у м т ә и арҧаԥи сареи ҳаидтәалан. («Алаш.») «Окумский учитель и я сидели вместе».

…арҧаԥи сареи ҳаидтәалан;

А р ҭ ажәақуа Саша дыдмырцәеит, дыдмыргылт. («Алаш.») «Эти слова не дали Саше покоя (ни спать, ни стоять»).

…ажәақуа Саша дыдмырцәеит, дыдмыргылт; А к т ә и ариад ахуаҧшыԥцәа рыла иҭәын. «Первый ряд был заполнен зрителями».

…ариад ахуаҧшԥцәа рыла иҭәын; Сара х ы н ԥ а ж ә и ҧ ш ь б а т ә и ауаҭах ауп исҭахыу, – иҳәеит смел. («Алаш.») «Я хочу шестьдесят четвертую комнату, – сказал Смел». С а р а ...ауаҭах иуп исҭахыу – иҳәеит Смел; И ҧ ш ы з асасцәагьы ԥеибаргылақуеит. («Алаш.») «Ожидавшие гости привстали». ...асасцәагьы еибаргылақуеит.

Во всех вышеприведенных примерах удаление субординативной связи вместе с примыкаемым атрибутом происходит беспрепятственно, свободно и не вызывает изменений структурного ядра предложений ни в семантическом, ни в грамматическом отношениях.

Это объясняется следующими обстоятельствами:

1) связь примыкание (субординативная) является не предикативной, а распространяющей; 2) соответственно атрибут является не компонентом структурной основы предложения, а ее распространителем; 3) определяющий компонент атрибутивной синтагмы во всех вышеприведенных примерах является самостоя-

тельным в лексическом, морфологическом и синтаксическом отношениях.

Продолжим далее экспериментирование.

1. Уи илкын а-лаба гуҕуа («Алаш.») «Она держала крепкую палку».

Уи илкын алаба...;

2. С-ыҷкун хуҷ Аҟуатәи ашкол дҭарымҵеит. (Б. Ш.) «Моего маленького сына не приняли в сухумскую школу». Сыҷкун … Аҟуатәи ашкол дҭарымҵеит; 3. Абри иусҭо хьтәы мҳаҵә-с иҟаҵа («Аҵс. л.») «Из того, что я тебе дам сейчас, сделай золотую ложку». Абри иусҭо ... мҳаҵәс иҟаҵа.

Настоящие примеры отличаются от предыдущих тем, что в них атрибутивная синтагма цельноформлена: в первом примере по категории общности (показатель префикс а-), во втором примере – по категории притяжательности (показатель префикс е-), в третьем примере – по категории превратительности (показатель суффикс -с).

Однако морфологическая цельнооформленность в данном случае не помешала удалению определяющего компонента. И это объясняется тем, что показатели вышеперечисленных категорий (а-, с-, -с) оказались не в определяющем компоненте, а в определяемом.

1. Алаҳәаҟуа реиҵш исцырҵып с-ыдгьылтә гуаҟраҟуа зегьы. (Б. Ш.) «Словно черные вороны, уйдут от меня все мои земные муки». Алаҳәажәҟуа реиҵш исцырҵып … гуаҟраҟуа зегьы; 2. А-мҿтәы каруаҭ, маҷк инахеит. («Алаш.») «Деревянную кровать чуть подвинули» ... каруаҭ маҷк инахеит; 3. Ҷҳәызба қуҵш-к азиас дыеҵыҥгылоуп. (Б. Ш.) «Какая-то молоденькая девушка стоит у реки». Ҷҳәызба … азиас дыеҵыҥгылоуп.

И в данных примерах атрибутивная синтагма морфологически цельнооформлена, но в отличие от предыдущих примеров в данном случае показатели морфологических категорий притяжательности с- (в первом примере), общности а- (во втором примере) и неопределенности -к (в третьем примере) оказались в определяющем компоненте, вследствие чего они тоже оказались удаленными вместе с определяющим (атрибутом). Тем самым определяемые компоненты – субъект (в первом предложении), конституирующий объект (во втором примере) и субъект (в третьем предложении) лишились соответственно категорий притяжательности, общности и неопределенности.

А вне этих категорий перечисленные компоненты структурного ядра предложения в данных сочетаниях частично потеряли связь с предикатом. Последнее явление связано с тем, что как указано в соответствующей части работы, синтаксическую позицию субъекта и объекта (конституирующего) могут занимать лишь слова, выступающие в форме одной из категорий общности, неопределенности, определенности и притяжательности. Поэтому последние наши примеры с удаленными определяющими оказались синтаксически не вполне организованными.

А для того, чтобы вернуть им полную синтаксическую организованность, необходимо произвести некоторое переоформление, т. е. вернуть показатели категорий притяжательности с- (в первом примере), общности а- (во втором примере) и неопределенности -к (в третьем примере) к определяемым компонентам (к субъекту в первом примере, объекту во втором примере, к субъекту в третьем примере).

Тогда наши примеры будут выглядеть следующим образом:

1. Алаҳәажәқуа реицш испырцып … с-гуаҟрақуа зегьы;
2. ... а-каруаҭ, маҷк инахеит;
3. Цҳәызба-к … азиас дыецынгылоуп.

Следует подчеркнуть, что удалению определяющего компонента препятствует не лексическая или функционально-синтаксическая его несамостоятельность, а морфологическая цельнооформлен-ность с определяемым компонентом.

Таким образом, в последних примерах мы столкнулись с таким случаем, когда удаление определяющего компонента атрибутивной синтагмы из предложения вызывает некоторое нарушение синтаксической организации предложения в целом.

Выше мы привели примеры, в которых определяемое атрибутивной синтагмы является одновременно и компонентом (субъектным или объектным) структурного ядра предложения. В тех же случаях, когда атрибут связан с распространяющим компонентом, удаление его, естественно, не вызывает изменений в предикатной основе предложения:

Сара иахьа, аҟуатәи сҩызцәа хуҷқуа рзы шәкуб зиак аасхуеит. «Я сегодня для своих маленьких сухумских друзей купил одну хорошую книгу». Сара иахьа ... сҩызцәа ... рзы шәкуб зиак аасхуеит. «Сегодня я для своих друзей купил одну хорошую книгу».

Свободное исключение из данного предложения атрибутивной синтагмы в целом объясняется тем, что определяемый синтагмы является распространителем, а не конституирующим компонентом структурного ядра предложения:

Сара иахьа ... шәқу бзиак аасхуеит. «Сегодня я купил одну хорошую книгу».

Атрибутивный распространитель, как мы уже отмечали выше, может примыкать в немногих случаях и к обстоятельственному распространителю, имеющему локальное значение. Обстоятельство в этом случае выражено обычно именами существительными с послелогами, имеющими локально-направительное значение. Между атрибутивным и обстоятельственным распространителями в данном случае устанавливаются сообственно-характеризующие отношения.

Цасатәи иҭыц ашқа дгьежьны дцеит («Алаш.») «Он вернулся к своему прежнему месту». Ацеиҵьыр ҭбаа аҟныта уи ибон уаҩы илаҵш зхьымзо адгьыл ду («Алаш.») «Через окно (из окна) он видел необозримо большую землю». Ариад иаҵәала, сҩадахьала, Абар цҳәызбак, цҳәызба еинаалак ачаи иаҵәа ҿыхуа дҭалан. (Б. Ш.) «У зеленого ряда, чуть выше меня, собирала чай какая-то статная девушка». Д-митри ацхьатәи ауадахь днеиуеит... («Алаш.») «Дмитрий идет в переднюю комнату».

Наибольшее распространение имеют атрибутивные распространители, определяющие субъектный и объектный компоненты структурного ядра предложения.

Интегральное собственно-характеризующее грамматическое значение атрибутивного распространителя дифференцируется на более частные значения, к которым относятся:

1. Характеристика определяемого по локально-пространственному и темпоральному признакам. Определяющее в данном случае выражено относительными прилагательными с суффиксом -тәи, мотивированными именнымии наречными основами.

Смел ихашҭзом ашьхаҿтәи афымцастанциа... («Алаш.») «Смел не забывает горные электростанции...» Амшын иазааигуоуп цсырзхатәи ашьха. (Б. Ш.) «Псирдзхинская гора близка к морю». ...Иаразнак иаашьҭцааны абни ахуадаҿтәи аҵсарахьы иагеит. («Алаш.») «Мгновенно схватив его, понес к сосновому бору той вершины».

Аԥхьатәи асаатқәа рыхгара ари аҭаацәара ҽыцраҽ сакьантәи ауаӡы изыхьамҭаран. («Алаш.») «Первые часы тяжело было провести в этой новой семье человеку из Сакена». Ирацәоуп аԥснытәи аҳцәа ргуалакуа. (Б. Ш.) «Много у князей Абхазии забот». Шарԥаштәи аԥша ḳуандаза иасуан. (Б. Ш.) «Дул теплый утренний ветерок». Иахьеиԥш шәышықәса цааит иҭакукуа, Иахьатәи ҳамш ду ḳалом ихуашьуа. (Б. Ш.) «Пусть пройдут века, сегодняшний наш великий день не будет пасмурным». Урҭ сахьрыхуаԥшуаз аацынтәи ахьчԥацыр шкуакуакуа сгуаладыршәон. («Алаш.») «Смотрел я на них, они напоминали мне весенних белых бабочек». Февральтәи аԥх адәныҡа ииаин аԥенԥьыраҽ изырӡуан. (Б. Ш.) «Февральская ночь вошла во двор и слушала у окна», Убри азы акузами абас изыԥшзоу, абас изыбзиоу аибашьрашьҭахьтәи Москва? («Алаш.») «Не потому ли так красива, так хороша послевоенная Москва?»

2. Характеристика определяемого по материалу. Определяющее в этом случае выражено относительным прилагательным с суффиксом -тә(ы), мотивированным основой нарицательного имени:

Ҽыц зыргылара иаҽызаӡоны амҿтәы ааида акуршан… («Алаш.») «Строившийся дом был огражден деревянным забором». Аихатә гуара акуршан иҡан уи... («Алаш.») «То было огорожено железным забором». Нас иабаḳоу уажә уи ахьтәы медал? («Алаш.») «Где сейчас та золотая медаль?» Уи икын… аԥәатәы лаба («Алаш.») «Он держал яблоневую палку». Амҿтәы каруат маҷк инахеит («Алаш.») «Деревянную кровать чуть подвинули». Ардашьыл дааҳәын изқуа аихатә гуара инадԥашәа днагылт. («Алаш.») «Ардашил повернулся и, прислонившись спиной к железной ограде; стал». Ԥаḳа аҭыԥьтә трубақуа шьҭан. («Алаш.») «Внизу лежали чугунные трубы».

3. Характеристика определяемого по принадлежности. Определяемое выражено притяжательными, личными, указательными местоимениями и именами существительными:

Ргуы шәазомызт дара ршьа ақуҭәар, Уа рхатәы дгъыл изаазаз. (Б. Ш.) «Сердце у них не дрогнет, если омоют родную землю своей кровью». Аԥша унырдоит аԥра шлақуа, Аимԥәаӡ иҧба угарами (Б. Ш.) «Прогуливает тебя разоритель в своей люльке». Аԥша анырзас ҕугуалашәа Ртәыла хуҷы рымнахырц, Амшын

шарцааз угуаларшәа Амҳацьырқуа рылаҭырз (Б. Ш.) «Вспомни, как море стало соленым от их слез, когда побило их ураганом». Суҳәоит усҟан: ан лыбжьы хаа Слымҳа иҭарҩы «шьышь нани!..» (Б. Ш.) «Прошу, тогда дай мне услышать сладкий голос матери «шьышьи нани!» Урҭ инрыцца ц с ы у а х а ц а к Аԥҟацаҳәа иҟамч абжьы!.. (Б. Ш.) «К ним прибавь звук плети абхазца молодца!»

4. Характеристика определяемого по различным качествам. Определяющее выражено качественными прилагательными:

Бжьы х а а с и р з а к слымҳа иҭаҩоит. (Б. Ш.) «Услышал я какой-то сладкий, изумительный голос». Азы зқуиҭәаз ашәҭқуа ҽыхан, Рыбҭьы х у ч қ у а хазы иҭырган, Рышәҭқуа гулпытуеит уаха. (Б. Ш.) «Политые им цветы проснулись, распустили свои маленькие листья, распустят они в эту ночь и свои цветы». Зны ажәҩан ц а у л а аиацәақуа нкыдыҳәҳәылон, зны аҧта е и қ у а ц ә а қ у а аахылан урҭ хырҩоон… («Алаш.») «То появлялись в голубом небе звезды, то черные тучи их закрывали». Инҳхысит ашәышықуса е и қ у а р а қ у а (Б. Ш.) «Прошли черные века». Амза х у а ш ь ы аҧстҳәа е и қ у а ц ә а қ у а … иаарылыччон икаххаа. («Алаш.») «Бледная луна сквозь черные тучи льет свет». Уи инацәа ихнаҩауеит адгъыл еиужьра ду. («Алаш.») «Он пальцем своим закрывает большую безбрежную землю». Астол х ь ш ә а ш ә а ихы ныкуҳаит, Хучцас дцәуеит деицақьы. Ижәҩа ц ц а ц а наҟ инхьыдҳаит, Дзыжьжьарыда? Маԥ, азәгьы! (Б. Ш.) «Опустилась голова его на холодный стол, рыдает он как ребенок, опустились широкие плечи, кто успокоит его? Нет, никто». Избоит сҽаԥхьа ажра ц а у л а , уаҟа ишьҭарцон ауарқь трубақуа. (Алаш.») «Вижу перед собой глубокую канаву, тут прокладывали трубы». Есымша аҽы бзиақуа дрықутәоуп. Цыхьа данааз ҽы шкуакуа дуззак дақутәан. («Алаш.») «Он всегда ездит на хороших конях. Тот раз он приехал на большущем белоснежном коне».

Завершая настоящий раздел, мы должны отметить тот факт, что атрибутивный распространитель не сочетается с однокомпонетной структурной основой предложения. Это связано с тем обстоятельством, что атрибут распространяет предикативную основу предложения не в целом, а определенные ее компоненты – субъектный и объектный. А в однокомпонентной структурной основе

предложения, как это показано в соответствующем разделе работы, нет ни субъектного ни объектных компонентов.

Возможно сочетание атрибута с распространяющим локальным обстоятельством в однокомпонентном (предикатном) предложении. Однако это бывает исключительно редко.

Убарҭ аԥҭа еиқуарақуа рывцаҿы иаацәыԥамацәысит. «За теми черными тучами засверкала молния».

Обстоятельственные распространители

К примыкающим распространителям относятся и многочисленные группы обстоятельственных распространителей, интегральным признаком которых является обстоятельственно-характеризующее значение.

Нхаҩцас кыру, аамстаԥас крыф. (Пословица). «Трудись по-крестьянски, питайся (ешь) по-княжески». Патыху иусқуа хуҷы-хуҷла аиҧхара иаҿын. (И. П.) «Дела Патыхуа постепенно улучшались». Ашырҳәа лҿы ахы даахан, дхынҳәны аҩныка ддәықулеит («Н. С.») «Резко (развернула) повернула коня и отправилась обратно». Арра дцеит игуацхарала. (Б. Ш.) «Пошел он в армию по своему желанию». Сыблақуа ҭыхыуп, слашәуп, аха издыруеит, сыҷкун гуаҧшақу дшьуп. (В. Ш.) «Я слеп, но знаю, мой сын убит на почве мести». Ижакьа рацәаԥас еиқуаԥҳаҳароуп, изамҩа цшза инакушоит ҟаитанԥас (Б. Ш.) «Усы его черные, как уголь, обхватывают шнурком красивое его лицо». Зныкҩынтә раҟара ажәак лҳәарц лҿазылкит, аха илзымгуаҧькуа дгылан ҿымҭзакуа (Қь. Агу.) «Около одного-двух раз она пыталась выступить, но, не решившись, сидела молча». Адырҩаҿны Мыкыҷ иеы мазарах днақутәан, Мырзакан иахь има дцеит (И. П.) «На второй день Мыкыч сел верхом на своего ворованного коня и поехал к Мырзакану».

Обстоятельственные распространители синтаксически примыкают к предикату, но по своему значению могут относиться ко всему предложению в целом.

Ааигуа зны сынхықугылеит Қумарча, Ахьхьаҳәа азиас ццакуан.. (Б. Ш.) «Недавно я подошел к берегу речки Кумар-

ча, журча, спешила она». Цьарантәи саацса-скараха Адәыцба сааҭытцит шарцазы. (Б. Ш.) «Усталый от дальней дороги, я рано утром сошел с поезда». Уи аамҭазы иара иқыҭан Жанаа Беслан ицацәа нхон. (И. К.) «В то время в его селе жили сыновья Жанаа Беслана». Акакала, шьапцынтцала Ахра кнаҳа уи днаҷалт. (И. К.) «Шаг за шагом, с большим трудом поднимался он по скале».

Обстоятельственное примыкание отличается от примыкания компонентов атрибутивной синтагмы тем, что оно позиционно свободно, т. е. обстоятельственные распространители по отношению к подчиняющему слову не имеют фиксированной позиции. Они могут занимать одинаково свободно и препозицию, и постпозицию. Исходя из этого различия, обстоятельственное примыкание можно назвать позиционно свободной субординативной связью, примыкание же компонентов атрибутивной синтагмы – позиционно несвободной субординативной связью.

Примыкающие обстоятельственные распространители не имеют морфологического формоизменения. Они не имеют своего морфологического обозначения и в подчиняющем компоненте. О направлении связи можно судить лишь по семантике сочетающихся компонентов. Главенствующую роль здесь играет семантика глагола-предиката и соответственно связь направлена от глагола предиката к обстоятельственному распространителю. Обратная связь исключается.

Ажәѡан саркьоушәа икеи-кеиуеит, Амра уахьынтә ишеи-шеит. (Б. Ш.) «Небо чистое, как зеркало, солнце оттуда сияет». Ауарбажә шәан, иббаза хыхь иѡхалт. (С. Ҷ.) «Коршун испугался и поднялся веерх». Шьыбжьагуазы инатәеит Ахра ахыкуцәа хаҳәык аҷы. (И. К.) «В полдень они остановились на верхушке скалы, на каком-то большом камне». Аѡада, азы ахыкуҷ аҷы, арыҷьарахь ѡын дук аргылара иаҷын (И. П.) «Выше, на берегу реки, справа, строили какой-то большой дом».

Как видно из вышеизложенного, связь обстоятельственного распространителя и глагола-предиката гораздо слабее связи компонентов атрибутивной синтагмы. Следствием этого, видимо является возможность одинаково свободного употребления обстоятельственного распространителя в контактной, дистантной и периферийной позициях по отношению к глаголу-предикату.

Ицон ашьхарахь, ицон иҽкьаса. (Б. Ш.) «Шли они (тучи) в горы, шли стремглав». Аеԥәақуа еикуаҕа иааԥәырԥит хара. (И. К.) «Появились звезды густо в дали». Акакала, шьапцынԥала ахра кнаҳа уи днаҽалт. (И. К.) «Шаг за шагом, с трудом по отвесной скале поднимался он». Даагъежьын дныԥабеит Џьаҭ гагаԥас. (Б. Ш.) «Повернулся и исчез Джат словно тень». Абас шааныза аб игуакуаз Иҽырпын ҕызуан. (Б. Ш.) «Так до рассвета горько стонала свирель разбитого горем отца».

Обстоятельственные распространители с локально-пространственным значением могут сочетаться с некоторыми послелогами с соответствующим значением. Однако сочетание это в целом обусловлено семантикой глагола предиката. Послелоги с пространственно-направительным значением -(а)хь, -(ш)ka, -(н)за, -ҟнынза, -(н)тә/ы -ҟнынтә используются в сочетании с локальными обстоятельствами при глаголе-предикате движения. Абҕъааҳәа азәы ддәықурԥеит Аинар-жьи иахь. («Н. С.») «Скоро кого-то послали к Аинаржи». Мези Леуани уаха-сахаҳәа қыд дуззак азы ахыққуахь арбылгъара иаҽын. (И. П.) «Мез и Леуан старательно катили какое-то больше бревно к берегу речки». Ꝋыԥтә-хынтә раkарагъы Ҭырқутәыланҟа сиццеит, сицааит. (К. А.) «Два-три раза они вместе ездили в Турцию и обратно». Ахулԥаз ицысыз аԥша адырꝋаҽены шьыжьымҭанза асра иаҽын (К. А.) «Ветер дул с вечера до утра следующего дня». Адырꝋаҽены шааныза Зина, Аҳмат дꝋаиргылан, Очамчыраҟа дима дццеит. (И. П.) «Рано утром следующего дня Ахмат поднял Зину и с ней поехал в Очамчиру». Сыварахь, сышьҭахь, наk сладахьы рыбжьы еиндырꝋоит ашьхақуа зегьы. (Б. Ш.) «Спереди, сзади от меня и далее перекликнулись все горы». Ашьышь ишьаԥәхныслаз шьыбжьааныза дшьаԥәхныслоит. (Пословица) «Кто споткнулся утром, спотыкается до вечера». Зны хулԥазык саб аизараkынтә аꝋоны дааит (И. П.) «Однажды вечером мой отец пришел с собрания домой».

Послелоги с локальным значением -(а)ҽы, -(а)kны используются в сочетании с обстоятельствами того же значения при статическом и динамическом глаголе-предикате.

Аҳмат аизараҽы дыkан (Д. Г.) «Ахмат был на собрании». Хьыкур азал аҽы афатә аалырхиан... (И. П.) «Хикур в зале накрыла на стол и...» Шарԥазык Алиас Ҭорканраа рҽы дааит. (Д. Г.) «Однажды ранним утром Алиас пришел к Торкану».

Ҩаха-ҩымш а ч а р а ҷ ы Ижәуа-ифо дтәан…(Б. Ш.) «Двое суток пил, ел на свадьбе». Қытак аҷы хар змамыз Хаԥа шьахук дынхон. (Б. Ш.) «Жил в одной деревне один прекрасный мужчина».

Далее нам необходимо рассмотреть вопрос соотношения обстоятельственных распространителей с предикативным ядром предложения. Для этого, как и прежде, мы воспользуемся методом эксперимента. Исключенные из предложения компоненты заменим точками.

Џьара ишнеиуаз бгахуҧык Аԥла ахьынтәи иаҳаит бжьык. (Б. Ш.) «В то время как шла лиса, она услышала какой-то звук со стороны дерева»; Џьара ишнеиуаз бгахуҧык иаҳаит бжьык. «В то время как шла лиса, она услышала какой-то звук»; Аԥҭа еишьылза уaka ԥслыҳәшәа Ахрақуа еимнадоит (Б. Ш.) «Серые тучи там словно серна ходят по хребтам»; Аԥҭа еишьылза … … Ахрақуа еимнадоит. «Серые тучи ходят по хребтам»; Исоуҳәалап нас у а х ы н л а Сасрыkуа иҭызшәа. (Б. Ш.) «Будешь рассказывать мне по ночам про Сасрыкву»; Исоуҳәалап нас ... Сасрыkуа иҭызшәа «Будешь рассказывать мне про Сасрыкву»; Патыху иусқуа хуҧы-хуҧла аиҧъхара иаҷын. (И. П.) «Дела Патыхуа постепенно улучшались»; Патыху иусқуа ... аиҧъхара иаҷын. «Дела Патыхуа улучшались; А х ы р сырҳәа иааԥсаха ицәан урҭ араҟа-анаҟа. (Б. Ш.) «С храпом, устало спали они тут и там»; ... ... ицәан урҭ... «Спали они».

Эксперимент можно продолжить и далее, однако и из приведенных примеров ясно видно, что удаление связи вместе с распространяющими обстоятельствами совершено не затрагивает семантической и структурно-синтаксической целостности предикативного ядра предложения. Этот факт достаточно наглядно показывает, что, во-первых, связь свободное примыкание не является двусторонне направленной предикативной, во-вторых, примыкающее обстоятельство в функциональном и структурно-грамматическом отношении не является конституирующим компонентом предикативного ядра предложения.

К сказанному следует добавить, что распространяющее обстоятельство не встречается в беспредикатных однокомпонентных типах предложений.

Обстоятельственные распространители могут характеризовать действие глагола-предиката по различным признакам: качественным, локальным, темпоральным и др.

Качественно характеризующие обстоятельства выражаются преимущественно качественными наречиями.

Уи Леуарса иҭаацәа иԥшзаны, ихааны дрыхцәажәон. (И. П.) «Он хорошо отзывался о семье Леуарсы». Ҽырххыла Марыҭхуа дцон ихы шхаз. Аkуkуаҳәа аҳауаҿы хысран изҿыз (Б. Ш.) «Стремительно скакал Марытхва на коне куда глаза глядят, громко раздавались выстрелы вслед за ним». Ԥшьаала иныkуо хара дцоит. (Пословица) «Тихо едешь – дальше будешь». Мҩада шьҭрада ишьҭхысаа инеиуеит са срашь саманы (Н. Б.) «Без дороги и без следа мчит меня мой араш». Хаха днеиуеит хацәынмырха... (С. Ч.) «Идет он в упор, не щадя жизни». Хыма-цсыма амашьынаҿы дааит... (И. П.) Впопыхах прибежали к машине».

Качественная характеристика действия глагола-предиката может осуществляться посредством сравнения, уподобления.

Икуадыр маҭәа аkунаkуа еԥәоушәа иԥхауан. (Б. Ш.) «Украшения его седла блестели словно звезда». Ажәҩан саркьоушәа икеи-кеиуеит (Б. Ш.) «Небо словно зеркало блестит». Чацашьалеи ԥшра-сахьалеи Дкаццаkаццон мра ҳасабла. (И. К.) «Своим сложением, внешностью сиял, словно солнце». Лразkы бжьацәеит иаакаццан еԥәаԥас... (Б. Ш.) «Судьба ее засияла, словно звезда, и угасла».

Встречаются случаи, когда распространяющее обстоятельно выступает с двойной связью: с одной стороны, оно примыкает к предикату, с другой же – к определяемому им слову, лицо, число и класс которого получают свое морфологическое обозначение в нем посредством префиксов ряда *д*. Связь здесь односторонняя, позиционно свободная и направлена от определяемого к определяющему. Распространитель этот совмещает в себе обстоятельственно характеризующее и собственно характеризующее значения. С подобной функцией выступают и качественные наречия с суффиксом -за, мотивированные именными основами.

Амра аакаԥхеит ҩаԥхьа икуандаза. (И. К.) «Солнце снова засияло тепло (теплее)». Аеԥәаkуа (и) жжаза инҭалон хланцы. (И. К.) «Звезды сияя низвергались в бездну». Зегьы, иаарылаҩит ибжьы ҷахьаза. (Б. Ш.) «Раздался (кисло) посреди них его голос

кислый». Кацәароуп, нхыцка уҭацшуеит и к к а з а, иаҿысуеит аццҭа цжәахакуа (и) ббаза. (Б. Ш.) «Крутой склон, по ту сторону просматривается впадина, ходят по склону тучи пустые (пусто)».

Локально характеризующие распространители выражаются преимущественно локальными наречиями и именами с послелогами и без них.

С ы в а р а х ь, с ы ш ь ҭ а х ь, н а ҟ а л а д а х ь ы Рыбжьы еиндырԥоит ашьхақуа зегьы. (Б. Ш.) «Сбоку, сзади, там поодаль перекликаются все горы». Х р а и а ш а р а к аҿы инеиган, Уаҟа иныжьны даагьежьит. (И. К.) «Он провел их до безопасного хребта и вернулся обратно». Аԥонуцка ауаа рацәа гылоуп, аҳәынтқаргьы р а ц х ь а дгылоуп. (Аџс. л.) «Внутри стоит много народа и царь стоит перед ними». А ш ь х а цасым длаҭырзышар... (Б. Ш.) «В горах плакать грешно». Иара Ипа заҵә, уаҭеимшхара, у а дышьны дышьҭан. (Б. Ш.) «Лежал там убитый его единственный сын».

Распространяющие обстоятельства могут характеризовать действие глагола-предиката или содержание предложения и в целом по темпоральному признаку.

В этой функции используются темпоральные наречия и количественно-именные сочетания с темпоральным значением.

У а х ы к з н ы Леуарса цәыкьа аԥоны дааит. (И. П.) «Однажды ночью Леуарса пришел домой». Ш а р ц а з ы к инеиқулеит еиқуных аецәа. (И. К.) «Однажды ранним утром напали на него грабители». А д ы р ԥ а ҿ н ы рымԥа иқулт Нхыцаа ныкуара. (И. К.) «На следующий день Нхыцаа отправились в путь». Ш ь ы ж ь а а х ы с уа аҳәар рымаҵ иуан. (И. П.) «С утра он обслуживал телят». Ж ә а х а - ж ә ы м ш абааш алԥа ахатәан… (Б. Ш.) «Десять дней и ночей крепость была окутана дымом».

У а ц ә ы ц ә ҟ ь а ҳдәықуибатцароуп, уаҵәыцәкьа… (С. Ҷ.) «Завтра же мы должны отправиться». У и а а м ҭ а з ы Марытхуа агуашә дааҭалт. (Б. Ш.) «В это время Марытхуа вошел во двор». Ш ь х а ц а н дықун ашьхара, ш ь х ы ц ы н даван агара. (Б. Ш.) «Летом пас скот в горах, зимой – в низинах». Ҽаԥраҭагалан аҳәынаҵгьы аху ацәахуеит. (Пословица) «Осенью и крыса запасается». Уахынла иҵъычыз еынла дышьит. (Пословица) «Убили днем того, кто воровал ночью».

Распространяющие обстоятельства могут дать количественную характеристику действия или состояния.

Ҩынтә-хынтә раҟарагьы Тырқәтәылаҟа еиццеит, еицааит. (Қь. Агу.) «Около трех раз они ездили вместе в Турцию». Уахи-ени хынтә-цшьынтә ҽеыжәлон уеизгьы. (И. К.) «В сутки он три-четыре раза выезжал верхом на своем коне». Фрач иихәаз ажәабжь Леуарса шьардада дырхуцит. (И. П.) «Леуарса долго обдумывал рассказ Фрача». Ҩынтә диеихсит – ҩынтә деихагылт, хынтә деихсит – хынтә деихагылт. (Н. С.) «Дважды он выстрелил в него – тот удвоился, трижды он выстрелил в него – тот утроился».

Распространяющие обстоятельства могут указать на причину действия.

Ауалшәара акуын цасҳәа даҟуцит.. (Б. Ш.) «Платить долги он перестал нарочно». Сыҷкун гуаҕшаҟу дшьуп. (Б. Ш.) «Мой сын убит назло». Цәгьашаҟу иҟыруан алаҳәа еиқуацәа (С. Ҷ.) «К несчастью (предчувствуя несчастье) каркали черные вороны». Гуашьа гуҽыҷышаку ахьча дишьтамызт. («Н. С.») «Гуаша не ради скуки звала пастуха». Марытхуа длеиҩеиуеит, дцышәырччоит цас (Б. Ш.) «Марытхуа расхаживает и ухмыляется назло...».

Обстоятельство может указать на цель действия.

Амаршьан шәҩык аецәа ицны Нхыцка дцеит уа бара. (Аҧс. л.) «Амаршан вместе со ста всадниками поехал на Северный Кавказ, навестить своих родственников». Нартаа реааибыртан ицеит ицеит ашьхаҟа шәарыцара. (Аҧс. л.) «Нарты собрались и пошли в горы на охоту».

ОБ ОДНОРОДНЫХ РАСПРОСТРАНИТЕЛЯХ

В предложение могут включаться ряды функционально тождественных слов или словоформ, связанных между собой сочинительной связью[1].

Акаҳуажәыртақуа рҽы, аҧьаамақуа раштақуа рҽы, аҧьармыкьақуа рҽы... исҽаҳауа иалагеит ашьхаруаа (Аҩ. р.) «В кафе, мечетях, на рынках стали встречаться мне горцы». Ара инсыжьит: саб, сан, сгулацәа, ҳашьцәа, ҳтахцәа. (Б. Ш.) «Тут я оставил отца, мать, соседей, братьев, знакомых».

[1]См. по этому поводу: В. Х. Конджария. Однородные члены предложения. В кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку», стр. 143.

...Аҩра, ацхьара, аҳасабра уҳәа дара ибзианы илҵеит. (Аҽ. р.) «Она очень хорошо научилась писать, читать, решать».

Ряды эти могут образовать слова любых классов и категориальных форм. Отдельные слова, входящие в эти ряды, могут иметь свои зависимые компоненты, вместе с которыми они становятся членами ряда. Между всеми этими членами ряда устанавливаются сочинительные отношения. Связь между членами ряда выражается преимущественно интонацией перечисления и сочинительными союзами и, гьы, нас и др. Союзы и, гьы при этом повторяются при каждом члене ряда.

Иашьа еиҵбы Ардашьыли, Тапашьица Алыбеи Амҷы Баҕуазеи ракун урт. (И. К.) «Это были его младший брат Ардашил, сын Тапша Алыбей и Амчи Багуаза». Убарт аҭауадцәагьы ахылаҵшцәагьы ааидгылан ҳара ҳақурхит. (Д. Г.) «Дворяне и руководящие работники объединились и уничтожили нас».

Ряды однородных членов могут быть открытыми и закрытыми. Отношения и связь составляющих открытого ряда таковы, что они допускают свободное продолжение ряда.

Ахаҵәа ҳненн ҳшәақьқуеи, ҳкамақуеи, ҳаҳәақуеи; ҳтапанчақуеи иахьышьҭаз иаашьҭыхны иҳаҡунаҳҵеит. (Б. Шь.) «Мужчины взяли свои ружья, кинжалы, сабли, наганы».

Отношения и связь составляющих закрытого ряда таковы, что они не допускают продолжения ряда.

Алиас дҭарымкындаз ари сымхы моу егьи сымхгьы араху еимырҵәахгьы. (Д. Г.)

В ряд могут объединяться как конституирующие, так и неконституирующие компоненты. Соответственно, ряд, состоящий из функционально тождественных компонентов, объединенных сочинительными отношениями, может открываться субъектом, предикатом, объектом, распространяющими словами и словосочетаниями.

Субъектный ряд

Ряд, открытый субъектом, занимает синтаксическую позицию субъекта и связывается с предикатом посредством субъектного форманта. Между субъектным рядом и предикатом устанавливается та же связь, что между субъектом и предикатом, с той лишь разницей, что здесь исключается связь в единственном числе и

классе. Это связано с тем, что субъектный ряд в целом принимает значение множественного числа.

Таким образом субъектный ряд имеет в предикате единый субъектный формант, значение лица которого становится общим для всех его составляющих.

Apaka и-kан Шьарифа, Селма, Уазамат, Хазарат... (Д. Г.) «Здесь были Шарифа, Селма, Уазамат, Хазарат». Бқуцсычхареи быблеи, быцьымшьи Бымаза рхәоит ишеибакуу! (Б. Ш.) «Твой вздох, твои глаза и брови выдали весь твой секрет». Инацшызар абна ииалцит Мшәи, бгахуҷи, бгадуи! (Б. Ш.) «Видят – из лесу вышли медведь, лиса и волк». Apaka и-силагылан цоа змамыз ашәыр хкқуа: ацәа, аха, абхәа, атама, ашымха, аца, абгызра, алаха. (И. П.) «Здесь росли самые разные фруктовые деревья: груша, яблоня, слива, персики, черешня, кизил, инжир».

В субъектный ряд могут входить слова с разными лексическими значениями лица. И в этом случае ряд имеет единый субъектный формант с одним общим для всех его составляющих значением лица.

Если в ряд входит слово со значением первого лица, то общим синтаксическим лицом всех составляющих (и при наличии в ряде слов со значениями других лиц) становится первое лицо мн. числа.

Шәареи сареи ҳ-аишьцәазам. (И. П.) «Мы с вами не братья (вы и я не братья»). Уаргьы саргьы ҳ-аицхыраап... (Мы с тобой поможем друг другу (и ты, и я поможем друг другу)».

При наличии в ряде слов со значением второго и третьего лица (при отсутствии слов со значением первого лица) общим синтаксическим лицом для всех составляющих ряда становится второе лицо мн. числа.

...Иареи уареи анард шә-еицасла. (И. П.) «Вдвоем играйте в нарды (И он, и ты играйте в нарды)». Иареи уареи хуҷык бзиа шә-еибабом ҳәа сыkоуп? (И. П.) «Вы (и он, и ты) друг друга, видимо, недолюбливаете?»

При наличии в ряде слов со значением третьего лица (при отсутствии слов со значением первого и второго лица) общим синтаксическим лицом становится третье лицо мн. числа.

Иареи лареи ашколахь и-еиццеит. «Они вместе пошли и школу (и он, и она пошли в школу)». Иареи лареи ууанза-

гьы и-еибадыруан... (И. П.) «Они (и он, и она) друг друга знали и до этого».

Предикатный ряд

Как известно, вопрос предложения с однородными предикатами (сказуемыми) имеет разное решение в различных языках. В истории русской лингвистической литературы превалирует мнение, согласно которому предложение с несколькими сказуемыми при одном подлежащем является простым[1].

Квалификация предложения с однородным сказуемым как сложного связана с признанием сказуемого иерархической вершиной предложения. Однако, как показывают материалы, то или иное решение этого вопроса надо увязывать прежде всего с особенностями синтаксической структуры предложения. Так, предложение субъектной двух-, трех- и четырехкомпонентной структуры с однородными предикатами при одном субъекте нельзя квалифицировать как сложное, так как в нем в организации предикативного минимума участвует не только предикат, но и другие конституирующие компоненты: субъект и объект. Как мы показали в соответствующей части работы, исключи из предложения субъектного и конституирующего объектного компонентов составляет разрушение структурного предикатного ядра предложения, если даже сохраняется при этом предикат. Совершенно иначе обстоит дело в предложениях о компонентной бессубъектно-объектной структуры, как-то: Шеит. «Рассвело». Хьҭоуп. «Холодно». Цаауеит «Морозит» и др. В предложениях аналогичной структуры предикативное организуется одним компонентом и последовательное включение такого компонента, естественно, создает предложение полипредикативной структуры.

Например:

Асасцәа хрызцшны ҳаштәаз шеит, хулеит. «Пока мы сидели в ожидании гостей, стемнело и опять рассвело». Дыхныр ҳәтәуп, илышьҭалатәуп, аѳныҟа ицатәуп. (А. Г.)

[1] А. М. Пешковский предложение с однородными членами называл слитным. Так, он писал: «Слитным предложением называется предложение, заключающее в своем составе однородные члены» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 445).

«Надо ее вернуть, надо погнаться за ней, надо пойти к ней домой». ...Куашарахоит, ччарахоит, иԥонарҭа қьафурахашт. (Д. Г.) «Танцы, веселье в его доме, богатое угощение». Хулбыеҳоуп. Ккарроуп. Дамеи Мураҭи. (С. Ч.) «Вечер. Лес. Прислонившись к стволу дерева, сидят Дамей и Мурат».

Однородные предикаты имеют общий субъектный префикс, повторяющийся при каждом из них. Таким образом, при каждом последовательном включении однородного предиката повторяетея соответствующая связь с субъектом.

Однородные предикаты соединяются между собой сочинительной интонацией или сочинительными союзами (или иными словами). Ряд однородных предикатов обычно открытый.

Зны ишьҭахьқа иҷыԥеихеит, ихы иқужьны дхуцуа, нас ашьшьыхәа деиҭаахынхәын агуашә даадгылт, иҵсы зо, цшьшьаала иаартны дынҭалеит. (И. П.) «Сначала он вернулся и пошел назад, опустив голову, думая, а затем опять вернулся к воротам, притаив дыхание, тихо открыл их и вошел во двор». Леуарса ихы ларқуны цытк ҷеитуамызт, аха даацәажәеит. (И. П.) «Леуарса стоял опустив голову и некоторое время молчал, но затем (он) заговорил».

При обозначении следующих друг за другом действий используются однородные предикаты, выраженные глаголом в форме прошедшего неопределенного времени. Ряд однородных предикатов в этом случае замыкается обычно предикатом, выраженным глаголом в форме аориста.

Ашырҳәа ииарҭа дԥылкьан, лассы иҽааилеиҳәаан, иҷы ааизәзәаан, аҭзы акылҳара дынкылҵшын аштә дныкуҵшит. (С. Ч.) «Вскочил с постели, быстро умылся, сквозь дыру в стенке посмотрел на двор».

Объектный ряд

Ряд, открытый объектом (конституирующим), занимает синтаксическую позицию объекта (ближайшего или косвенного) и связывается с предикатом посредством объектного форманта (ряда *л* или *д*).

Объектный формант и в данном случае является общим для всех составляющих ряда. Между объектным рядом и предикатом

устанавливается связь в лице и мн. числе. Ед. число и класс, как и при субъектном ряде, исключаются из связи.

Басиат илаԥш нархигеит зкаԥара дахьымзакуа… икаԥсаз аихакуа, аигушәкуа абаҳакуа, ацәсихакуа. (А. Г.) «Басиат бросил взгляд на топоры, цалды, лопаты, лемехи, докончить которые он не успел». Аублаакуа ныкуара иандәыкулоз мҩаныфас и-шьтырхуан: ацхапа, ажьԥаа, ашәхаҩа, аԥьыкахыш, аԥьыкаԥәаԥәа. (Аҽ. р.) «Убыхи, отправляясь в поход, брали с собой мед, копченое мясо, сулугун, поваренную соль и аджику». Лара дԥан ргула зҭабцәеи ргула ҷкунцәеи и-р-алҳәеит уажәы Akyaka сыргоит, ашкол сҭарԥоит ҳәа. (Д. Г.) «Она пошла и сказала соседским девочкам и мальчикам, что завтра ее отправляют в Сухуми для поступления в школу».

Объектный ряд обычно открытый, составляющие его связаны преимущественно перечислительной интонацией, в некоторых случаях – и сочинительными союзами.

Досу ишәыз аматәа анаҩсан и-шьтихуан: ажәԥәеимаакуа, ҩба-хԥа, акумзцәа еимсы, ашьамхҭарԥа, акумызцәа, клаԥадкуа, ахҭарԥа, акумжәакьаҿ, ауапа. (Аҽ. р.) «Каждый, кроме того, что он носил на себе, брал с собой: две-три пары обуви, ноговицы, шерстяные носки, башлык, черкеску и бурку». Ҳшыхуҷыз аҳәаакьашьеи, аҽыкутәашьеи, ахысшьеи (и)-ҳирԥахьан. (Аҽ. р.) «Он учил нас с детства владеть саблей, ружьем, ездить верхом на коне». Март алагамҭа инаркны аублаакуеи, асазкуеи, аҳчипсааи… Ҭыркутәыла агаҿахь ҳ-аиагара иаҿын. (Б. Ш.) «Начиная с марта месяца перебрасывали на турецкий берег убыхов, садзов, ахчипсоевцев». Аҳауа цкьеи аҳаскьын цсылеи и-р-ылачон. (Аҽ. р.) «Он (конь) питался чистым воздухом и сочной травой». Ашыкусан зны, ҳамгуаху иахаршәланы ԥьыкуреи цытки, ацхеи, ацәеи ҳзытигушьар, ԥьыкаки сапынки иара убас ацәаматәеи, нас, зегь реиҳа ҳзыргуакуаз, ашәакь хушәи атнаҳхгушьон... (Аҽ. р.) «Если нам удавалось хоть в год раз продать скудные запасы кукурузы, меда и воска, то мы покупали немного соли, мыла, одежды и пороха». Ацаҩцәа и-дирбон... адгылкуа, амшынкуа, ашьхакуа, азиаскуа. (Аҽ. р.) «Он показывал учащимся страны, моря, реки».

Ряд объектного распространителя

Реже встречается ряд, открытый распространяющим объектом. Он обычно открытый и примыкает к предикату. Составляющие его связаны перечислительной интонацией или сочинительными союзами.

З е г ь ы ишыжәдыруа еиԥш, Гыд есԥьынгьы иҽи, и к у а д ы р и и а б ԥ ь а р и уҳәа з е г ь ы р ы л а уаҩы еиԥушәаны дыҟан (Д. Г.) «Как вам всем известно, Гыд всегда имел при себе коня, седло и ружье». Ԥ ш р а л а, с а х ь а л а, д ы р р а л а уҳәа лҩызцәа дызларылукаауаз акгьы далаҟамызт... (Н. Т.) «Ни своей внешностью, ни красотой, ни знанием не отличалась она от своих подруг». Урԥ р ч а з х ы л ц а қ у е и р к а с ы ш к у а қ у е и рыла реацәырыхьчон амра.... (Н. Т.) «Они широкополыми шляпами и белыми платками защищались от солнца». Иаҳәеи, иҟамеи, итапанчеи, Икумжеи, икабеи, ихԥарцарԥьақьеи Абарԥ рыла ма дҩашьозма Аԥсуа хаԥа Абаԥаа! (И. К.) «Как же не узнать Абатаа по его шашке, кинжалу, пистолету, черкеске и башлыку!»

Атрибутивный ряд

Атрибутивный ряд не имеет большого распространия в предложении абхазского языка. Это связано с тем, что 1) препозитивное и постпозитивное определения не образуют единого ряда, каждое из них примыкает к определяемому в отдельности, между собою же они не связаны: Урԥ сахьрыхуаԥшуаз а а ԥ ы н т ә и ахьычԥаԥыр ш к у а к у а к у а сгуаладыршәон. («Алаш.») «Они напоминали мне весенних белых бабочек». ...Алаҳәаажәқуа реиԥш испырԥып с ы д г ь ы л т ә гуаҟраԥуа з е г ь ы. (Б. Ш.) «Тогда, словно черные вороны, расстанутся со мной все мои земные муки». Суҳәоит уск̌ан: ан лыбжьы хаа слымҳа итарҩы шьышьи нани!.. (Б. Ш.) «Прошу тебя, дай мне послушать тогда сладкую колыбельную песню матери!» Уи а и д а р а мҩ а н г а г а машьына дук дақутәан. «Он ездил на большой грузовой машине»; 2) из двух, следующих друг за другом постпозитивных определений, последнее определяет предшествующее словосочетание в целом (исключительно редко сочетание более двух постпозитивных определений): икаԥха-каԥԥоит ахан ҳ а р а к д у з з а қ у а («Алаш.») «Блестят на солнце высокие большу-

щие дверцы». Мазлоу илақуа ичабра шкуакуа нарҭишьын, ... ҽымҭ дналбаан дцеит. (А. Г.) «Мазлоу вытер глаза свои большим белым платком, спустился и молча и ушел».

Атрибутивный ряд могут образовать лишь определения, выраженные инфинитными конструкциями, соединенными собой перечислительной интонацией.

Ряд этот всегда открытый.

Ҟазылбақь уаҩаук иакун, ихылцарч ду ихаргыла, иҵынҵа хьырхуаны, илакуа шаҟьшаҟьо иҭахаланы, ижакьа ашкуакуеи аиқуаҵәеи еимаркуа, иҳазыртрақуа аразны калам ҭаргыланы, иҟама чаҵа хьзыркны иаҵхьа иҟунҵа. (С. Ч.) «Казылбак был высокого роста с высокой папахой на голове, с орлиным носом, с вставленными в лоб неспокойными глазами, с бородою с проседью, с серебряными газырями, с кинжалом с золотой отделкой». Ана-ара урҭ ирылубаагеит аацын лассы имышәҭуа, уажәы ибыбшза ишәҭыз аҵсуа ҵәаҵлақуа-аҵәахаҳақуа. («Алаш.») «Тут и там виднеются расцветающие поздней весной распустившие сейчас цветы абхазские яблони». Уи уцәа ухзырзызаауа ашәа «Уарада» еиҵшзам, еиҵшзам ахуигу ихааза иқуҩуа, дҭахухуа дзырцәо, ихьаа ихазыршҭуа, ачамгур бжьыхаа иацырҳәо «Ахурашәа...» («Алаш.») «То не похоже на песню «Уарада», от которой пробегает дрожь по спине, не похоже то и на песню «Ахураша», которая облегчает боль раненому, усыпляет его, которая исполняется на ачамгуре». Аутра анҭыҵ акуаҵаҽы дышьҭан ауха чарҳәара ҟаҵаны аотриад абра иаазгаз, ахҭарца, ҟаҵшь зхаз ауаҩы. (И. П.) «За огородом, в кустах лежал человек, в красном башлыке, предавший отряд и приведший его сюда». Шәҽышькыл зкышаа зык шәзыржәыша мҩанызаҩык дышьҭахымхари? (Н. С.) «Не понадобится ли вам спутник, который мог бы подать вам воды и помочь сесть верхом на коня?»

Обстоятельственные ряды

В предложение часто включаются слова с индентичными обстоятельственными значениями, соединенные между собой сочинительной связью. Такие слова образуют обстоятельственные ряды со значением образа действия, места, времени и др. Ряды эти примыкают к предикату.

Обстоятельственный ряд со значением образа действия

Ряд этот в предложении абхазского языка используется весьма интенсивно. Он может быть образован наречными словами, с деепричастиями и деепричастными конструкциями.

Составляющие его всегда связаны между собой перечислительной интонацией. Обстоятельственный ряд со значением образа действия всегда открытый.

Аҟармацыс нықутәа-аақутәо, Амыҵ гуаҭо ажыц гуаҭо, Амҩа шьҭых ицоит, ицоит... (Б. Ш.) «Соловей летит пересаживаясь с дерева на дерево, облетая колючие кусты, выбирая дорогу». Абҕа-па ҭарпеи-ҭарпеиуа, Аблацәгьа куеицеи - куеицеиуа, Абгахуҷы аҵсы заны ал ахь ицоит икуарны. (Б. Ш.) «Мчится лиса к ольхе, притаив дыхание, мерцая глазами, дрожа всем телом». Абгахуҷы ацәа иҭасуа, иҳашҳашуа, иқуасқуасуа, Азага-баа иаганы, Аҵыс иашьҭоуп еиханы (Б. Ш.) «Лисица усталая, дрожа, мчится рысью за соловьем». Исҵагушьар, сыбжьы еиҵыхуа, Ирқамызуа сара сҵыхуа, Аҵла сықутәа сшәаҳәалап... (Б. Ш.) «Если я научусь петь, то буду петь «сладким голосом», сидя на дереве, опустив свой пушистый хвост». Елҟан иаабахьоу иакуушәа дыҟазамызт: иццшра-исахьа еилаҳахьан, аҵхыз еиҵш дууаза, дҟуиҭ-шәиҭуа, дмида-гуидаха ақалақь далан. (Д. Г.) «Елкан сильно изменился: изменился он во внешности, опустился, ходит как тень по городу». Ҽнак, дызит-дыҵсит ҳәа ҳшыҟаз, иаалырҟьаны, иҭаацәа иманы, дыбзиахуха, деилаҳәа-еилаца дааҳызкылсит Саҳатқьери. (Б. Ш.) «Однажды совершенно неожиданно заявился к нам Сахаткери с семьей, разодетый, пышущий здоровьем».

Обстоятельственный ряд с локальным значением

Обстоятельственный ряд с локальным значением образуется наречиями, именами с послелогами (и без них), инфинитной формой глагола с обстоятельственным элементом ахь, соединенными между собой сочинительной связью. Между компонентами устанавливаются соответственно сочинительные отношения, выражающиеся преимущественно перечислительной интонаций и в редких случаях – союзом м а.

Ряд, компоненты которого связаны между собой перечислительной интонацией, открытый.

Аԥьармыкьа агуашә аҿы, акахуажәыртақуа рҿы, аԥьамаа ахьтагылаз аштаҿы, иара уа ақалақь гуарабжьарақуа рҿы аԥсуаа мҳаԥьырцәа ахьааиқушәоз абартқуа ракун ҳәатәыс ирымаз. (Б. Ш.) «У ворот рынка, в кафе, во дворе мечети, на улицах города абхазцы-махаджиры говорили об этом». Аублаатәыла аусқуа рзы уи днеихьан Лондон, Петербург…(Б. Ш.) «По делам убыхов он бывал в Лондоне, Петербурге...» Аҕа зехьыԥьара джәылон: адгьыл ахьтә ажәԥанахьтә (Аҿ. р.) «Враг нападал отовсюду: с неба, с суши». Ашьтахь апартизанцәа ыҟан ақытақуа: Ковшово, Чузовек, Старое село. (Аҿ. р.) «Партизаны были селах: Ковшово, Чузовек, Старое село и других». Дааиуа, дааиуа алашәшьыраҿ, Аҳаскьынқуа реилачыраҿ Ҭынч лсаара налыргылеит. (Б. Ш.) «Пришла она и поставила тазик в тени под ольхой, на густой траве». Апаркқуа рҿы ацла аилачырақуа рымԥан, ашьацрқуа рҿы, ачыкь жәлақуа рҿы кьыс амазамкуа инхалон. (Аҿ. р.) В парках, под деревьями, в густых кустах и на полянах, покрытых густой травой, оставалось то нетронутым».

Бывают случаи, когда между членами союзного ряда устанавливаются разделительные отношения. В этих случаях ряд закрытый.

...Асқьалақуа ирыдԥуаз аҕбақуа ма Новороссискка ма Ԥутҟа рхы дырхон. (Аҿ. р.) «Пароходы, которые отходили от причалов, направлялись в Новороссийск или в Поти». Акино ахь ма атеатр ахь дызгароуп... (И. П.) «Я ее поведу в кино или в театр».

Обстоятельственный ряд с темпоральным значением

Реже встречается обстоятельственный ряд с темпоральным значением. Он может быть союзным или бессоюзным. Между членами ряда могут устанавливаться отношения:

а) присоединительные (в этом случае ряд открытый): Ауха шаанза, адырԥаҿны, мчыбжьынаҟьак инеиужьны, мызкы уҳәа Саида лгу дтыцәомызт Заур... (И. П.) «В ту ночь до утра, на второй день, в течение недели, месяца Саида не могла забыть Заура»;

б) разделительные (в этом случае ряд закрытый): Аа, нан, уаԥәы ма уаԥәашьҭахь дааугоит, быматәа хуҷқуа ааигоит… (Д. Г.) «Доченька, приедет он сегодня или завтра и привезет тебе новые вещи»;

в) соединительные, переходящие в слитность (члены ряда интонационно слиты): Иахьеи-уаԥәи ҳалгоит уа... (Б. Ш.) «Сегодня-завтра кончим там то». Сасрыԥуа хаԥа... уажәы-уашьҭан ҳәа аԥсра дазыԥшын (Аԥс. жәл. рп.) «Сасрыква-герой с минуты на минуту ждал смерти». Уажәы-уашьҭан асаби иԥсы анбаҭало ҳәа дыԥшын. («Н. С.») «Он ждал оживления ребенка с минуты на минуту». Хахи-ҽни хынтә-ԥшьынтә деыжәлон уеизгьы. (И. К.) «В сутки (за ночь и день) он два-три раза садился верхом на коня».

Обстоятельственный ряд со значением меры и степени

Между членами данного ряда большей частью устанавливается значение соединенности, переходящей в единство (члены ряда интонационно слиты).

Зныk-ԥынтә раkара ашәак лҳәарԥ леазылкит, аха илзымгуаҵьыкуа дгылан ҿымҵзакуа. (К. А.) «Один-два раза она собиралась что-то сказать, но, не осмелившись, стояла молча». ԤЬынтә-хынтә раkарагьы Ҭырқутәылаҟа еиԥԥеит, еицааит. (Қ. Агу.) «Около двух-трех раз ездили они вместе в Турцию». Саида дахьнеиуаз илзааигуазаны, илеиҽырбар аҭахызшәа, лҷаԥхьа, ԥынтә-хынтә иниаkьеит ԥарԥалыкьк. (И. П.) «Мимо Саиды два-три раза пролетела какая-то бабочка, словно хотела понравиться ей».

Обстоятельственные ряды со значениями причины, цели, сравнения и др; не типичны для абхазского языка.

ОСЛОЖНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Осложнение простого предложения инфинитными конструкциями

Вопрос об инфинитных конструкциях в абхазско-адыгских, дагестанских и нахских языках относится к числу фундаментальных

вопросов синтаксиса предложения, не получивших еще сколько-нибудь полного и единодушного решения у специалистов. Несмотря на слабую изученность, он породил противоречивые мнения в специальной литературе. Одни специалисты инфинитные конструкции квалифицируют как придаточные предложения и рассматривают в структуре сложного предложения, другие же, не видя в них категории предикативности, относят их к структуре простого предложения.

«В школьных грамматиках кабардинского языка, написанных нами 20 лет тому назад, – пишет Х. У. Эльбердов, – выделены почти все придаточные предложения, характерные для русского языка. Здесь сказалось влияние син таксической схемы русского языка и построенных на ней работ проф. Н. Ф. Яковлева. Однако впоследствии мы убедились в научной несостоятельности подобного подхода»[1].

И далее: «Причастные и деепричастные обороты, порой их простые предложения, принимались Яковлевым и другими исследователями за сложные предложения с придаточными. При этом они исходили, как правило, не из природы оригинала, а из его перевода на русский язык. Мы считаем, что кабардинскому языку чужды многие индоевропейские типы сложноподчиненных конструкций»[2].

«Словосочетания с различными инфинитными и непредикативными формами глагола кабардино-черкесского языка, – пишет А. М. Гухемук, – принимаются некоторыми лингвистами за придаточные предложения на основании смыслового соответствия этих двух разных синтаксических категорий[3]». И далее: «При определении синтаксической природы этих конструкций прежде всего надо установить, имеется ли в них основной и необходимый признак предложения – предикативность. Ни в одном из приведенных в докладе Абитова примеров, по его мнению, бесспорно придаточных предложений, нет этого необходимого признака, как его нет в причастных и деепричастных оборотах русского языка. И потому эти словосочетания не могут быть признаны придаточными предложениями»[4].

[1]См. в сб.: «Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана». Нальчик, 1963, стр. 93.

[2]Там же.

[3]Там же, стр. 96-97.

[4]Там же.

Причастные, деепричастные и масдарные инфинитные конструкции квалифицирует как придаточные предложения Г. Б. Муркелинский в дагестанских языках. «Не менее распространенным способом выражения придаточного предложения в дагестанских языках, – пишет он, – является деепричастие с его разного рода суффиксами. Суффиксы эти служат средствами связи придаточного предложения с главным[1]».

И далее: «Масдар так же, как причастие и деепричастие, является в лакском языке отглагольной формой, с помощью которой образуется придаточное предложение, выражая его сказуемое»[2].

Аналогичное мнение высказывает У. Б. Алиев по отношению к инфинитным конструкциям в карачаево-балкарском языке. «По нашему мнению, – пишет он, – все сочетания причастий, деепричастий, прилагательных, слов утверждения или отрицания и др. с подлежащими создают придаточные предложения»[3].

Анализируя мнения некоторых тюркологов по вопросу о придаточных конструкциях в тюрских языках, Б. А. Серебренников пишет: «Существует единое для всех языков понятие главного предложения. Никому из русских грамматиков никогда не приходило в голову видеть главное и придаточное предложения в составе такого предложения, как «Меня разбудил шум, доносившийся с улицы». Точно такое же предложение татарские грамматисты разделяют на главное и придаточное: Мине урамнан ишетелгэн тавыш уятты «Меня разбудил шум, доносившийся с улицы»[4]. (Автор ссылается на работу Р. С. Газизова «Татарский язык», Казань, 1960, стр. 127). И далее: «Подобная вивисекция простых предложений в татарском языке не диктуется никакой необходимостью. Она может быть объяснена только странным желанием обязательно иметь в языке придаточные предложения, хотя для их выделения нет оснований»[5].

Вопрос об инфинитных конструкциях не был еще предметом специального исследования в абхазском языке. Однако имеются различные высказывания специалистов по этому поводу. Так,

[1]Г. Б. Муркелинский. О сложноподчиненном предложении в дагестанских языках. Указ. сборник, стр. 76.

[2]Там же, стр. 79.

[3]У. Б. Алиев. Проблема придаточного предложения в карачаево-балкарском языке. Указ. сборник, стр. 130.

[4]Б. А. Серебренников. Принципы составления описательных грамматик. Указ. сборник, стр. 21.

[5]Там же, стр. 39.

впервые вопрос этот в абхазском языке затронул Деетерс. Он отмечает, что в каждом законченном предложении абхазского языка наличен один предикат финитной формы, остальные же предикаты (если они имеются в предложении) имеют инфинитную форму и выполняют функцию отсутствующих в языке придаточных предложений[1].

Аналогичное мнение высказывает и К. В. Ломтатидзе. Она пишет: «В абхазском языке нет сложноподчиненных предложений. Функцию придаточных предложений выполняют причастия, деепричастия и другие глаголы инфинитного образования»[2].

«Категории относительного времени и модальности инфинитной конструкции, а также отсутствие интонационной завершенности, – пишет Л. П. Чкадуа, – не позволяют ее квалифицировать как предложение...»[3].

Инфинитные конструкции рассматриваются в связи с порядком слов в абхазском языке М. М. Циколия. Однако положения его, касающиеся характеристики предложений с инфинитными конструкциями, с нашей точки зрения, несколько противоречивы.

Дело в том, что, с одной стороны, он признает наличие значения предикативности в инфинитной конструкции и называет ее вспомогательным предикативным центром, выполняющим функцию члена предложения, другую часть предложения квалифицирует как основной предикативный центр, с другой же стороны, предложение в целом определяет как простое. Следовательно, предложение с инфинитной конструкцией он квалифицирует как простое предложение с двумя предикативными центрами: основным и вспомогательным[4].

Остается непонятным, как можно согласовать понятие простого предложения с понятием полипредикативности.

Как видно из краткого обзора специальной литературы, вопрос об инфинитных конструкциях в абхазско-адыгских, дагестанских, нахских и тюркских языках не вышел еще из рамок противоречи-

[1] G. Deeters. Der abchasische Sprachbau. Nachrichten von der Gessllschaften zu Gottingen, Phtlologisch – historische Klasse, Gottingen, 1951, S. 295.

[2] К. В. Ломтатидзе. Абхазский язык. В кн.: «Языки народов СССР», т. IV. М.,1967, стр. 120.

[3] Л. П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970, стр. 264.

[4] М. М. Циколия. Порядок слов в абхазском языке, стр. 186 и сл.

вых мнений. Нельзя не заметить в то же время и того факта, что ни одно из двух вышеприведённых противостоящих друг другу мнений не имеет убедительной аргументации.

Одни грамматисты, для того чтобы объявить инфинитные конструкции придаточными предложениями, считают достаточным наличие в них своего подлежащего, отличного от подлежащего предложения, другие же в основу признания или непризнания инфинитных конструкций придаточными предложениями кладут наличие или отсутствие в них значения предикативности. Однако значение это (предикативности) они находят и в причастных и деепричастных оборотах[1].

В таком случае становится непонятным, что они понимают под понятиями «подлежащее», «сказуемое и «предикативность».

Есть серьезные основания согласиться с мнением У. С. Зекох, что «некоторые адыговеды определяют конструктивный тип предложения адыгских языков исходя из структурно-грамматических особенностей семантически соответствующего этому предложению европейского синтаксического материала, на основе того общего, что сохраняется в предложениях при их переводе с одного языка на другой»[2]. И это касается не только некоторых адыговедов. Однако главная причина не в «странном желании обязательно

[1] Говоря об этом, А. К. Шагиров пишет: «По мнению М. М. Сакиева, если причастный оборот имеет свое собственное подлежащее, отличное от остальной части предложения, то такой оборот должен рассматриваться как придаточное предложение; если же причастный оборот и остальная часть предложения объединены общим подлежащим, то предложение в целом должно считаться простым, и причастный оборот не должен признаваться за придаточное предложение». (См. сб.: «Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана», стр. 88).

Это же положение мы находим и у Г. Б. Муркелинского. Так, он пишет: «Таким образом, основным критерием отнесения упомянутых конструкций к придаточным предложениям нужно считать наличие у них собственного подлежащего, отличного от подлежащего главного предложения...» И далее: «В отличие от русских причастных и деепричастных оборотов, они могут иметь свое собственное подлежащее и обладают другими грамматическими признаками (интонацией, предикативностью и т. д.), которые позволяют считать их придаточными предложениями особого типа». (Указ. сб., стр. 81).

[2] У. С. Зекох. К проблеме гипотаксиса и частей речи в адыгских языках. Уч. зап. Адыгейского НИИ яз. лит. и истории, серия лингв., т. II. Майкоп, 1963, стр. 156.

иметь в языке придаточные предложения…», а в недостаточной разработанности проблемы простого предложения в абхазско-адыгских, дагестанских и нахских языках. Само собою ясно, что без предварительного и сколько-нибудь полного решения проблемы простого предложения нельзя ставить вопрос придаточного предложения и инфинитных конструкций.

Известно, что сложноподчиненное предложение – понятие полипредикативное. И прежде чем говорить о нем, надо иметь ясное представление о категории предикативности.

Ниже, исследуя инфинитные конструкции абхазского языка, мы будем исходить из того понимания простого предложения и его грамматической семантики-предикативности, которое изложено в предыдущих главах настоящей работы.

Под инфинитными конструкциями понимаются такие словосочетания, организующим центром которых является глагол инфинитного образования (инфинитной формы). Организующая роль глагола инфинитной формы заключается в том, что в нем сосредоточены грамматические форманты субъектно-объектных компонентов словосочетания, к нему примыкают и другие компоненты с обстоятельственными значениями (если такие имеются в словосочетании). В нем находят свое выражение и временные значения. Однако не все глагольные образования инфинитной формы обладают одинаковыми грамматическими возможностями. В этом отношении они должны быть разделены на глаголы инфинитной формы, образованные: а) аффиксами относительных местоимений **и, з** (причастные образования); б) обстоятельственными элементами -ахь-, -ан-, -ш-, суффиксами -нацы, -ижьҭеи, -цыцхьаза, -р, -зар, -зҭгьы, -рпы (-рацы, -разы...); в) -о-уа-, -ны, -(м)куа и чистой основой (деепричастные образования).

Каждое из этих трех глагольных образований может стать организующим центром соответствующей инфинитной конструкции. Рассмотрим каждое из них в отдельности.

Причастные инфинитные конструкции

Сюда относятся инфинитные конструкции, организующим центром которых является глагол инфинитной формы, образованный аффиксами относительных местоимений **и, з.**

Аҭакуажә и-ḱунылшьаз акуҵышь абга иагеит. (Пословица) «Не признанного старушкой цыпленка лисица забрала». Сасра и-м ц а ц асас дизныḱугом. (Пословица) «Кто не бывал в гостях, тот не сможет принять гостя». Аҳ у-з-қуиргуҷуа хы-шықуса уазыцшыз. (Пословица) «Обещания царя три года ждут». Мышкы аҳра з-оуз шәҩык рхы хиссеит. (Пословица) «Тот отрубил головы сотне, кто получил должность царя на один день».

В причастной инфинитной конструкции могут быть выражены субъектные и субъектно-объектные отношения. Субъектный и объектный форманты при этом сосредоточены в глаголе инфинитной формы. Это связано с тем, что причастие в абхазском языке обладает субъектно-объектным спряжением.

Сара Кама и-лы-с-ҭаз ашәḱу астол иқууп «Книга, переданная мною Каме, лежит на столе».

В этом примере объектные компоненты ашәḱу, Кама и субъект имеют в причастии и-лы-с-ҭаз свои форманты, соответственно и, л, с, обозначающие лицо, число и класс соотносительных с ними компонентов (за исключением аффикса относительного местоимения и, не различающего, как и **з**, ни лиц, ни числа, ни классов). Здесь, как и в предикате для обозначения субъектно-объектных отношений используются два ряда личных аффиксов с соответствующими их функциями, описанными в первой и второй главах настоящей работы.

Таким образом, в причастной конструкции между глаголом инфинитной формы и субъектно-объектными компонентами устанавливается связь, аналогичная той, которую мы назвали условно-предикативной.

Следовательно, в причастной конструкции, как и в поликомпонентной структурной основе предложения, мы имеем субъектно-объектные отношения и соответствующую синтаксическую связь.

Далее следует решить вопрос отношения причастной конструкции к категории синтаксического времени. Известно, что причастие в абхазском языке обладает всеми временными формами глагола. И -цәа-жәо «говорящий» (тот, кто говорит):

аорист	и-цәажәа
прош. несов.	и-цәажәоз

прош. неопр.	и-цәажәаз
давнопрош.	и-цәажәахьоу
давнопр. упр.	и-цәажәахьаз
наст.	и-цәажәо
буд. I	и-цәажәара
буд. II	и-цәажәаша

Однако эти временные формы причастия обладают не абсолютным, а относительным временным значением.

Важно отметить и тот факт, что относительное временное значение свойственно причастию по своей морфологической структуре, а не по связи, возникающей в предложении или инфинитной конструкции.

И, наконец, об отношении причастия к категории модальности. Как известно, морфологической основой категории модальности являются формы наклонений глагола. Причастие же не обладает формами наклонений и соответственно не может образовать оппозиции синтаксического индикатива с синтаксическими ирреальными наклонениями.

Следовательно, категория модальности не может базироваться на причастии.

Как видно из вышеизложенного, из трех предикативных категорий (категории лица, абсолютного времени и наклонения) причастие обладает лишь одной категорией лица и на его основе субъектно-объектными отношениями.

Таким образом, инфинитная конструкция, организующим центром которой является причастие, по своей грамматической структуре не может выражать и иметь значение предикативности.

Это означает, что предложение с причастной конструкцией нельзя квалифицировать как полипредикативное, оно может быть лишь монопредикативным, простым.

Это можно продемонстрировать на примере русского языка следующим образом. Из двух вариантов русского предложения: а) На столе лежит книга, купленная мною; б) На столе лежит книга, которую купил я. В абхазском языке наличен лишь первый вариант.

Инфинитные конструкции, организующим центром которых является глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственными элементами -ан-, -ахь- и -ш-

Отличия глагола инфинитной формы, образованной с помощью обстоятельственных элементов, от причастия заключаются в следующем:

1) Если в причастии аффиксы относительных местоимений и, з, занимающих позиции субъектного и объектного формантов, не дают парадигмы лица (числа и класса), то в глаголе инфинитного образования с обстоятельственными элементами полностью сохраняются парадигмы субъектного и объектных лиц.

Следовательно, глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами связан с субъектным и объектным компонентами предикативной связью с сохранением полной парадигмы субъектно-объектных лиц.

Сара ацаӏы сы-ш-и-ацәажәоз... «Как я говорил с учеником?»; Сара ацаӏы с-ахь-и-ацәажәоз... «Где я говорил с учеником»; Сара ацаӏы с-ан-и-ацәажәоз... «Когда я говорил с учеником…»

2) Если причастие сочетает глагольную семантику действия или состояния с собственно-характеризующим значением, то глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами сочетает в себе глагольную семантику действия или состояния с обстоятельственно-характеризующим значением.

В отношении же выражения категории времени причастие и глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами полностью совпадают.

Он (глагол инф. формы собст. элементами) имеет полную парадигму временных форм с относительным временным значением. Следовательно, относительное временное значение в нем.

Разбираемый глагол полностью совпадает с причастием и по отношению к категории наклонения. Он не обладает формами является не порождением синтаксических отношений, а свойством глагола как морфологической единицы. И это относительное временное значение сохраняется и в инфинитной конструкции, организующим центром которой является глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами наклонений.

Таким образом, исследуемая инфинитная конструкция тоже не обладает категорией предикативности и квалифицировать ее как придаточное предложения нет реальных оснований.

Глаголы инфинитной формы, образованной другими вышеперечисленными суффиксами (-ижьҭеи, -нацы, -цыцхьаза...), по отношению к категориям лица (числа и класса), времени и наклонения полностью совпадают с глаголами обстоятельственно-инфинитного образования. И инфинитные конструкции, организуемые ими, по своему значению ничем не отличаются от вышеописанных. Поэтому останавливаться на них нет никакой необходимости.

Следует коротко охарактеризовать деепричастные конструкции в интересующем нас плане[1].

Деепричастные инфинитные конструкции

Деепричастные конструкции по своему грамматическому значению значительно отличаются от других вышеописанных конструкций. Это связано с грамматическими возможностями деепричастия, выступающего организующим центром соответствующих конструкций. Особенность деепричастия по сравнению с другими вышеописанными глаголами инфинитной формы заключается в том, что оно не обладает формами грамматических времен глагола. Деепричастие обозначает лишь действие, которое предшествует, совпадает или, в редких случаях, следует за временем глагола-предиката[2].

Сыԥуа сааусит.	«Я иду бегая» (дословный перевод).
Сыԥуа сааит.	«Я пришел бегая».
Сыԥуа саауан.	«Я шел бегая».
Сыԥуа саан.	«Пришел бегая...»
Сыԥуа саахьеит.	«Я пришел уже бегая».
Сыԥуа саахьан.	«Я пришел уже бегая».
Сыԥуа саап.	«Я приду бегая».
Сыԥуа саашт.	«Я приду бегая».

[1]Подробно вопрос этот освещается в первой главе настоящей работы.
[2]См. подробнее об этом: Ш. К. Аристава. Деепричастие в абхазском языке. Сухуми, 1961, стр.

Как видно из примеров, деепричастие с ы ◌ о у а «бегая», не имея собственного значения грамматического времени, сочетается с глаголом-предикатом во всех временных формах.

В отношении же наклонения деепричастие совершенно нейтрально.

Само собою разумеется, что деепричастие, не имея значения грамматического времени и наклонения, не может быть организующим центром предикативного словосочетания.

Следовательно, квалифицировать деепричастный оборот как придаточное предложение не только необоснованно, но и ошибочно.

Деепричастие в абхазском языке, как и в большинстве иберийско-кавказских языков, обладает полной парадигмой субъектно-объектных лиц и соответствующей связью с субъектно-объектными компонентами. И эта черта объединяет его с другими глаголами инфинитной формы. Однако одни субъектно-объектные отношения вне категории модальности не могут формировать значение предикативности[1].

Глаголы инфинитного образования (за исключением деепричастий) обладают одной морфологически выраженной формой, которая дает им возможность выступить в позиции предиката[2]. Это – вопросительная форма. Вопросительной формой обладают как причастные, так и обстоятельственные образования.

Иацхьо – читающий (тот, кто читает):
Иацхьо-да? – кто читает (читающий есть кто)?
Изы◌уа-да? – кто пишет (пишущий есть кто)?
Узыцхьо – то – что ты читаешь:
Узыцхьо-зеи? – что ты читаешь?
Уанцо – когда ты идешь:
Уан-ба-цои – когда ты идешь?
Ушцо – как ты идешь:
Уш-ца-цои? – как ты идешь?
Уахьцо – куда ты идешь:
Уа-ба-цои? – куда ты идешь?

---

[1] См. подробнее об этом в первой главе настоящей работы.

[2] См. подробнее об этом: Ш. К. Аристава. Простое сказуемое в абхазском языке. Труды Сухгоспединститута, выпуск XVIII –XIX. Сухуми, 1966, стр. 239.

Связь вопросительной формы с категорией предикативности проявляется в том, что, принимая вопросительную форму, глаголы инфинитного образования получают одновременно значение абсолютного времени. А абсолютное временное значение, как известно, является одним из непременных условий формирования категории предикативности.

В описанном случае глагол инфинитного образования может стать организующим центром вопросительного предикативного словосочетания.

Хымҭə Арсана дабашəанхо? (Б. Ш.) «Где живет Хинтба Арсана?» Узхыччозеи, мшəан, Дамеи? Узхыччозеи, мшəан, сымхəеи? (Б. Ш.) «Над чем смеешься, Дамей?» Нан, нан, сыцкун, уабадəыкулеи, иухуцуазеи? (Б. Ш.) «Сын мой, куда ты отправляешься, что ты задумал?! Ас ишцакалеи ҭауадк инхарҭаҿ? (Б. Ш.) «Как могло случиться такое в доме дворянина?» Аҳцəа зыцəшəазеи? Аҧсныка икоузеи? (Б. Ш.) «Чего испугались цари? Как дела сейчас в Абхазии?» Бадра, дабакоу Иаков уасҭа? (Б. Ш.) «Бадра, где находится Яковплотник?» Нас ианбауцыло ууацəа, уҭахцəа? (Б. Ш.) «Когда тебя встретят родные, друзья?»

Однако, включаясь в предложение, описанное предикативное словосочетание теряет вопросительную форму и вместе с ней и вопросительное значение. Поэтому в составе предложения инфинитная конструкция не может быть носителем вопросительной формы и вопросительного значения. Предложение, в состав которого входит инфинитная конструкция, может быть вопросительным. Однако в этом случае носителем вопросительной формы и соответствующего вопросительного значения является предикат, а не глагол инфинитного образования, являющийся организующим центром инфинитной конструкции.

Шəара ашколаҿы шəаннеи, аҧхьара иалагахьазма? «Когда вы пришли в школу, занятия уже шли?» Аҧхьара иалагахьазма, шəара ашколаҿы шəаннеи? «Занятия уже шли, когда вы пришли в школу?» Даеа хҭыск игуалашəома Анкьа хигахьаз иара? (Б. Ш.) «Помнит ли он случай, который когда-то был с ним?» Уаниама ҳцацха анаҿыз абылра? (Б. Ш.) Был ты, когда горела наша апацха?»

Что касается деепричастия, то оно не имеет вопросительной формы ни морфологически, ни в составе конструкции.

Таким образом, в абхазском языке не наблюдается случая, когда инфинитная конструкция в составе предложения была бы носителем предикативного значения.

Однако это вовсе не означает, что в абхазском языке нет придаточных предложений. Как отмечено в специальной литературе[1], встречается около трех типов придаточных конструкций, характеризующихся как инновации.

К ним относятся такие сложные предложения, между предикативными частями которых устанавливаются подчинительные причинно-следственные отношения.

Однако в придаточной части этих предложений не встречаются глаголы инфинитного образования в роли организующего центра. В этой функции тут выступают те глаголы финитной формы или финитного значения, которым свойственна функция предиката.

По своему грамматическому значению и той роли, которую они играют в синтаксической организации предложения, инфинитные конструкции делятся на конституирующие и распространяющие.

К конституирующим относятся субъектная и объектная инфинитные конструкции, о которых уже сказано подробно во второй главе настоящей работы. Здесь мы дадим лишь краткую характеристику этих конструкций.

Субъектная инфинитная конструкция

Выступая в позиции субъекта, инфинитная конструкция субстантивируется и указывает на лицо, предмет или явление, действие которого обозначено предикатом.

А з ы р ш ы и а ц ә ш ә а з амца д-ақуцалеит. (Пословица) «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь». Ҩ-жьак ирышьҭалаз акгьы изымкит. (Пословица) «Погнавшийся за двумя зайцами не поймал ни одного». А б а с ахра иалзиааз ахреицш дыцуҕуоуп. (Б. Ш.) «Рожденный скалой подобен скале (крепок как скала)».

Субъектная и инфинитная конструкция, как и субъект, связана с предикатом предикативной связью. В зависимости от переходности и непереходности глагола-предиката связь может быть выражена субъектными аффиксами ряда *л* или *д*. Субъектная ин-

[1]См. подробнее об этом в статье Л. П. Чкадуа. Сложное предложение в абхазском языке, «Известия» АбИЯЛИ, 5. Тбилиси, 1976, стр. 36.

финитная конструкция в целом получает значение класса и числа того денотата, на который указывает она в данном предложении. Значение же синтаксического лица она получает в зависимости от занимаемой ею позиции в предложении: говорящего, собеседника или неучаствующего в речи. Лицо, число и класс субъектной инфинитной конструкции обозначаются в предикате соответствующим субъектным формантом.

Ауал згарҭаз д-ыччо д-алагеит. (Апс. л.) «Пришедший за долгом стал смеяться». С а и с ы к у р ш а н ы и т ә а з рыхқуа рықужь и-зырԥуан. (А. Г.) «Сидевшие вокруг меня слушали, опустив головы». З г у з ы х ь ы з бара б-оуп. (А. Г.) «Пострадавшая (у кого сердце болело) есть ты». Зыцсы еиқухаз ҳацсы ҳаманы ҳ-цеит. (Апс. л.) «Оставшиеся (мы) в живых спаслись бегством».

Удаление субъектной инфинитной конструкции из структурной основы предложения, как и удаление субъекта, вызывает ее разрушение. Факт этот доказывает, что субъект и субъектная инфинитная конструкция занимают идентичные синтаксические позиции в предложении.

Ср. А х р а и а л и а а з ахреицш д-ыҕуҕуоуп;

… … ахреицш .-ҕуҕуоуп.

В функции субъекта выступает преимущественно инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы, образованной аффиксами относительных местоимений **и, з.**

А и б а ш ь р а и-а н ы м и а ц д-хаца ҕуҕуоуп. (Пословица) «Тот герой, кому не приходилось сталкиваться с войной». А б и л е ҭ з-маз ашәахь еиханы рҽына-р-хеит. (И. П.) «Имевшие билеты двинулись к дверям». С а с ы з д ы р у а г ь (и)-шьарда-оуп... (Б. Ш.) «Знают меня многие (знающих меня – множество)». Аҭырқуа гаҽа ршьапы ныкуд-ыргылеит з т ә ы л а н ы ж ь н ы и-ц о з. (С. Ч.) «Ступили на турецкую землю те, кто шли, оставив свою родину».

Объектная инфинитная конструкция

Объектная инфинитная конструкция занимает синтаксическую позицию конституирующего объектного компонента структурной основы предложения. Она связывается с предикатом предикативной

связью. В зависимости от переходности и непереходности глагола-предиката связь эта может быть выражена объектными аффиксами ряда *д* или *л*.

Аҽы иақумтәаҵ аеы д-канамыжьҵт. (Пословица) «Кто не ездил на коне, тот никогда не падал с коня». Аҳ узықуиргуҭуа хы-шықуса у-а-зыцшыз. (Пословица) «Обещания царя три года ждут». Иара дцәажәон, Хьыкуа дгылан, Лабхуа иацшьиигаз д-а-цшуан. (Б. Ш.) «Он говорил, Хикуа стояла, ждала решения свекра своего».

Объектная инфинитная конструкция, как и субъектная конструкция, выступая в позиции объекта, субстантивируется и принимает значение класса и числа того денотата, на который она указывает в предложении. Значение же синтаксического лица она получает в соответствии с занимаемой ею позицией в речи: говорящего, собеседника или неучаствующего в ней.

Значения лица, числа и класса объектной инфинитной конструкции обозначаются в предикате соответствующими объектными формантами.

Аҳәсахуҵқуа и-сарҳәеит ....Мороз уаҩы дахьицыхьашәашаз («Алаш.») «Девушки сказали мне, где можно разыскать Мороза». Аказарма ацхьа данааи аҭаҭын зрыцхуаз днарылацшит. (И. П.) «Когда он подошел к казарме, посмотрел на тех, кто низал табак». Азы иашьыз азы и-ҽадырхухуон. (Поговорка) «Утопленника (убитого водой) поили водой». Аурок иагхаз ашкол адиректор д-ҳ-ацхьан икабинетахь ҳ-аҩнеигалеит. «Опоздавших (нас) на урок директор школы вызвал и завел в кабинет».

В функции организующего центра объектной конструкции выступают:

1) Глагол инфинитной формы, образованной аффиксом относительного местоимения **з:**

Иара и-еиликааит у и з-м а а н а з. (Л. Т.) «Он выяснил, что это означало». Уаҩы и-еилиргарызу ампыл з-гози, урҭ амҩа рзы-з-кози? (Д. Г.) «Мог ли кто-нибудь разобрать, кто владел мячом и кто гнался за ними?

2) Глагол инфинитной формы, образованной аффиксом относительного местоимения **и:**

Надиа и-ҟалҵаз Ҭемыр и-ҵьеишьеит. (П. П.) «Темыра удивил поступок Нади». Сара и-еилыскааит, ажәларқуа риашьара и-ацнакуаз. (И. П.) «Я понял значение братства народов».

Атԥла и-алԝрыз амат (и)-и-цҳаит. «Змея ужалила того, кто упал с дерева».

3) Глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственным элементом **ш:**

С а р а у а х ь сы-ш-цоз шәара и-шәасымҳәит. (Д. Г.) «Я не сказал вам о том, что я иду туда». Аха и-жәдыруазааит ҳаргьы ҳԥаҳәахаа ҳ-шыцәам, а к ы ш-ҳаҳауа, амазаԛуакгьы ш а а д ы р у а. (И. П.) «Чтобы вы знали, что мы не спим мертвым сном и располагаем кое-какими сведениями».

4) Глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственным элементом **ахь:**

Уи и-агьсеиҳәеит ицараԛуа ахьыkоу. (Л. Т.) «Он сказал мне, где его деньги хранятся». Аҳәсахуҷқуа и-сарҳәеит Мороз уаԝы д-а х ь-ы и ц ы х ь а ш ә а ш а з. («Алаш.») «Девушки сказали мне, где можно разыскать Мороза».

5) Глагол инфинитной формы, образованной вопросительным элементом ш а k а:

Сара ибзиаԥәkьаны и-еилыскааит урԥ ауаа ҕарцәа ршьа р ы л ц ә ц ә а р а ш а k а и а з k а з а з. (И. Л.) «Я хорошо понял, насколько они были способны высосать у простого народа кровь». Урԥ Игнат и-реиҳәалон а у з б е к ц ҳ ә ы с лыԥстазаара шаk а ихьамԥаз (И. П.) «Игнат часто рассказывал им о тяжелой жизни узбечки в прошлом».

6) Глагол условно-целевой инфинитной фирмы:

Ҭатластаԥни Алмеи ԝыцьа иаарыцхьан рнапы и-анырԥеит а ж ә л а р е и з ы р г а р а з ы, а м п ы л а с р а, е и ҿ ы р к а а р а з ы (Д. Г.) «Татластан и Алма вызвали двоих и поручили им собрать народ и организовать игру в мяч».

Объектная инфинитная конструкция (личноотносительная), как и субъектная, является конституирующим компонентом и удаление ее из структурной основы предложения вызывает ее разрушение.

Ср. Ҭемыр и-ԝуан Москва дааижьҭеи дышkушхаз... (И. П.) «Темыр писал о том, что с тех пор, как он приехал в Москву, поумнел»; Ҭемыр .-ԝ.уан ... ...

Инфинитная конструкция в функции распространяющего объекта

Инфинитная конструкция может выступить в функции распространяющего объекта. И в данном случае она субстантивируется,

однако связывается с предикатом не предикативной связью, а свободным примыканием. Выступая в функции распространяющего объекта, инфинитная конструкция сочетается с каким-либо послелогом, с которым вступает в связь в лице, числе и классе.

И а г х а н ы и а а и з р-з ы астол хазы идырхиеит «Для пришедших с опозданием накрыли отдельно стол». Аҵара зҵар зҵахыу изы ашколқуа рышә аартуп. «Двери школ открыты для того, кто хочет учиться». Акрура зҵахыу изы аусутә маҷзам. «Есть что делать для того, кто хочет работать». А к г ь ы з л ы м ц ш а изы ахыргуаҟра иаҵсам. «Невразумительный заботы не стоит».

Инфинитная конструкция в функции распространяющего объекта встречается в редких случаях.

Атрибутивная инфинитная конструкция

Атрибутивная инфинитная конструкция занимает в предложении синтаксическую позицию атрибутивного распространителя. Она определяет преимущественно субъектный и объектный компоненты и примыкает к ним. Она связывается с определенными ею компонентами свободным примыканием. Однако наиболее естественна препозитивная позиция атрибутивной инфинитной конструкции по отношению к определяемому ею слову.

А б ы р ж ә ы и а а и н ы з ы м а ц а р а и т ә а з аҵакуажә дубауоу цқьа? («Алаш.») «Ты видишь хорошо старушку, которая подошла сейчас и села одна?» Абни, а ц х ь а н и у с ы р б а з аҵхәыс илымоуп ицәахны. («Алаш.») «Та женщина, которую я тебе показал, спрятала то». Сара и б ж ь а н ы з к у а д ы р зқусҵаз аҽы ақуҵши аҵхәыси сзақуртәом. («Алаш.») «Я не посажу на коня, наезженного мною, ребенка и женщину». Ақалақь аҽы ираазоит аинтеллигенциа ҽыц, амилаҵҭә культура шьҭызхша ауаа. (Н. Ҳ.) «В городе воспитывают новую интеллигенцию, людей, которые должны поднять национальную культуру». Иқоуп амашьынақуа – Амашьынаҟугақуа, Амашьына қьиақуа, Иласу, Игуҕуоу, Кыр з л а з о, Б л а д а и г у а з ҭ о, Зегь зылшо. (Амц.) «Есть машины – умные машины, добрые машины, легкие, сильные, без глаз видящие, всемогущие».

Удаление атрибутивной инфинитной конструкции, как и других распространяющих инфинитных конструкций, из предложения не вызывает изменения структурной основы.

Анкьа абра дынхои ашәыр рацәаны измаз ҭауадк. (И. П.) «В старину здесь жил какой-то дворянин, имевший много фруктовых садов». Анкьа абра дынхон ... ... ҭауадк. «В старину здесь жил какой-то дворянин».

В функции организующего центра атрибутивной инфинитной конструкции может выступать глагол инфинитной формы, образованной:

1. Аффиксом относительного местоимения **и:**

Ақыдуахуа иадтәаланы и-хысуаз Иазыгу, ахысра анааиқутәаҵәкьа, даара дзыцәшәашаз акы игу иааҵалеит. (И. П.) «Сразу после того, как прекратилась стрельба, в сердце Язуга, стрелявшего сидя за бревном, вселился какой-то страх». Илшәылҵеит аҵҳәыс маҭәақуа ирылакны и-ааигаз хаҵатә ласалых кофҭакгьы. (И. П.) «Она одела еще одну шерстяную кофту, которую он принес вместе с женскими вещами».

2. Аффиксом относительного местоимения **з:**

Кукута уажәрааназа и ц а ҵ а з-и р с о з аҵаҵасаѳы дигуамҵхазт, даєа ҵаҵасаѳык иҷы аҵаҵасара далагеит. (И. П.) «Куакуте не понравился парикмахер, у которого он брился, и стал бриться у другого парикмахера». Араҟа иубон ҵштәыхкыс иуҭахыу зегьы з-моу ашәҭқуа. (И. П.) «Здесь можно было найти любые цветы, какие только захочешь». Кутат ибригада аусура ианалга, иара дрылҵны г а н к а х ь ы и н а с к ь а ш ә а аус з-у а з аҭыҵха ҵшза Сырма лҷы днеит. (И. П.) «Кутат, когда закончила работу его бригада, отошел от своих друзей и подошел к красивой девушке Сырме, работавшей чуть поодаль». Еицырхашьшьы иааиуан а р р ы м а ҭ ә а з-ш ә ы з гупҵоык ауаа. (И. П.) «Шла группа людей, одетых в военную форму».

3. Обстоятельственным элементом **ахь:**

А ц ҳ ә ы з б а д-а х ь-ы р б а з аѳны бахук ашьапаҷы игылан. (И. П.) «Дом, в котором нашли девушку, стоял у подножья горы». Дигуа дахьышьҭалоз ауада ишьҭыхны аѳнду иаҵқаҵан. (А. Г.) «Комната; в которой спал Дигуа, была пристроена к большому дому».

В функции организующего центра атрибутивной инфинитной конструкции выступают также:

1) Инфинитная форма будущего второго времени глагола:

Анцәа иҵышьоуп, а ж ә л а р н ы ҟ у з г а ш а аҷар ыҟоуп. (Н. Ҳ.) «Слава богу, есть молодежь, которая может обслужить на-

род». Насгьы мҩакы дықузцаша, иҟушу ҩыза димазам. (Н. Х.) «У него нет друга, который направил бы его по правильному пути».

2) Инфинитная форма обусловленного наклонения:

... Адырҩаены идрыцхшаз аҭаҭын ҿырхит. (Н. Ҳ.) «Они наломали табачных листьев, низать которые собирались на второй день». Есма лгуы ҟазцашаз, лхьаа лхазыршҭышаз самырҟулқуакгьы нарҳәан илатәеит. (Д. Г.) «Они немного побалагурили, чтоб развеселить Эсму и облегчить ей боль, и расселись».

3) Условно-целевой инфинитной формой глагола, образованной суффиксом **-ратәы:**

Урҭ дынрывсны бзиа дахьынаскьаз, уардынк бжьыс-ратәы мҩа ҭшәарак дазнеит. (Н. Ҳ.) «Пройдя мимо них, он пришел к какой-то узкой дороге, по которой могла пройти арба».

Обстоятельственные инфинитные конструкции

Общей семантикой обстоятельственных инфинитных конструкций является обстоятельственно-характеризующее значение, которое, как правило, относится к предикату, но может относиться и ко всему предложению в целом.

К обстоятельственным инфинитным конструкциям относятся: иифинитная конструкция образа действия, локальная инфинитная конструкция, темпоральная инфинитная конструкция, целевая инфинитная конструкция, уступительная инфинитная конструкция, условная инфинитная конструкция, сравнительная инфинитная конструкция и др.

Инфинитная конструкция образа действия

Инфинитная конструкция образа действия обозначает, как и при каких условиях происходит действие предиката. Она связывается с предикатов свободным примыканием.

Нас алаф шырҳәоз, ишыччоз аҭаҭынрыцхрагьы иналагеит. (Н. Ҳ.) «Затем, балагуря, шутя, приступили к низке табака». Амҵ цыруазар абжьык уаҳартә иаатынчрахеит. (Н. Ҳ.) «Воцарилась такая тишина, что можно было услышать пролетающую муху».

В функции организующего центра инфинитной конструкции образа действия может выступить глагол инфинитной формы, образованной:

1) Обстоятельственным элементом **ш:**

Мыта дышьны ды-ш-кажьыз дырбеит. (И. П.) «Мыту нашли убитого (лежащего убитым)». Егьырҭ ашәкуқуа иц-ҟьаны адашьма и-ш-ықуцсаз адәахьы хумарра дцеит. («Амц.») «Оставив разбросанные на полу книги, он вышел во двор играться». У и е и л ы м к а а к у а дахьцоз игу и - ш - а л а з аҩ-ныҟа дхынҳәит Баҭал. (П. Х.) «Батал вернулся домой, жалея, что ему не удалось выяснить то».

2) Суффиксом -**ратәы/ртәы:**

Уангылазгьы цагьа угылан, Ԥсынгьы уцсит а у а а у р б а - р а т ә ы. (Б. Ш.) «Пока стоял, стоял ты гордо, когда пришла гибель, погиб ты со славой». Ишәиааида? – нахьхьи абарцаҽ… иқугылаз ауаҩаза иаҳартә ҽааиҭит Каҷи. (А. Г.) «Кто из вас выиграл? – крикнул Уачиа так громко, чтобы мог услышать тот неотесанный человек, который стоял на балконе».

3) Суффиксом – **шәа:**

Аҩнқуа ибо даннеи, а г а н а х ь ш ә а иҭ а г ы л а з а х ь а з а цә и ҽ а д к ы л а ш ә а даагылт. (А. Г.) «Когда подошел так близко, что можно было разглядеть дома, он стал, прислонившись к одинокому каштановому дереву». Инанагаз афатә аԥшқа инаҽаршәны, нас з н а з ы ш ь ҭ а х ь ҟ а а ҽ ы н х ы р ш ә ҭ ш ә а иааҭгылон уи. (Ф. Иск.) «Положив в рот птенцу корм, чуть откинувшись назад, она остановилась».

Локальная инфинитная конструкция

Локальная инфинитная конструкция обозначает место или направление действия предиката. С последним она связывается свободным примыканием.

Урҭ еилсыргахьеит, баба, – лҳәеит Зина л ы х ц ә ы ы р ш о д а х ь г ы л а з. (И. П.) «Я уже убрала то, – сказала Зина там, где она стояла, заплетая косы». Амра а х р а а ц а ҟ ь а иахьыб-ж ь а т ә а з иаацышәырччеит. (С. Ч.) «Солнце засияло там, где оно сидело между скалами». Озамаҭ ипа атрактор дахьақутәаз иааҭирҟьеит ашәа ҿыц. (С. Ч.) «Сын Озамата запел новую песню, сидя на тракторе».

Организующим центром локальной инфинитной конструкции выступает глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственным элементом **а х ь:**

Саб иаб, уи иаб уҳәа ҳабацәа абра с-а х ь-ы-қ у н х о иқунхон. (С. Ч.) «Дед мой, прадед и другие жили тут, где я сейчас живу». У а х г ь ы - ҽ ы н г ь ы и м г ы л а з а к у а а у а а т ҽ а н ы а ҩ ы а х ь - е и м а р к у а иара саатқ еиқукны дызтәауамызт. (А. Г.) «Он не мог сидеть ни одного часа там, где люди сидели сутками и пили вино». А б а с д х у ц у а д - а х ь - г ы л а з Ҭемыр иблақуа москватәи атыпҳа цшза излыкукуамызт. (И. П.) «Темыр (где он стоял задумавшись) не мог оторвать глаз от красивой москвички».

Иногда к локальной инфинитной конструкции добавляется послелог а х ь со значением направления.

Рҩыцьагьы рҿынархеит а у а а а ацла и а х ь а ц а т ҽ а з а х ь. (С. Ҷ.) «Оба направились туда, где люди сидели под деревом». Илацш неиршәит а х ы с б ж ь ы а х ь г а з а х ь. (С. Ҷ.) «Он бросил взгляд туда, откуда раздался выстрел».

Темпоральная инфинитная конструкция

Темпоральная инфинитная конструкция связывается с предикатом свободным примыканием и характеризует его с темпоральной стороны.

Темпоральное значение инфинитная конструкция в целом получает от ее организующего центра – глагола инфинитной формы. Глагол же инфинитной формы темпоральное значение приобретает от образующих ее аффиксов, к которым относятся:

1) Обстоятельственный (временной) элемент ан:

К а м а ҷ ы ҷ л ы б ж ь ы а н - л а ҳ а, Цақуа хуҷы дгурҵьа-цәа дыҩны дааит. («Амц.») «Маленькая Цакуа прибежала бегом, с радостью, когда услышала голос Камачича». Басиат д-ан-ырзааигуаха урҭ а у с у р а иаҟуцит («Амц.») «Когда Басиат приблизился к ним, они перестали работать».

2) Суффикс **-ижьҭеи** с темпоральным значением:

Д и г у а иҩны а ф ы м ц а а а и г е и ж ь ҭ е и рацәак цуамызт. (А. Г.) «Прошло немного времени с тех пор, как Дигуа провел к своему дому электропроводку». З и н е и и а р е и е и б а м б е и ж ь ҭ е и даара ихуцракуа рацәахеит Ҭемыр. (И. П.)

«Много разных мыслей и забот появилось у Темыра со времени последней встречи его с Зиной».

3) Темпоральный суффикс **-нацы:**

Сымч снанаго-нацы сыҽрыстар стахымызт. (И. П.) «Пока сил хватало, я не хотел сдаваться». Аидара ақурцонац аҽамырцысит. (А. Г.) «Пока его загружали, он не двигался».

4) Темпоральный суффикс **-ааанза:**

Ауаҩ дыцс-аанза: иумҭа цәырҭзом. (Поговорка) «Пока человек жив, его заслуги (дела) не выявляются». Азәы ихьаа уздыруам уара ухаҭа уақушә-ааанза. (Поговорка) «Чужого горя не поймешь, пока сам не столкнешься с ним».

5) Суффикс кратности **–ццхьаза:**

Сгу аатзызауеит уи даасгуалашәа-цыцхьаза. (С. Ч.) «Сердце сжимается каждый раз, когда я вспоминаю его». Рыда цсыхуас иҳамоузеи, царак ааҳҳҭаххацыцхьаза дара роуми ҳназыдгыло. (И. П.) «Что нам делать без них, каждый раз, когда нам нужны деньги, мы обращаемся к ним».

6) Префикс **-ахьынза** (до тех пор пока):

Сара с-ахьынза-тәаз сҩызцәагьы ааит. «Пока я сидел, товарищи мои подошли». Амшқуа ахьынзацәгьаз аҭагалара изаламгеит. «Пока стояли дождливые дни, не смогли приступить к сбору урожая».

7) Суффикс **-мҭазы** (к тому времени):

Хулцазы амра аҭашәа-мҭазы ҿуаҩык агуар дааҭалеит. «Вечером, к заходу солнца (в момент захода солнца), во двор заехал какой-то всадник». Амацәаз цшаауа ихы алырҟум-ҭазы дхьацш-хьацшуа ирҭуҭуаны лҷыналхеит Зина… (И. П.) «В тот момент, когда он нагнулся ища кольцо, Зина быстрыми шагами направилась...»

Бывают случаи, когда инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы с обстоятельственным элементом **ш,** выступает в предложении с темпоральным значением.

Акамбашьқуа снарыцаҟьеит сара схаланы ауардын сы-ш-н-ақутәаз еицшцәкьа. («Амц.») «Я погнал буйволов сразу же, как сел на арбу». Уи ашҭа д-шааталазцәкьа иҷы днасын аҩны ацхьа дыхумаруа даакулеит. (И. П.) «Как только заехал во двор, он развернул коня и стал скакать по двору».

Причинная инфинитная конструкция

Причинной инфинитной конструкцией обозначается реальная причина, которой обусловлено содержание предложения.

Сеидыҟ ихы ларҟуны дцәыцыцшуа Мыса дизыцшуеит игу аҭырҷ арго, Мыса ҕуҕуа дыҚугыланы иахизымхәо (С. Ч.) «Сейдык со злостью смотрит на Мысу за то, что тот не может твердо и уверенно излагать свои намерения». Ҭамшьыгу дгылан… аллеи аҳәеи кыдҟьо, Махаран дизгуааны абыскаамҭа дахьымааз. (И. П.) «Тамшыгу стоял очень расстроенный, злясь на Махарана, что тот до сих пор не пришел».

Причинная инфинитная конструкция соединяется с предложением преимущественно присоединительной интонацией и относится ко всему предложению в целом.

Аԥьма ҷаҳа дахьрыцыз цәгьаза игу ҷыҕьит. (С. Ч.) «Тоска заела его, что пас немых коз». Ҳгургьар ҳақунагоит… ҳаҧкунцәа хара иахьҳаиҕьхо. (С. Ч.) «Мы должны радоваться тому, что дети наши будут лучше нас».

Для связи причинной инфинитной конструкции с предложением иногда используются послелоги -(а)зы, -(а)kнытә, которые всегда следуют за конструкцией.

Вба мыцхук рхы ирзадцомызт залымк аауеит рҳәаратәы иахьыҟамыз азы. (И. П.) «Они не очень винили себя, не видя в своих поступках ничего грешного». Аиаша рлакҭа иахьҭалҳәоз аҟнытә дырцәымҕын. (А. Г.) «Ее недолюбливали за то, что говорила им правду в лицо».

Как видно из примеров, в функции организующего центра причинной инфинитной конструкции выступает преимущественно глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственным элементом ахь. Обстоятельственный элемент ахь в данном сочетании имеет не локальное, а причинное значение.

Организующим центром причинной инфинитной конструкции могут быть и другие инфинитные образования глагола, к которым относятся:

1) Условная форма глагола на -р, -зар с последующей частицей с функцией связи:

Абас аколнхараҟуа рахь снықуоит исылшо ала сызрыцхрааузар ҳәа. (А. Г.) «Так я хожу по колхозам, чтобы помочь по силе возможности».

2) Деепричастие, образованное суффиксом -ны:

Ишьаҽа ааргуҭуаны дынишьҭалеит д и х ь ы м з а р ҳ ә а дшәаны. «Ускоренным шагом последовал он за ним с боязнью не догнать его».

Причинная инфинитная конструкция не имеет в предложении строго фиксированной позиции. Однако она большей частью занимает постпозицию по отношению к предложению.

Условная инфинитная конструкция

Условная инфинитная конструкция обозначает условие, которым обусловлено осуществление содержания предложения.

С а с з ы и ԟ о у а з ә л а к у з а р Дыцааит хыхьтәи, С ы б ж ь ы а н а а г о д а з х у ц ы р, Хымцада дызгашт. (И. К.) «Если она создана для меня, то пусть прыгнет оттуда (с высоты), если послушает мой зов, увезу ее обязательно». С а б и ҽ ы х у а л а дҳашьҭазар, Дҳахьзоит лассы; Иакум ала дныԟугар, Иаҳзеилам акгьы... (И. К.) «Если отец мой преследует нас на своем белом коне, то он нас обязательно догонит; если ты не встретишь его, как тебе подобает, то между нами все кончено». Уи еиԥш аразԟы ҳауазма ҳуазәы аибашьраҿы дҭахар? (И. П.) «Мы бы не знали подобного счастья, если бы один из нас погиб на войне».

Отношение обусловленности, устанавливающееся между инфинитной конструкцией и остальной частью предложения, может быть непосредственным или гипотетическим.

Основными выразителями условных отношений в целом являются условные инфинитные формы глагола, к которым относятся:

1) Условная формы с суффиксами -р, -зар:

А д ә ы ҷ б а а а р а и а х ы м ц а-р, сара сҿы зынзагьы шәмаа-иуазаарын. (И. П.) «Если бы поезд не пришел с опозданием, вы не зашли бы ко мне». А ц с ы ц қ ь а а з ә ы р иха-зар абри ихоуп. («Алаш.») «Если у кого совесть чиста, то у него». У и у а ж ә ы г ь ы а м ҩ а д ы қ у-ҵ а з а р игушәа ҳәазар ихьирԥшуаз рацәан. (Н. Ҳ.) «И сейчас, если направить его по правильному пути, если уговорить его, он мог бы повести на собой многих».

2) Условная форма с суффиксом -зҭгьы:

У х а з ы а у с и у р у р уҭахызҭгьы, сара исоуҳәанда! (С. Ч.) «Если ты хотел заставить его работать на себя, то ты дол-

жен был известить меня об этом». Егьа аҵых баацсызаргьы иҽыбԥеицомызт уи цқьа амҩақуа идыруазҭгьы... (А. Г.) «Какая бы ни была ночь, он бы не сорвался (со скалы), если бы он хорошо знал дороги». Иҟаларын иҵсы еивҵаханы дналацсзаргьы, убри аамҭазы аписар дааҩнамшылазҭгьы (Дж. А.) «Возможно, он не пришел бы в сознание, если к этому времени не зашел бы писарь».

В функции организующего центра условной инфинитной конструкции может выступить также инфинитная форма глагола, образованная обстоятельственным элементом **ан**. В этом случае обстоятельственный (временной) элемент **ан** становится выразителем реального условия.

Еибабааит иахьа сыҩоны, еибабаратәы аамҭа ан-ыка-ла. (И. П.) «Пусть они встретятся сегодня в моем доме, раз создались для этого условия». Ажәлар рымаҷ уурц и-ан-а-қук акыр учҳароуп. (А. Г.) «Раз ты взялся руководить народом, ты должен быть терпеливым». Амц уҳәарц и-ан-ақук, анапы аҵаҵа ашьапы аҵаҵа иуҳәозароуп. (Поговорка) «Раз ты решил сказать неправду, то должен сказать умело (приделав к ней руки и ноги)».

Как видно из примеров, условная инфинитная конструкция примыкает ко всему предложению в целом. Позиция ее в предложении не строго фиксирована. Она встречается преимущественно в препозиции, однако нередки случаи ее использования и в постпозиции.

Саида сиашоуп ҳәа лхы лыцхьазозар мчыла уҳәатәаҿы дузаагомызт. (И. П.) «Если бы Саида считала, что она права, то не смог бы уговорить ее насильно». Итҿгь сылшо сыҟазар, схы сеигзомызт... (И. П.) «Если бы я мог сделать еще больше, я себя не пожалел бы». Сара схаҭыцаҿы бара быҟазар, ишцаҟабҵоз? (И. П.) «Если бы ты была на моем месте, как бы ты поступила?» Уиаҟара зысҳәарызеи, уара иумдыруеи сара исымҳәаргьы. (И. П.) «Зачем столько говорить, ты ведь знаешь, если даже ничего об этом я не скажу...» Арҭ лцшәа змамыз ражәеимдара итҿгь идроуан Баҭал иҽы наргылашәа ажәақуак имҳәар. (Н. Х.) «Они еще долго спорили бы, если бы Батал не вмешался в их разговор».

В специальной литературе отмечены случаи, когда «форма условного наклонения, образованная при помощи суффикса -зар..., утратив функцию условия, употребляется в значении прошедшего времени» и «несмотря на обстоятельственное значение..., выражает действие финитного характера»[1].

[1]Л. П. Чкадуа. Система времени..., стр. 162.

Нам кажется, что случаи эти обусловлены контекстом. Абсолютное временное значение может приобрести условная форма на -зар в контекстуально необусловленной позиции, как это отмечено выше, лишь в вопросительных предложениях. В этом случае приобретение условной формы абсолютного временного плана обусловлено вопросительным значением, которое выражается интонационно.

Рыцхзаша хыц-зар агуараҳәа ишны? Амцаԥшь ацра-ԥа-зар Омар иаҳԥны? (Б. Ш.) «Может, их терпение, вскипев, лопнуло? Может, они подошли к княжескому двору Омара?»

Целевая инфинитная конструкция

Между целевой инфинитной конструкцией и основной частью предложения устанавливаются отношения целевой обусловленности. Обязательным строевым элементом целевой инфинитной конструкции являются формы условно-целевого наклонения, к которым относятся:

1) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом -рацы/рцы:

Аԥьмақуа дрышьԥалазаап астаршын ишжәоҳугьы еидцала икылцаны азакатовка еиԥа-р-ц, абоинирҿ рыхқуа аахыцәцәаны... рцәақуа рхырымхкуа дырцрымԥцырц (Дж. А.) «Старшина погнался, оказывается, за козами, чтобы сдать их всех на заготовку, чтобы не отстать от них до тех пор, пока не сдерут с них шкуры». Сгу бзиам ҳәа еыԥгас иаԥан Дышьԥалеит лара, Ацсны иаазаз Беслан Ԥытрак дизыцшырц. (И. К.) «Под предлогом болезни, легка она, чтобы дождаться сына Абхазии – Беслана».

2) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом -разы:

... Бгьыцк ꙋоны ꙋажәижәаба мааԥ нагулаҳәаны иабду иитеит иҳақьыи имариа анибалак иԥьыба иԥаиршәразы. (Н. Х.) «Он завернул в записку тридцать рублей и отдал дедушке, чтобы тот передал их лечащему врачу». Уск снапы ианиԥа-разы даазар kалап. (Д. Г.) «Он приехал для того, видимо, чтобы поручить мне какое-то дело».

3) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом -ратәы/ртәы:

Ҳауаажәлар ирабжьгалатәуп ҿатәла ихуцла-ртә еицш... (И. П.) «Надо учить наш народ, чтобы он мыслил по-новому».

4) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом -раны:

Сан ажәа сылҭеит уи ԥьара еиҭалымҳәараны. (Д. Г.) «Мать моя дала мне слово, что она никому не передаст (не расскажет) то».

Легко заметить, что условно-целевая инфинитная конструкция семантически близка к условным и причинным инфинитным конструкциям.

Целевая инфинитная конструкция может иметь и несобственно-целевое значение. Временной план предложения, в этом случае, как правило, имеет категорическое значение. С несобственно-целевым значением выступает обычно конструкция, организующим центром которой является условно-целевая форма глагола на -рацы. За инфинитной конструкцией в этом случае может следовать послелог -(а)зы.

Аус хьанҭа уацәымшәарц азы адырреи агуаҧьреи умазароуп. «Чтобы не бояться трудного (тяжелого) дела, надо обладать знаниями и решительностью».

Условно-целевая инфинитная конструкция относится ко всему предложению в целом и связывается с ним без союзов.

Уступительная инфинитная конструкция

Уступительная инфинитная конструкция выступает с таким значением, при котором не должно осуществиться содержание предложения, однако осуществляется. Следовательно, между инфинитной конструкцией и остальной частью предложения устанавливаются отношения обратной обусловленности.

Цәӷанцәы ажәӷан цқуашааза ишыкәзгьы, ганкахьала адыд бжьы даара аҿарҧуеит. (И. П.) «Несмотря на то, что небо было чистое, где-то на стороне усилился гром». Узлазбо ала, амаҷура ҿыцахь ушаргазгьы, уколнхара каужьырц угу иҭам ҳәа сыкоуп... (И. П.) «Как видно, несмотря на то, что тебя перевели на новую работу, ты не собираешься расстаться со своим колхозом».

Организующим центром уступительной инфинитной конструкции выступает глагол инфинитной формы, образованной:

1) Обстоятельственным элементом **ш** и суффиксом **-гьы:**

Абри аҟара д- ш- е и л а ҳ а з - г ь ы, Зина саацсеит ҳәа лашшыцхьыз азәы илмырҳацызт. (И. П.) «При всей своей занятости Зина никогда не выражала никакой жалобы никому». Саида абри а қ ь а а д а б ы р ж ә а д а и - ш - ы л ы б а ц ы з-г ь ы, изеицшразаалак хырԥаа азылымуит. (И. П.) «Несмотря на то, что Саида впервые видела эту бумагу, она на нее никакого внимания не обратила».

2) Суффиксами условного наклонения **-з, -зар** в сочетании с суффиксом **-гьы:**

Дзацәажәо ауаԥы ажәак амеикразы игу иҭ-амзар-гьы ашьшьыҳәа дзырԥуа дтәа-з а р-г ь ы, иара ицәажәашьа ицәажәашьан, ицсахуамызт. (И. П.) «Если даже собеседник его не собирался спорить с ним и молча слушал его, он не менял характер своего разговора». Аԥныҟацагатә маҭәаху еидгалоуп, инагзаны и ҟ а м-з а р-гь ы. (П. П.) «Строительный материал собран, хотя не полностью».

Инфинитной конструкции такого состава может предшествовать усилительная частица иаг(ь)а.

И а г а м а ҟ у м а б а р а и х и г а-р-г ь ы уи агуҵра зынза ҿыцәашьа ақумызт. (И. П.) «С какими бы трудностями он не сталкивался, та надежда не угасала никогда». Иагьа шьыжьы ш ә н е и р г ь ы, ш ә а р а шәацхьа инеиша рацәахоит. (Д. Г.) «Как бы вы рано ни пришли, многие опередят вас».

Уступительная инфинитная конструкция примыкает к остальной части предложения интонационно. Позиция ее не фиксирована. Чаще встречается в препозиции, реже – в постпозиции.

Е г ь а г ь а н г ь а ш р а н ы ҟ у а а г а р г ь ы, акы иҳахуоит ҳәа сыҟам уи ауаԥ иҿы. (Д. Г.) «Что бы мы ни придумали для него, ничего от него не добьемся». Иара изеилымкаауа дыҟамызт аиҵара Зина дшацәшооз, е г а б з и а е и б а б о и ҟ а з а р г ь ы. (И. П.) «Он не мог не знать, что Зина боится вражды, как бы она его ни любила».

Как показывают примеры, значение уступительности, выражаемое уступительной инфинитной конструкцией может быть реальным, ирреальным, предположительным и потенциальным.

Сравнительная инфинитная конструкция

Между сравнительной инфинитной конструкцией и остальной частью предложения устанавливаются собственно характе-

ризующие отношения, основанные на ассоциативной связи между содержаниями обеих частей предложения. Инфинитная конструкция своим содержанием характеризует содержание другой части предложения путем сравнения.

Хуҷгьы дугьы ахыцны ицазшәа ашҭа ҭыкка иҟан, ҭынчран. («Алаш.») «Двор был пуст, стояла тишина, словно все (и молодые, и старые) перевелись куда-то». Дшеилаҳәаз азы даларыжьызшәа, деилабааза... иагараан аѳныҟа дгуарлахьан. («Алаш.») «Много раз он возвращался домой мокрый, словно бросили его, не раздев, в воду». Урҭ ҳақьцсыкьуеит, иҳақьцсыкьуеит иццакзошәа рхы амца акызар арцәаха рымамшәа. (А. Г.) «Они идут впопыхах, словно очень спешат (словно некогда им тушить пожар на их головах)».

Организующим центром сравнительной инфинитной конструкции выступает призрачная инфинитная форма глагола, образованная суффиксом -шэа.

Анышә иарҭаз-шәа иныкуба ицеит рыхуштаара алѳа. (А. Г.) «Словно закопали в землю, исчез дым их очага». Лычҳара хыжжзеит акуиц даҕрагыло-шәа... («Алаш.») «Терпение лопнуло у нее, словно стоит на горящем угольке».

Хыхь ажәѳанаҿ, ауасақуа ҳәуа иқуу-шәа ибыбыш-быбышза аҧсҭҳәақуа аҿаҧсан. («Алаш.») «В небе, словно пасущиеся овцы, виднелись разбросанные куски белых облаков». Саншьа ицҳәыс, иихәогьы, лмаҳазоз-шәа, дышцозгьы лымбазоз-шәа дышгурымыц дыгурымуан. (Ф. И.) «Жена моего дяди ворчала по-прежнему, словно не слышала, что тот говорит и не замечала, что тот уходит».

С сравнительным значением может выступить и инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы с обстоятельственным элементом **ш**. В этом случае за конструкцией следует слово аицш, «похоже, подобно», с сравнительным значением.

Асаби иан д-шыгухьааиго еицш, аѳны гухьаазго салагеит. (Н. Х.) «Я стал скучать по дому, как ребенок скучает по матери». Амцхугьы иҭахзамызт, аха ѳба-хца фырҧьан еснагь дазхьуан, ацгу ашша и-ш-азхьуа еицш. (А. Г.) «Он лишнего не употреблял, но любил выпить две, три рюмки водки (как кот любит есть жир)».

Сравнительная инфинитная конструкция встречается в начале, середине и конце предложения.

Урҭ зегьы… хьанҭараханы иара ихуда иқ у ҳ а з ш ә а дтәан. (А. Г.) «Он сидел так, словно все тяжести бросили на его шею». Мыку ашҭахь дыԥшуамызт, ус адәныҟатәи б ж ь ы к д а з ы з ы р ԥ у а ш ә а дтәан. (А. Г.) «Мыку не смотрел на двор, сидел так, словно слушал какой-то внешний звук». Ицаца кьаҽқуа рԥыхуақуа қуацқуацо иқьышә жәпа ааирԥәиит, а ш х ы р ц ә а ҕ ь и ц ҳ а- з ш ә а. (А. Г.) «Он пошевелил своими короткими усами, словно ужалила его оса».

Деепричастные конструкции

Деепричастные конструкции выступают в предложении со значением обстоятельства образа действия и примыкают к предикату. Они могут предшествовать или следовать за предикатом, могут занимать с ним контактную или дистантную позицию.

Следует отметить, что деепричастные конструкции очень часто используются в предложении абхазского языка. Нередки случаи сочетания нескольких деепричастных конструкций в одном предложении.

Ацыхуа ду нышьҭареыла, Ацхьатә шьапқуа нацаргыла, Ацышәцәырԥса ҳаракуа, Абгахуҧы натәеит уа. (Б. Ш.) «Опустив свой большой хвост, оперевшись на передние ноги, подняв вверх заостренную морду, села там Лиса». Абҕа па ҭарпеи-ҭарпеиуа, Абла цәгьа куеи-цеи-куеицеиуа Абгахуҧы аԥсы заны ал ахь ицоит икурны. (Б. Ш.) «Разгибая, сгибая свою спину, сверкая злыми глазами, затаив дыхание, Лиса тянется к ольхе».

Организующим центром деепричастной конструкции выступают деепричастия, образованные:

1) Суффиксом -уа- -о:

Ҷкуна хуҧык диацәажәа-уа, Ԥҳәызба қуԥшк азиас дыԥцыҥгылоуп. (Б. Ш.) «Беседуя с каким-то подростком, стоит на берегу реки какая-то молоденькая девушка». Дшаҟьоит Наҳар, ихуда аҳәынҷәраҚуа еибартуа, Шабаҭ, иахь ахҽа реиԥш иажәа царкуа шьҭуа... (Б. Ш.) «Не спокоен Нахар, расстегивая шейные пуговицы, мечет острые слова Шабату».

2) Суффиксом -ны:

Џьгуаҭан ауардынаҷы дааныжьны, аџьықуреи здырхуҳаз атуџьар идәқьанахь дцеит Ҟушәҭын. (И. П.) «Оставив Джгуатана у арбы, Куштын направился в магазин купца, которому продали они кукурузу». Иақутәаз дҭыцит, и х ы е и ц ы х н ы, Ахра днаҷаџшит ҩада. Нас арахь ихылџа ихыхны Аџамцамра ибеит лада. (Б. Ш.) «Вышел он из машины, подняв вверх голову, посмотрел на скалу. А затем, сняв фуражку, заглянул в пропасть».

3) Суффиксом -(м)-куа:

Иҭакуажә дицы-мкуа, инапы мкы-мкуа ашәхымс дызхыцуамызт. («Аџс. л.») «Без сопровождения своей жены (старушки) он не мог переступить порог». Сасрыќуа иарҧьа шьапала дамыскуа, иарма шьапала дасны ицыххаа игеит. («Аџс. л.») «Сасрыкуа, правой ногой не ударив то, левой ногой ударив, разбил его вдребезги». Быбла џшьақуа сызхара сырҭамџшкуа сбыцрыцуамызт. (И. П.) «Не наглядевшись вдоволь в твои красивые глаза, я бы не расстался с тобой».

4) Чистой основой глагола:

Аџенџьырахь иҷы нарҳәны, Дхуџуан ус ахантәаҩы. (Б. Шь.) «Повернувшись к окну, сидел и думал председатель». Ахацәа рыцсаса рацца, реигушәқуа рыжәҩанца, рлабашьақуа рҩыцаргыла ... абна илоул... (М. А.) «Мужчины ходят по лесам со своим скотом, со своими цалдами и палками (походными)». Ахуҷы днышьтаца аҩныќа дхынҳәит. Д. Г.) «Уложив ребёнка, он вернулся домой».

Деепричастные конструкции, организующим центром которых являются деепричастия, образованные от временных основ глагола, выступают в предложении с темпоральным значением.

Аурок ааиџәо-ны лылаҧырз лҷатата са сќны дааит. («Амц.») «К концу урока, она пришла ко мне в слезах». Мышныќуара иныќуахьа-ны... цытк инахараны ауаа шынхоз рбеит. («Н. С.») «После однодневного похода они дошли до какого-то поселка». Агуашә аќнынза днарго-ны, иџҳәыс лыбжьы наиқулыргеит. («Аџс. л.») «Когда его довели до ворот, жена окликнула его».

Краткие выводы

1. Структурная основа предложения абхазского языка может быть распространена отдельными словами и словосочетаниями,

не участвующими в формировании и выражении категории предикативности, но выступающими с различными грамматическими значениями и несущими определенную информативную нагрузку.

2. Распространители структурной основы предложения по своим значениям, функциям и связи с конституитивными компонентами делятся на объектные (простой неличноотносительный объект), атрибутивные и обстоятельственные. Обстоятельственные распространители делятся на обстоятельство образа действия, темпоральные, локальные, причинные, целевые и др. обстоятельства.

3.Структурная основа предложения распространяется также рядами функционально идентичных, связанных между собою сочинительной связью слов. Ряды эти могут составляться как из конституитивных, так и распространяющих членов и бывают субъектные, предикатные, объектные, атрибутивные и обстоятельственные[1].

4.Структурная основа предложения может быть осложнена инфинитными конструкциями, лишенными предикативного значения, но заменяющими в функциональном отношении придаточные предложения других языков. В предложении они несут значения отдельных конституитивных и неконституитивных членов. Со значением и функцией субъектного и объектного (конституитивного) компонентов выступают субъектная и объектная инфинитные конструкции. По своим значениям другие инфинитные конструкции делятся на: атрибутивные, локальные, темпоральные, образа действия, причинные, целевые, уступительные, условные, сравнительные и др.

5.Могут быть распространены как монокомпонентные, так и поликомпонентные структурные основы предложения. Однако монокомпонентная структурная основа предложения обладает меньшими возможностями распространения. В ней не встречается, как правило, атрибутивный распространитель. Но она может быть осложнена инфинитными конструкциями.

Алиас аизарахьынтә аӷны данаа и, ишылашьцара илашьцахьан. (Д. Г.) «Уже было темно, когда Алиас вернулся с собрания».

[1]Вводные слова, вводные предложения и конструкции не включены в работу из-за ограниченности в объеме.

Г Л А В А V

СТРУКТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Целью настоящей главы является выявление структурных различий повествовательных, вопросительных, побудительных и желательных предложений. Причем имеются в виду различия, которые касаются структурной основы предложения.

В специальной литературе не раз отмечалось то положение, что функциональная классификация предложений не имеет под собой чисто научной основы ни с функциональной, ни со структурной стороны. Так, например, у И. П. Распопова читаем: «Следует отметить, что такое деление, проводимое хотя бы в чисто семантическом плане, с точки зрения строгой научной логики, не вполне правомерно. Названные функциональные типы предложения по тем признакам, которые им могут быть приписаны, во всяком случае неравноценны»[1].

В самом деле, с одной стороны, повествовательные и побудительные предложения могут быть противопоставлены вопросительным по информативности и определенности своей семантики, но, с другой стороны, побудительные и вопросительные предложения противопоставляются повествовательным по признаку адресованности собеседнику своей семантики.

То же самое наблюдается и в структуре функциональных видов предложений. Известно, например, что вопросительные предложения в русском и многих языках базируются преимущественно на структурной основе повествовательных предложений. Они, за редкими исключениями, не имеют собственной структурной схемы[2].

Данные абхазского языка в этом отношении не проявляют принципиальных сугубо специфических особенностей, но могут расширить; пополнить наши представления о функциональных видах предложений.

Забегая, вперед, мы можем отметить тот факт, что функциональные виды предложения в абхазском языке проявляют больше

[1]И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке, стр. 86.

[2]См. по этому поводу: «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970. стр. 570.

структурных различий, чем это имеет место, например, в русском языке. Различия эти касаются главным образом грамматических форм предиката, а не самого строения структурной основы предложения.

Повествовательные, вопросительные, побудительные и желательные предложения могут строиться одинаково на однокомпонентной, двухкомпонентной, трехкомпонентной и четырехкомпонентной структурной основе. Следовательно в конструктивном отношении они могут быть абсолютно тождественными.

Повествовательные предложения

Повествовательные предложения всегда несут определенную информацию, рассчитанную на собеседника, но непосредственно не адресованную ему. Модальность повествовательных предложений всегда реальная, проявляющаяся в положительной или отрицательной семантике синтаксического индикатива.

Характерной грамматической особенностью повествовательных предложений, отличающей их от других функциональных видов предложений, является специальная финитная форма предиката.

Предикат в синтаксическом индикативе в повествовательном предложении как в положительной, так и отрицательной форме оформляется суффиксами финитности -ит, -т, -и, -п. Они оформляют предикат как глагольной, так и именной основы в формах всех времен.

Таким образом, поскольку предикат в повествовательном предложении преимущественно выражается в форме синтаксического индикатива, можно сказать, что повествовательные предложения противопоставляются другим видам предложений не только в функциональном, но и в формально-грамматическом отношении.

Предикат повествовательного предложения в форме настоящего времени

Аӄармацыс ныкӏутәа-аакӏутәо, Амыӷ гуаҭо, ажыц гуаҭо, Амҩа шьҭых и ц о и т, и ц о и т, Абгахуҷы к у а р а ц о и т. (Б. Ш.) «Соловей, пересаживаясь с ветки на ветку, пробирается через лес, лисица следует за ним». Абгахуҷы тәаны и х у ц у е и т, аӄа-рмацыс и а ц а ш ь ы ц у е и т... (Б. Ш.) «Лисица в раздумье

завидует соловью». И ц ш у п, и ц ш у п, амшәи абгеи, Цхагуҭанынза дара ц ш у п. (Б. Ш.) «Ждут и ждут медведь и волк, до полуночи они ждут». Адунеиажә цәгьа у е и ж ь а г о у п, Еҳ ҳаҭоу д у ҭ о у п, Шьоукы рзыҳәан у ц с ы р ш ь а г о у п, Шьоукы рзы ухьанҭоуп. (Б. Ш.) «Мир, ты обманчивый, врагу гостить у тебя, одним ты приносишь отдых, для других ты тяжел». Ахшаа дызмоу и а ж ә р а ш к у а к у о у п, Д и м о у п г у ҭ ы р ҭ а с. (Б. Ш.) «У кого ребенок, тот счастливый, ребенок – надежда для него».

В предикате отрицательной формы настоящего времени место финитного суффикса занимает аффикс отрицания **м**.

Уи иаацсара сара с а ц с а г у ш ь а м... (Д. Г.) «Я не стою его беспокойства». Убри ауарбажә шьны агуи агуаҵәеи ансмоу е г ь с з ы р ҽ е и у а м... («Аҵс. л.») «Если я не получу сердце и печень коршуна, я не спасусь». Уи аҵҳәызба дыззымдыруа Адунеиаҿ д ы k а з а м, Лзара тартар ҿ и х ы т а р у а, Лсахьа ҳәашьак амазам, Абшьҭалагьы уи д б а ш а з а м, Зегьы илыртоит апату, Ма аҭоурыхаҿ и ѡ а ш ь а з о м. Уи шьамтәыла дшәкуиҭу. (Б. Ш.) «Она известна всему миру, стройна, красива, и ее родословная не простая, все уважают ее, истории известно, что она владеет своей страной».

В форме аориста

Афашистцәа хѡык и ш ь и т. Ашьа иаҳәа и н а х ь и ш ь и т, Амаза зҳәоз, ицәахқуаз Ақьаадқуа шьҭихит... «Трех фашистов убил, потекла по лезвию кровь, взял с собой секретные документы». Дҭыцит naḳ азытḳуа баара, Д е и ҭ а н ы ц а л т абнеикуара, Рымаху дуқуа зегь еилышь Аҵла игылоу раҵхьа азыжь д н ы ҿ ц ы н г ы л е и т игазго. (Б. Ш.) «Вышел он из болота, пошел дальше опять по лесу, подошел к берегу голубого озера, покрытого ветвями деревьев». Иара ихала уа д а а ц ш и т, уи деицасуа д ы х ь ҭ а ш ь и т, Ибла цсыдақуа а а н а ц ш и т. (Б. Ш.) «Проснулся он, замерз, дрожит от холода, с трудом открыл глаза и бросил взгляд в сторону». Алҷыс абгьы ауаса а м ы с и т, Ауасақуа абга р к ь ы м с и т, Абга Зама д а ш ь к л а м х ы с и т, Зама иабҵьар ацҵа б ж ь ы м с и т, Аҳәынацқуа р ы ц е и х ы м с и т, Цис аҳәынац цханамырсит, Иара цан, ахҵат иахьысит, Аха уаҳқуажә цис д а м ы с и т... (Б. Ш.) «Ольховые листья овцы не тронули, волк овец не тронул, Зама в волка не выстрелил, крысы не

тронули ремень ружья Замы, кот не тронул крыс, но княгиня кота не тронула».

В форме прошедшего несовершенного времени

Қытак аҽы хар змамыз Хаца шьахук дынхон, Хаталагьы цәгьара зламыз Уаҩыс дрыцхьазон (Б. Ш.) «В одной деревне жил славный мужчина, был он добрый, занимался хозяйством». Зны аб ираху ашьха икыдлон, Иаргьы дцон хьчара, Иҵкун хуҵы дидгьежьылон, Диҳәон ус иара. (Б. Ш.) «Однажды отец собирался перегнать скот в горы, сынок его крутился около него и просил». Икуадырматәа аӄунақуа Ецәошәа ицхауан, Иеиқуа ҳарак аеимтакуа цагьа иҽырцауан (Б. Ш.) «Седло его сияло отделкой своей, словно звезда, конь его вороной гордо гарцевал». Дахьаланхоз ақытаҽы нхаҩык аҽы бзиа дақутәар каломызт... (И. П.), «В той деревне, где он жил, крестьяне не имели право ездить на хорошем коне...» ...Иан лгуазхара дызиеигурҵьомызт. (И. П.) «Мать его не могла наглядеться на него». Ицаз азынра цәгьан узҳәомызт. (И. П.) «Нельзя было сказать, что прошедшая зима была суровая».

В прошедшем неопределенном

Хтарца-рқьақьа ачыху ыргьало, Иарак изшазан, Иаҳәа хуш ду неидҳало Разнылa ихҩазан. (Б. Ш.) «Башлык его был как бы создан для него. Сабля его с белой рукоятью была отделана серебром». Ибжьы бзиан, ахаара, ацан, Аурыс ашәа уи азӄазан. (Б. Ш.) «Голос был у него хороший, приятный, пел хорошо русские песни». Афронт ныцә иқыта шьтан, Аха иқыта аға дахын. Уа ацстазаара аҽакын. (Б. Ш.) «За линией фронта лежало его село, но там хозяйничал враг, там была другая жизнь». Дыӄан аҳак, уи шьарда мазарала дуҵуҵуан, хшара димамызт. («Ацс. л.») «Жил-был царь, был он богат, но не имел детей». Ацәгьоура иламызт. (И. П.) «Он не делал плохих поступков».

В форме давнопрошедшего времени

...Уи макьана дагьымицт, дихьазаргьы дагьымшәыцызт... («Ацс. л.») «Он еще не родился, если даже родился, то пока молод (еще не возмужал)».

В форме давнопрошедшего упреждающего времени

Амра лашо жәхьан еицш иҩсихьан, Цьырхуа ақыҭа азаза бахьан. (Б. Ш.) «Солнце уже поднялось высоко, сошла уже роса». Алашьцара уи даларшәын, Иблақуа ц а х ь а н, Ибарфын-хаху ашьа алашәын, Амаҭ, д ы р ф а х ь а н. (Б. Ш.) «Он лежал в темноте, был он уже слеп, его шелковые кудри были в крови, змеи уже съели его». Иужәша азыхь а х ы ытцнамхыцызт, Макьана уцшқан. Уан лызхара улзымаазацызт, Ишцалури уан! (Б. Ш.) «Ты был еще молод, мать твоя еще не успела наглядеться на тебя, как перенести ей горе такое!»

В форме будущего I времени

Ахра иавцны амра ангыло, Сгурҕьо с а з ы ц ш л а п, Акацкацқуа аныцхьарыло рыбжьы с а ҳ а л а п. (Б. Ш.) «Буду смотреть на восход луны из-за хребтов, буду слушать вечернюю порой пение горных индеек». Аҭыцаҿы шьыжьза сгылан ахшца с ы р х и а л а п. (Б. Ш.) «Буду вставать ранним утром и готовить горячее молоко». Ушәарыцан шәарах жьыла Уааир уаацсаха, И у ц ы з г а л а п нас хмаҷырла ахырцәы зҩаны. (Б. Ш.) «Когда ты с охоты вернешься с добычей, я встречу тебя с ахмачиром (деревянной кружкой), полным молока». Ацла сықутәа с ш ә а ҳ ә а л а п, Уара усицшцәкьа қьаф зулап. (Б. Ш.) «Буду петь сидя на дереве, как и ты, буду блаженствовать». Ус акузар, ара уаха сихылацшып, сара дсышьтрым... («Апс. л.») «Если это так, то я сегодня ночью буду сторожить его, не пущу я его». Ҭемыр сара дызласзымдыруа е г ь у з ҳ ә а р ы м. (И. П.) «Ты мне не раскроешь таких черт Темыра, которых я бы не знал».

В форме будущего II времени

Аецә амзеицш изыцхашт, Лҩызцәа рацхьа убла лгоит, Лажәа хаара угу иҭанцәашам, Умҩа аркьаҿуеит, умҩа аухашам, Игу жьжьаган иузаанхоит. (Б. Ш.) «Не светить же звезде солнцем, раньше своих подруг привлечет взгляд, ее сладкие речи сердце наполняют, дорогу твою укоротят, успокоят тебя». Аецәақуа еицшны ицхашам, Ашәҭқуа фҩыла зегьы бзиам, Ажәа рҭамзар ицшзахашам, Гула ирцхатәхар уи поезиам. (Б. Ш.) «Не

все звезды одинаково светят, не все цветы одинаково пахнут, не отлитое слово – не красивое, сердцем не утомленное – не поэзия». Саннеилак сыхумаршт. Сылдырратә сылбашт, сыбжьы царза иналаҳашт. Сказшьа еиллыргашт. (И. К) «Когда я примчусь туда на гарцующем коне, она узнает меня, голос мой услышит, поймет мой характер». Шарцыецәа макьана избазом, Аха шьта иаагылашт ишамшамуа (Б. Ш.) «Утреннюю звезду еще не вижу, но она взойдет скоро».

В заглазной форме

Ихьзеи, мшәан, Хоцьан ду, Илалазаап азҩа ду, Иннарцәазаап иҭаацәа ду, Икузаазаап ираху, иҩнра ду. (Д. Г.) «Что же приключилось с Ходжанду, оказывается, зараза его одолела, уничтожила его семью, скот и двор». Изларҳәо ала, дыҟазаарын Аҧсны Абраскьыл захьзыз. (Д. Г.) «Как об этом говорят, оказывается, был в Абхазии Абраскил».

Предикат в повелительном предложении может быть выражен глаголом в форме обусловленного наклонения. Однако форма обусловленного наклонения преимущественно употребляется с побудительным значением. Употребление ее в повелительном предложении, как правило, обусловлено контекстом.

Угу иааанагарын, цьаҳаным мчыс иҟаз зегьы зныкала еицҭыцит ҳәа. (С. Ч.) «Можно было полагать, что все силы ада разом вышли из ада». Сара сцьазшьаз уара, аеаца Цьамхуху дубар, егьа дцьоушьарын. («Аҧс. л.») «Кто удивляется мне, тот как бы удивился, если бы увидел сына оленя Джамхуху». Цлак ашәара амра анхалалак сгыларын, сееилаҳәаны цшак аасҿырсны шьыбжьхьа сфарын, шьыбжьышьҭахь – уаххьа, нас сышьҭалаларын. (Д. Т.) «Вставал я по утрам поздно, прогулявшись немного, обедал, вечером ужинал, а затем ложился спать».

Бывают случаи употребления вопросительных, особенно отрицательно-вопросительных форм глагола для выражения предиката повествовательного предложения. Однако это связано с транспозицией вопросительного предложения в повелительное. В этом случае вопросительное предложение выступает со значением риторического вопроса.

Зғу шьҭыцуа ацәқурцақуа Уа урцысуа у р ы м а м и, Ацша унырдоит аԥра шлақуа, Аимцәаԥ иԥба у г а р а м и. (Б. Ш.) «Вздыбленные волны тебя качают, седые паруса тебе веер, разбойничий корабль тебе люлька». Арахь уааир цқьа ҳнамтәози... (Б. Ш.) «Если бы ты подошел сюда, сели бы мы поудобнее». Аkармацыс баша ицшызма, Ари амбо зынза ижәызма.... (Б. Ш.) «Соловей ведь даром не смотрел, как же мог он этого не заметить!»

Бывают и случаи транспозиции побудительных предложений в повествовательные. Случаи эти обусловлены контекстом.

Ус kашәымцан ҳәа иахьа хулааназа урықуҳәҳәала, дара иkарцац kарцоит. «Кричи на них целый день, запрещай им, а они свое продолжают».

Вопросительные предложения

В функциональном отношении вопросительные предложения противопоставляются другим видам предложений отсутствием в них позитивной информации. «Они направлены от того, кто не обладает позитивной информацией и хочет ее получить, к тому, кто является потенциальным носителем позитивной информации»[1].

Однако вопросительные предложения не могут характеризоваться единой семантикой и общей, модальностью. Семантическое разнообразие вопросительных предложений может распространяться от прямого вопроса, до вопроса подтверждения.

Ниже мы акцентируем свое внимание на структурной характеристике вопросительных предложений.

Прежде всего следует отметить тот факт, что вопросительные предложения в абхазском языке обладают своей собственной грамматической структурой, отличающей их от других видов предложений. Особенность эта обусловлена наличием вопросительных образований глагола наряду с невопросительными образованиями. В позиции предиката вопросительных предложений выступают именно глаголы вопросительного образования. Вопросительные и невопросительные глагольные образования противопоставляются грамматически также по категории финитности-инфинитности. Вопросительные глагольные образования лишены категории финитности, соответственно и аффиксов финитности. Соответствую-

[1]Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 545.

щее формально-грамматическое различие наблюдается в формах предикатов вопросительных и повествовательных предложений. Предикат вопросительных предложений не оформляется формантами финитности -ит, -т, -н и -п. Вместо них здесь мы имеем вопросительные суффиксы -ма, зеи/зи, -и, -у, -да и -ба (последний префигируется). При общей грамматической вопросительной семантике суффиксы эти проявляют различия в других частных значениях.

Предикат вопросительного предложения с вопросительным суффиксом -ма

Вопрос, выражаемый суффиксом -ма, всегда связан непосредственно с семантикой самого предиката и через него с семантикой всего предложения. Суффикс -ма используется, таким образом, при необходимости получения информации относительно осуществления или неосуществления действия или другого признака, обозначенного предикатом. Он прибавляется к временным финитным основам положительного глагола-предиката.

Уа узхылцыз уажәгьы ишәтуама? Ҽыц иаҽума азҳара? Насгьы дарбан, ицсы ҭоума Уагулазцаз ашәкуабра? (Б. Ш.) «Цветет ли еще тот цветок, с которого тебя сорвали? Растет ли он до сих пор? И кто он, жив ли еще тот, кто вложил тебя в книгу? Ижәбо-ма ари ашәкуа. (И. П.) «Видите ли вы эту книгу?» Изцоузеишь урҭ? Партфелума? Стол мгоу-ма? (И. П.) «В чем же они лежат? В портфеле? В столе?» Егьи амчыбжь азы ҳцацә-кьома нас? (И. П.) «На следующей неделе в самом деле пойдем?» Уара абри Нацҳа Кьагуа ҳәа даара зыхьз дуны иҟоу дудыруа-ма? («Аҧс. л.») «Знаешь ли ты прославленного Напха Киагуа?» Бышьҭала-ма бара? «Ты легла?»

Предикат с вопросительным суффиксом -у

Вопрос, выражаемый суффиксом -у также относится к семантике предиката. Он может быть охарактеризован как вопрос-уяснение, используемый при необходимости удостовериться в совершении или несовершении процесса, обозначаемого предикатом. Вопросительный суффикс -у прибавляется к временным основам глагола-предиката.

Ҳазгьари, уашьцәа убар и у д ы р у о у? («Аџс. л.») «Хазгиари, если увидишь своих братьев, ты узнаешь их?» Икалатцәкьарушь, анацьалбеит, аибашьра? (И. П.) «Неужели в самом деле будет война?» ... Абри уара иушәу арратә форма ацҳәыс илшәылцар и л н а а л а у о у, и л н ы м а л а у о-у? (И. П.) «Если военную форму твою оденет женщина, подойдет ей или не подойдет?» А к р иҷ-а б ҵ о-у ма? Ацсшәа б ы з ҳ ә о-у қунагала? (М. Л.) «Ты накормила его? Хорошо ли встретила ты его?» Абри асасааирҭа ашә д а х ц ә а ж а з-у? (М. Л.) «Он говорил что-либо о двери гостиной?» Сагьаса, ухацкы, абарҭ рчара уахаан-у? (М. Л.) «Сагиаса, дорогой, ты помнишь их свадьбу?» Ари д у д ы р у о-у? (М. Л.) «Ты знаешь этого?» Сара исиаааиуа дқалар-у? «Найдется ли такой человек, который бы меня переборол?» Хьызла аку-у, хьымзгла д ҭ а х о-у? (Б. Ш.) «Погиб он с позором, или со славой?» Амацура бало-у ашкол бҭо-у? – дцааит Никуа. (И. П.) «Ты (ж.) служащая или учишься в школе? – переспросил Никуа».

Предикат с вопросительным суффиксом -и

Вопросительный суффикс -и используется преимущественно при предикате, выраженном глаголом отрицательной формы. Однако значение отрицания в таком случае затемнено, ослаблено, порою до его полного отсутствия. Предикат такой структуры используется с подтвердительно-вопросительным значением, со значениями риторического вопроса, подлинного вопроса. Нередко в предикат включается суффикс интенсивности -за, -зе.

Ацәацшь иаҩызазами ҳҭатын? Цқьа ихааза ми ҳчаи хазына агьама? (Б. Ш.) «Разве не напоминает наш табак красное яблоко? Разве не сладок вкус прекрасного нашего чая?» Аҩы зҭасҭәаз бара бзыноуп. И а а н ы б к ы л а р ҟ а м л а р-и?! «Для тебя (ж.) я сделал вино. Нельзя ли тебе поднять бокал?» Ленин ажә адәыцба дҭымцуе-и, Л е н и н и о у м-и иззыцшу. (Б. Ш.) «Ведь Ленин сейчас сойдет с поезда, Ленина же ждут тут?» Икалази нас, иараби, Б з и а с б ы м б а з о-и? Имаб-кыуз-и цьоук рысаби, Уаҳа бгу мбылзо-и? (Б. Ш.) «Беда ли со мной приключилась, не любишь ты меня? К чему мучить чужого парня, неужели у тебя сердце не бьется?» Згу шьҭыцуа ацәқурцақуа Уа у р ц ы суа у р ы м а м-и. Ацша унырдоит ацра шлақуа Аимцәаҩ иҷба у г а р а м-и. (Б. Ш.) «Вздыбленные волны тебя качают,

нагоняют на тебя ветер белые паруса вражеского корабля». Ала алырҟьаны аеы зшьыз Уа абри арцыс иакумхо-и, Шықусык ала дхацамхо-и! (Б. Ш.) «Вытравив собаку, кто убил оленя, это будет он, за год он вырастет, возмужает». Аеҵәаҟуа куиц хатам-и Ацырҷеицш ицхоит. Ҳәыҳәи цыси рашәатәами, Уцәара ргуацхеит. (Б. Ш.) «Звезды, словно искры, светят, птицы пенье прекратили, хотят, чтобы ты уснул». Арашәарахь шәымцазо-и? Амра мгылац, Абна мҿыхау, шәымбазо-и? (Б. Ш.) «Не идете ли на работу? Солнце еще не взошло, лес еще не проснулся, не видите-ли?»

Предикат с вопросительными суффиксами -зеи/зи, -и, -да

Вопросительные суффиксы -зеи/зи, -и, -да используются для выражения вопроса, относящегося к субъекту или объекту. При субъекте и объекте класса вещей используются суффиксы -зеи/зи, -и, при субъекте же и объекте класса человека используется суффикс -да. Они прибавляются к временным формам инфинитной основы глагола-предиката, образованной аффиксами относительных местоимений и, з. Предикат такой структуры используется преимущественно с подлинно-вопросительным значением.

Ари амацәаз бызтада? («Апс. л.») «Кто тебе дал этот перстень?» Заҟаҧртиида аҿаца рҿацаны? Заҟаҧагада хынтә амҳацьыр? (Б. Ш.) «Сколько людей продали в рабство? Сколько людей унесло махаджирство?» Измырз-зи жәытәаахыс ҳабыз-шәа, Ирҿыцуа иаҳҳәоит иахьа ара? (В. Ш.) «Как сохранился с древних времен наш язык?..» Измырз-зи ҳчеицьыка, ҳапату? Изартуазиҟьаҟьаза ҳгуашә? Измырз-зи ҳашәқуа ихацатәу? (Б. Ш.) «Как сохранились наше гостеприимство, наш почет? Почему открыты наши двери? Как сохранились наши героические песни?» Ага итынчу сныецынгылан, ла слызхуцлап, изурызи? Ацәқурц былгьа-былгьа ишьталан Са сыгутыхаз ирҳәарызи? (Б. Ш.) «Усевшись на берегу моря, буду думать о ней, что же мне скажут волны о моей думе?» Ҳқыта рбаҵьқуа ирҳәашазеи, Акисиҳәа еиқуҿытуа?! (Б. Ш.) «О чем поют деревенские наши петухи?» Данааилак иасҳәарызеи Ныгу? (Б. Ш.) «Когда вернется Ныгу, что же я ему скажу?» Исыкузыршо-да нас ацсыма Санцслак абра? Сеи скуадыри иакутәарыда?... (Б. Ш.) «После смерти кто же меня похоронит? Кто же будет ездить на

моем коне?» Абасгьы шааныа игыла-да? (Б. Ш.) «Кто так рано встал?» Зыҵоны анеира згу амыҳәо-да? (Б. Ш.) «Кто не желает заглянуть в свой дом?» Аҳәынҭқар, ухацкы, саазго-да сара агмыг абра. («Апс. л.») «Светлейший государь, кто меня, глупца, сюда приведет?»

Предикат с вопросительным аффиксом -ба

Аффикс **-ба** используется для выражения обстоятельственно-вопросительного значения. Он сочетается с обстоятельственными элементами ахь, ан, ш, вместе с которыми предшествует основа глагола-предиката. Глагол-предикат и в данном случае, как видно, инфинитного образования.

Вопрос, выражаемый аффиксом **ба**, может иметь обстоятельственное значение места, времени и образа действия.

И ш-ц а-ҿ и а а и ахаҳә куамца? (Б. Ш.) «Как оно (дерево) выросло на скале?» – Ожәы-уашьҭан дан-ба-цәыр-цуеи? (Б. Ш.) «Когда же он появится?» Ихы-иҵы еихачча, ных… Иаба-kоу? Азәгьы ибашам, ибылзеит. Игу еилгара, сышь… Иаба-kоу? Икам, икам, ихуашеит. (Б. Ш.) «Где же его улыбающееся лицо? Оно сгорело. Где же его мудрость сердца? Нет ее, она разбита». Алцыку да-бakоу? – дцааит Есма... (И. П.) «Где Алцыку? – спросила Эсма». Ҳаб, ҳаб рыцха, ҳааныжьны уа-ба-цои?.. (И. П.) «Отец наш, бедный отец, куда ты идешь, оставив нас?» Иа-ба-kаларишь адокументқуа, ахсаалақуа? (И. П.) «Где должны быть документы, карты?» Иш-цо-уҳәеи сымҳәеи уара аҿыбырҳацә? (И. П.) «Как ты сказал, я тебя спрашиваю, ротозей?» И ш-ц а-kа-леи абри? (И. П.) «Как случилось это?» Ихаҳамцакуа, ишца-хаҳамцои Кутат? (И. П.) «Верим, как же мы не верим, Кутат?» Ҷаара цхашьарам, уабанзатәиу, уххь згеит? (И. П.) «Извините, вы откуда?»

Предикат вопросительного предложения без вопросительных суффиксов

Встречаются случаи употребления глагола инфинитной формы без вопросительных суффиксов в позиции предиката вопросительного предложения, В таких случаях вопросительные суффиксы заменяются вопросительной интонацией. В этой функции

чаще встречается условная форма глагола, образованная суффиксами зар, -р. Относительное временное значение условной формы глагола в этих случаях снимается вопросительной интонацией. Этот вид предиката можно квалифицировать как особенность вопросительного предложения, поскольку условная инфинитная форма глагола, как уже было отмечено выше, в силу относительности своего временного значения вне вопросительной интонации не может выступить в позиции предиката.

Ара зыцсы зшьо Соукар Андарбуа дахьыҩноу жәдыруазар? (И. П.) «Может вы знаете, где живет отдыхающий здесь Соукар Андарбуа?» Бара ибдыруазар дахьыҩноу? (И. П.) «Может, ты (ж.) знаешь, где он проживает?» Ахумаргақуа узаасхуап уҭахызар? (И. П.) «Куплю я тебе игрушки, если ты хочешь». Кунтеи уареи цьаракыр шәеибабазар?.. (И. П.) «Ты с Кунтой, может быть, где-нибудь встретились?» Пҳәызбаки ҷкунаки абас иааиуан иубазар? («Аџс. л.») «Парень с девушкой проходили здесь, ты их не видел?» Иkалап, Леуарсагьы игулызцазар? (И. П.) «Может быть, она понравилась и Леуарсе?» Издыруада, сыхьзгьы жәдырырц шәҭахызар? (И. П.) «Возможно, вы хотите узнать, как меня зовут?»

Бывают редкие случаи употребления повествовательного предложения с предикатом, выраженным глаголом финитного образования, в функции вопросительного предложения. И в данном случае для выражения вопроса используется вопросительная интонация.

Уара излоуҳәо ала, аколнхара ҟалааанза уаҩ, бзиа дыkамызт? дџааит ацаџа гумжьаџә. (И. П.) «По твоему заявлению, до возникновения колхозов не было хороших людей? – спросил бородатый». Уара укоммунистзар kалап? – дџааит ацаџагумжьаџә. (И. П.) «Ты, наверное, коммунист? – спросил бородатый». Аеаҩра азырҳаны уаҩы изаарыхуам? Ҳаргьы баша ацьабаа аабоит? (И. П.) «Нельзя получить высокий урожай? И мы напрасно трудимся?» Нас уара ихоумџозаап ҳабригада еизараҿы ирыласҳәаз? (И. П.) «Оказывается, ты не веришь тому, что я объявил на собрании нашей бригады?»

Для выражения вопроса в вопросительном предложении могут быть использованы вопросительные слова. Предикат, к которому примыкает вопросительное слово, и в данном случае выступает вне финитных суффиксов.

Зыкур, иарбан аҷәца узасуа? (Б. Ш.) «Дзыкур, почему ты по стакану бьешь?» Арҷыс имоу иарбан гуҭыхоу? (Б. Ш.) «Что беспокоит парня?» Изакузеи мшәан, игу иалоу? (Б. Ш.) «Что тревожит его сердце?» Иарбан раҷхьа дызлагара? (Б. Ш.) «С чего ему начинать?»

Побудительные предложения

Побудительные предложения всегда связаны с выражением волеизъявления, направленного на осуществление чего-либо. Значения волеизъявления могут быть разнообразными, они охватывают категорическое требование, смягченное требование, требование-просьбу, допущение, желание с оттенком требования, согласие.

В структурном отношении побудительные предложения проявляют ряд особенностей.

1. В позиции предиката побудительного предложения выступают преимущественно глагол в повелительном наклонении и конъюнктив.

Побудительное предложение с предикатом, выраженным глаголом повелительного наклонения, обозначает категорическое требование, направленное ко второму субъектному лицу ед. или мн. числа. Первое и третье синтаксические субъектные лица в данном случае исключаются. Второе синтаксическое лицо ед. числа не получает своего, морфологического выражения в том случае, когда в позиции предиката выступает переходный глагол повелительного наклонения положительной формы, субъектное лицо в этом случае выражено синтаксически.

Уара уансмыхуа цәгьароуп илахьынҵа, иуҭахыу сызу, қьаранҷьыс сқаҵа!.. (Б. Ш.) «Если ты мне не поможешь, я пропаду, сделай со мной, что хочешь, сделай меня рабом!» Азә джьа, азәгьы дкы, иаанхазгьы даных! Аҷсыцәгьа дуцылар, царала дхых! (Б. Ш.) «Одних обдуривай, других изолируй, а остальных уничтожь! Жадного встретишь, купи его деньгами!» Сан, иабақоу, иаасырба, Абырфынлых сыхҭырца?! (Б. Ш.) «Мать, где же он, подай мне шелковый мой башлык?!» ...Хшык ацара изырхиа, Уи данааилак иныриа!.. (Б. Ш.) «Приготовь ему горячего молока, когда он придет, подай ему!» Еи уара ахуҷы! Асы ааги арахь!.. («Алаш.») «Эй, ты, мальчик! Подай сюда коня!» Ирҷуҷуаны скыз Ҷиа! («Алаш.») «Крепко держись за меня, Чиа!»

Абар, иааанкыл сара стапанча, уи амц аҳәарц залшом... Уара утәы еибамгар арахь иааг, уи сара исыҭ!.. («Алаш.») «Кот, возьми мой пистолет; он не обманет… А свой, сделавший осечку, подай мне сюда!..» Аха, сымра, уааи умцшыкуа, сылахь иқ у р ш ушәахуа. Са сызхьымзаз сусқуа Саҵхьа ииааг еицырхухуа. Суҳәоит усҟан: ан лыбжьы хаа Слымҳа иҭарҩ «шьышь нани!» Слымҳа иҭарыҩ арҩаш мчымха ҿеихак шамам уахи-ени! «Уари дада» – днаргоит ҭацак, Уи ашәала сгу шьышьы! Урҭ инрыцца цсуа хаҵак апҟацаҳәа иҟамч абжьы! (Б. Ш.) «Солнышко мое, иди ко мне, освети своими лучами мой лоб! Дела, которые я не успел сделать, перенеси на будущее. Прошу тогда: дай мне услышать сладкий голос матери, поющий «шиш нани» (колыбельную)! Дай мне услышать шуршание ручейка! Дай, мне услышать свадебную песню! Прибавь к ним свист плети абхазца-молодца!»

В остальных случаях синтаксическое субъектное лицо получает свое морфологическое выражение.

Дыҳәҳәеит уи: «Ирласны шәаах, уара сеы! (Б. Ш.) «Крикнул он»: «Быстро подайте мне коня!» Аҳы, дад шьҭа шәца!.. («Алаш.») «А теперь, дети мои, вы сами идите!» Шьҭа уеыжәц Ҳабашь! («Алаш.») «Теперь сходи с коня, Хабаш!» Шәара шәцала, уаргьы унеила, Иаса! («Алаш.») «Вы идите, и ты иди, Иаса!» Еи уара афаетон хьча, уеқуа унарыс! (Б. Ш.) «Эй ты, кучер, погони коней!» Уаха-заҵәык уцәқурца, Уаха-заҵәык уеырба, Улеи, улеи узхара! (Б. Ш.) «В эту ночь ты разливайся, в эту ночь ты покажись, беги, беги вдоволь!» Уахатәи аҵх шәхашәмыршҭын! («Алаш.») «Сегодняшнюю ночь запомните!» Аҵшәма уҟазар уаадәылҵ! (И. Л.) «Хозяин, если ты дома, выходи!» Улахҿыхыз сажәеинраала, улахҿыхыз улахҿых! (А. Л.) «Будь бодрым, мои стих, бодрым!»

Как видно из примеров, предикату в описываемом случае представлен чистой основой глагола, вне временных и финитных показателей.

При выражении смягченного требования к предикату прибавляется частица-суффикс **-ишь.**

Да уаасҿацшишь, да уаасҿацшишь, Убла ҭбаақуа сынҭарцшишь. (Б. Ш.) «Дай-ка взглянуть на тебя, на твои большие глаза!» Унахцәажәеишь нас Арсана, уду ми ахы зкыу! (Б. Ш.) «Скажи-ка слово, Арсан, ты же руководитель!» Ифишь, иф уаахан абни! (Б. Ш.) «Съешь-ка, съешь вот это!»

При отрицательной семантике к предикату побудительного предложения прибавляется частица-суффике -н.

Ҽааиҭит уҫкан: «Сшәоам сара, Уаргьы у м ш ә а н, угу рҭынч (Б. Ш.) «Крикнул он тогда: «Я не боюсь, и ты не бойся, успокойся!» У и ш ә и ц а м ш ь ы ц ы н шәара. («Алаш.») «Вы не завидуйте ему». У а г ь ы р м а ц ә ҳ а н, к ы р г ь ы р ҷ о у м ц а н!.. («Алаш.») «Не ругай и не корми их!» Саргьы аҭаацәара ду аҿы, Хақуиҭ ҭаацәара ҿыц аҿы с ы ш ә х а ш ә м ы р ш ҭ ы н, сышәгуалашәала Жәахаа гуҟаҵагала! (Т. Ш.) «И в семье большой, свободной, не забудьте, помяните добрым, тихим словом». Ари ауаҩ дыҟам, у а а н ы м х а н уаха, Сымала с н у м ы ж ь ы н, уааины сеиқурха! (Б. Ш.) «Нет этого человека, не оставайся сегодня, не оставляй меня одного, вернись и помоги мне!»

Побудительные предложения с предикатом, выраженным конъюнктивом, обозначают повеление, допущение с оттенком повеления, предупреждение-увещевание, согласие. При чистом повелении в качестве синтаксического лица выступает третье лицо ед. и мн. числа, в остальных же случаях – все три лица.

Амала и у м ҳ ә а а а и т Ҷиа! («Алаш.») «Однако, чтобы ты не сказал ни слова об этом, Чиа!» Шьҭа уеизгьы ишоит, Аҵаҵшьаҵәа цаны маҷк р ц с ы р ш ь а а а и т. («Алаш.») «Уже рассветает, дежурные пусть пойдут и отдохнут немного!» Иааиз ауаҩы ивизиттә карточка с з а а а и ҭ и а а а и т. (Д. Г.) «Пришедший человек пусть пришлет мне свою визитную карточку». Ҳазшьуагьы ҳ а и ш ь а а а и т, абраҵәкьа зегьы царҭа ҳа ҳамазам ҵьарамзар ҵьаргьы! (Е. Ш.) «Пусть убьют нас всех здесь, некуда нам идти!» Шәгу ишахуаз збеит, аха шәахьымхуааит! («Н. С.») «Я вижу, что вас обрадовало то, но чтобы вы не пожалели!» Ахаҵа ичҳара учҳарахааит, аҵҳәыс лыгуаҵьра угуаҵьрахааит! (Поговорка) «Пусть ты будешь наделен терпением мужским, решимостью женскою!» Идыруазааит аҵҳәызба рыцҳа дангуаҟлак акы шлылшо! (Д. Г.) «Пусть он знает, на что способна девушка!» Амцху сфаҵәеит, исзыҳалалхааит. (Қ. А.) «Я переел, пусть мне на пользу пойдет!» Уи аҵкьыс Камаҷыҷ лыхьыззааит. (Д. Г.) «Пусть зовут ее Камачич».

2. В функции предиката побудительного предложения выступает форма т. н. будущего категорического времени глагола[1], выражающего синтаксическое побудительное наклонение.

[1]См.: Л. П. Чкадуа. Система времен.,., стр. 193.

Волеизъявление в этом случае имеет значение повеления с оттенком долженствования, например:

Аԥҳәызба деиқуҳархароуп! (И. П.) «Мы должны спасти девушку». Са суал ишәыҟуу иахьаԥәкьа исороуп! (Б. Ш.) «Вы мне сегодня же должны вернуть долг!» Инхо-инԥуа аѡгьы ижәыроуп, Аха иус ихеимыршҭыроуп! (Б. Ш.) «Крестьянин иногда должен и выпить, но о своем деле никогда не должен забывать». Еилаҳәарак улҭоит, исхашҭыз нас, ианлымухуа улеихырхуароуп уаѡԥас! (Б. Ш.) «Она тебе даст, что я забыла, сверток, когда она тебе подаст его, ты должен ей поклониться!» Абри наган аҳкуажә Чыч ианлуҭалак, Ианлуҭо нан, ушхырхуаша удырроуп, Ҳамҭак уаалзыԥшы, лара данаԥхьалак, Аҭак уманы са сахь уԥрыроуп! (Б. Ш.) «Когда это ты подашь княгине Чич (тогда ты должен знать, что надо ей поклониться), ты немного подожди, когда она прочтет, с ответом ты должен полететь ко мне!» Ҳан-Хаԥсадгьыл ҳаԥсахароуп, Иҳалымшаԥ ҳалҳаршароуп (Б. Ш) Мы должны быть достойны матери-Родины, чего еще не успели сделать, должны сделать». Аҳәаақуа цкьатәуп, ибылтәуп! (С. Ч.) «Межи надо уничтожить, сжечь!» ...Ешьас сбыцхьазозар бсыцлраароуп! (И. П.) «Если ты меня считаешь братом своим, ты должна помочь мне!

Как видно из вышеизложенного, повелительное наклонение глагола, конъюнктив и будущее категорическое время глагола являются характерными средствами выражения предиката побудительного предложения. Они не характерны для других видов предложений.

Бывают случае транспозиции повествовательного предложения в побудительное. Это достигается главным образом побудительной интонацией. Предикат в таком случае может быть выражен:

1. Формой будущего первого времени глагола финитной семантики первого субъектного лица:

Шар еиҭьхап, Махател. Ааи, ааи, ҳ а р ш а п ! («Алаш.») «Лучше дождаться утра, Махател. Да, дождемся утра!» Ҳахьгылоу хуҷык иманшәалам, бгу иацәымгымзар, ҳ н ы м ѡ а х ы ц п ! (И. П.) «Здесь немного неудобно, отойдем в сторону, если не возражаешь!» Ҳара зегьы ҳнапы еикурша аколнхара ҳарҵуҵап! (С. Ч.) «Мы все дружно укрепим колхоз!» Егьырҭ ирҳәогьы сазызырѡыпшь!.. (И. П.) «Послушаю-ка, что другие скажут!» Ҳлеип аѡныҟа!.. (Б. Ш.) «Зайдемте домой!»

2. Формой настоящего (настояще-будущего) времени глагола финитной семантики второго субъектного лица:

Ахуҵқуа у р ы ц ц о и т. Уарҳа ақыҭа иналаргыланы у х ы н ҳ ә у е и т («Алаш.») «Пойдешь с детьми. Доведешь их до села «Уарха» и вернешься, чтобы рассвет не застал тебя... – поручили кому-то». Абарҭ аҧкунцәа аҧывҳәа рҭыцаҽы и у г о и т! («Алаш.») «Вот этих ребят доведешь до их места!»

3. Формой обусловленного наклонения первого субъектного лица:

Бара, абри аколхоз ҳалаларын! (С. Ч.) «Послушай (ж.), поступим в колхоз!» Уара, сдәықуларын аҳәынҵқар иахь! (Д. Г.) «Послушай (м.), отправлюсь-ка я к государю!»

Бывают единичные случаи транспозиции желательных и вопросительных предложений в побудительные.

1. Сахьуазцаауагьы мдырс сумцхьазакуа и с о у ҳ ә а н д а з убри зыхkьаз авбаҟуа. (Д. Г.) «Не сочти меня глупцом за то, что я тебя спрашиваю, объяснил бы ты мне причину случившегося».

2. ... Ари заку шәахсҭоу с о у ҳ ә а р ƙамлари? (Б. Ш.) «Не сказал бы ты мне, что за шрам?»

Мы встретили единственный литературный пример транспозиции побудительного предложения в повествовательное.

Уцшишь нас ииҳәо, уара ацәгьара ула, Ауаҷарцәа урыҟулан ирҳәла, ишьла. Сара сухзызо уцәахра саҽыз... (Б. Ш.) «Смотри, что он говорит, ты совершай преступления, ограбляй купцов, убивай их, а я, дрожа, буду прятать тебя...»

Желательные предложения

В желательных предложениях предикат выражен желательным наклонением глагола, организующим синтаксическое желательное наклонение. В них отсутствует элемент волеизъявления, они обозначают эмоционально окрашенную устремленность к действительности, желание говорящего, чтобы содержание предложения соответствовало действительности. Предикат желательного предложения лишен финитных суффиксов, он оформляется суффиксами -нда, -ндаз, прибавляющимися к временным основам глагола.

В качестве синтаксического субъектного лица могут выступить все три лица.

Желательные предложения ограничены рамками синтаксического желательного наклонения и не имеют большого распространения.

Акрыздыруа дагьууанда, дагьуаҕанда! (Поговорка) «Умный (человек) был бы и родственником твоим, и врагом твоим!» Дыздыруанда абри абаа аҟацара хыс иамоу ауаӡы! (Д. Г.) «Знал бы я, кто руководил строительством этого храма!» Уара уеы мчыла иӡуанда, сара сеы-насыцла! (Поговорка) «Скакала бы твоя лошадь силой, а моя – счастьем!» Ҧаса иухуцуа уара иумандаз, ашьҭахь иухуцуа сара исымандаз! (Поговорка) «Первое твое решение осталось бы тебе, а второе твое решение – мне!» Убри аасоумҳәакуа цытк уара иутәны исыкундаз! (Д. Г.) «Был бы я в долгу перед тобой, чем слышать от тебя такой разговор!» Гуҧжәара сзырымундаз! (Б. Г.) «Не расстроили бы они меня!» ... Ҳазҕаб аҧара даанахуанда!.. «Попала бы наша дочь в школу!» «Был бы пароход, который гудит, моим»! (Д. Г.) Ҳаи, зыбжьы газ аҕба сара истәушәа иҟандаз! (Д. Г.) «Знал бы я из-за кого его арестовали!» Сгуаҟуеит, шанда! Амра гылар, Избоит сышьхаҟуа хьзыркны. (Б. Ш.) «Мучаюсь, рассвело бы! Взойдет солнце и я увижу горы свои, омытые золотыми лучами». Амӡа уҳәама, амӡа башоуп, Ҳрыламшәанда агыгшәыг! (Б. Ш.) «Обойдемся без дороги, не попали бы к зверям!»

ЛИТЕРАТУРА

Авидзба З. Х. Модальные аффиксы в глаголе абхазского языка. (Автореф. канд. диссертации). Тбилиси, 1968.

Адмони В. Г. О двусоставности предложении. Учен. зап. 1-го Ленинградского пединститут иностр. языков. Новая серия, вып. 2. Ленинград, 1955.

Адмони В. Г. Введение в синтаксис совр. немецкого языка. Изд. «Литература на иностранных языках». М., 1958.

Адмони В. Г. Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности. НДВШ. «Филол. науки», 1960, 1.

Акианов А. С. Формы мысли и законы логики. Сб. «Вопросы логики». Изд. АН СССР, 1955.

Александров Н. М. О предикативном отношении. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса совр. индоевр. языков». Ленинград, 1975, стр. 133.

Александров Н. М. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 256, 1963.

Александров Н. М. К вопросу об определении главных членов предложения. Уч. зап. Хабаровского госпединститута, 1963, т. X.

Алиев У. Б. Проблема придаточного предложения в карачаево-балкарском языке. В сб.: «Вопросы описательных грамматик языков Сев. Кавк. и Дагестана». Нальчик, 1963, стр. 130.

Аристава Ш. К. Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке. Труды АбНИИ. 1959. т. XXI, стр. 212.

Аристава Ш. К. Составное сказуемое из деепричастных форм и вспомогательных глаголов. Труды Сухгоспединститута им. Горького, 1960, т. XIII, стр. 93.

Аристава Ш. К. Деепричастие в абхазском языке. Сухуми, 1960.

Ахманова О. С., Панфилов В. З. Экстралингвистические и внутри лингвистические факторы в функционировании и развитии языка. ВЯ, 1963, 4.

Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. Изд. «Просвещение». М., 1968.

Бакрадзе К. Логика. Тбилиси, 1951.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Изд. Иностр. лит. М., 1955.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. Изд. «Прогресс». М., 1974.

Бертагаев Т. И. Субъект и подлежащее. ВЯ, 1958, 5.

Блумфилд Л. Язык. Изд. «Прогресс». М., 1968.

Бойко Л. О модальных функциях вида в совр. русск. языке. Ленинград, 1953.

Бондарко А. В. Об актуализационных признаках предложения. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Ленинград, 1975, стр. 139.

Бондарко А. В. Об абсолютном и относительном употреблении времен в русском языке. ВЯ, 1965, 6.

Бокарев С. А. Лезгинские языки. В кн.: «Языки народов СССР», 1967, т. IV, сто. 524

Борисова Т. В. Лексические средства выражения модальности. М., 1951.

Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Быкова Е. М. Подлежащее и сказуемое в бенгальском языке Изд. Вост. лит. М., 1960.

Быкова Е. М. Предложения с инфинитно-глагольными оборотами в бенгальском языке. ВЯ, 1961, 3, стр. 110.

Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). Изд. МГУ, 1958.

Виноградов В. В. Русский язык. Учпедгиз. М., 1947.

Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). В кн.: «Вопросы грамматич. строя», изд. АН СССР. М., 1955.

Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. ВЯ, 1954, 1.

Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М. – Л., 1960.

Вопросы грамматического строя. Изд. АН СССР, 1955.

Вопросы теории языка в совр. зарубежной лингвистике. Изд. АН СССР. М., 1961.

Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в совр. русском языке. Изд. МГУ. 1958.

Галкина-Федорук Е. М. Односоставные предложения в совр. русск. языке. Журн. «Русский яз. в школе». Учпедгиз, 1959, 2.

Ганич Д. Модальные функции вводных слов. Киев, 1953.

Генко А. Н. Абазинский язык. М., 1955.

Гецадзе И. О., Недялков В. П. Морфологический каузатив в абхазском языке. В кн.: «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив». «Наука». Ленинград, 1969, стр. 61–77.

Гильченок Т. Е. О грамматических отношениях между подлежащим и сказуемым в совр. русском языке. НДВШ, «Филол. науки», 1964, 2, стр. 63.

Головин Б. Н. К вопросу о сущности грамматической категории. ВЯ, 1955, 1.

Грепль М. К сущности типов предложений в славянских языках. ВЯ, 1967, 5, стр. 60.

Гудава Т. Е. Ботлихский язык. В кн.: «Языки народов СССР», 1967, т. IV, стр. 302.

Гугушвили Г. К. Мелодика абхазского литературного языка (экспериментальное исследование). Рукопись канд. диссерт. (на груз. яз.). Тбилиси, 1973.

Дакулил М. К вопросу о грамматической категории. ВЯ, 1967, 6.

Deeters G. Der abchasische Sprachbau. Nachrichten von der Gesellshaft der Wissenschaften zu Gottingen. Philologisch-historische klasse. Gottingen. 1931.

Дешериев Ю. Д. Чеченский язык. В кн.: «Языки народов СССР». М., 1967, т. IV, стр. 190.

Джапаров А. Главные члены предложения в совр. киргизском языке. Фрунзе, 1964.

Долачева Р. И. Ингушский язык. В кн.: «Языки народов СССР». М., 1967, т. IV, стр. 219.

Ермолаева Л. С. К вопросу о соотношении модальности и предикативности (на материале германских языков). НДВШ. «Филол. науки», 1961, 1, стр. 94.

Жоголева М. П. Номинативные предложения в совр. русском языке (автореф. кандид. диссерт.). Куйбышев, 1954.

Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке. ВЯ, 1967, 6.

Золотова Г. А. О модальности и предикативности в русском языке. НДВШ. «Филол. науки», 1962, 4.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова Г. А. К понятию предикативности. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса совр. индоевр. языков». Ленинград, 1975, стр. 147.

Зекох У. С. Некоторые вопросы синтаксиса адыгейских падежей. Учен. записки Адыгейского НИИ яз. лит. и истории, том V. Языкознание. Краснодар – 1966 – Майкоп.

Зекох У. С. К проблеме гипотаксиса и частей речи в адыгейских языках. Уч. зап. Адыгейского НИИ яз. лит. и ист., серия лингв., т., II. Майкоп, 1963, стр. 156.

Зигварт Х. Логика, т. 1. Учение о суждении, понятии и выводе. СПб., 1908.

Исаченко А. В. О грамматическом значении. ВЯ, 1961, 1.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, часть П. Братислава, 1960.

Исаченко А. В. Граматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, морфология, изд. II. Братислава, 1965.

Исследования по общей теории грамматики. Изд. «Наука». М., 1968.

Коваленко В. Е. Именные средства выражения предикации. Изд. Львовского ун-та, 1969.

Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности. ВЯ, 1961, 1.

Колшанский Г. В. Логика и структура языка. Изд. «Высш. школа», 1965.

Кокорина С. И. О реализации структурной схемы предложения. ВЯ, 1975, 3.

«Конференция по вопросам синтаксиса и интонации». НДВШ, «Филол. науки», 1962, 4 (20).

Копнин П. В. Природа суждения и формы выражения его в языке. Сб. «Мышление и язык». М., 1957.

Коротков Н. Н., Панфилов В. З. О типологии грамматических категорий. ВЯ, 1965, 1.

Костинский Н. С. Прямое и относительное употребление форм наст. и буд. времен глагола в совр. русск. языке. Изд. АН СССР. М., 1955, стр. 206.

Кротевич Е. В. Предложение и его признаки. Львовский госуниверситет, 1954.

Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения. ВЯ, 1956, 5.

Кумахов М. А. Число и грамматика, ВЯ, 1969, 4.

Ломтатидзе К. В. Проблема переходности и залога в абхазском глаголе. Выездная сессия Груз. филиала АН СССР в г. Сухуми, 1940. Тезисы докладов. Тбилиси, стр. 16 – 17 (на груз. языке)

Ломтатидзе К. В. Категория переходности в абхазском языке (Резюме) Изд. ИЯИМК. т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 27– 29.

Ломтатидзе К. В. Проблема склонения в абхазском языке (Резюме). Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 196 – 197.

Ломтатидзе К. В. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944.

Ломтатидзе К. В. Категория каузатива в абхазском языке (Резюме). Сообщ. АН ГССР, т. IV. Тбилиси, 1945, I, стр. 95 – 96.

Ломтатидзе К. В. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола (Резюме), т. II. Тбилиси, 1948, стр. 13 – 15.

Ломтатидзе К. В. Статические и динамические глаголы в абхазском языке (по данным абхазско-абаз. диалектов) (Резюме). ИКЯ, т. VI. Тбилиси, 1954, стр. 271 – 273.

Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954.

Ломтатидзе К. В. Категория потенциала (возможности) и непроизвольности в абхазско-абазинском глаголе. Сообщ. АН ГССР, т. X VI. Тбилиси, 1955, 3, стр. 249 – 256.

Ломтатидзе К. В. К вопросу о категории залога в абхазском языке (Резюме). ИКЯ, т. VIII. Тбилиси, 1956, стр. 212 – 214.

Ломтатидзе К. В. Категория взаимности (взаимосоюзности, взаимообоюдности) в абхазско-адыгских языках. ИКЯ, т. XII. Тбилиси, 1960.

Ломтатидзе К. В. К вопросу о природе сонантов и об их коррелятивных парах. ВЯ, 1975, 3, стр. 112.

Ломтатидзе К. В. Историко-сравнительный анализ абх. и абаз. языков, 1. Фонологическая система и фонетические процессы (на груз. яз. Резюме на русск.). «Мецниереба». Тбилиси, 1976.

Ломтатидзе К. В. Абхазский язык. В кн.: «Языки народов СССР». М. 1967, т. IV, стр. 101.

Ломтатидзе К. В. Абазинский язык. В кн.: «Языки народов СССР», 1967, т. IV, стр. 123.

Лаптева О. А. Чехословацкие работы последних лет по вопросам актуального членения предложения. ВЯ, 1963, 4.

Логико-грамматические очерки. М., 1961.

Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц. НДВШ, «Филол. науки». М., 1960, 4.

Ломтев Т. П. О спорных вопросах теории синтаксиса. НДВШ, «Филол. науки», 1958, 4.

Мадиева Г. И. Аварский язык. В кн.: «Языки народов СССР». М., 1967, т. IV, стр. 255.

Мейланова У. А. Лезгинский язык. В кн.: «Языки народов СССР». М., 1967, т. IV, стр. 535.

Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Изд. АН СССР. М. – Л., 1945.

Мещанинов И. И. Различные построения членов предложения в связи с отношением субъекта и объекта. НДВШ, «Филол. науки», 1961, 1.

Мещанинов И. И. Структура предложения. Изд. АН СССР. М. – Л., 1963 .

Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Изд. «Наука». Ленинград, 1967.

Муркелинский Г. Б. О сложноподчиненном предложении в дагестанских языках. В сб.: «Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана». Нальчик, 1963, стр. 76.

Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Изд. «Наука». Ленинград, 1968.

Мышление и язык. Гос. издат. полит. лит. М., 1957.

Никитин В. М. К вопросу о принципах изучения членов предложения (тезисы докл.). Совещ. языковедов Юга России и Северн. Кавказа по вопр. о членах предложения. Ростов, 1959.

Никитин В. М. К вопросу о пересмотре проблемы членов предложения. Совещ. языковедов вузовских и академич. учреждений по теоретич. вопросам синтаксиса. М., 1960.

Никитевич В. М. Модальные функции глаголов изъявительного наклонения в совр. русском языке. М., 1953.

Никитевич В. М. Некоторые модальные функции изъявитель-

ного наклонения в совр. русск. языке. «Вопросы изучения русского языка». Алма-Ата, 1955.

Никитевич В. М. Грамматические категории в совр. русск. языке. Учпедгиз. 1963.

Окропиридзе Н. Г. Лексические средства категории модальности в грузинском языке и их эквиваленты в немецком языке. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. кандид. фил. н., Тбилиси, 1964.

Основы построения описательной грамматики совр. русского литературного языка. М., 1966.

Падучева Е. В. О способах представления синтаксической структуры предложения. ВЯ, 1964, 2.

P a r I s C. Undires personels intraverbaux et syataxe de la phrase minimale dans les langues du Normal – ou – est. B. S. L., t. 64, fasc. 1. Paris, 1969.

Первая на Украине Межвузовская научная конференция по вопросам синтаксиса. НДВШ, «Филол. науки», 1962, 3.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Гос. уч.-пед. изд. М, 1956.

Панфилов В. З. О залоге глагола в нивхском языке. «Вопросы грамматики». Сбор, статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.– Л., 1960.

Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка, часть 2. Изд. «Наука». М. – Л., 1965.

Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. Изд. «Наука». М., 1971.

Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения. ВЯ, 1977, 4, стр. 47.

Пирейко Л. А. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. Изд. «Наука». М., 1968.

Попов П. С. Суждение и предложение. Сборн. «Вопросы синт. совр. русск. языка». Учпедгиз, 1950.

Попова З. Д. О содержании понятия «член предложения». Совещания языковедов Юга России и Сев. Кавказа по вопросам о членах предложения. Тезисы докл. Ростов, 1959.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I, II. Харьков, 1888.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Учпедгиз. М., 1958.

Поспелов Н. С. О разграничении прямого и относительного употребления форм настоящего времени в русском языке. «Проблемы современной филологии». М., «Наука», 1965, стр. 220.

Пражский лингвистический кружок (сборник статей). М., 1967.

Проблемы лингвистического анализа (фонология, грамматика, лексикология). Изд. «Наука». М., 1966.

Райхель Г. М. Предикативность и предложение. В кн. «Теоретические проблемы синтаксиса совр. индоевр, языков», Л., 1975 стр.160.

Распопов И. П. К вопросу о модальности предложения, Уч. зап. Благовещенского госпединститута им. М. И. Калинина, 1957,

Распопов И. П. К вопросу о предикативности. ВЯ, 1958, 5.

Распопов И. П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.

Распопов И. П. Проблема предикативности в лингвистической литературе.

Материалы и наблюдения по русск. языку. Уч. записки, выпуск 8, серия филологич. науки, 2(6). Уфа, 1961.

Распопов И. П. Вариантность синтаксических конструкций и коммуникативных единиц языка. НДВШ, «Филол. науки», 1962, 4(20).

Распопов И. П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике. ВЯ, 1969, 4.

Савченко А. Н. Принципы классификации членов предложения. Совещ. языковедов Юга России и Сев. Кавказа по вопросам о членах предложения. Ростов-на-Дону, 1959.

Сафаев А. С. Главные члены предложения в совр. узбекском языке. Ташкент, 1958.

Светлик Я. Русский синтаксис в сопоставлении с словацким. Братислава, 1966.

Сепир Э. Язык. М. – Л., 1934.

Седельников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений. НДВШ, «Филол. науки», 1961, 3.

Серебренников Б. А. Принципы составления описательных грамматик. В сб.: «Вопросы составления описательн. грамматик языков Северн. Кавк. и Дагестана». Нальчик, 1963, стр. 21.

Серебренников Б. А. О редких случаях сочетания в одной глагольной форме двух модальных значений в некоторых финно-угорских языках. «Вопросы грамматики». Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова.

Смирницкий А. М. Синтаксис английского языка. М, 1957.

Стеблин-Каменский М. И. О предикативности. Вестник ЛГУ, 20, 1956.

Таванец П. В. Суждение и его виды. М., Изд. АН СССР, 1953.

Тринка Б. и др. К дискуссии по вопросам структурализма. ВЯ, 1957, 3, стр. 50.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

Фридман Л. П. О модальности вопросительных предложений в совр. немецком языке. Конфер. по вопросам грамматики германских и романских языков. М., 1959.

Ханин М. Вопросы синтаксиса простого предложения. Минск, 1965.

Хворов В. П. О соотношении субъектно-предикатной структуры суждений и грамматического строя двусоставного предложении (автореф. канд. диссерт.). Ленинград, 1955.

Христов, Зигварт. Логика, т. 1, учение о суждении, понятии и выводе. С.-Петербург, 1908.

Хомский Н. Логические основы лингвистической теории. «Новое в лингвистике», 1965, вып. 4.

Церцвадзе И. И. Андийский язык. В кн.: «Языки народов СССР». М., 1967, т. IV, стр. 276.

Циколия М. М. Порядок слов в абх. яз. Тбилиси, 1973.

Чесноков П. В. Логическая фраза и предложение. Изд. Рост. унив., 1961.

Чесноков П. В. Основные единицы языка и мышления. Ростовское книжн. издат., 1966.

Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., «Просвещение», 1967.

Чесноков П. В. О предикативности как свойстве предложения. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». М. – Л., стр. 171.

Чикобава А. С. Основные тенденции развития синтаксическо-

го механизма простого предложения в грузинском языке. Сообщ. Груз. Ак. н. 1941, II, 6.

Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции. Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 221 – 239.

Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1948.

Чикобава А. С. Проблема простого предложения в грузинском языке (на груз. языке), 2 изд. Тбилиси, 1968.

Чкадуа Л. П. Связь слов в предложении. «Сборник мат. по абх. языку». Тбилиси, 1970, стр. 77.

Чкадуа Л. П. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970.

Чкадуа Л. П. Финитные и инфинитные глагольные образования абхазского языка в функции предикативности. Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977, стр. 148.

Шабалина В. К вопросу о категории модальности в русском языке. Л., 1955.

Шапиро А. Б. Модальность и предикативность как признаки предложения в совр. русском языке. НДВШ, «Филол. науки», 1958, 4.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Учпедгиз. Ленинград, 1941.

Шведова Н. Ю. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм. В кн.: «Проблемы современной филологии». Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, стр. 282.

Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в совр. русск. языке. (Опыт типологии). Сб. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 8.

Шведова Н. Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения»:. В кн.: «Мысли о совр. русск. языке». М., 1969, стр. 67.

Шведова Н. Ю. Простое предложение. Основные понятия. В кн.: «Грамматика совр. русск. лит. языка». М., 1970, стр. 541.

Шендельс Е. И. О грамматических значениях в плане содержания. Принципы научного анализа языка. М., 1959.

Schmidi G. Zum Konjgationsyste des Abchasischen. Studia Orintalia Bl. Helsing orsiae, 1925. S. 243.

Штеллинг Д. А. О неоднородности грамматических категорий. ВЯ. 1959,1.

Шухардт Г. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках. В кн.: «Эргативная конструкция предложения». М., 1970 (под ред. Е. А. Бокарева), стр. 33 – 73.

Эбелинг К. Л. Подлежащее и сказуемое, особенно в русском языке. IV международный съезд славистов, материалы дискуссии, 2 изд. АН СССР. М., 1962.

Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

Язык и мышление. Изд. «Наука». М., 1967.

Яхонтов С. Е. Члены предложения в китайском языке. Уч. зап. ЛГУ, 1958, сер. востоковедных наук, вып. 6.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ

К. А. – Қь. Агумаа. Иҩыԥаҟуа, Аҟуа, 1965.

Алаш. – «Алашара».

Амц. – «Амцабз».

М. Аҳ. – Вл. Анҟуаб. Абрскьыл, Аҟуа, 1966; Сышьха зиас, 1958.

Дж. А. – Ць. Аҳәба. Ашьхаҟуа рылԥха, Аҟуа 1971.

Аԥс л. Аԥсуа лакуҟуа, Аҟуа, 1940.

Аԥс. жәл. рп. – Аԥсуа жәлар рпоезиа, Аҟуа, 1959.

Аԥс. л. – Аԥсуа лакуҟуа, Аҟуа, 1968.

П. Б. – П. Бебиа. Алирика, Аҟуа, 1961.

А. Г. – А. Гогуа. Аеыкуаҳа, Аҟуа, 1965, Шьха-ԥшза. Аҟуа, 1971.

Д. Г. – Д. Гулиа. 1-тәи ат. (Аҟуа, 1950), 2-тәи ат. (Аҟуа, 1952).

Дз. Д. – З. Дарсалиа. Иалкааy, Аҟуа, 1970.

Н. Д. – Н. Думбадзе. Сареи, санду, Иликои, Иларионu, Аҟуа, 1974.

Ф. И. – Ф. Искандер. Иԥасхум ачыс, Аҟуа, 1969.

Ал. Дж. – Ал. Ԥьениа. Абна амаза, аҟуа, 1971.

И. К. – И. Коԍониа. Ажәеинраалакуеи апоемакуеи, Аҟуа, 1955.

Л. К. – Л. Куԥниа. Иҩыԥаҟуа, Аҟуа, 1955.

М. Л. – М. Лакрба. Аламыс, Аҟуа, 1959.

Ал. Л. – Ал. Лашәриа. Кьабырхунтәи ашьыжь, Аҟуа, 1958; Смал, Аҟуа, 1957.

«Н. С.» – Нарт Сасрыҟуеи ԥшьынҩажәи зеижәҩык иара иашьцәеи, Аҟуа, 1962.

Н. К. – Н. Куԥниа. «Акырц ашьтахь». Аҟуа, 1970.

И. П. – И. Папаскьыр. 1-тәи ат. (Аҟуа, 19649. 2-тәи ат. (Аҟуа, 19659, 3-тәи ат. (Аҟуа, 19659, 4-тәи ат. (Аҟуа, 1968), 5-тәи ат. (Аҟуа, 1970).

Л. Т. – Л. Т. Толстои. Аиԥаира, Аҟуа, 1959.

Н. Ҳ. – Н. Ҳашыг. Ашьха рҩашқуа ахьеилало,Аҟуа, 1967.

Ш. Ҷ. – Ш. Ҷкадуа. Ашкуакуаҟуеи аиқуаԥәаҟуеи, Аҟуа, 1961. Асатира аиумор, Аҟуа, 1964.

С. Ҷ. – С. Ҷанба. Иалкааy, Аҟуа, 1958.

Б. Шь. – Б. Шьынқуба. Иалкааy иҩыԥаҟуа: 1-тәи атом (Аҟуа, 1967, 2-тәи атом (Аҟуа, 19689, Ацынԥәарах, Аҟуа, 1974.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие..... 3
История изучения синтаксиса абхазского языка..... 5
Введение..... 21

Глава I. Способы и средства конституирующих компонентов структурной основы предложения

Связь между субъектом и предикатом..... 51
Связь между субъектом и непереходным глаголом, предикатом 52
Категория лица в связи субъекта с предикатом..... 52
Категория класса в связи субъекта с предикатом 57
Категория числа в связи субъекта с предикатом..... 58
Связь межд субъектом и переходным глаголом-предикатом..... 59
Связь между ближайшим объектом и предикатом..... 60
Связь между косвенным (лично-относительным) объектом и предикатом..... 61

Г л а в а II. Структурная основа простого предложения

О категории лица 68
Категория времени..... 75
Категория модальности..... 86
Объективная модальность..... 87
Синтаксический индикатив..... 87
Синтаксические ирреальные наклонения..... 91
Синтаксическое побудительное наклонение..... 91
Форма повелительного наклонения глагола..... 92
Форма конъюнктива..... 92
Синтаксическое желательное наклонение..... 94
Синтаксическое сослагательное наклонение 95
Субъективная модальность..... 96
Проблематическая достоверность..... 97
Категорическая достоверность..... 101
Внешняя модальность..... 104

Использование частиц..... 105
Интонация..... 107
Однокомпонентная структурная основа предложения 114
Двухкомпонентная структурная основа предложения 120
Субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения..... 121
Объектно-предикатная двухкомпонентая структурная основа предложения..... 122
Трехкомпонентная структурная основа предложения..... 123
Субъектно-объектно-предикатная трехкомпонентная структурная основа предложения..... 124
Четырехкомпонентная структурная основа предложения..... 125
Компоненты структурной основы предложения..... 125
Субъектный компонент..... 125
Имя существительное и синтаксической позиции субъекта ... 131
Неопределенная форма имени в синтаксической позиции субъекта 132
Местоимения в синтаксической позиции субъекта..... 133
Имя прилагательное в позиции субъекта 134
Имя числительное в позиции субъекта..... 134
Инфинитная форма глагола в позиции субъекта 135
Инфинитная конструкция в синтаксической позиции субъекта 135
Словосочетание в синтаксическом позиции субъекта 140
Предикат..... 141
Глаголы финитного строя в позиции предиката 142
Глаголы изъявительного наклонения финитной семантики в позиции предиката..... 142
Форма настоящего времени..... 142
Форма аориста..... 143
Форма прошедшего несовершенного времени..... 143
Форма прошедшего неопределенного времени..... 144
Форма давнопрошедшего времени..... 144
Форма давнопрошедшего упреждающего времени..... 145
Форма будущего первого времени..... 145
Форма будущего второго времени..... 145
Форма будущего категорического времени..... 146
Заглазная форма глагола в позиции предиката 146
Сослагательное наклонение глагола в позиции предиката 147

Конъюнктив в позиции предиката..... 148
Глаголы повелительного наклонения в позиции предиката 148
Глаголы желательного наклонения в позиции предиката..... 149
Вопросительные формы глагола изъявительной семантики
в позиции предиката .....
В форме настоящего времени..... 149
В форме аориста..... 149
В форме прошедшего несовершенного времени..... 150
В форме прошедшего неопределенного времени 150
В форме давнопрошедшего времени..... 150
В форме будущего времени..... 150
Глаголы инфинитно-вопросительного образования в
позиции предиката..... 150
Глаголы обстоятельственно-вопросительного образования в
позиции предиката 151
В форме настоящего времени..... 151
В форме прошедшего несовершенного времени..... 151
В форме будущего I времени..... 152
Глаголы относительно-вопросительного образования
в функции предиката..... 152
В форме настоящего времени..... 152
В форме аориста..... 153
В форме прошедшего несовершенного времени..... 153
В форме давнопрошедшего времени..... 153
В форме давнопрошедшего упреждающего времени..... 153
В форме будущего I времени..... 153
Именные основы в позиции предиката..... 153
Виды предиката по составу..... 154
Глагольный составной предикат..... 155
Глагольный составной предикат из масдара и вспомога-
тельных глаголов..... 155
Предикат из масдара и вспомогательного глагола алагара
«начинать» 155
Предикат из масдара и вспомогательного глагола аҽызаара ... 156
Предикат из масдара и вспомогательного глагола аҟуцра 156
Предикат из масдара и модальных глаголов 156
Предикат из условных форм глагола и вспомогательных
глаголов 157

Предикат из условной формы на **-р** и вспомогательных глаголов 157
Предикат из условной формы на **-зар** и вспомогательных глаголов..... 159
Предикат из условно-целевых форм глагола и вспомогательных глаголов..... 160
Предикат из условно-целевой формы на **-ртэы//ратэы** и вспомогательных глаголов..... 161
Предикат из деепричастных форм и вспомогательных глаголов..... 161
Предикат из призрачной формы глагола и вспомогательных глаголов..... 163
Именной составной предикат..... 165
Предикат из форм имени существительного и вспомогательных глаголов 165
Предикат из имени прилагательного и вспомогательного глагола..... 167
Предикат из наречия и вспомогательного глагола..... 168
Объектный компонент 168
Общая форма имени в позиции объекта..... 169
Неопределенная форма имени в позиции объекта 170
Притяжательная форма имени в позиции объекта..... 170
Собственные имена в позиции объекта..... 170
Местоимения в позиции объекта..... 171
Инфинитная конструкция в позиции объекта 171
Краткие выводы..... 173

Г л а в а III. Изменения структурной основы предложения, связанные с ее функционированием

Неполнота поликомпонентой структурной основы предложения..... 177
Синтаксический индикатив..... 177
Вопросительные формы..... 177
Синтаксические ирреальные наклонения 178
Частичное опущение субъектного компонента..... 178
1.Контекстуально-синтаксическая обусловленность и стилистическая избыточность..... 178

2. Структурная основа с обобщенным синтаксическим субъектным лицом 180
3. Структурная основа с неопределенным синтаксическим субъектным лицом..... 182
4. Структурная основа предложения с побудительной модальностью..... 183
Опущение объектного компонента..... 185
1.Контекстуально-синтаксическая обусловленность и стилистисческая избыточность 185
2. Обобщенное значение синтаксического объектного лица..... 186
Опущение предиката..... 187
Перестроение структурной основы предложения..... 187
Присоединение вспомогательного глагола акузаара к конституирующим компонентам структурной основы предложения..... 189
Присоединение вспомогательного глагола акузаара к субъектному компоненту..... 189
Присоединение вспомогательного глагола к конституирующему объекту 191
Присоединение вспомогательного глагола акузаара к синтаксическому предикату 192
Присоединение вспомогательного глагола акузаара к распространителям структурной основы предложения..... 192
Присоединение вспомогательного глагола акузаара к распространяющему объекту..... 192
Присоединение вспомогательного глагола акузаара к распространяющим обстоятельствам..... 193
Выделение логического предиката ударением 195
Краткие выводы..... 196

Г л а в а IV. Распространение простого предложения

Распространение предложения отдельными словами..... 199
Распространяющий объект..... 199
Обстоятельственные распространители..... 218
Об однородных распространителях 224

Субъектный ряд..... 225
Предикатный ряд..... 227
Объектный ряд..... 228
Ряд объектного распространителя..... 230
Атрибутивный ряд..... 230
Обстоятельственные ряды 231
Обстоятельственный ряд со значением образа действия..... 232
Обстоятельственный ряд с локальным значением..... 232
Обстоятельственный ряд с темпоральным значением..... 233
Обстоятельственный ряд со значением меры и степени..... 234
Осложнение простого предложения..... 234
Осложнение простого предложения инфинитными конструкциями..... 234
Причастные инфинитные конструкции..... 239
Инфинитные конструкции, организующим центром которых является глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственными элементами -ан-, -ахь- н -ш- 242
Деепричастные инфинитные конструкции..... 243
Субъектная инфинитная конструкция 246
Объектная инфинитная конструкция 247
Инфинитная конструкция в функции распространяющего объекта..... 249
Атрибутивная инфинитная конструкция 250
Обстоятельственные инфитинтные конструкции..... 252
Инфинитная конструкция образа действия 252
Локальная инфинитная конструкция..... 253
Темпоральная инфинитная конструкция..... 254
Причинная инфинитная конструкция..... 256
Условная инфинитная конструкция..... 257
Целевая инфинитная конструкция 259
Уступительная инфинитная конструкция 260
Сравнительная инфинитная конструкция 261
Деепричастные конструкции..... 263
Краткие выводы..... 264

Г л а в а V. Структурные различия функциональных видов предложений

Повествовательные предложения..... 267
Предикат повествовательного предложения в форме настоящего времени..... 267
В форме аориста 268
В форме прошедшего несовершенного времени 269
В прошедшем неопределенном..... 269
В форме давнопрошедшего времени..... 269
В форме давнопрошедшего упреждающего времени..... 270
В форме будущего I времени..... 270
В форме будущего II времени..... 270
В заглазной форме..... 271
Вопросительные предложения..... 272
Предикат вопросительного предложении с вопросительным суффиксом **-ма** 273
Предикат с вопросительным суффиксом **-у** 273
Предикат с вопросительным суффиксом **-и** 274
Предикат с вопросительными суффиксами **-зеи/зи, -и, -да.**..... 275
Предикат с вопросительным суффиксом **-ба**..... 276
Предикат вопросительного предложения без вопросительных суффиксов..... 276
Побудительные предложения..... 278
Желательные предложения..... 282
Литература 284
Использованные тексты..... 294

ljsf rjynfynbytc 't» fhbcsfdf
VFHNBDB oByFLFLT<Bc GHJ<KVF
FACFpEH TyFIB

Шота Константинович Аристава

Проблема простого предложения в абхазском языке (на русском языке)

Редактор издательства **Л. Р. Размадзе**
Художественный редактор **И К. Чиквинидзе**
Технический редактор **И. В. Хуцишвили**
Корректор **Е. С. Сулханишвили**